

УДК 327:7
ББК 85
С59

Печатается по решению
Ученого совета
Государственного института искусствознания

Соколов К.Б.

Глобализация: История, современность и искусство / К.Б. Соколов. – М. : Государственный институт искусствознания, 2012. – 444 с.

ISBN 978-5-98287-040-7

Монография представляет собой исследование в сфере достаточно редкой для современной отечественной науки – междисциплинарное изучение проблем глобализации, в том числе глобализации культуры и искусства.

Оказывается, что глобализация – отнюдь не автоматический процесс, который завершится бесконфликтным и идеальным миром. Она таит в себе как новые возможности, так и новые риски, последствия которых для нас могут быть более значимыми, чем во все предыдущие эпохи.

Большое внимание уделяется глобализации искусства. В монографии показано, как развивается современное американское и европейское искусство, как проявляется современный космополитизм в искусстве, каким образом влияет на эти процессы постмодерн как стиль глобализма.

Предлагаются некоторые возможные способы смягчения отрицательных последствий глобализации для традиционных культур.

Данное издание предназначено для социологов, искусствоведов, культурологов, историков, преподавателей и студентов.

ISBN 978-5-98287-040-7

© Соколов К.Б., 2012
© Государственный институт
искусствознания, 2012
© Яковлев В.Ю., оформление,
2012

Посвящается моему внуку,
Олегу Сухневу

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 1. Периодизация истории глобализации	10
Глава 2. Глобализация до XX века и ее главные «инструменты»	18
Глава 3. Европейский колониализм – двигатель глобализации	48
Глава 4. Информация и транспорт – главные средства глобализации	71
Глава 5. Реакция на процессы глобализации	80
Глава 6. Современный этап глобализации. XX век	85

ЧАСТЬ II

СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПЛОДЫ

Глава 1. Что лежит в основе современной глобализации	114
Глава 2. Субъекты и объекты глобализации	147
Глава 3. Информационная глобализация	179
Глава 4. Идеология глобализма и плоды ее реализации	194
Глава 5. Глобализация и преступность	249

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Глава 1. Средства и каналы глобализации культуры	283
Глава 2. Сущность и проявления глобализации культуры	341
Глава 3. Глобализация искусства	413
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	440

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия процессы глобализации привлекают к себе все более пристальное внимание. Одни всматриваются в них с надеждой на лучшие времена, другие – с тревогой и опасениями.

Тому есть несколько важных причин.

С одной стороны, при всем желании в современном мире нельзя изолироваться от глобальных проблем. Какую бы тему мы сегодня всерьез не затронули, мы обязательно столкнемся с проблемами глобализации. Они повсюду. Экономика, политика, спорт, кино...

Однако, обсуждая проблемы глобализации, люди все чаще задают такие вопросы: что будет представлять из себя полностью глобализированное общество и какие плюсы и минусы несет глобализация для мира, находящегося на современном этапе развития? Приведет ли она к многополюсности и хаосу или же непонятным пока образом установит некую интеграцию между культурами и народами, приведя к относительной гармонии? Но ведь если мир взаимозависим, значит, он и взаимоуязвим. Фактически, мы живем в «стеклянном доме», и любое резкое движение может привести к нежелательным последствиям.

Острота обсуждаемых вопросов привела к тому, что тема глобализации стала сегодня, пожалуй, одной из самых модных тем, обсуждаемых в мире науки. На данный момент уже существует достаточно широкий пласт литературы и всевозможных мнений по поводу того, что представляет собой глобализация, какую роль она играет в мировых процессах и каковы перспективы развития мирового сообщества, вызванные особенностями, которые несет в себе явление глобализации.

При этом термин «глобализация», к сожалению, не избежал печальной судьбы большинства других модных слов: почти каж-

дый использующий их вкладывает в них свой собственный, особый и только ему известный смысл.

В результате дискуссии о глобализации в целом ряде случаев просто лишаются содержания. Его участники, фактически используя одни и те же термины, наполняют их каждый своим собственным содержанием и говорят не об общем предмете обсуждения, но каждый о своем. При этом логика, мотивация и мысли собеседника интересуют их не сами по себе, но лишь как аргументы для подкрепления своей собственной позиции.

Мало того, довольно часто понятие «глобализация» используется в современной литературе, да и в обыденной жизни лишь для придания наукообразия простому описанию процессов современности. Другим распространенным подходом к определению глобализации представляется простое отождествление ее с конкретными наборами современных технических атрибутов, чаще всего с Интернетом и глобальным телевидением.

Рациональному исследованию проблем глобализации мешает также наличие у нее бескомпромиссных сторонников и столь же бескомпромиссных противников.

Сторонники глобализации рассматривают ее как широкий, многоплановый процесс, захватывающий все стороны жизни человеческого общества.

Во-первых, они считают, что глобализация вытекает из саморазвития экономики.

Во-вторых, способствуя свободным потокам товаров, капиталов и информации, глобализация, по их мнению, создает «наилучшие условия для роста и человеческого благосостояния»¹.

В-третьих, глобализация, как они полагают, способствует формированию единого мирового социально-экономического строя, фактически приводя к одновариантности развития.

Наконец, в-четвертых, «международное распространение культуры, по меньшей мере, так же важно, как и экономические процессы».

А противники глобализации, напротив, подчеркивают опасные тенденции. Одну из таких опасностей глобализации они видят в том, что общие проблемы становятся все более глобальными, а решать их придется каждой стране в индивидуальном порядке.

Эти опасные тенденции – основа критики со стороны антиглобалистов. Они воюют против глобализации потому, что, с их точки зрения, опасные глобализационные процессы уже охватили всю

¹ UNDP. Human Development Report. N. Y., 1997. P. 82.

планету. Выход из надвигающегося кризиса они видят в решительном отказе от стандартов потребления, сложившихся в развитых странах, и отказе от стремления к этим стандартам во всем остальном мире. Они выступают за активную политику по сокращению численности населения и, соответственно, за ограничение многих прав и свобод.

Сторонники технологической глобализации считают, что она приносит пользу слаборазвитым странам, поскольку новые технологии постиндустриальной эры наносят гораздо меньше вреда природе, чем прежние – грязные и ресурсоемкие.

Противники технологической глобализации, наоборот, утверждают, что слаборазвитые страны часто обманываются и, размещая у себя опасные производства, превращают свои территории в гигантский сборочный цех, со всеми его «прелестями», или – в свалку токсичных отходов.

А что же происходит на самом деле? Верным оказывается и первое, и второе, если говорить только о технологической глобализации и таком ее аспекте, как окружающая среда третьих стран.

Таким образом, из-за огромного разброса политических пристрастий в современной мировой науке и политике единого общепризнанного определения глобализации не сложилось: имеющиеся формулировки носят описательный либо взаимоисключающий характер. Что же касается собственно научного аспекта проблемы, то все термины и определения, изобретенные для обозначения процесса глобализации и современного его этапа, сводятся к более или менее подробному описанию внешних его признаков. Это даже не определения, а, скорее, иносказания, не решающие вопроса о сущности данного процесса, его движущих сил, его конкретных форм и особенностей.

Для одних глобализация – это вполне достоверный процесс, который начался сравнительно недавно, но стремительно набирает обороты. Для других проблема глобализации представляется мифом, не имеющим под собой реальных оснований. Ученые и политики спорят и о самом существовании процесса глобализации, и о том, что он собой представляет. Но уже само наличие спора позволяет утверждать существование его объекта, а иначе – о чем спорить? Одним словом, пусть даже не всеобщий процесс глобализации, но, по крайней мере, какие-то интеграционные процессы все-таки существуют.

Так что же все-таки представляет собой глобализация в современном мире? Пока что можно с уверенностью сказать только одно: это некий многомерный процесс, включающий политиче-

ский, экономический, экологический, технологический, культурный и многие другие аспекты. Объединение и взаимопроникновение происходят одновременно на разных уровнях.

Хотя взгляды на процесс глобализации не являются однородными, однако возможно классифицировать ученых по их отношению к глобализации путем анализа их ответов на три разных вопроса: что известно о процессе глобализации, как нужно относиться к этой информации и что нужно предпринять?

Относительно первого вопроса ответы ученых в основном сходны. Они выделяют примерно одни и те же события и явления в связи с процессом глобализации. Однако различие сразу же обнаруживается, когда речь заходит о возможных причинах глобализации и того, что за ней стоит. Здесь мнения разделяются на две группы.

Первая группа исследователей («объективисты») отстаивает позицию объективности процесса глобализации как явления естественного, сравнимого с природными, эволюционными или же историческими факторами.

Вторая группа («субъективисты») считает, что процесс глобализации – это «рукотворное», искусственное явление, и его авторство чаще всего приписывается какой-то одной стране или политической силе, например Соединенным Штатам Америки.

В ответе на второй вопрос обнаруживается главное противоречие дискуссии о глобализации. Здесь выделяются три разные группы мнений:

– *«Глобализацию надо оценивать негативно»*. В первую очередь здесь подчеркивается опасность глобализации, тема мирового господства одной отдельно взятой страны или власти т. н. золотого миллиарда. Например, бывший Генеральный секретарь ООН К. Анан заявил: «...миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни»².

– *«Глобализацию надо оценивать положительно»*. (Сторонников данной точки зрения – явное меньшинство.) В первую очередь здесь подчеркивается высокая степень информационной открытости мира, развитие высоких технологий и некоторые аспекты экономического сотрудничества стран в рамках глобализации. Например, влиятельный политический обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман считает глобализацию безусловным бла-

² См.: Известия, 22 августа 1998.

гом. «Сегодня, – не устает повторять этот пылкий пророк глобализации, – границы между своим и чужим так размыты, что, стреляя в другого, мы попадаем в себя. Глобализация, – уверяет он, – несет миру мир»³.

– «Глобализацию невозможно оценить с морально-этической точки зрения». Сторонники этой позиции в первую очередь акцентируют принципиальную невозможность эмоционального отношения к объективным процессам, к научным фактам и т.д. Глобализация, по их мнению, существует как объективное явление со своими законами, со своими плюсами и минусами, и не несет в себе только лишь положительный или отрицательный заряд⁴. Например, бывший президент Чехии В. Гавел считает глобализацию морально нейтральной. «Все зависит от содержания, – говорит он, – которое мы в нее вкладываем. Так, перешагивающая все границы свобода информации позволяет вести успешную борьбу за права человека. Но та же свобода ведет к всемирному распространению глупых телесериалов и еще более идиотских реклам, дающих фальшивую картину человеческой жизни»⁵.

Очевидно одно: если человечество до конца не осознает, что представляет собой современная глобализация, может возникнуть множество новых неожиданных угроз, предотвратить которые оно не сможет. Слишком уж опасными для самого существования человечества представляются многие вызовы начала XXI в.

Настоящая книга и вызвана необходимостью как можно тщательнее разобраться в таком сложном, многомерном и неоднозначном с точки зрения его последствий феномене, который представляет собой глобализация.

Предлагаемая читателю книга состоит из четырех частей. В первой части рассматриваются и сравниваются все основные теории глобализации. Вторая часть посвящена истории ее возникновения и развития. В третьей части раскрывается сущность глобализации и ее последствия для современного человечества. В четвертой – влияние глобализации на культуру и искусство.

³ Цит. по: *Генис А.* Ода пирожку: Кулинарные аспекты глобализации / Радио «Свобода» 30 авг. [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.060201.asp>.

⁴ *Бурикова И.* Что такое глобализация? Мнения ученых. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.worldwidewar.ru>

⁵ Цит. по: *Генис А.* Ода пирожку: Кулинарные аспекты глобализации / Радио «Свобода» 30 авг. [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.svoboda.org/programs/OTB/2001/OBT.060201.asp>.

ЧАСТЬ I

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Глава 1

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Если исходить из понимания глобализации как процесса становления единого мира, целостного по внутренней взаимосвязанности своих взаимопроникающих компонентов, то станет ясно – глобализация не является совершенно новым явлением. А потому представляется справедливой точка зрения исследователей, которые настаивают на расширительной трактовке глобализации как процесса, имманентного человечеству и вполне исторического в конкретных фазах и формах своего проявления. В этом контексте глобализация как тенденция имеет объективный и сквозной характер, выступая как закономерность всего процесса универсальной эволюции человечества.

Стоит только оглянуться на мировую историю, и мы увидим, что глобализация началась отнюдь не в XX в. Ее корни уходят глубоко в прошлое, ее основы закладывались столетиями. Вся история человечества – не что иное, как летопись глобализации. Большинство исследователей согласны в этом. Но относительно конкретного времени ее начала и, тем более, этапов ее эволюции существуют серьезные разногласия.

Когда началась глобализация?

В обширной литературе о глобализации можно выделить три основных позиции:

- а) глобализация началась на «заре истории»;
- б) глобализация является современницей «модернизации» и развития капитализма;
- в) глобализация – явление новейшей истории, связанное с «постиндустриализмом» и «постмодернизмом»¹.

¹ *Waters M. Globalization. L.-N.Y., 1995. P. 4.*

Таким образом, одни считают, что процесс эволюции человечества всегда сопровождался тенденцией к глобализации, начиная с доисторической эпохи и продолжающейся по настоящее время. Другие началом формирования глобальной общности считают процесс интернационализации конца XIX – начала XX в., приведший к появлению мирового хозяйства и торговли, самого феномена «мировой истории» (М. Чешков, Н. Симония, Г. Шахназаров и др.)². Третьи полагают, что глобализация возникла лишь два-три десятилетия тому назад.

Есть точка зрения (ее придерживаются, например, историки У. Мак Нил и М. Ходжсон), согласно которой глобализация насчитывает около двух тысячелетий, ведя отсчет от возникновения зоны афро-европейской цивилизации, простиравшейся от берегов Атлантики до вод Тихого океана³.

Другие историки ведут отсчет глобализации с первого кругосветного путешествия в 1519–1521 гг.⁴. Сторонники же упомянутой выше теории «мир-экономики» увязывают начало глобализации с экспансией западного капитализма в период после XVI в.⁵. А специалисты в области экономической истории утверждают, что именно рубеж XIX и XX вв. был отправной точкой – точкой наивысшего подъема международной торговли и инвестиций, пока Первая мировая война и «Великая депрессия», начавшаяся в США в 1929 г., не запустили цепную реакцию протекционизма.

Есть и иные точки зрения. Так, например, по мнению Н. Савельева, **глобализация** имеет такой же возраст, какой имеют деньги. Влияние денег стало в полном смысле глобальным, когда обмены товаров и капиталов распространились на всю территорию планеты. Это произошло в эпоху Великих географических открытий на рубеже XV–XVI вв. Но эти открытия состоялись именно благодаря глобальным интересам капитала, которые не вписывались в реально сложившиеся политические и торгово-экономические условия того времени⁶.

В соответствии с этим устанавливается и более конкретная хронология. Так, Р. Робертсон считает, что глобализация началась в период 1875–1925 гг., когда мир был поделен на временные

² См.: Глобализация и Россия. М., 2001.

³ McNeill William H. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, 1963; Hodgson Marshall. Rethinking World History: Essays on Europe, Islam and World History. Cambridge, 1993.

⁴ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global transformations. Stanford, 1999.

⁵ Wallerstein I. The modern world-system. N.Y., 1974.

⁶ Савельев Н. Река времени. История глобализации. Краснодар, 2002.

пояса, введена международная линия смены дат, почти повсеместно принят григорианский календарь и создана международная система телеграфной связи. А К. Мерфи указывает на усилия международных организаций, с 1850 г. занимавшихся развитием транспорта и связи⁷. Еще одна группа ученых связывает начало глобализации с окончанием Второй мировой войны, наступлением ядерного века, освобождением колоний, возобновлением международной торговли и инвестиций и экономическим ростом Северо-Восточной Азии. Другие полагают, что начинать повествование о глобализации следует с возникновением *Rex Americana* в начале 1970-х или триумфом неолиберальной идеологии в начале 1980-х⁸.

Вся это разногласица связана не только с общей размытостью понятия «глобализация», но и в известной степени с неопределенностью хронологии даже известных исторических процессов. Так, например, даже начало «капиталистической мировой системы» можно относить к началу XVI в., к появлению колониализма, а можно связывать с появлением международных концернов, с отменой твердых валютных курсов или даже с распадом СССР⁹. Можно вообще называть ее явлением исключительно новейшей истории, связанной с «постиндустриализмом» и «постмодернизмом»¹⁰.

«Волны глобализации» в океане истории

Далеко не все исследователи глобализации рассматривают ее как линейный, непрерывный процесс. Существуют и довольно убедительные концепции, в которых глобализация рассматривается как череда отдельных «волн» со своими приливами и отливами. Но и здесь существуют серьезные разногласия относительно как количества этих «волн», так и их периодизации.

Г. Терборн выделяет шесть больших исторических «волн» глобализации, первая из которых относится к распространению мировых религий и утверждению трансконтинентальных цивилизаций

⁷ *Murphy C.N.* International organization and industrial change: Global governance since 1850. N.Y., 1994.

⁸ *Gilpin R.* The political economy of international relations. Princeton, 1987; *Guillern M.F.* The limits of convergence: Globalization and organizational change Argentina, South Korea, and Spain. Princeton, 2001.

⁹ *Pieterse J.N.* Der Melange-Effekt, in: Beck U. (Hg.). Perspektiven der Weltgesellschaft, Frankfurt. 1977.

¹⁰ *Waters M.* Globalization. L.-N.Y., 1995. P. 4.

в IV–VII столетиях нашей эры. Причем все эти «волны» рано или поздно иссякали, а за ними следовали долгие или короткие периоды «деглобализации»¹¹.

Э. Тоффлер, выделяет всего три «волны»: он говорит о глобализации как о «третьей волне» человеческой истории. Первая волна, согласно его концепции, означала переход человеческого рода от потребляющей экономики к производящей, вторая – переход к индустриальному обществу, а нынешняя, третья волна, получившая название собственно «глобализации», – переводит человечество в принципиально новую стадию развития. Какую именно – на это существуют разные ответы-прогнозы¹².

И. Валлерстайн также выделяет три этапа или «волны» глобализации.

Во-первых, это этап первичного формирования, продолжавшийся с 1450 по 1850 г., когда «миро-система модернити» охватила большую часть Европы (за исключением России и Оттоманской империи), а также некоторые части Американского континента.

Во-вторых, это мощная экспансия с 1750 по 1850 г., когда в систему были включены Россия, Оттоманская империя, Южная и отдельные части Юго-Восточной Азии, значительные территории в Западной Африке, а также оставшаяся часть обеих Америк.

В-третьих – последнее расширение в период 1850–1900 гг., когда в систему разделения труда были инкорпорированы Восточная Азия, ряд регионов Африки, не затронутые ранее этим процессом территории Юго-Восточной Азии и Океании. На этом этапе капиталистическое миро-хозяйство впервые обрело поистине глобальный характер. Оно стало первой исторической системой, географически охватившей весь земной шар¹³.

Российский исследователь Ю.В. Косов различает четыре «волны» глобализации:

1) «тонкая» глобализация (конец первого тысячелетия н.э. – конец XV в.), когда разрозненные локальные цивилизации были связаны тонкими нитями торговых, культурных и религиозных связей;

2) «экспансионистская» глобализация (1500–1820) – начало западной империалистической экспансии, в ходе которой европейские империи приобрели владения глобального масштаба, начало

¹¹ Терборн Г. Глобализация и неравенство (фрагмент) // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 80.

¹² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.

¹³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 82.

распространения по всему миру западноевропейских языков и культуры;

3) «широкая» глобализация (1820–1950) – постепенное превращение мира в обширный круг глобальных сетей, интенсивно воздействующих на все стороны социальной жизни: от экономики до культуры;

4) «диффузная» глобализация (с 1950) – экономические и культурные связи, информационные контакты все более легко, подобно молекулярной диффузии, проникают через государственные границы, принимая децентрализованный, трансграничный характер¹⁴.

Некоторые исследователи выделяют отдельно волны «информационной» глобализации: изобретение письменности, изобретение книгопечатания, изобретение телекоммуникаций (телеграфа, телефона, радио и телевидения). И, наконец, – изобретение компьютерной системы Интернет (последняя четверть XX в), в которой, в свою очередь, различают следующие этапы: 1970-е гг. – «электронная почта» и персональные компьютеры (1972–1976), 1980-е гг. – национальная система Интернет (1983–1986), 1990-е гг. – международная система Интернет (1994–1995).

«Культурная» глобализация, по мнению многих авторов, – также явление отнюдь не новое. Первая из ее «волн» относится к распространению мировых религий, элитарной культуры Римской империи и утверждению трансконтинентальных цивилизаций в IV–VII столетиях н.э.¹⁵ Однако в предыдущие эпохи движение в сторону культурной однородности происходило скорее «на областном уровне» – эллинизация ранней Римской империи, романизация Западной Европы и Средиземного мира, исламизация арабами и позднее турками Центральной Азии, Северной Африки, Южной Европы и Ближнего Востока, русификация Восточной Европы, северной и средней частей Азии в советское время.

И все же в качестве наиболее распространенной следует выделить концепцию «трех волн» глобализации.

В соответствии с ней, *первый* ее этап начался с момента первых завоевательных войн и естественных миграций населения.

Второй этап связывают с географическими открытиями, которые способствовали не только возникновению торговых и эконо-

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 11 окт. 2003.

¹⁵ Waters M. Globalization. L.-N.Y., Routledge. 1995; Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999.

мических связей между отдельными народами и странами на планете Земля, но и взаимопроникновению культур. Этот этап совпал с развитием капиталистического способа производства, который и создал всемирный рынок (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический манифест»).

Третий этап глобализации осуществлялся уже на базе монополистического капитализма, который В.И. Ленин определил как империализм. На этом этапе господствующая финансовая олигархия сражается с государством, превращая его в инструмент своей власти.

Но существует и противоположная точка зрения, утверждающая, что сам по себе термин «глобализация» глубоко демагогичен и вводит в заблуждение. Капитализм был глобален всегда. Он с самого начала возник как система международной торговли, и лишь затем сложились национальные рынки, а на этой основе – современные буржуазные нации.

История капитализма вообще циклична сама по себе, говорят скептики. Она включает в себя как циклы интернационализации, так и локализации капиталов. Наиболее ярким примером прошлых фаз интернационализации был период 1870–1914 гг., закончившийся мировой войной. Затем последовал период укрепления национальных государств и консолидации национальных рынков («общество потребления» и т.д.). А поскольку нынешняя «глобализация» представляет собой всего лишь новый цикл интернационализации, то ничего принципиально нового в этом явлении нет вообще¹⁶.

Таким образом, относительно периодизации истории глобализации согласие отсутствует. Но большинство сходится в одном: вопреки все еще бытующему мнению, глобализация – отнюдь не новое явление, присущее лишь современности. «Объективно человеческая история всегда была единой, общей, и в каком-то смысле мир всегда был «глобален», – пишет В.И. Толстых¹⁷. С ним солидаризируется Г.С. Померанц: «Глобализация началась не сегодня. ...Я рассматриваю этот термин... в рамках единого религиозно-исторического процесса»¹⁸.

¹⁶ По материалам Б.Кагарлицкого. (журнал «Автоном») – [Электронный ресурс] URL <http://punkzone.by.ru/text/t8.htm?extract=1128768590>

¹⁷ Толстых В.И. Глобализация в социокультурном измерении // Труды Фонда Горбачева. Т. 7. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М., 2001. С. 220.

¹⁸ Померанц Г.С. Культ этики или диалог культур? // Материалы семинара Клуба ученых. Вып. 6. М., 2001. С. 103, 101.

Последняя точка зрения представляется нам наиболее обоснованной. Факты свидетельствуют о том, что объединительные процессы имеют многотысячелетнюю историю. Они берут начало еще от союзов племен древнего мира. При этом завоевание одних народов и государств другими, стремление воинствующих властителей разных эпох к мировому господству – хоть и яркие, но не самые главные проявления этого процесса.

Скорее всего, начало глобализации практически совпадает с началом человеческой истории. И расселение первобытных племен по всему земному шару – это один из первых ее шагов. Процесс глобализации пошел интенсивнее, когда сформировались первые древние государственные образования, нацеленные на экспансию – территориальную и экономическую. Уже древние деспотии Шумера, Египта, Ассирии, Вавилона, государства инков, ацтеков были в известной степени глобализованными. Правда, глобализация здесь была, если можно так сказать, «местной»: она заканчивалась на границах влияния данной цивилизации.

Затем мы наблюдаем многочисленные попытки «имперского глобализма» – мир пытались унифицировать сначала в македонской версии, затем – в версии Римской империи, после этого – в версии Средневековой Европы периода крестовых походов, а еще позднее – в версии Наполеона, в нацистской версии, в советской версии.

Таким образом, отдельные интеграционные, то есть глобалистские процессы в истории человечества известны давно. Среди них:

– «Политическая интеграция», например, империя Александра Македонского в IV в. до н.э. Примерно за десять лет Александр Македонский (353–326 гг. до н.э.) создал государство, которое по величине превосходило все известные в древности страны. Он вообще хотел завоевать весь мир, но завоевал только половину известного в его времена мира. Благодаря Александру эллинистическая культура распространилась далеко за пределы Греции и охватила огромную территорию – весь Ближний Восток и добрую половину Средней Азии.

– «Экономическая интеграция», например, Ганзейский союз в XI–XVII вв.

– «Социокультурная интеграция», например, духовное объединение Западной Европы под властью римского папы в XI–XIV вв.

На глобализацию, безусловно, «работали» и все мировые религии. Так, обе ветви христианства, выступая объединителями человечества, охватили весь мир и добрались до всех народов. Огромный вклад в единение человечества внесло и мусульманство. Ислам осуществлял связи между многими народами Востока в течение двенадцати столетий. Он, так же как и христианство, стремился стать всемирной религией, достичь мусульманской Уммы. С помощью термина Умма в Коране обозначались людские сообщества, составляющие в совокупности мир людей¹⁹.

В недрах западной католической церкви также появлялись глобалистские проекты. Начало их относится к концу X столетия, когда представители германской Саксонской династии и прежде всего император Оттон III вместе с папой Сильвестром II попытались создать единое христианское государство, возродить Священную Римскую империю. Это была мечта о глобальном христианском мире, который объединил бы все народы Европы и положил конец войнам. Так зародилась концепция «католической глобализации».

Конечно, вся эта глобализация всегда была ограниченной. В течение многих тысячелетий не только население различных континентов земного шара, но и многие народы, населявшие каждый из этих континентов, почти не общались друг с другом и вообще не знали о существовании других народов. Достаточно указать, что даже в XIII в. рассказы венецианского путешественника Марко Поло об Азии в Европе воспринимались как легендарные.

И все же различные этнические сообщества во все времена стремились выйти за свои пределы. Самыми разными путями, включая кровопролитные войны, границы отчасти раздвигались, отчасти становились прозрачными для торговых и иных контактов. В результате формировалось и постоянно расширялось единое экономическое, социальное, политическое и духовное пространство. Все эти «волны глобализации» были многомерными, включая в себя военно-политические, экономические и культурные процессы, хотя каждая имела какую-то одну доминирующую составляющую²⁰.

¹⁹ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 241.

²⁰ Там же. С. 80.

Глава 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ДО XX ВЕКА И ЕЕ ГЛАВНЫЕ «ИНСТРУМЕНТЫ»

Пытаясь анализировать глобализацию как можно более всесторонне, необходимо подробно рассмотреть ее «инструменты», весьма многочисленные и развивающиеся по ходу истории, как и сама глобализация – феномен, порожденный их «деятельностью».

Рынок и торговля

Рынок как фактор глобализации

Огромное значение для глобализации сыграл такой феномен как рынок – всемирная сеть обмена. Человечество по меньшей мере 10 тыс. лет занималось его строительством. А за последние 300 лет этот процесс, интенсифицируясь, шел на огромной скорости. В результате цивилизация, если можно так выразиться, «маркетизировала» мир.

Историческое значение этого события невозможно оценить, пока мы до конца не поймем, что представляет собой рынок, или «сеть обмена». Когда на Земле разразилась промышленная революция, в денежную систему планеты было вовлечено еще очень мало людей. Торговля уже существовала, но ею была затронута лишь периферия общества. Различные сети наемных работников, оптовых и розничных торговцев, банкиров, а также других элементов торговой системы находились в зачаточном состоянии – они представляли собой несколько узких каналов, по которым могли перемещаться товары и деньги.

Три века люди вкладывали в построение этого рынка колоссальную энергию. Задача эта решалась тремя способами.

Во-первых, торговцы и наемники Западной цивилизации распространились по всему земному шару, приглашая или принуждая новое население участвовать в рынке, т.е. производить для обмена больше, а для себя меньше. Самодостаточные африканские племена мирно или силой склоняли к тому, чтобы выращивать товарные культуры и добывать медь. Азиатских крестьян, которые когда-то сами добывали себе пропитание, заставляли работать на плантациях каучуковых деревьев, чтобы затем делать покрышки для автомобильных колес. Латиноамериканцы стали выращивать на продажу кофе для потребления в Европе и Америке. При этом создава-

лись все новые рынки и все больше людей попадало от них в зависимость.

Во-вторых, рынок распространялся с помощью увеличения номенклатуры предметов потребления и изобретения новых потребностей. Таким образом, в рынок вовлекались не только все новые люди, но для него предназначалось все больше товаров и услуг, что, в свою очередь, требовало постоянного расширения рынков.

В-третьих, рынок распространялся еще по одной причине. Все возрастающая сложность общественных и экономических связей привела к тому, что число торговых операций, необходимых, скажем, для того, чтобы кусок мыла попал от производителя к потребителю, постоянно увеличивалось. А чем больше было посредников, тем более разветвленной становилась сеть рынков.

Важно подчеркнуть и другое: рынок – это не просто экономическая структура. Это способ организации людей, способ мышления, это и определенный набор ожиданий – ожиданий того, что приобретенные товары на самом деле будут поставлены. Таким образом, рынок – это не только экономическая реальность, но и психологическая структура. Поэтому его влияние выходит далеко за рамки экономики.

Систематически связывая друг с другом миллионы людей, рынок создавал мир, в котором никто не является полным хозяином своей судьбы – ни один человек, ни одна страна, ни одна культура. Он породил веру в то, что интеграция в рынок «прогрессивна», в то время как самодостаточность – признак «отсталости». Рынок распространил веру и в то, что экономика и экономические мотивации – главные силы в жизни человека. Он воспитал взгляд на жизнь как на последовательность договорных операций и взгляд на общество как на людей, соединенных «брачным контрактом» или «общественным договором». Таким образом, «маркетизация» сформировала не только мысли и ценности, но и действия миллионов людей, задав тон Западной цивилизации.

Иногда рынок считают синонимом капитализма. «Западные экономисты, – пишет Э. Тоффлер, – предпочитают думать о рынке как о чисто капиталистическом феномене жизни и часто используют этот термин как синоним “экономики свободного предпринимательства”. Однако из истории мы знаем, что обмен и рыночная площадь возникли раньше и независимо от прибыли. Ибо рынок, в собственном смысле слова, это не более чем система обмена, как бы коммутатор, благодаря которому товары или услуги, подобно

сообщениям, направляются к местам своего назначения. Рынок не является капиталистическим по своей природе»²¹.

Действительно, рынок как коммутатор существовал независимо от того, на чем основана торговля, – на деньгах или товарообмене. Он существовал независимо от того, извлекалась ли из него прибыль или нет, зависели ли цены от спроса и предложения или же они были определены государством, действовала ли плановая система или нет, были ли средства производства частными или общественными.

Этот крайне важный факт остается незамеченным. Рынок обычно столь жестко связывают лишь с одним из его многочисленных вариантов, имея в виду модель, основанную на прибыли и частной собственности, что в общеупотребительном экономическом словаре нет даже слова, выражающего эту множественность рыночных форм.

Однако независимо от семантики остается один и тот же основной момент: как только производитель и потребитель разошлись друг с другом, возникла нужда в механизме, выступающем посредником между ними. Таким механизмом, какова бы ни была его форма, и стало то, что называется рынком²².

Иными словами, как только целью производства стало не использование продукции, а ее обмен, неизбежно должен был появиться механизм, посредством которого он мог бы осуществляться. Должен был возникнуть рынок. Но рынок не был пассивным. Историк-экономист К. Полани показал, как рынок, который в ранних обществах играл роль, подчиненную социальным, религиозным или культурным целям, сам стал определять цели индустриальных обществ. Большинство людей было буквально втянуто в денежную систему. Коммерческие ценности стали главными, экономический рост, определяемый размерами рынка, стал первоочередной целью всех правительств.

Рынок оказался склонным к экспансии, стал саморазвивающимся учреждением. Как начальное разделение труда стимулировало развитие торговли, так теперь само существование рынка как коммутатора стимулировало дальнейшее разделение труда и привело к резкому росту его производительности. Эта взрывоподобная экспансия рынка и внесла свой вклад в самый быстрый рост глобализации, который когда-либо переживал мир.

²¹ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 82.

²² Там же.

Не только политика, но и культура была сформирована рынком, ибо она создала «самую жадную, думающую только о деньгах, коммерциализованную и расчетливую цивилизацию, какой не знала история... Не обязательно быть марксистом, чтобы согласиться со знаменитым обличением “Коммунистического манифеста”:

“новое общество не оставило между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана”. Личные отношения, семейные связи, любовь, дружба, связь с соседями и земляками, – все пропиталось духом коммерческого своекорыстия», – пишет Э. Тоффлер²³.

Торговые пути как каналы глобализации

Рынок породил такие эффективные каналы глобализации, как многочисленные торговые пути, связывавшие между собой самые разные народы и страны.

В качестве наиболее типичного примера следует упомянуть такой важный канал глобализации, который насчитывает несколько тысяч лет своей истории, как Великий шелковый путь. Он связывал в древности торгово-экономическими, культурно-гуманитарными, а также политико-дипломатическими узлами Восток с Западом и, в известной степени, Север с Югом. В разные этапы его существования менялись содержание и значение, направления и масштабы осуществления контактов, однако неизменным оставалось одно: Великий шелковый путь в течение столь длительного времени играл роль связующего моста между странами и цивилизациями.

Через него велась торговля, ставшая катализатором развития ремесел. Путешественники и исследователи изучали страны и народы, населявшие земли на протяжении всего Пути, внося тем самым огромный вклад в развитие науки. Мир познавал идеи и труды величайших философов, ученых и государственных деятелей. Шло интенсивное взаимное обогащение культур, велся активный обмен знаниями, духовными и философскими концепциями и воззрениями. Благодаря Пути достоянием всего человечества стали выдающиеся эпические произведения.

Через Великий шелковый путь получили распространение синкретические и монотеистические религиозные идеи. Зороастризм, буддизм, иудаизм, ислам и христианство – все они находили своих адептов на Великом шелковом пути.

²³ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 82.

Неоценимо было значение Великого шелкового пути и в деле установления и поддержания дипломатических отношений между центрами политической жизни, крупными государствами Европы и Азии. О высокой активности и уровне официальных контактов, обмене дипломатическими миссиями, в частности, между Византией и Китаем – державами, игравшими немаловажную роль в международной жизни той эпохи, – свидетельствуют многочисленные исторические источники. На протяжении веков длился этот интенсивный процесс межцивилизационной коммуникации²⁴.

Известно, что условия торговли в Средние века были благоприятны для мусульманского мира. Золото шло из Западной Африки по арабским торговым маршрутам через Сахару к Магрибу (нынешним Марокко, Алжиру и Тунису), а оттуда перевозилось в Египет. Затем оно циркулировало по Европе, прежде чем снова оказывалось задействованным в торговых отношениях с арабскими портами Леванта – восточного Средиземноморья, где заканчивались арабские торговые маршруты, простиравшиеся на востоке до Индии и Китая.

В этих условиях мавританские королевства Испании стали главным перевалочным пунктом, через который в Европу проникали знания, технологии и ресурсы мусульманской цивилизации, все – от философских идей до научных открытий, от ветряных мельниц и технологии бумажного производства до сахара и специй.

А с VIII в. стали активно развиваться торговые связи между скандинавами, славянами, балтскими и финскими племенами. На «эпоху викингов» пришелся расцвет «северной торговли» – товарного обмена Востока с Западом по северному пути. Скандинавы поставляли пушнину, воск, янтарь, кожу и другие продукты промысла, обеспечивали транзит товаров между Востоком и Западом. Это было едва ли не важнейшим фактором появления «вигов» – торговых поселений, таких как Хедебю в Дании, Бирка в Швеции, Скирингсаль в Норвегии. Расцвету вигов способствовал мощный приток серебра, источником которого были как торговые операции, так и разбой.

При этом контакты викингов и славян, конечно же, не ограничивались торговлей и военными действиями. Весьма интенсивно шел обмен и в сфере культуры: заимствовались сюжеты из эпоса и мифологии, приемы ювелирного искусства. Эти контакты привели

²⁴ *Matthews G.*, ed. *The Fugger Newsletter*. N. Y.: Capricorn Books, 1970. P. 64–71.

к появлению на Руси гибридных форм в предметах прикладного искусства.

В X–XI вв. на юге Европы до времен Крестовых походов продолжали господствовать византийцы, греки. На севере возникающая балтийская экономика была детищем викингов, или, как их называли на Руси, варягов. Новый торговый канал – «Путь из варяг в греки» – стал связующим звеном между двумя мирами-экономиками. Этот торговый путь между Черным морем и Балтикой был особенно выгоден и необходим. Торговый корабль мог подняться из Черного моря вверх по течению Днепра. Дальше можно было вниз по течению северных рек спуститься в Балтику. Реки российской равнины стали невероятно важными для торговли: они соединяли эти две зоны между собой.

Путь «из варяг в греки» превратился в важнейшее звено возникающей новой торговой экономики. Он соединил Европу в единое целое. По этим торговым путям с юга на север двигались не только товары, по ним же распространялось христианство, культура, ремесленные технологии. Варяги, еще недавно совершенно дикие, внезапно стали потенциальными потребителями сложных изделий, производимых в Византии и на Востоке. На великом речном пути торговали и греки, и армяне, и арабы, и евреи.

Глобализация торговли.

Торговые империи, торговые союзы и компании

Однажды возникнув и укрепившись, международная торговля неизбежно должна была консолидироваться и породить крупные торговые объединения, для которых глобализация торговли – расширение ее по всему миру – становилась главным делом.

Уже в Средние века на юге Европы стали возникать крупные торговые империи. Важнейшей торговой империей в XII в. стала Венеция, которая в 1177 г. получила санкцию Святого Престола на контроль над Адриатикой, начала вести самостоятельную политику в этом обширном регионе и чеканить собственную монету. Все эти данные свидетельствуют о демонстрации торговой коммуной своей полной независимости от всякой другой власти.

Крестовые походы еще больше укрепили торговую и политическую роль Венеции. Она предоставила в распоряжение крестоносцев свои корабли и все ресурсы своей торговли; венецианцы сопровождали крестоносцев в качестве организаторов транспорта, торговых и политических советников. В результате первых трех Крестовых походов венецианцы получили обширнейшие привиле-

гии и огромные торговые выгоды, закрепив свое экономическое влияние в целом ряде городов Восточного Средиземноморья. Повсюду возникали венецианские кварталы, рынки, церкви. Венеция фактически распоряжалась путями в Палестину.

Именно Венеция подвигла крестоносцев на завоевание Константинополя – главного своего соперника на Востоке. С падением Константинополя в 1204 г. в руки венецианцев перешли вся византийская торговля и экономическое главенство в Средиземноморье. Венеция получила столько земель, что ее дожу был присвоен титул «господина четверти и восьмой всей Римской империи». В ее руки перешли Крит, стоявший на скрещении наиболее значительных торговых путей того времени, Корфу, Негропонт, Киклады, Споряды, острова восточного берега Адриатики, берега Мраморного моря и Фессалии. Венеция стала хозяином всей Адриатики, Ионических островов, Дарданелл, Мраморного и Черного морей, путей из Константинополя в Европу, связей с Малой Азией и Сирией.

Из Крыма венецианцы вывозили огромное количество рабов и восточные товары, вели торговлю с далеким Киевом. Их купцы посещали ярмарки Тебриза и имели фактории на берегах Каспийского моря. Огромные по тому времени грузовые потоки двигались от Багдада по Евфрату к Антиохии, Бейруту, Триполи, или через Дамаск к Тиру, Сидону и через них в Венецию. Венецианцы установили систематические рейсы в Палестину для пилигримов, захватывая как обратный груз восточные товары.

В XV в. население Венеции достигло 200 тыс. человек. Развивалось производство шелковых тканей, оружия, стеклянных изделий, ежегодно из Венеции вывозилось товаров на 10 млн. дукатов. Флот Венеции насчитывал до 300 крупных и свыше 3000 малых судов с экипажем в 25 тыс. человек. Кроме того, 45 военных галер с экипажем в 25 тыс. человек охраняли безопасность мореходства. В Арсенале Республики было занято около 18 тыс. рабочих²⁵.

А с середины X в. началось возвышение Генуи. Положение города благоприятствовало развитию торговли. Генуя еще раньше Венеции вела торговлю с Востоком, получившую большое значение в эпоху Крестовых походов. С 1120 г. владения Генуи увеличились после покорения соседних прибрежных мест – Савоны, Альбенго и др. В 1177 г. она подчинила себе Монако, Ниццу и всю Ривьеру. Освободив в XI в. (совместно с Пизой) от арабов север-

²⁵ Мировая история. Средние века. Кн. 1. М., 2004. С. 131–136.

ную часть Тирренского моря, Генуя завязала торговые отношения с портами Южной Италии, Сицилии, Испании и Африки.

Расцвет Генуи основывался на сухопутной и главным образом морской торговле. Участие в первом Крестовом походе (1096–1099) превратило ее в могущественную морскую державу. В Сирии и Палестине генуэзцы основали многочисленные торговые колонии – центры посреднической торговли между Западом и Востоком. Внешнюю политику Генуи определяло соперничество с Пизой и Венецией, захватившей после IV Крестового похода (1202–1204) господствующие позиции в Восточном Средиземноморье.

В 1261 г. был заключен Нимфейский договор с вновь восстановленной Византийской империей, предоставившей Генуе за оказанную помощь опорные пункты в Малой Азии, на берегу проливов и в Крыму, что обеспечило ей преобладание на берегах Эгейского и Черного морей.

По мере сокращения торговли купцы Генуи перешли к банковскому делу. Уже в 1407 г. в Генуе был учрежден банк Сан Джорджо. Он возник из тех ссуд, которые правительство брало для своих нужд у богатых граждан. Клиентами банка вскоре стали практически все монархи Европы²⁶. На Западе были созданы крупные торговые компании. Они открыли торговые пути по всему миру, организовали охрану кораблей и караванов верблюдов; продавали стекло, бумагу, шелк, мускатный орех, чай, вино, шерсть, индиго.

В XIV – начале XVII в. значительную роль в деле глобализации торговли сыграла Ганза (Ганзейский союз) – торговый и политический союз северогерманских городов во главе с г. Любеком. На протяжении этого периода Ганзе принадлежала торговая гегемония в Северной Европе. Окончательное оформление союза произошло в 1267–1270 гг. во время его победоносной войны против Дании, которой ранее принадлежало господство над торговым путем между Северным и Балтийским морями. Образование Ганзейского союза подготовили основание Риги и Ревеля (современный Таллин) – важнейших пунктов на пути к Смоленску, Полоцку и Новгороду, появление контор немецких купцов в Норвегии в течение первой половины XIII в. и получение ими привилегий для торговли во Фландрии, рост основанного на славянской территории Любека – главного центра немецкой торговли на Востоке Европы.

²⁶ Мировая история. Средние века. Кн. 1. М., 2004. С.176–179.

Пятнадцатое столетие стало веком расцвета Ганзейского союза. На севере Европы возникали новые города, быстро становившиеся центрами культуры и торговли. Устанавливались торговые правила, создавались новые системы мер и весов, налаживались системы коммуникации – проводились каналы, строились дороги. Во всем регионе наблюдался быстрый промышленный рост. Ганзейский союз в этот период насчитывал до 100 городов, в числе которых были также Ревель, Дерпт (современный Тарту) и Рига.

Немецкие купцы в своих целях использовали успехи немецкой колонизации в славянских странах Восточной Европы и опирались в торговой деятельности на военные силы немецких рыцарских орденов, а один из них – Тевтонский – был даже принят в члены Ганзы.

Основной торговый путь в германских землях на протяжении всего Средневековья вел от Альп по Рейну на север Германии, в Нидерланды и Англию. Удачное расположение многих германских городов на этом пути давало неисчерпаемый запас возможностей для их быстрого экономического роста. Такие, например, города как Майнц, Кёльн, Любек развивались в основном за счет внешней торговли.

Экономическая роль Ганзы заключалась в монопольном посредничестве между производящими районами Северной, Западной, Восточной и отчасти Центральной Европы: Фландрия, Англия и Северная Германия поставляли сукна, Центральная Европа, Англия и Скандинавия – металлы, Северная Германия и западное побережье Франции – соль, Восточная Европа – главным образом, пушнину и воск. Кроме того, на Восток экспортировалась соленая сельдь, пиво и пр.

В XVII в. важными агентами глобализации стали т.н. торговые Вест-Индские компании, созданные в Голландии (1621) и Франции (1664) с целью поощрения торговли с колониями и продолжения колонизации новооткрытых земель, главным образом в Северной Америке и Западной Африке.

Французская Вест-Индская компания сыграла значительную роль в колонизации французами Канады.

Голландская Вест-Индская компания была основана в Голландии в 1602 г. путем слияния всех существовавших в это время в стране колониальных торговых товариществ. Компания получила монопольное право торговли и колонизации в Америке и Западной Африке. В ее руках в XVII–XVIII вв. находились все голландские

колонии в Малайском архипелаге и Капланде, а также государственное управление колониями. Монополией компании была торговля с Китаем и Японией. Она захватила часть территории Бразилии, ряд островов Вест-Индии, часть восточного побережья Северной Америки, где был основан город Новый Амстердам (впоследствии переименованный англичанами в Нью-Йорк). Многие опорные пункты компании на западном побережье Африки стали базами для голландской работорговли. Черные рабы перевозились этой компанией из Африки в Америку для производства хлопка, сахара и табака.

Акции компании служили объектом колоссальной спекуляции на амстердамской бирже и неуклонно росли в цене. Компания прекратила свое существование лишь в 1791 г.

Английская Ост-Индская компания (1600–1858) сыграла большую роль в английской колониальной политике. Она пользовалась правом монопольной торговли с Индией и Китаем, активно участвовала в войнах Англии с ее соперниками – Голландией и Францией. Обладая собственными армией и флотом, она стала главным орудием колониального завоевания Индии англичанами. Огромные доходы компании были одним из источников первоначального накопления капитала в Англии.

С середины XVIII в. компания приступила к широким территориальным захватам в Индии. Войны и захваты, которые англичане осуществляли под флагом Ост-Индской компании, привели к установлению господства Англии над всей Индией. В своих индийских владениях компания имела право верховной собственности на землю. Возделывание опиума в Индии, его контрабандная продажа в Китае являлись составной частью ее финансовой системы. Опираясь на свои индийские владения и используя индийских солдат – сипаев, компания вела войны в Бирме, Афганистане и других азиатских странах. С Ост-Индской компанией тесно связано возникновение целого ряда больших частных состояний. Она послужила прототипом для организации других многочисленных компаний в разных странах Западной Европы²⁷.

Торговые компании в деле глобализации мира вели себя как самостоятельные государства. Особенно важную роль сыграли их военные флотилии: первоначально их «торговые» операции были не чем иным, как актами пиратства. Компании заключали союзы

²⁷ Мировая история. Новое время. XIX век. М., 2003. С. 162.

друг с другом и с иностранными правительствами, с подданными своих стран, создавали армии и даже чеканили свою собственную монету.

Как институт торговые компании устарели к началу XIX в и окончательно исчезли к 1870 г.²⁸ Они в громадной степени способствовали глобализации планеты.

Войны и миграции

Миграции народов как фактор глобализации

Одним из самых важных факторов глобализации является международная миграция. Она имеет очевидную связь со сферой национальной культуры и политики, и вполне логичным представляется рассмотрение проблем массовых миграций в качестве одного из важнейших факторов глобализации.

Уже в начале первого тысячелетия мир стал свидетелем миграционного бума в регионе, охватывающем значительную часть Европы. II–VII столетия вообще можно определить как «века миграции». В этот период рост количества мигрантов происходил быстрее, чем рост всего населения мира. Под воздействием этого процесса в мировой истории произошли глубокие качественные структурные перемены.

В конце II – начале III в. возникло крупнейшее миграционное движение, охватившее германские, тюркские (гунны), иранские (аланы), а позднее – славянские племена и племенные союзы. Это явление, получившее впоследствии название «Великое переселение народов», представляло собой совокупность переселений множества племен. Прологом его была Маркоманнская война (166–180), которая подорвала экономическое положение Римской империи и стала вехой во взаимоотношениях римлян с варварами.

В конце II – начале III в. восточногерманские племена – готы, бургунды, вандалы – двинулись с Северо-Западной Европы по направлению к Черному морю. На рубеже III в. готы переселились в причерноморские степи и вошли в состав обширного союза племен, объединившего гето-фракийские и раннеславянские племена, которые античные писатели называли то скифами, то гетами.

²⁸ Thomson J.E. Mercenaries, Pirates and Sovereigns. State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 10–11.

К середине III в. этот союз начал опустошительное вторжение в восточные провинции Римской империи. Варвары наводнили Фракию и Македонию, отдельные их отряды проникли в Грецию и Малую Азию.

В то же время по направлению к границам Римской империи двигались западно-германские племена: алеманны с Верхнего Рейна переселились на территорию между верхним Рейном и Дунаем. В 261 г. они вторглись в Италию и дошли до Медиолана (Милана). Франки со Среднего и Нижнего Рейна в 258–260 гг. вторглись в Галлию. Правда, в начале IV в. римляне сдержали натиск варварских племен и стабилизировали положение.

Но с последней трети IV в. как раз и началось то самое Великое переселение народов, о котором говорилось выше. В этот период передвижения племен достигли особой интенсивности благодаря вторжению гуннов и активизации борьбы с Римом сарматов и квадов, алеманнов и франков в Европе.

В 375 г. гунны, разбив союз Германариха, покорили большую часть остготов и другие племена и бурным потоком устремились на запад. Теснимые ими вестготы перешли Дунай и с разрешения римского правительства поселились в римской провинции Мезии (территория Болгарии).

В начале V в. вестготы под руководством Алариха I восстали и начали поход в Италию; в 410 г. они взяли Рим и разграбили его. После ряда передвижений вестготы поселились в юго-западной Галлии (а затем и в Испании), основав в 418 г. Тулузское королевство – первое «варварское» королевство на территории Западной Римской империи. Таким образом, к середине V в. большая часть Западной Римской империи была захвачена различными, главным образом, германскими племенами, образовавшими на ее территории свои государства.

Вандалы, расселившиеся в начале V в. вместе с аланами в Испании и изгнанные оттуда вестготами, переправились в 429 г. в Северную Африку и основали там свое королевство. Алеманны перешли Рейн и заняли территорию современной Юго-Западной Германии, Эльзаса, большую часть Швейцарии. Бургунды, поселенные в Савойе, около 457 г. заняли весь бассейн Роны, образовав Бургундское королевство с центром в Лионе. Франки, расселившиеся на захваченных территориях в Восточной Галлии, в конце V в. осуществили дальнейшее ее завоевание, положив начало Франкскому государству.

Англы, саксы, юты и фризы начали переселение в оставленную римлянами Британию и оттеснили бриттов в Шотландию, Уэльс и на континент (современная Бретань). Они образовали там целый ряд королевств – Кент, Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Восточная Англия, Нортумбрия, Мерсия.

Между тем гунны, обосновавшись в Паннонии и опустошив Балканский полуостров, двинулись под предводительством Аттілы в Галлию. В битве на Каталаунских полях они были разбиты соединенными войсками римлян, вестготов, франков и бургундов и вытеснены из Галлии.

В конце концов в 455 г. последовало взятие и разграбление Рима вандалами из Северной Африки. К концу V в. римское господство в Западной Римской империи фактически было уничтожено и Западная Римская империя окончательно пала.

Последние миграции германских племен относятся к концу V–VI вв. В 488–493 гг. остготы, переселившиеся из Паннонии, заняли Италию, образовав здесь свое государство с центром в Равенне. В 568 г. лангобарды с рядом других племен вторглись в Северную и Среднюю Италию, где возникло лангобардское государство.

Только в VI–VII вв. Великое переселение народов вошло в заключительную фазу. В это время происходили крупные миграции самых различных племен на территории Восточной Римской империи – Византии. Главную роль в этом процессе играли раннеславянские племена – склавины, жившие от Вислы до Одера, венеты – к югу от Балтийского моря и анты – на берегах Днестра, Днестра и Черного моря.

Походы славян начались на рубеже V–VI вв. и становились все более систематическими и грозными для Римской империи. Уже в первой половине VI в. славянские вторжения происходили почти непрерывно, а со второй половины века славяне прочно обосновались на ее территории. К середине VII в. они расселились почти по всему Балканскому полуострову, причем славянский этнический элемент сделался здесь преобладающим. Они заселили Фракию, Македонию, значительную часть Греции, заняли Далмацию и Истрию – вплоть до побережья Адриатического моря, проникли в долины Альпийских гор и в районы современной Австрии. Немало славян переселилось в Малую Азию. Территория Восточной Римской империи, от Дуная до Эгейского моря, была занята славянами, основавшими здесь впоследствии свои государства: Болгарию, Хорватию и Сербию.

В период переселения народов многие из мигрировавших племен приняли христианство арианского или ортодоксального исповедания²⁹.

Передвижения варварских племен в Европе в IV–VII вв. подготовили создание устойчивых европейских крупных государственных образований. Период Великого переселения народов фактически предопределил позднейшую систему взаимоотношений в Европе.

Таким образом, крупнейшие миграции способствовали процессам глобализации: в их ходе самые разные народы вступали в контакт друг с другом, обмениваясь самой разной информацией – политической, религиозной, экономической и культурной.

Крестовые походы как этап глобализации

В 1096–1270 гг. важную роль в деле глобализации сыграли знаменитые Крестовые походы – военно-религиозные экспедиции западных европейцев на Ближний Восток под предлогом завоевания Святых мест, связанных с земной жизнью Иисуса Христа. Эти походы на Ближний Восток – в Сирию, Палестину, Северную Африку – были организованы католической церковью и феодалами для восстановления и расширения влияния христианского вероучения под лозунгами борьбы против мусульман и освобождения Гроба Господня и Святой земли – Палестины.

Эта европейская экспансия имела вполне определенную подоплеку. У нее были свои логические обоснования и оправдывающие обстоятельства, сформированные историей христианского Запада, его воззрениями и идентичностью. Они нашли свое выражение в папских буллах и хартиях, дозволявших путешествия с целью открытия новых земель. Основной предпосылкой западной экспансии была идеология собственного превосходства, высшего права, в противоположность инаковости и неполноценности Востока. Эти документы давали европейцам право нападать, присваивать земли и людей, традиционно считавших себя хозяевами своей земли, имущества и судьбы. Этот процесс, однажды начавшись, неминуемо вел к империализму.

Первой из папских булл, переданных португальскому королю в 1452 г., стала «Dum Diversas». Ее идеи были восприняты всеми европейскими странами, поддерживающими захватнические инициативы. «Dum Diversas» разрешала королю Португалии атако-

²⁹ Мировая история. История Древнего мира. Кн. 1. М., 2003. С. 165–167.

вать, завоевывать и брать в плен сарацинов, язычников и других инаковерующих, враждебных Христу; захватывать их имущество и земли; обращать их в пожизненное рабство; передавать их земли и имущество королю Португалии и его наследникам. Аналогичные буллы были затем вручены испанским монархам Фердинанду и Изабелле незадолго до путешествия Колумба.

Начало эпохи Крестовых походов датируется 27 ноября 1095 года, когда папа Урбан II выступил с проповедью на Клермонском соборе. Он дал врагу известные идеологические характеристики: «презренное и низкое племя, почитающее дьявола»; «проклятый народ»; «грязные язычники». Урбан рассказал присутствующим о страданиях христиан под властью турок и об осквернении ими христианских священных мест в Палестине. Папа проповедовал крестовый поход как особую миссию франков, а также как возможность покинуть пределы чересчур плотно заселенных европейских земель. Европа, говорил Урбан, расколота внутренними конфликтами. Европейцам надлежало осознать свое истинное предназначение и выступить в поход против язычников и варваров.

Крестовому походу предстояло стать Священной войной в двух аспектах: он должен был послужить продвижению идей христианства, а кроме того, всем участникам крестового похода было обещано искупление грехов. Того, кто становился крестоносцем, ожидала прямая дорога в рай.

Перед выступлением в поход крестоносцы убили в рейнских городах всех евреев как «врагов Христа» и разграбили их дома. 15 июля 1099 года крестоносцы взяли Иерусалим, устроив страшную резню среди мусульман. Вскоре после этого они овладели значительной частью восточного побережья Средиземного моря. К началу XII в. на Востоке образовалось четыре государства крестоносцев: в Южной Сирии и Палестине – королевство Иерусалимское, к северу от него – графство Триполи, княжество Антиохийское и графство Эдесское.

В апреле 1204 года крестоносцы штурмом взяли Константинополь и подвергли его жестокому разгрому. Огню предавались целые кварталы, был беспощадно разграблен храм Св. Софии. На части территории уничтоженной Византии завоеватели создали Латинскую империю. В момент своего высшего расцвета эта империя охватывала теперешнюю Грецию, южную полосу Болгарии и Югославии, северную половину Албании и побережье Малой Азии.

Главную роль в создании Латинской империи сыграли венецианцы, заинтересованные в расширении своих колониальных владений на Востоке. Венеция получила три восьмых завоеванной страны: все важнейшие порты на Адриатическом и Эгейском морях, остров Крит, часть островов архипелага и три восьмых самого города Константинополя. Завоеватели превратили большинство крестьян в лично зависимых вилланов и старались присвоить себе огромные владения греческой Церкви.

На Западе Крестовые походы направлялись также против мусульман Иберийского полуострова, против язычников – венедов, пруссов, ливов и эстов, против еретиков – альбигойцев и гуситов.

Подчеркнем особо, что Крестовые походы – это отнюдь не несколько отдельных исторических событий. Это была целая эпоха, целостный идейно-политический контекст, сформировавший последующие пять веков европейской истории. Идеал крестовых походов сформировал, в частности, литературную традицию, которую можно обнаружить в массовой литературе на всех европейских языках: романы о рыцарях, «ведущих себя по-рыцарски». Таким образом, Крестовые походы были не просто вооруженными экспедициями за пределы Европы – они были частью картины мира.

Военные действия проводились на территориях, ныне традиционно считающихся частью Европы. Крестonosцы сражались в Испании и Португалии, а также в Восточной Европе.

Крестовые походы стали неотъемлемой частью процессов глобализации – они познакомили европейцев с культурой Ближнего Востока, Восточной Европы. А народы этих регионов – с элементами западноевропейской культуры. И хотя это знакомство зиждилось на военном насилии, результат от этого не стал иным.

Общеввропейские войны, Вестфальский мир и национальные государства

Общеввропейские войны привели, в конечном счете, к интеграции Европы, что способствовало процессам глобализации. Так, Тридцатилетняя война (1618–1648) из внутренней войны переросла в общеевропейскую. Ее итоги подвел Вестфальский мир. После ее окончания лидеры тогдашней Европы впервые в истории создали систему, позволявшую адекватно распознавать угрозу существованию мирной Европы. Два главных понятия легли в основу системы: «суверенность государства» и «агрессия». Теперь на протяжении последующих 350 лет стало более или менее понятно – когда и с кем надо вести войну.

Кроме того, Вестфальский договор урегулировал и религиозные вопросы. Принцип «*cuius regio, eius religio*» («чья власть, того и вера») был отменен, а кальвинисты уравнены в правах с католиками и лютеранами.

Проблема состояла в том, что в Новое время кризис изоцированной системы феодальных договорных отношений в Западной Европе привел к появлению целого спектра альтернативных форм властвования – от городов-государств до корпораций (орденские политики, компании купцов-авантюристов и т.п.) и внетерриториальных центров власти (наемнических армий, пиратских флотилий и т. п.).

Появление же среди этого спектра иных форм властвования – территориальных государств с монопольным центром власти – стало принципиальным новшеством. Эти государства усвоили уроки своих основных конкурентов (союзов городов-государств) и сами создали подобие такого союза – «Вестфальскую систему». Ее появление позволило умерить анархию, создать международное право и в целом обеспечить международные условия для грядущей модернизации³⁰.

Следующей вехой на пути интеграции Европы стал Венский конгресс 1814–1815 гг. На нем велись переговоры о новом политическом и территориальном устройстве Европы после разгрома и низложения Наполеона. В конгрессе приняли участие 216 представителей всех европейских стран за исключением Турции.

Венский конгресс кардинально перекроил карту Европы. Для борьбы с национально-освободительным и революционным движением система отношений, созданная Венским конгрессом, была дополнена Священным союзом, в который вошли почти все европейские государства. На Венском конгрессе был заключен ряд договоров, приняты декларации и постановления, в том числе Декларация о прекращении работорговли. В результате Европа впервые была охвачена системой общих договоров, которая просуществовала вплоть до середины XIX в.

³⁰ См. об этом подробнее: *Tilly Ch.* (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1975; *Gottmann J.* (ed.) *Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics*. Beverly Hills (CA), L.: Sage, 1980; *Rokkan S., Urwin D.* (eds.) *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*. L., 1982; *Torsvik P.* (ed.) *Mobilization, Center-Periphery Structure and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan*. Bergen: Universitetsforlaget, 1981; *Urwin D.* (ed.) *Economy, Territory, Identity: The Politics of European Peripheries*. Beverly Hills, 1983.

Таким образом, были заложены основы для создания современной Объединенной Европы. Это был еще один, крайне важный шаг по пути глобализации мира.

Мореплаватели и землепроходцы

Мореплаватели и землепроходцы как глобализаторы

Огромное значение для глобализации планеты имела деятельность мореплавателей и землепроходцев, открывавших людям новые земли, неизвестные дотоле народы и их культуры. Конечно, главным двигателем их энергии служили отнюдь не гуманитарные цели, не любознательность или благо народов. На первом месте, как правило, были жажда наживы или стремление к новым территориальным приобретениям. Но в данном случае важнее другое – каждый новый поход расширял горизонты, включал в понятие «человечество» все новые и новые страны и группы населения.

Одним из наиболее хрестоматийных примеров такой деятельности может служить путешествие венецианского купца Марко Поло. В раннем возрасте со своим отцом и дядей он совершил поездки в Китай, Каракорум и другие азиатские страны и области. В то время торговый путь проходил из Венеции через Черное море, в обход Каспийского, и далее через всю Центральную Азию. По нему и прибыли в Китай в 1271 г. братья Поло с юным Марко. Венецианцы пробыли в Китае и соседних странах до 1292 г. В этот период Марко Поло с родственниками посетил большую часть приморских городов Китая и внутренние районы материка.

А в 1299 г. он продиктовал текст своей знаменитой книги. В ней были подробно описаны история завоевания Китая монголами, социальная жизнь населения Китайской империи, торговля, промышленность, искусство и религиозные верования. Многие известия, сообщенные Марко Поло, фактически были первыми достоверными сведениями о внутренней жизни Китая. Эта книга на старофранцузском и итальянском языках быстро распространилась по всем культурным центрам средневековой Европы и явилась своего рода энциклопедией восточноазиатской культурной жизни конца XIII – начала XIV в.

Однако лишь пятнадцатое столетие стало веком, когда человечество в полном смысле этого слова открыло для себя земной шар.

Главными причинами, вызвавшими организацию многочисленных экспедиций, явились рост товарного производства в

Европе, острая нехватка драгоценных металлов и камней, увеличение потребностей в пряностях, а также стремление европейских купцов избавиться от посредников, контролировавших основные торговые пути. В связи с распадом монгольской державы прервался караванный путь из Европы в Китай и Индию через Среднюю Азию и Монголию. Турецкие завоевания в Малой Азии и на Балканах закрыли дорогу на восток, а арабы держали в своих руках пути через Красное море и Персидский залив. В результате резко упало значение средиземноморского бассейна, через который до того осуществлялась основная часть европейской торговли с восточными странами, контролировавшаяся до XV в. венецианскими и генуэзскими купцами.

Открытие обходного пути могло проложить прямую дорогу к торговле товарами из «Индии», ставшими основным предметом европейской торговли. Такой новый маршрут мог бы ослабить экономическую петлю, которой мусульманская цивилизация душила Европу. Когда крестовые походы умерили свой натиск с целью обеспечения европейского присутствия на Ближнем Востоке, поиск обходных путей начался всерьез. К тому же в этот период организации далеких и опасных экспедиций способствовали важные нововведения в области мореплавания и накопление географических знаний.

Подлинную суть целей мореплавателей раскрывает хартия, врученная английским королем Генрихом VII Джону Кабо в 1482 г. перед плаванием к берегам Северной Америки. Команде Кабо было разрешено захватывать земли и устанавливать королевские флаги «в любом городе, замке, на острове или материке, заново открытом», везде в «западных, восточных и северных морях», в землях, принадлежащих «язычникам и варварам, в любой части света, ранее неведомой христианам». Хартия уполномочивала его «завоевывать, захватывать и владеть» всеми такими территориями, при условии выплаты королю «пятой части добытой в каждом путешествии денежной суммы».

Но морская экспансия была возможна только в сторону неведомого тогда Атлантического океана. А монополизировавшие северо-западную торговлю Ганза и средиземноморскую – итальянцы, продолжавшие извлекать из нее огромные прибыли, не были заинтересованы в поисках новых морских путей. Время таких держав, как Англия и Нидерланды, еще не пришло. Поэтому первопроходцами в деле освоения неизведанных океанских просторов стали страны Пиренейского полуострова.

Португальцы создали новый тип быстроходного и маневренного судна – каравеллу, способную совершать дальние переходы в открытых морях. Значительно возросла безопасность плавания благодаря усовершенствованию компаса и астролябии – угломерного инструмента для вычисления координат. Наконец, в XV в. среди космографов возобладали точка зрения о шарообразности Земли и едином океане, омывающем сушу. В связи с этим и возникла мысль о западном маршруте в Индию, интерес к которой после путешествий Марко Поло будоражил умы европейцев.

В конце концов в 1487 г. флотилия под командованием капитана Бартоломеу Диаша отправилась в путь. Открыв устье реки Оранжевой и продвигаясь дальше, зимой 1488 г. она открыла морской путь в Индию вокруг Африки.

На основе отчетов Диаша португальский мореплаватель Васко да Гама разработал маршрут своей собственной экспедиции в Индию, которую и предпринял в 1497–1499 гг. по указанию короля Мануэла I. Он совершил плавание из Португалии в Индию, завершив многолетние поиски морского пути из Европы в страны Южной Азии. По пути да Гама тщательно исследовал и наносил на карту очертания африканских берегов. Эта экспедиция дала Португалии власть над пряностями Малайзии. Плавание Васко да Гамы привело к тому, что арабы вскоре лишились монополии в торговле со странами Южной Азии, а сам регион оказался в сфере колониальной экспансии Португалии.

В 1492 г. пал последний мусульманский оплот в Испании – султанат Гранада. Вскоре «их Католические Величества» Фердинанд и Изабелла призвали Христофора Колумба и одобрили его новаторское предложение плыть на запад через Атлантический океан в поисках восточных земель, продолжив тем самым «крестовый поход против язычников». Когда Колумб представил новый план открытия западного пути в Индию и Китай, он, исходя из своего разума, надеялся создать маршрут для новых крестовых походов и, как часто упоминалось в его записях, сделать возможным обратное отвоевание Иерусалима.

Но его предложение плыть на запад было продиктовано ошибкой, допущенной древнегреческим ученым Птолемеем при вычислении длины экватора. Христофор Колумб открыл для Испании бескрайние просторы Америки, приняв их за Индию и Китай. До конца своих дней он был уверен, что достиг стран Азии, хотя уже в письме 1503 г. близкого ему человека, Америго Веспуччи, открытые на западе земли были названы «новым миром» (*mundus novus*).

Как отмечал М. Маклюэн, «первое кругосветное путешествие, совершенное в эпоху Возрождения, дало людям чувство, что они заключили в объятия всю Землю и овладели ею; это чувство было абсолютно новым...»³¹

Однако открытия Колумба не были оценены должным образом, поскольку не принесли ощутимых доходов в испанскую казну – а это тогда было главным. И Новый Свет стал называться по имени итальянца Америго Веспуччи, принимавшего участие в испанских и португальских экспедициях при обследовании берегов Южной Америки в 1499–1504 гг. и объявившего об открытии нового материка. Вместе с экспедицией адмирала Алонсо де Охеды он обследовал побережье Южной Америки на 300 км к юго-западу и вернулся в Испанию в июне 1500 года. Открытия же самого Колумба получили общее признание только в середине XVIII в. после покорения индейских цивилизаций Центральной и Южной Америки, когда груды награбленного золота, серебра и других ценных товаров стали поступать в Европу.

Еще папа Александр VI разделил земной шар меридианом, проходящим к западу от Канарских островов, на две части, провозгласив западную, со всеми известными и могущими еще быть открытыми землями, собственностью Испании. Отсюда проистекал ее прямой интерес продолжать открытия, продвигаясь на запад. Фернан Магеллан убедил испанского короля Карла V в существовании к югу от Южной Америки прохода из Атлантического в Тихий океан. И в 1519–1521 гг. он совершил первое кругосветное плавание, ставшее практическим свидетельством шарообразности Земли.

Тридцатилетний период, с 1492 г., когда Колумб высадился на берег острова Эспаньола (Гаити), и до 1526 г., когда Магеллан закончил первое кругосветное путешествие, совершил настоящий переворот в умах европейцев. Им пришлось не только переписать все старые учебники, оказавшиеся неполными в свете новых открытий, но также понять значение этих открытий с точки зрения основ существования и пересмотреть свои представления об устройстве мира. В одном поколении произошло сразу два качественных скачка. Научное знание обогатилось новыми географическими открытиями.

В ходе эпохальных географических открытий мореплаватели несли с собой европейские ценности, традиции, обычаи, инстру-

³¹ Маклюэн М. Автоматизация. Учиться жить // Сумерки глобализации... С. 178.

менты, орудия и образ жизни в Африку, Азию и Америку. Вслед за Колумбом европейцы смогли вырваться за пределы изучения Древней Греции, Рима, отцов-основателей христианства, а также изучения исламской, индийской и китайской цивилизаций.

Античные мыслители и отцы теологии утверждали, что «антиподов» не бывает, что человеческое существование в тропических зонах земного шара невозможно. Но век географических открытий доказал обратное. Практические знания, сведения от путешественников и моряков сыграли главную роль в формировании новой научной парадигмы, появившейся в Европе.

Когда заново открытый мир сделался привычным, возник иной образ Востока. Путешественники, торговцы и эмиссары своими рассказами убеждали всех в том, что пока европейцы делают успехи в науках, страны Востока находятся в полном истощении, приходят в упадок и обращаются к суевериям. Когда-то, может быть, Восток и был более тонок и сведущ в науках, но теперь это уже дело прошлое. Восток навсегда заглох, его развитие прекратилось, и основная причина упадка в том, что Восток исповедует «неправильную» религию. Цивилизация, разум, научное понимание и христианское миссионерство ассоциировались с Западом. Границы Европы внезапно расширились как никогда доселе.

После длительного периода Средних веков, в течение которого производительные силы хотя и медленно, но продолжали развиваться, наступила эпоха нового времени и начался процесс быстрого развития производительных сил, особенно в связи с открытием Америки и морского пути вокруг Африки. Рынки Ост-Индии и Китая, заселение Америки, торговля с колониями способствовали быстрому развитию торговли, промышленности, мореплавания и дальнейшему развитию исторического пространства.

Таким образом, начиная с Васко да Гама, Колумба и Магеллана, Ермака, Дежнева, Лаптевых и прочих мореплавателей и землепроходцев глобализация – экономическая, политическая, научная и культурная – стала быстро набирать обороты.

Пиратство – начало глобального терроризма

Величие Британской империи создавалось весьма двусмысленным образом, в частности благодаря сотрудничеству королевской власти с пиратами. «Помимо грабежа испанских судов и поселений такие морские волки, как Дрейк, Кэвендиш, Клиффорд, третий герцог Камберлендский и Роли, ввязались в то, что можно назвать государственно поощряемым терроризмом. Дрейк, напри-

мер, вымогал большие выкупы от двух испанских колониальных городов, угрожая сжечь их. И он действительно разрушил три других города. Учиненный им грабеж Перу принес ему и его компаньонам два с половиной миллиона фунтов»³².

Морские разбойники поддерживали тесные связи с купцами и торговцами, которые субсидировали капитанов и помогали сбывать награбленное. Государственные структуры нередко, получая свой процент от прибыли, покровительствовали пиратам, предоставляя им базы, защитные документы, помогая реализовывать добычу, часто используя как союзников в открытых и негласных войнах с другими государствами.

Возникла организованная форма морского разбоя – каперство (от голландского *kapen* – захватывать), а также корсарство (от латинского *corsogius* – быстрый, легкий) и приватирство (от латинского *privatus* – частный, неофициальный). Разбой на морях осуществлялся в соответствии с каперскими грамотами от монархов под прикрытием борьбы с пиратством и судами враждебных стран. Корсарами были и французы, и англичане, и нидерландские «морские гёзы» (от французского *gueux* – нищие).

Пиратство особенно процветало в XIV–XVII вв. в Средиземном и Карибском морях с созданием новых богатейших торговых путей и открытием Нового Света. Первыми там появились французские пираты (1530–1559), наиболее известный из которых – Ф. Леклерк – не только нападал на корабли, но и в 1555 г. взял штурмом Гавану. В 1560–1620 гг. ведущую роль в пиратстве начали играть англичане, в 1620–1640 гг. – голландцы.

Самой желанной добычей пиратов были галионы, доставлявшие золото и серебро из Америки в Испанию. Голландцу П. Хейну удалось в 1628 г. захватить «серебряную флотилию», вывозившую из Америки годовую добычу. При покровительстве европейских держав на островах Карибского моря возникали целые сообщества пиратов, называемых буканьерами («букан» – копченое мясо). Карибские пираты называли себя также флибустьерами (от нидерландского *vrij-buiter* – вольный добытчик).

К началу XVIII в. в огромную базу пиратов превратился Мадагаскар вместе с многочисленными более мелкими островами вокруг него. На северной оконечности Мадагаскара находилась осно-

³² *Thomson J.E.* Mercenaries, Pirates and Sovereigns. State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 23.

ванная пиратами республика Либерталия, воплощавшая разбойничий идеал «справедливой» жизни.

В Карибском море вершиной могущества пиратов был конец XVII в., когда во время похода Г. Моргана были объединены десятки кораблей. В 1671 г. пираты взяли приступом Панаму, в 1683 г. захватили Веракрус, в 1697 г. разграбили Картахену.

Сообщество пиратов давало приют множеству деклассированных элементов общества: бродягам, нищим, уголовникам и дезертирам. Экономика пиратства основывалась на уравнительном принципе распределения имущества. Капитан избирался на сходке всей команды.

Опасность, которую представляло пиратство для международной торговли, заставила многие государства соединить свои силы для борьбы с ними. Теперь обязательства, принятые по отношению к ним, считались лишенными юридической силы, при встрече с ними расправлялись без суда, отнятая у пиратов добыча считалась вознаграждением³³.

Так пиратство стимулировало глобализацию в форме межгосударственных соглашений по борьбе с ним.

Имперские амбиции как фактор глобализации

Важнейшую роль в процессах глобализации сыграли империи. Они существовали на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет.

Империя Александра Македонского

Возникшая в результате завоеваний Александра Македонского огромная империя простиралась от западного побережья Балканского полуострова до Индии, включая в себя Пятиречье. На севере она частично приближалась к Дунаю и граничила с Черным морем, на юге доходила до Индийского океана, полуострова Аравии – в Азии, и включала в себя Египет, Ливию и Киренаику – в Африке. По размеру своим она превышала Персидскую державу.

Население ее было разноплеменным и разноязычным и находилось на разных ступенях социально-экономического развития. Наряду с высокоразвитыми рабовладельческими странами, такими как Греция, Сирия и Финикия, Вавилония и Египет, в державу Александра Македонского входили огромные территории, населе-

³³ Мировая история. Новое время. XVI–XVIII вв. М., 2003. С. 97–99.

ние которых еще только переживало разложение первобытно-общинного строя. Хозяйственные и культурные связи между отдельными областями были непрочными. Вся эта огромная монархия удерживалась в повиновении только силой оружия.

Реальной опорой Александра была армия, социальный и этнический состав которой во время восточных походов значительно изменился. Количество воинов-македонян еще более уменьшилось, зато увеличилось число наемников из греков и местного азиатского населения. К тому же Александр организовал специальный тридцатитысячный отряд из персидских юношей для обучения их македонскому военному искусству.

Александр предпринимал специальные меры для сближения своих македонских и греческих воинов с местным населением. В этих целях всячески поощрялись смешанные браки. В Сузах им был организован пышный брачный праздник, во время которого были сыграны 10 тысяч свадеб македонских воинов с персиянками и женщинами других местных народностей. Александр не только щедро одарил новобрачных, но и сам женился сразу на двух персидских царевнах. Своим вельможам и полководцам он приказал жениться на знатных персиянках, бактрианках, согдианках. Всего было сыграно в один день 80 свадеб. Такими мерами Александр пытался слить воедино завоевателей и завоеванных.

Александр основывал на торговых и стратегических дорогах новые города и крепости со смешанным греко-македонским и местным населением и давал жителям этих городов определенные привилегии. Это были опорные пункты его власти на завоеванных территориях. Высшие должности в его державе занимали представители как македонской, так и местной знати.

Монархию Александра поддерживали жрецы различных религий, к которым царь относился благосклонно. При его дворе совершались служения как греческим, так и многочисленным местным богам.

В результате, на обширных просторах империи Александра усилились торговые связи, оживилась городская жизнь. Он централизовал выпуск золотой и серебряной монеты и чеканил ее в огромном количестве, положив за основу афинскую монетную систему. В державе Александра сочетались восточный и греко-македонский опыт, хотя Греция и Македония составляли ничтожную часть новой монархии.

Завоевание македонянами и греками Востока привело к усилению эмиграции коренного греческого населения на завоеванные территории.

Римская империя

История Римской империи представляет собой типичный пример глобализации. Ведь Рим объединил под своей властью и в одной общей культуре практически все народы античного мира и этим создал политическую и культурную почву, на которой затем развилась средневековая и новая история Европы.

Римская история составляет период около тысячи лет. Империя все время расширялась, частью посредством новых завоеваний, частью посредством превращения вассальных областей в провинции. Среди подданных Рима сосуществовали копты, кельты, эллины, сирийцы, иберы и последние этруски.

При этом Рим создал идею «универсальной империи» как идею общего блага. Он не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. Романизация – это, прежде всего, дороги, почты, акведуки, водопроводы. А истребление пиратства, организация судоходства стали, безусловно, общим благом для всего Средиземноморья. Рим правил под лозунгом «единство во имя общего блага». И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

Римская империя, охватившая почти весь известный древним обитаемый мир, унифицировала монетные системы подвластных народов, введя единую систему номиналов, но сохранив национальные традиции. Единая в многообразии имперская монета чеканилась на монетных дворах Востока и Запада и вскоре взяла на себя роль международной «валюты» от Северного моря до Черного, от Атлантического океана до Волги. Эти монеты были в ходу и после того, как выпустившая их Западная Римская империя ушла в небытие.

Главная роль Римской империи в процессах глобализации заключалась не только в факте завоевания и подчинения многих стран и народов, но и в культурном отношении. Посредством завоеваний город Рим становился «миром» (*urbis – orbis*). Этот процесс заключался в ассимиляции завоевателей и покоренных, римского и провинциального элементов; в объединении частей с целым посредством впервые созданной для этой цели государственной администрации; в объединении юридических правовых и нравственных идеалов. Этот процесс глобализации культуры достиг своего полного развития к концу II в.

Конечно, римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила». Это написал не грек, а римлянин Вергилий. Романизируя, римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно – и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами.

В III в. произошло религиозное объединение античного мира на почве христианства, торжество которого над язычеством составило содержание IV в. В начале V в. Рим был взят варварами, которые затем стали отовсюду вторгаться в римские провинции и уничтожили римскую государственную власть. Но на римской почве зародился новый исторический период.

Византийская сверхдержава – очаг глобализации

Рим сменила Византия. У нее стержневая идея была гораздо более мощной. Это была христианская держава, в которой для каждого ее подданного сохранение империи, ее оборона, защита ее интересов – христианский долг. Для него соотечественником был любой другой подданный православного царства, более того, каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был (а они бывали очень разнообразного происхождения).

При этом идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией. Возможно, причиной этого стало то обстоятельство, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались созвучными.

Империя средневизантийского периода представляла собой мировую «сверхдержаву», чья устойчивая централизованная государственность, военная мощь и высокая культура составляли разительный контраст с раздробленностью сил латинского Запада и мусульманского Востока. Устойчивость ее экономики основывалась на развитых товарно-денежных отношениях и обращении золотого «солида», чеканившегося со времен Константина I.

«Золотой век» Византийской империи длился с 850 по 1050 г. В эти два столетия ее владения простирались от Южной Италии и Далмации до Сирии и Месопотамии. Давняя проблема безопасности северных границ Империи была решена присоединением Болгарии. Крещение болгар, а затем и славянской Киевской

Руси расширило пределы византийской цивилизации, очертив ареал духовной общности восточноевропейских православных народов.

Наметившийся закат Византии происходил одновременно с обновлением жизни средневековой Европы. Латиняне устремились на Восток, сначала как паломники, затем как купцы и крестоносцы. Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. и последующий раздел Империи подвели черту под тысячелетним существованием Византии как великой мировой державы.

Германская империя

В 1870-х гг. в Германии был проведен ряд мероприятий, создавших благоприятные условия для промышленной и торговой деятельности: введены единая валюта и единая почтовая система, основан имперский банк и т. д. Для Германии этого периода характерно такое явление, как «грюндерство» (массовая организация акционерных обществ). Промышленное развитие Германии резко ускорилось. К концу XIX в. большое развитие получили новые отрасли промышленности: химическая и электротехническая, создававшиеся на базе новейшей техники.

В Германскую империю вошли 22 германские монархии и 3 вольных города – Любек, Бремен, Гамбург, а позже – и Эльзас-Лотарингия в качестве дополнительной единицы. Столица Пруссии – Берлин стала столицей объединенной Германии. Конституция, принятая в апреле 1871 г., предусматривала федеративное устройство страны. Она закрепляла гегемонию Пруссии, устанавливая, что императором Германии может быть только прусский король.

В области внешней политики канцлер Германии Бисмарк создал систему европейских договоров, которая охватила все основные государства континента. В 1873 г. был создан «Союз трех императоров» – России, Австро-Венгрии и Германии; в 1881 г. он из консультативного пакта был превращен в договор «о взаимном нейтралитете». В 1879–1882 гг. был заключен Тройственный союз – Германии, Австро-Венгрии и Италии.

В 1880-х гг. Германия вступила на путь колониальных захватов. В 1884–1885 гг. она установила протекторат над значительной территорией на юго-западе Африки – над Того, Камеруном, северо-восточной частью острова Новая Гвинея и землями в Восточной Африке.

В начале XX в. Германией была провозглашена идея «мировой политики», которая должна была превратить ее в сильнейшую державу не только Европы, но и мира. В этот же период Германия перешла к активной колониальной экспансии в Китае, в Африке и Азии. Наступление эпохи империализма сопровождалось распространением теорий, призванных подготовить общественное мнение страны к войне за передел мира, и созданием шовинистических организаций, в том числе Пангерманского союза. Особая агрессивность германского капитала объяснялась тем, что он вышел на мировую арену в тот момент, когда мир был в основном уже поделен. К 1914 г. Германия имела колониальных территорий в 3,5 раза меньше, чем Франция, и в 11,5 раза меньше, чем Великобритания.

В 1907 г. Великобритания, Франция и Россия создали Антанту, которая противостояла Тройственному союзу. И тогда Германия сыграла ведущую роль в развязывании Первой мировой войны. В результате поражения в ней держав Тройственного союза Германская империя прекратила свое существование³⁴.

Османская империя

Османская империя была крупнейшей державой, оказывавшей существенное влияние на положение дел в Европе.

После взятия Константинополя в 1453 г. завоевательная политика Османской державы стала развиваться в двух аспектах: один был продолжением сухопутных завоевательных походов, другой связан с созданием турецкого флота и расширением контроля Османского государства над восточными районами Средиземного моря.

Турецкие завоевания в северном Средиземноморье отрицательно сказались на транзитной и каботажной торговле средиземноморских христианских государств. Весь комплекс турецких морских акций подорвал экономическую мощь Венеции и Генуи, еще ранее лишившихся возможности торговли со своими черноморскими колониями, которые были практически уничтожены во время завоевания Крыма султаном Мехмедом II в конце XV в.

В первой половине XVII в. были продолжены завоевания Турции на севере Балкан, в Подолии, Молдавии и Трансильвании. Во второй половине XVII в. Турецкая империя достигла наибольшего территориального распространения на Западе.

³⁴ Мировая история. Новое время. XIX век. С. 70–72.

Австрийская империя

Со времени Великого переселения народов территория Австрии стала зоной интенсивного этнополитического развития. В VII–IX вв. здесь происходило смешение славянских и германских племен, пришедших из Баварии.

Используя объективно возникшую необходимость объединения расположенных в Центральной и Юго-Восточной Европе государств против постоянно угрожавшей им опасности прежде всего с турецкой стороны, они путем войн, дипломатических интриг и династических браков создали в XV–XVI вв. многонациональную монархию, основой которой стали немецкие, славянские и венгерские земли. Наконец при Карле V (1516–1556) была создана «всемирная империя», в которой, как говорили ее современники, никогда не заходило солнце. Его сын Филипп II унаследовал Испанию с ее заморскими владениями, Нидерланды, часть Италии. Испанская и австрийская ветви династии осуществляли мировую имперскую политику. Австрия вела с Пруссией борьбу за гегемонию в Германии, окончившуюся поражением Австрии в австро-прусской войне 1866 г.

В 1867 г. австрийская империя была преобразована в двуединую монархию – Австро-Венгрию. Она разделилась на две части: австрийскую, или Цислейтанию, и венгерскую, или Транслейтанию, условные границы между которыми проходили по реке Лейте. В состав австрийской части входили Словения, Истрия, Штирия, Каринтия, в состав венгерской – Хорватия, Славония, Далмация. Население этих земель было смешанным; сербы исповедовали, как и их собратья в Сербии, православие, а хорваты и словенцы – католичество.

Первая мировая война стала концом Австро-Венгрии. Уже само вступление в войну слабо подготовленной к военным действиям дунайской империи и поражения на фронте, которые она понесла после первых же боев, привело в конечном счете к ее распаду.

Глава 3

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ – ДВИГАТЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Возникновение европейского мирохозяйства

Раскол мира на быстро развивающийся авангард и все более отстающий арьергард возник, по историческим меркам, не столь уж давно. Он начался после великих географических открытий в XVI в., а через три столетия приобрел взрывной характер.

Конечно, и в доиндустриальную эпоху отдельные регионы мира различались по уровню жизни. Но различие никогда не было существенным, поскольку абсолютно доминирующей отраслью экономики любой страны тогда было сельское хозяйство. Его эффективность жестко ограничивалась как природными условиями, так и ручным трудом, производительность которого могла повышаться лишь в сравнительно узких пределах. Поэтому даже в период расцвета духовной и материальной культуры отдельных земель Древнего Востока средний уровень жизни в Египте, Вавилоне, Китае, Индии, Средней Азии мало отличался от уровня жизни остального мира. К тому же в доиндустриальную эпоху некоторое превосходство одних стран над другими не закреплялось надолго: оно перемещалось от региона к региону и носило как бы блуждающий характер³⁵.

Но уже между X и XIII вв. европейская культура начала бурно развиваться, чему способствовала аккультурация – освоение достижений более развитых цивилизаций – ислама и Византии, а также адаптация этого наследия в особые условия Запада. В тот же самый период были обращены в западное христианство Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье, распространились римское право и другие составляющие западной цивилизации, и ее восточная граница стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений еще надолго. В течение XII и XIII вв. Запад расширил свою зону влияния на Испанию и добился устойчивого господства над Средиземноморьем.

Конец XV в. ознаменовался окончательным изгнанием мавров с Пиренейского полуострова, а также проникновением португаль-

³⁵ Шишков Ю. Глобализация и антиглобалисты. [Электронный ресурс] URL <http://nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm>

цев в Азию, а испанцев – в обе Америки. Во время последующих двухсот пятидесяти лет все Западное полушарие и значительные территории в Азии находились под управлением или господством европейцев.

Европейское мирохозяйство уже в XVI в. стало необратимо капиталистическим. И как только капитализм превратился в основу данной исторической системы, как только приоритетом этой системы стало непрерывное накопление капитала, она получила особое преимущество перед другими историческими системами. Это позволило ей расширяться до тех пор, пока она физически не охватила весь мир, став первой исторической системой, достигшей такой тотальной экспансии³⁶.

Исторический подъем так называемого Запада, фактически ограниченного Британией и горсткой наций Западной Европы, а также их североамериканскими и австралийскими потомками, был в первую очередь связан с технологическим превосходством, достигнутым в течение двух индустриальных революций.

Внезапный, неожиданный поток технологических достижений трансформировал процессы производства и распределения, вызвал шквал новых товаров и решающим образом сместил размещение богатства и власти на планете, оказавшейся в пределах досягаемости тех стран и элит, которые в состоянии были управлять новой технологической системой. Теневая сторона этого технологического события заключалась в том, что оно было неразрывно связано с империалистскими амбициями и межимпериалистическими конфликтами.

Удивительно, но факт: ничто в культурной, научной, политической или военной истории мира в период, предшествующий индустриальной революции, не могло бы объяснить такое неоспоримое «западное» (англосаксонско-германское с вкраплением французских элементов) превосходство в период между 1750 и 1940 гг. Ведь, скажем, культура Китая далеко превосходила Запад на протяжении большей части доренессансной истории. В Новое время мусульманская цивилизация доминировала в большей части Средиземноморья и имела значительное влияние в Азии и Африке. Азия и Африка оставались по большей части организованными вокруг собственных культурных и политических центров. Россия в «великолепной изоляции» правила огромными пространствами

³⁶ Валлерстайн Э. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2004. С. 240.

Восточной Европы и Азии. Испанская империя, неповоротливая в период индустриальной революции, была главной мировой державой в течение более чем двух столетий, начиная с 1492 г. И вот технология, выражающая специфические социальные условия, во второй половине XVIII в. сформировала новую историческую траекторию. Эта траектория возникла в Британии.

В 1733 г. в Англии открылась первая ткацкая фабрика. Началась промышленная революция. Когда она стала набирать силу в Англии, а потом и в других европейских странах, начался невиданный рост производства товаров и услуг, а следовательно, и доходов. В 1846–1873 гг. произошел экономический и промышленный бум в Англии («век дыма и пара»), да и во всей Европе. Становилась все более заметной либерализация мировой экономики под доминантой английского экспорта. С 1820 по 2000 г. средний объем валового внутреннего продукта на душу населения возрос там более чем в 19 раз, тогда как в остальных регионах мира – лишь в 5,5 раза³⁷.

Одновременно ускорилась и информационная революция. В 1840 г. С. Морзе запатентовал телеграф, в 1844 г. была передана первая телеграмма. В 1858-м г. проложили первый трансатлантический кабель. Это было начало индустрии телекоммуникаций и первой информационной революции. Телеграф позволил активизировать бизнес, сделать средства массовой информации более оперативными. Именно телеграф позволил создать фондовый рынок в современном понимании этого термина и сделать его глобальным.

В 1860–1870-е гг. были созданы первые международные организации, устанавливающие единые правила для всех государств-участников: Международный Телеграфный Союз (International Telegraph Union) Всемирный Почтовый Союз (Universal Postal Union). В декларации Всемирного Почтового Союза указывалось, что весь мир рассматривается как «общая почтовая территория».

Как заключает исследователь, «в результате всех этих процессов мировое сообщество, долгое время, образно говоря, медленно продвигавшееся вперед единой шеренгой, спешно перестроилось в колонну во главе со стремительно бегущим авангардом и ускорившим движение, но все более отстающим

³⁷ *Шишков Ю.* Глобализация и антиглобалисты. – [Электронный ресурс] URL: <http://nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm>

арьергардом. Множество стран расположилось между «головой и хвостом» этой колонны. Конфигурация мирового сообщества в корне изменилась³⁸.

Экономические основы колониализма

Когда англичане, французы, немцы, голландцы и другие распространились по миру, для всех них открылась суровая реальность. Цивилизация не могла существовать изолированно. Она отчаянно нуждалась в скрытых субсидиях в форме поступающих извне дешевых ресурсов. А главное – ей был необходим единый интегрированный мировой рынок, через который вливаются эти субсидии.

Побуждение создать такой интегрированный мировой рынок основывалось на убеждении, которое лучше всех выразил Д. Рикардо: для государств следовало применить тот же принцип разделения труда, как и для промышленных рабочих. В своем известном высказывании он утверждал, что если Англия станет специализироваться на производстве текстиля, а Португалия – на изготовлении вина, это будет выгодно им обоим, поскольку «международное разделение труда, определяющее специализацию производства для каждой страны, приведет к экономическим выгодам для всех»³⁹.

Так как разделение труда во всякой экономике вызывает насущную необходимость в интеграции, то и международное разделение труда требует глобализации – интеграции в мировом масштабе и способствует росту мировой элиты – небольшой группы стран, которые для осуществления своих практических целей распространяют свое влияние на большие регионы остального мира.

Если Рикардо был прав, то преимущества этой международной торговли должны были ощущаться в более или менее равной степени всеми. Однако чрезмерная уверенность, что специализация будет выгодна всем, основывалась на фантазии о «честной конкуренции». Последняя предполагает, в частности, отказ от применения политической или военной силы. Надо было заключать

³⁸ Шишков Ю. Глобализация и антиглобалисты. [Электронный ресурс] URL. <http://nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm>

³⁹ Цит. по.: *Emmanuel A. Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*, trans. Brian Pearce. London: NLB, Mounthly Review Press, 1972. Introduction. P. XII–XIII.

сделки на более или менее равноправной основе, устраивающей обе стороны. Но это условие очень уж расходилось с реальностью.

На самом деле торговая глобализация велась на совершенно неравноправной основе. По одну сторону рынка находились европейские или американские торговцы, поддерживаемые крупнейшими компаниями, разветвленными банковскими сетями, мощными технологиями и сильными национальными правительствами. По другую его сторону были местные правители или племенные вожди, чьи народы только-только вошли в денежную систему, и чья экономика базировалась на мелкотоварном земледелии или местных ремеслах. Таким образом, конкурентами на этом рынке были, с одной стороны, представители технически передовой цивилизации, убежденные в своем превосходстве и готовые использовать пушки и пулеметы, чтобы доказать это; по другую – представители малых национальных общностей, вооруженных стрелами и копьями.

Нередко местных правителей или предпринимателей просто подкупали, сунув им взятку, а в обмен вводили рабскую систему труда, подавляя сопротивление и переделывая в свою пользу местные законы. Завоевав колонию, имперские власти устанавливали льготные цены на сырье для своих бизнесменов и воздвигали мощные барьеры, препятствуя торговцам стран-конкурентов повысить цены.

При таких условиях не было ничего удивительного, что индустриальный мир смог приобретать сырьевые или энергетические ресурсы «по дешевке» – по ценам гораздо ниже рыночных. Определяющим фактором для стоимости товара стали не такие экономические параметры, как цена, прибыль или конкурентоспособность, а военная и политическая мощь колонизаторов.

Вырванные из мелкотоварного хозяйства, поощряемые или принуждаемые к разработке месторождений полезных ископаемых или работе на плантациях, колониальные народы оказались ввергнутыми в жесткую экономическую зависимость от рынка, на который они никак не могли влиять. Как писал историк У. Вудраф: «Ради невиданно возросшего благосостояния европейских стран им приходилось выносить эксплуатацию своих территорий и возрастающую торговлю»⁴⁰.

⁴⁰ Woodruff W. The Fontana Economic History of Europe, Vol. IV, Chapter 2, The Emergence of an International Economy 1700–1914. L.: Fontana, 1971. P. 5.

Для того чтобы подкрепить экономическую и политическую зависимость колониальных народов психологической, «их культуры осмеивали, их язык запрещали. Помимо того, колониальные власти внушали поработенным народам чувство психологической неполноценности, что даже сегодня проявляет себя как препятствие к экономическому и социальному развитию»⁴¹.

Насаждавшаяся колониальными властями христианизация коренного населения Азии, Африки и Латинской Америки приводила к невосполнимым утратам в сфере традиционных культур народов колоний. Вместе с тем христианские миссионеры, нередко при поддержке колониальной администрации, несли с собой и полезные знания, борясь с такими нездоровыми традициями, как полигамия, кровосмешение, человеческие жертвоприношения, канибализм и т.п. Они учили, врачевали, боролись с эпидемиями, пытались разрешать споры и конфликты среди представителей местного населения⁴².

Однако когда с XVI в. европейские правители стали создавать большие колониальные империи, испанские священники и конкистадоры, французские трапперы, английские, голландские, португальские и итальянские авантюристы выдвинулись боевым порядком по всей планете; они поработили или уничтожали целые народы, захватывали обширные территории и посылали дань на родину, своим монархам. Сокровища, которые первые авантюристы и конкистадоры отправляли домой, представляли собой награбленное добро. Эта их добыча финансировала войны и обеспечивала личное богатство придворных – зимние дворцы, яркое великолепие, праздный образ жизни. Плоды заморских завоеваний обогащали в основном правящие классы и города, а вовсе не простой народ, который в основном составляли сельские жители. В этом смысле империализм первого этапа был еще не столь жаден. Но этого было недостаточно для малоразвитого хозяйства страны-захватчицы.

Зрелый же империализм уже не стремился к вывозу слитков золота и изумрудов, пряностей и шелков. Он начал отправлять корабль за кораблем с нитратами, хлопком, пальмовым маслом, оловом, каучуком, бокситами и вольфрамом. Этот империализм создавал медные рудники в Конго и устанавливал нефтяные вышки на Аравийском полуострове. Это был империализм, который высасывал из колоний сырье, обрабатывал его и продавал некото-

⁴¹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 163.

⁴² Мировая история. Новое время. XIX век. С. 141–143.

рые готовые изделия назад, в колонии, с колоссальной выгодой для себя.

В XIX в. преобладающей формой колониализма наряду с традиционными ее формами становится колониальная торговля, основанная на неэквивалентном обмене. В экономическом отношении колонии теснее привязываются к метрополиям, становятся их аграрно-сырьевыми придатками с монокультурным сельским хозяйством. Они превращаются в рынки сбыта излишней промышленной продукции и в источники сырья для бурно развивающейся промышленности европейских стран. Экспорт английских хлопчатобумажных тканей в Индию с 1814 по 1835 г. возрос в 65 раз. В 1860 г. туда было вывезено в два раза больше английских тканей, чем в США и Европу. На основе развития плантационного хозяйства, введения принудительных посевов культур в колониях расширялось производство товарного сырья для метрополий. Индия, например, специализировалась на производстве хлопка, джута и опия; страны Африки – на производстве какао, кофе и земляного ореха; Цейлон – каучука и чая; Бирма и Вьетнам – риса и т.д.

Из колоний вывозились огромные богатства, способствовавшие ускоренному развитию европейских метрополий. С другой стороны, беспощадный ввоз в колонии промышленных товаров, постоянно расширявшийся вывоз оттуда сырьевых ресурсов вели к разорению и гибели там ремесел и зачатков мануфактурной промышленности, зародившейся еще в доколониальную эпоху. Бесконтрольное хозяйничанье метрополии в заморских владениях, полностью подчиненных ее экономическим потребностям, тормозило развитие в колониях национального капитала и создание там собственной промышленной базы.

Кроме того, вплоть до середины XIX в. отдельные метрополии, в частности Португалия, все еще продолжали заниматься работорговлей, наживаясь на поставках «живого товара» в США и Южную Америку.

Но помимо нового сырья Европа нуждалась также во все возрастающих объемах продовольствия. А поскольку европейские государства сосредоточились теперь на промышленном производстве, перемещая сельскую рабочую силу на фабрики и заводы, им пришлось ввозить из-за границы также и значительное количество продуктов питания – говядину, баранину, зерно, кофе, чай и сахар из Индии, Китая, Африки, Вест-Индии и Центральной Америки⁴³.

⁴³ Woodruff W. The Fontana Economic History of Europe, Vol. IV, Chapter 2, The Emergence of an International Economy 1700–1914. P. 11.

Теперь, поскольку возрастало производство товаров массового потребления, новым индустриальным элитам необходимы были более широкие рынки сбыта и новые сферы приложения капитала. В 1880–1890-х гг. европейские государственные деятели уже не стесняясь заявляли о своих целях. «Империя – это торговля», – провозгласил английский политик Джозеф Чемберлен. А премьер-министр Франции Жюль Ферри высказался еще более определенно. В чем нуждается Франция, заявил он, так это «в рынках сбыта для нашего промышленного производства, экспорта товаров и вывоза капитала»⁴⁴. Сотрясаемые циклами всплеска деловой активности и оглушительных банкротств, столкнувшиеся с хронической безработицей, новые поколения европейских лидеров начали испытывать перманентный страх, боязнь того, что, если колониальная экспансия однажды закончится, безработица приведет к революционным выступлениям в их стране.

Очевидно, что если бы не было колоний и их эксплуатации, то ни Соединенные Штаты, ни Западная Европа, ни Япония не смогли бы так скоро индустриализироваться, не имея возможности получать продовольствие, энергию и сырье извне. Стоимость сотен тысяч конечных продуктов была бы гораздо более высокой, а в некоторых случаях настолько велика, что это сделало бы просто невозможным их массовое потребление в индустриальных странах. Потрясения, вызванные в начале 1970-х гг. одним только повышением цен на нефть, дают лишь слабое представление о возможных катастрофических последствиях. Без скрытых дотаций, получаемых империализмом, цивилизация вполне могла бы оказаться и сегодня там, где она была до начала колонизации «третьего мира».

Европейский империализм как решающая стадия глобализации

Колониализм прошел целый ряд стадий: с ранней (XV в.), осуществлявшейся преимущественно в насильственных формах – военные захваты и т. п., до поздней, продолжавшейся вплоть до начала XX в. Пик активности политики колониальных захватов пришелся на последнюю треть XIX и начало XX в. В этот период Англия захватила территорию в 9 млн км² с населением

⁴⁴ Цит. по: *Bimie A. An Economic History of Europe 1760–1939. L.: Methuen, University Paperbacks, 1962. P. 242–243.*

в 146,6 млн человек, а Франция – 9,7 млн км² с 49 млн человек. Резко активизировалась почувствовавшая себя обделенной Германия, захватившая за этот же период территорию в 2,9 млн км² с населением 12,3 млн человек. Объектами колониальной экспансии в это время стали Африка, Ближний, Средний и Дальний Восток.

К этому времени подавляющее большинство стран Африки, Азии и Латинской Америки были превращены в колонии и полуколонии, принадлежащие Англии, Франции, Испании, Португалии, Нидерландам, Бельгии, Германии, США и некоторым другим государствам. При этом на протяжении нескольких столетий между ними шла ожесточенная борьба за колонии, часто переходившие из одних рук в другие.

В начале XIX в. на роль ведущих колониальных держав выдвинулись Англия и Франция, оставив далеко позади прежних колониальных лидеров – Португалию, Испанию и Голландию, утративших значительную часть своих заморских владений. К началу XX столетия сложилась мировая система колониализма, включавшая в себя колониальные империи отдельных европейских государств. К 1914 г. на колонии и зависимые страны приходилось около 66,8% территории и 60% населения земного шара.

Империализм (от лат. *imperium* – власть, господство) – важнейший период в истории капитализма, охватывающий 1870–1920-е гг. Впервые термин «империализм» использовал английский экономист Дж. Гобсон. В 1902 г. он опубликовал книгу с одноименным названием, где дал характеристику захватнической внешней политике великих европейских держав. Известный немецкий социал-демократ Р. Гильфердинг в работе «Финансовый капитал» (1910) обратил внимание на особенности экономической структуры новейшего капитализма: стремление ряда стран к новым рынкам сбыта, районам экспорта он связывал с перерождением капитализма.

Однако не только экономические причины способствовали появлению империализма нового типа. Геополитические интересы и религиозное рвение, жажда риска – все сыграло в этом свою роль, в том числе и расизм с его безоговорочным утверждением превосходства белой расы или европейского превосходства. Многие рассматривали империалистические завоевания как возложенный на них свыше долг. Высказывание Р. Киплинга о «миссии белого человека» отразило миссионерское намерение европейцев распространять христианство и «цивилизацию». Колонизаторы считали

колонизуемые народы отсталыми и примитивными. Сельские жители, особенно если они были темнокожими, считались наивными, как дети. Они были «хитры и нечестны». Они были «ленивы», «не ценили жизнь».

Такая позиция позволяла империалистам находить оправдание для истребления тех, кто стоял у них на пути. В любопытной книге «Социальная история пулемета» Д. Эллис показал, как это новое мощное скорострельное оружие, изобретенное в XIX в., постоянно применялось против «туземных» народов. При этом стрельба по жителям колоний больше походила на охоту, чем на войну⁴⁵.

Вопрос, однако, состоит в том, чем обусловлен разрыв в мощи и благосостоянии между Европой и остальным миром. Некоторые считают, что европейцам удалось совершить нечто особенное и достойное похвалы, то, что не удалось людям в других частях света; в этом случае говорят о «европейском чуде»⁴⁶.

На самом же деле главным фактором превосходства Запада был прогресс военной технологии: изобретение средств океанской навигации для достижения далеких стран и развитие военного потенциала для покорения их народов. «В большой мере, – отмечают исследователи, – подъем Запада обуславливался применением силы, тем фактом, что баланс между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу завоевателей. ...Ключ к успеху жителей Запада в создании первых по-настоящему глобальных империй заключался именно в тех способностях вести войну, которые позже назвали термином “военная революция”. Экспансия Запада облегчалась также преимуществами в организации, формировании дисциплины и обучении войск, а также последующим превосходством в транспорте, логистике и медицинской службе, что явилось результатом ведущей роли Запада в промышленной революции»⁴⁷. Таким образом, Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, в которую было обращено лишь небольшое количество представителей

⁴⁵ *Ellis J.* The Social History of the Machine Gun. New York: Pantheon Books, 1975.

⁴⁶ См.: *Jones E.J.* The European Miracle: Environment, Economics, and Geopolitics in the History of Europe and Asia, Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

⁴⁷ *Parker Geoffrey.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge: Cambridge University Press. 1988. P. 4; Howard Michael. The Military Factor in European Expansion. – Hedley Bull and Adam Watson, eds., The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press. 1984. P. 33.

других цивилизаций, но скорее превосходством в применении организованного насилия.

Один из ярких примеров этого – «вскрытие» Японии силами Запада и последующее ее втягивание в мировые экономические и политические процессы. Напомним: Япония до середины XIX в. была относительно тихой и спокойной страной. Почти 300 лет она была страной закрытой: въезд в нее и выезд из нее был запрещен. Была практически полностью запрещена торговля с европейскими странами. Торговали только с голландцами на крошечном островке в бухте Нагасаки. Каждому иностранцу, проникшему на японские острова, грозила смертная казнь. Указ сёгуна Иэмицу гласил: «Отныне никому, куда солнце светит над миром, не позволено приплыть в Японию, даже в качестве посланца, и этот запрет никогда не должен быть отменен под страхом смертной казни». Таким путем правители Японии хотели укрепить свою власть, помешать продаже европейского огнестрельного оружия недовольным феодалам и не допустить проникновения христианства. И, надо сказать, страна жила неплохо, насколько это вообще возможно при устойчивом феодальном режиме правления.

Но однажды, 8 июля 1853 года, вблизи г. Эдо, где размещалась постоянная резиденция сёгуна – правителя Японии, появилась эскадра американского командора Перри, состоявшая из четырех кораблей, два из которых были колесными пароходами, никогда еще не виданными японцами. Жерла пушек военных кораблей были направлены на форты, прикрывавшие город. Маленькие пушечки фортов были бессильны против артиллерии американской эскадры. Перри привез ультиматум американского президента с требованием открыть японские порты для торговли с Соединенными Штатами и пообещал вернуться будущей весной. Он заявил: сейчас у меня четыре корабля, но если вы не откроете порты, приплыву с еще большей флотилией. Было очевидно, что японцы в военном отношении не могут противостоять Западу: у них было всего лишь несколько бронзовых пушек, и против европейской корабельной артиллерии середины XIX в. они ничего не могли поделать.

В правящих кругах феодальной Японии непрошенный визит американских кораблей вызвал панику. В храмах возносили молитвы богам о ниспослании на пришельцев тайфуна. Но тайфуна не случилось, а Перри вернулся раньше обещанного времени. В феврале 1854 г. появилась эскадра теперь уже из девяти кораблей с 250 орудиями на борту. Под угрозой бомбардировки Перри заста-

вил сёгуна открыть два порта для захода американских судов. Примеру США последовали и другие капиталистические государства. В 1858 г. сёгун был вынужден заключить торговые договоры с США, Англией, Францией, Голландией и Россией.

Это были неравноправные договоры. Иностранцы не подчинялись японским законам. На японский рынок хлынули дешевые фабричные товары, что подрывало японское ремесло и слабую промышленность, основанную на ручном труде. Иностранцы извлекали огромные доходы из торговли с Японией, вывозили из страны золото и серебро. Насильственное «открытие» Японии иностранными державами ускорило разложение в ней феодального строя.

Но для страны это был «конец света», а для дальновидных людей – конец света вдвойне: многие в Японии знали про «опиумные войны» в Китае и полагали, что торговым договором дело не ограничится.

После прибытия кораблей командора Перри страну охватила смута. Крестьяне разорялись, закладывали земли ростовщикам и сельским богатеям. Долги переходили от отца к сыну. Масса крестьян превратилась в наследственных должников, отдававших своим кредиторам до пятой части урожая. Крестьянские восстания сотрясали Японию. В XIX в. произошло около 600 восстаний, в некоторых из них участвовало по 200–250 тыс. человек. Таким образом, стабильность государства была окончательно разрушена.

С другой стороны, если взглянуть на процесс насильственного «вскрытия» Японии в середине XIX века в исторической ретроспективе, то приходится признать, что он очень любопытным образом повлиял на радикальное изменение общих тенденций в мышлении правящей верхушки страны, приведя к власти в ней правящих слоев с радикально иной внешней политикой. За какие-то полвека Япония из страны предельно изоляционистской превратилась в страну столь же ярко выражено экспансионистскую. И следующие полстолетия, т.е. с начала и до середины XX в., ее соседям пришлось отчаянно отбиваться от японских империалистических устремлений, конец которым положил только разгром Японии во Второй мировой войне.

«Западной глобализации» во многом способствовала и деятельность так называемой «компрадорской буржуазии», зарождение которой относится к эпохе создания мировой колониальной системы. Компрадорские организации появились в XVI–XVII вв.,

когда основывались первые европейские фактории и базы в странах Индийского океана и в Китае.

«Компрадоры» были частью местной национальной буржуазии в колониальных странах. Они осуществляли посредничество между иностранным капиталом и национальным рынком, способствуя проникновению и закреплению иностранных монополий на внутреннем рынке этих стран и вывозу из них ценного сырья. В дальнейшем из среды компрадорской буржуазии набирались кадры местного чиновничества колониальной администрации. К концу XIX в. компрадорская буржуазия в большинстве колониальных стран превратилась во влиятельную силу, добывавшуюся модернизации общества. Во всяком случае интересы и культура компрадорской буржуазии были более космополитичны и гораздо сильнее связаны с западной культурой, чем население их собственных национальных государств. «В прошлом, как и сегодня, — пишет З. Бауман, — элита — богачи и власть предрержащие — всегда отличалась большим космополитизмом, чем остальное население стран, где они проживали; во все времена они стремились к созданию собственной культуры, не признававшей границ, столь прочных для простолюдинов, у них было больше общего с элитами по ту сторону границы, чем с большинством населения по эту сторону»⁴⁸.

«Трудно описать такое значительное, сложное и изменяющееся явление, как империализм, — пишет Э. Тоффлер. — Его влияние на религию, воспитание, благосостояние, литературу и искусство, на расовые отношения, менталитет человечества, так же, как и более непосредственное — на экономику, все еще продолжает находиться в центре внимания историков. Несомненно, что в нем есть определенные положительные стороны, но немало и жестокости. ...Следует видеть в империализме катализатор промышленного развития мира...»⁴⁹.

Таким образом, западная цивилизация, нуждаясь в ресурсах остального мира, втянула общества-колонии и остававшиеся первобытными народы в денежную систему, создав глобально интегрированное рыночное пространство. Буйно разраставшийся империализм был более чем экономической, политической или общественной системой. Именно он породил современную глобализацию.

⁴⁸ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 24.

⁴⁹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С.173.

В последней четверти XIX в. на смену свободной конкуренции пришел монополизм – слияние капиталов и образование крупных финансовых и промышленных монополий. Эти монополии – картели, синдикаты, концерны, тресты – брали рынки под свой контроль, разоряя и поглощая конкурентов. Правда, в странах Европы и Северной Америки монополизм не смог полностью вытеснить конкуренцию, хотя и значительно ограничил свободу рынка. Но международные рынки были разделены между крупнейшими монополиями, которые в свою очередь находились под контролем финансового, банковского капитала.

Именно экономическая мощь, которую создал переход к индустриальной экономике, обеспечила в конечном счете странам Западной Европы и США господство над остальным миром. Политическим оформлением раздела рынков стало создание колониальных империй. К концу XIX в. страны Запада управляли большей частью населения и территории планеты. Старый свет – Европа, Азия и Африка – был поделен между ними. Формальную независимость в Азии и Африке сохраняли только несколько стран – Китай, Япония, Таиланд, Эфиопия и Либерия. Но и они находились в экономической и политической зависимости от стран Европы и США, которые контролировали также формально независимые страны Латинской Америки.

Таким образом, весь мир был поделен на сферы влияния⁵⁰.

Это не значит, что страны-колонизаторы «жили дружно». Наиболее экономически развитые в XIX в. державы – Англия и Франция – постепенно оттеснялись на второй план странами более молодого капитализма – США, Германией и Японией, что приводило к росту международной напряженности и гонке вооружения.

Британская империя – лидер глобализации в эпоху империализма

На протяжении всего XIX в. Великобритания вела многочисленные войны, в результате которых создавались новые и расширялись старые владения. Порой они приобретались по условиям заключенных договоров. К концу столетия ее владения раскинулись на территории, составлявшей пятую часть всей земли.

Хотя в последней четверти XVIII в. Великобритания пережила серьезный кризис – потерю 13 своих североамериканских ко-

⁵⁰ Мировая история. Новое время. XIX век. С. 100–101.

лоний, она приобрела множество других. Венский конгресс закрепил за Великобританией острова Мальту и Цейлон, Капскую колонию и ряд других территорий, которые она захватила в конце XVIII – начале XIX в. Победа над Францией во время наполеоновских войн и установление господства английского флота на море способствовали расширению и укреплению колониальной экспансии во всех частях света. В первой половине XIX в. английские колонизаторы завершили завоевание Индии. Проводилась колонизация Австралии и Новой Зеландии, началась колонизация Южной Африки, происходило проникновение в Китай. В 1800 г. Британская империя имела площадь 1,5 млн. квадратных миль с населением в 20 млн человек. К 1900 г. Викторинская империя, над которой никогда не садилось солнце, простиралась на 11 миллионов квадратных миль и насчитывала 390 миллионов человек.

В последней трети XIX в. главной ареной колониальных захватов Великобритании стала Африка. В 1880–1890-е гг. Великобритания захватила в Африке Сомали и Северную Нигерию, Бечуаналенд, Зулузленд, завершила захват Золотого Берега. С захватом острова Кипр (1878), установлением английского контроля над Суэцким каналом (1875) и Египтом (1882), завершением завоевания Бирмы было упрочено господствующее положение Великобритании в районах Азии и Африки. Великобритания установила фактический протекторат над Афганистаном; усилила эксплуатацию в Китае.

В результате англо-китайской войны 1840–1842 гг. и англо-франко-китайской войны 1856–1860 гг. (т.н. «опиумные войны») Китаю были навязаны первые неравноправные договоры; ряд китайских портов был насильственно открыт для английской торговли.

Исходным пунктом этой драмы послужили опиумные войны XIX в. В роли главного наркоторговца выступала Великобритания, мелкими наркоторговцами были английские торговые компании. В данном случае было применено прямое военное давление с целью внедрить на территории целой части света неконтролируемую торговлю тем самым веществом, которое во все последующие времена будет считаться главным наркотиком, создающим зависимость. Это преступление осуществлялось Британской империей преднамеренно и вполне осознанно.

Знаменательно, что в то же время в самой Англии вводились все более суровые ограничения на употребление опиума. Так, в

1874 г. в Лондоне было учреждено общество по борьбе за запрет торговли опиумом. Но еще ранее, в 1839 г. королева Виктория получила письмо от китайца Лин Цзэ-Хсу: «Представьте себе, что какие-то чужестранцы начнут ввозить опиум в Англию для продажи. Представьте себе, что эти люди начнут склонять Ваш народ покупать и курить опиум. Я совершенно уверен в том, что Вы, высокородная повелительница, возненавидели бы это до глубины души... Конечно, Вы бы не пожелали другим того, что не желаете себе»⁵¹.

Потом, конечно же, пришли другие времена, появились новые сверхдержавы, и под их давлением Великобритания постепенно была вынуждена отказаться от своих опиумных привилегий. Но не сразу. Этот процесс еще не завершился даже к началу Первой мировой войны.

Колониальная идеология широко проникала в массовое сознание через публикации националистических периодических изданий, появления имперских обществ. В расширении заморских владений большую роль играли как экономические, геополитические интересы, так и вера в цивилизаторскую миссию англичан, в то, что они несут добро своим правлением, помогают странам в их экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии. Это стимулировало развитие миссионерского движения англичан в колониях.

Промышленный переворот способствовал установлению английской мировой торгово-промышленной монополии. Постепенно менялись содержание и форма эксплуатации колоний, которые стали важными рынками сбыта и источниками сырья. В особом положении находились переселенческие колонии – Канада, Австралия, Новая Зеландия, – в которых подавляющую часть населения составляли выходцы из Англии. Постепенно они получали статус «доминионов» – самоуправляющихся единиц в составе Британской империи. В остальных колониях сохранялись старые формы эксплуатации. Это вызывало сопротивление народов колоний, крупнейшим из которых стало индийское восстание 1857–1859 гг. После его подавления Ост-Индская компания была ликвидирована, а Индия стала «коронной» колонией. В 1876 г. английская королева Виктория была провозглашена императрицей Индии; пример-

⁵¹ Цит. по: *Кристи Н.М., Бруун К.* Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2004.

но в это же время термин «Британская империя» был введен в официальный политический лексикон.

Колонии играли важную роль в жизни империи. Они являлись рынком сбыта для ее товаров, производили сырье для ее промышленности, поставляли золото, серебро, бриллианты, продукты питания. В колонии уезжали эмигранты – та часть населения, которая не могла найти себе работу дома. Они использовались и в качестве места ссылки преступников. Колонии предоставляли многочисленные должности для дворянских детей. Ограбление местного населения, неэквивалентный торговый обмен приносили несметные богатства.

Промышленная революция и переход в 1846 г. к свободной торговле дали британской буржуазии неопределимое преимущество перед предпринимателями других государств. К середине XIX в. страна превратилась в промышленную «мастерскую мира», а лондонский Сити – в международную финансовую столицу. В 1860-е гг. объем внешней торговли Великобританией в два раза превышал аналогичный показатель ее основной соперницы – Франции и в 4 раза – США.

До начала 1870-х гг. по уровню развития промышленного производства Англия уверенно занимала первое место в мире. На ее долю приходилась треть мировой промышленной продукции и 2/5 мирового промышленного экспорта.

Трансатлантическая работорговля

На протяжении 400 лет европейские страны, а впоследствии и США поддерживали свою экономику за счет работорговли. Они обратили в рабов и вывезли с их мест проживания 17 млн человек, не считая тех, кто умер в пути. Некоторые из этих стран занимались работорговлей, другие использовали рабов.

Конечно, рабство существовало практически всегда. Однако трансатлантическая работорговля является в истории рабства явлением исключительным в своем роде, по причине своей продолжительности, масштабам и легитимизации.

Трансатлантическая работорговля представляла собой крупнейший в истории акт депортации, иногда ее называют первым примером глобализации. Продолжавшаяся с XVI по XIX в. работорговля охватывала несколько регионов и континентов: Африку, Северную и Южную Америку, Европу и заключалась в продаже и эксплуатации европейцами миллионов африканцев. В начале

XVIII в. белыми торговцами из Африки ежегодно вывозилось примерно 36 тыс. рабов, в конце XVIII в. – около 80 тыс. С учетом высокой смертности рабов во время перевозки считается, что в Новом Свете оказалось примерно 9,6–10,8 млн. чернокожих.

Корабли, груженные такими товарами, как ружья, спиртные напитки, ткани, инструменты, лошади, отправлялись из европейских портов к берегам Западной Африки, где товары обменивались на обращенных в рабство африканцев. Рабами становились либо захваченные в плен члены враждебных племен, либо жертвы процветающего местного бизнеса, построенного на поимке и продаже рабов. Доход некоторых королевств Западной Африки – Бенина, Ойо и Дагомеи на 80–90% обеспечивала работорговля. Во многих племенных государствах Африки, например в Сенегамбии, в государствах Ашанти и Йоруба до трети населения составляли рабы.

Нагруженные африканскими рабами суда отправлялись через Атлантический океан в американские и европейские колонии в Карибском море и Южной Америке. Для того чтобы вместить как можно больше рабов, на судах нередко демонтировались даже те элементарные удобства, которыми пользовались пассажиры третьего класса. По оценкам историков, из-за тесноты и антисанитарных условий во время этого плавания умирал каждый шестой из рабов. На кораблях, где происходили вспышки болезней или восстание, потери могли достигать 50%.

Выжившие рабы продавались, после чего корабли возвращались в Европу с грузом товаров, произведенных рабским трудом, такими, как сахар, табак, хлопок, ром и кофе.

Трансатлантическая работорговля представляла собой разветвленную и крупномасштабную экономическую систему. Основные страны, вовлеченные в работорговлю, – Испания, Португалия, Нидерланды, Великобритания и Франция – имели возможность получать значительную прибыль на каждом отрезке торгового пути. Многие европейские города процветали благодаря доходам от сельскохозяйственного производства, созданного и поддерживавшегося африканскими рабами.

Необходимо отметить, что до этого африканских рабов активно вывозили арабские работорговцы, однако в XVI в. Европа опередила арабов по масштабам этой торговли. Тем не менее подсчитано, что арабские государства за период с 650 по 1900 г. вывезли из черной Африки около 11,6 млн. рабов.

Практика рабовладения нередко оправдывалась соображениями филантропического или религиозного характера и даже была узаконена в печально известном «Черном Кодексе» 1685 г.; его подписал «король-солнце» Людовик XIV. Этим французским законом определялись права и обязанности рабов и их хозяев в колониях в двух частях Американского континента и, в частности, утверждалось: «Мы объявляем рабов движимым имуществом».

«Черный Кодекс» устанавливал жесткую дисциплинарную систему, предусматривавшую телесные наказания и клеймение за малозначительные преступления. Вместе с тем этот закон нередко изображался как благо для рабов и средство защиты от злоупотреблений со стороны хозяев. Законом предусматривались религиозные праздники, обязательное участие в католическом богослужении, терпимость к смешанным бракам и меры по защите семьи.

Большинство исследователей сходятся в том, что обращение в рабов чернокожих было обусловлено, в первую очередь, не расовыми или религиозными, а экономическими причинами. Известно, например, что рабами часто становились и белые европейцы, которые лишались свободы по политическим причинам, за долги или в качестве наказания за совершение преступления. Однако миф о превосходстве белой расы был весьма распространен: к примеру, великий гуманист Вольтер в «Метафизическом трактате» (1734) писал: «Белый превосходит негра так же, как негр – обезьяну, а обезьяна – устрицу».

Однако к концу XVIII в. в США и Великобритании, а также в других странах Европы усилилось моральное и политическое неприятие работорговли. Деятельность таких организаций, как квакеры в Северной Америке и «Общество за искоренение работорговли» в Великобритании способствовала росту общественной осведомленности о работорговле. Они подавали публичные петиции, проводили кампании бойкота и распространяли материалы, описывающие условия жизни рабов на борту торговых судов или во время работы на плантациях.

Кроме того, прибыльность этого промысла заметно уменьшилась. Историк У. Минчинтон проанализировал финансовые результаты вояжа одного из кораблей рабовладельцев – «Africa», который совершил «рабовладельческое» путешествие в 1774 г. Изучение судового журнала и финансовых отчетов британского акционерного общества «John Chilcott & Co», которому принадлежал корабль,

показало, что расходы на рейс составили 5 442 фунтов стерлингов, а доходы, полученные от продажи рабов на Карибском острове Сент-Висент – всего 5 128 фунтов, т.е. рейс был убыточным. Дж. Поуп-Хеннесси, автор книги «Грехи Отцов. Атлантическая Работорговля 1441–1807», указывает, что этот пример типичен для того периода истории.

К тому же и сами рабы восставали против своих угнетателей. Наиболее известным из таких восстаний является революция на Гаити (1791–1804). Наполеон Бонапарт отправил в эту колонию Франции экспедиционный корпус, однако французские войска, на тот момент сильнейшие в Европе, потерпели поражение. Правда, главной причиной поражения были не восставшие рабы, а эпидемии. Это событие ознаменовало собой важный переломный момент для всего института работорговли, поскольку колониальные державы начали осознавать опасность, которую несут подобные восстания в политическом и военном отношениях.

Этот фактор, а также набирающие силу голоса сторонников «аболиционистских» движений и меняющиеся экономические условия обозначили собой начало конца трансатлантической работорговли. Британское движение за запрещение работорговли особенно усилилось после кровавого восстания рабов на Ямайке (1831–1832).

В начале марта 1807 г. президент США Томас Джефферсон подписал закон, запрещавший работорговлю, но фактически рабство в США просуществовало до 1861 г. Чуть позже, в том же месяце, парламент Великобритании запретил работорговлю на всей территории Британской Империи. В последующие годы другие европейские страны последовали примеру США и Великобритании и приняли законы, запрещавшие рабство. Нидерланды приняли подобный закон в 1814 г., Франция – в 1815, Португалия окончательно отказалась от этой практики в 1830. Однако лишь после того, как Куба и Бразилия отменили рабство (соответственно, в 1886 и 1888), с трансатлантической работорговлей было покончено.

Однако в иных странах мира рабство существовало еще долгое время: так, в Иране оно было запрещено в 1928 г., в Эфиопии – в 1942, в Катаре – в 1952, в Саудовской Аравии – в 1962. Последний запрет на использование рабского труда был введен в 1981 г. – в Мавритании. Однако во многих случаях бывшие рабы так и не смогли получить реальной свободы и по-прежнему прина-

длежат бывшим хозяевам. Так, по оценкам ООН, в 2005 г. в Нигере насчитывалось до 800 тыс. рабов.

Феномен трансатлантической работорговли является предметом многих дискуссий. Нет сомнений в том, что в результате работорговли была уничтожена значительная часть языков, культуры и религии миллионов поработенных африканцев. Перемещение столь большого числа людей из Африки подорвало экономику Черного континента и, как полагают некоторые ученые, поставило Африку в невыгодное положение по сравнению с другими частями мира. Рабство способствовало формированию искаженного восприятия африканцев в мире, оставив после себя в качестве наследия расизм и стереотипное восприятие африканцев как неполноценных людей.

Что принесла империалистическая глобализация?

Таким образом, начиная с эпохи Великих революций вплоть до середины XX в. распространение идей западной цивилизации шло в основном по пути колонизации.

Процессы глобализации особенно усилились в последние годы XIX в., когда западный империализм распространил свое влияние почти на всю Африку, усилил контроль над Индостаном и по всей Азии. На большей части земного шара уже существовали завоеванные колонии. Европейская мощь имела вполне реальное военное выражение. Конечно, во все времена имело место сопротивление, как в активной, так и в пассивной формах⁵².

В эпоху империализма в конце XIX – начале XX в еще более усилилась глобальность исторического процесса. Капитализм расширил историческое пространство в масштабах всего земного шара. Завершился раздел мира между капиталистическими державами и формирование мировой колониальной системы.

В 1492 г., когда Колумб впервые высадился в Новом Свете, европейцы контролировали всего лишь 9% территории земного шара. К 1801 г. они управляли третью, к 1880 г. – двумя третями, а к 1935 г. европейцы осуществляли политический контроль над 85% земной поверхностью планеты и над 70% ее населения⁵³. Мир разделился на «глобализаторов» и «глобализируемых». Он стал фор-

⁵² Валлерстайн Э. Конец знакомого мира: социология XXI века. С. 241.

⁵³ Тоффлер Э. Третья волна. С. 163.

мально целостным. Европа распространила свое господство на всю планету. Этим «торжеством Запада» завершился длительный, примерно пятисотлетний этап глобализации.

На протяжении всего этого периода европейцы фактически правили всем миром. В совокупности они контролировали наиболее богатые и мощные в военном отношении державы. Они использовали самые передовые технологии и были их единственными создателями. Европейцы инициировали промышленную революцию и разработали концепцию устойчивого экономического роста, они реализовали модели «модернити» и капитализма, породили как бюрократизацию, так и представления о свободе личности⁵⁴.

Уже в 1640 г. законодательное собрание Новой Англии приняло ряд «империалистических» резолюций, прославившихся своей откровенностью: «Земля и все что на ней, принадлежит Господу; Господь может дать землю или какую-то ее часть избранному народу; Мы – избранный народ»⁵⁵.

Вскоре обнаружилось, что «облагодельствованные избранным народом» коренные народы вымирают с катастрофической скоростью. Европейские поселенцы привезли с собой новые заболевания, уничтожившие племена и целые народы. Болезни и смерть выкашивали огромные территории, очищая страну от коренных этносов. Колонисты называли это «перстом Провидения», помогающим «усердному труду избранного народа».

1650 г. стал началом массовой работорговли, организованной европейцами. Впервые в мировой обиход вошло понятие – «экспорт дешевой рабочей силы». В 1800 г. рабов из Африки в Америку перевозили более 6 тыс. кораблей. В то же время торговые рейсы между двумя основными центрами мировой экономики – Европой и Азией – совершали всего 6,6 тыс. судов⁵⁶.

Во время европейской экспансии андская и мезоамериканская цивилизации были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять экспан-

⁵⁴ Валлерстайн Э. Конец знакомого мира: социология XXI века. С. 228.

⁵⁵ Цит. по: *Mattingley G. Renaissance Diplomacy.* Chapel Hill: North Carolina University Press, 1955. P. 290.

⁵⁶ ИТ и общество. Шесть веков глобализации. [Электронный ресурс] URL http://www.ci.ru/inform15_03/p_09.htm

сии Запада и поддерживать достаточно независимое существование. На протяжении четырехсот лет отношения между разными цивилизациями заключались в подчинении всех других обществ западной цивилизации.

Отметим ради объективности и такой факт: после того как британцы ушли из Индии, уровень жизни в стране резко упал. До ухода «проклятые эксплуататоры» построили в Индии больше железных дорог, чем у себя дома, в Англии. В начале XX в. 42% британских внутренних накоплений инвестировались в Индию. Британцы расширили площади орошаемых земель Индии в восемь раз. То же самое происходило с многими другими колониями европейских стран.

В этот период и возникли организации, ставшие известными под названием «корпорация». До того как это произошло, типичным деловым предприятием владел или отдельный человек, или семья, или товарищество. Корпорации были исключительно редки. Даже во времена Американской революции, согласно А. Дьюингу, специалисту по истории бизнеса, «никто не мог бы подумать», что корпорация, а не товарищества или индивидуальные владельцы, могут стать основной формой организационного бизнеса⁵⁷. Совсем недавно, в 1800 г., в Соединенных Штатах было только 335 корпораций, большая часть которых занималась строительством каналов или прокладкой автомобильных дорог⁵⁸.

Рост массового производства изменил все это. Технологии «второй волны» потребовали гигантских вложений капитала – больших, чем это могли предоставить отдельные люди или даже небольшие группы. Поскольку индивидуальные владельцы или партнеры, вкладывая деньги, каждый раз ставили на карту свою судьбу, они неохотно тратили деньги на слишком обширные или рискованные проекты. Чтобы подбодрить их, была придумана «концепция ограниченной ответственности». Если какая-либо корпорация терпит крах, то инвестор теряет только ту сумму, которую он внес, и ничего больше. Эта инновация открыла ворота для инвестиций.

Более того, корпорацию стали рассматривать как «вечное существо», в том смысле, что она может пережить своих исходных

⁵⁷ Цит. по: *Scull P., Prescott C. From Peddlers to Merchant Princes. Chicago: Follett, 1967. P. 15.*

⁵⁸ *Bogart E., Donald L. Economic History of the American People. N.Y.: Longmans, Green, 1942. P. 657.*

инвесторов. В свою очередь это означало, что она способна осуществлять весьма долгосрочные планы и заниматься крупными проектами, невозможными ранее.

К 1901 г. на сцену вышла первая в мире корпорация с капиталом в 1 млрд долларов – «Unite State Steel», которая сконцентрировала невообразимо крупные активы. А к 1919 г. было уже шесть таких больших корпораций.

Глава 4

ИНФОРМАЦИЯ И ТРАНСПОРТ – ГЛАВНЫЕ СРЕДСТВА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Почтовые службы – обмен информацией

Почта с древнейших времен служила важным фактором глобализации. Она связывала между собой людей, живущих на огромных расстояниях друг от друга, позволяя им обмениваться информацией.

Потребность в почтовой службе существовала с самого начала человеческого общества. Ассирийское предание, изложенное у Геродота, повествует о гонцах, которые разносили повеления царицы Семирамиды во все концы ее царства. В Египте в эпоху XII династии уже существовали профессиональные гонцы, которые развозили царские приказы вплоть до Азии.

Персидские цари организовали государственную почтовую связь для доставки служебных писем эстафетой. На дорогах устраивались станции на расстоянии 20–40 км для смены лошадей и ночного отдыха. Частная почта переправлялась с оказией, с рассыльными курьерами.

В Греции каждый полис имел в своем распоряжении пеших посланцев. Почтовая служба Афинского морского союза имела три государственных судна. В греко-персидском царстве Птолемея на почтовых станциях велись записи о поступлении и отправлении корреспонденции.

В Риме существовали гонцы для передачи правительственных и частных посланий. Император Август учредил римскую государственную почту. Она была основана на обязанности населения

пункта, где находилась почтовая станция, заботиться о лошадях, о ночлеге и провианте для всех государственных почтовых служащих. Эта повинность тяжким бременем ложилась на жителей провинций. Но пользоваться государственной почтой могли только высшие чиновники и только для государственных целей. В виде исключения пользоваться услугами почты разрешалось также путешествующим чиновникам, ветеранам и жрецам.

Между крупными почтовыми станциями было устроено шесть-восемь пунктов для смены лошадей. По почтовым маршрутам в легких повозках передвигались путешественники, в телегах перевозились грузы.

Дневная норма для пеших переходов составляла около 30 км, на лошадях – 75 км, для «нарочных» курьеров в случае особой спешки – 200 км. Почтовые всадники, наделенные «паспортом», доставляли только служебные письма. Для доставки почтовых посылок существовали почтовые дилижансы. По особому распоряжению они могли быть использованы частными лицами. Центральное бюро морской почты находилось в Остии.

Благодаря превосходной сети дорог, безопасности и порядку сообщений, а также обширной переписке гражданских и военных властей, государственная почта всегда работала в полную силу. Расстояния от Британии до Кавказа и от устья Рейна до Ливии покрывались в краткие сроки. Если Цезарь, пользуясь переменными лошадьми, проезжал 100 миль в день, то Тиберий с помощью почтовых лошадей мог уже проезжать в два раза больше. Известия из важнейших провинций поступали в Рим ежедневно. На станциях оживленных дорог содержалось по 20–40 упряжных лошадей и мулов. Такая организация продержалась вплоть до падения Западной Римской империи в 476 г.⁵⁹

В период между 1305 г. и началом 1800-х гг. почтовая экспресс-служба «Дом Таксиса», использовавшая перекладных лошадей, охватывала уже всю Европу. К 1628 г. в ней были заняты 25 тыс. человек. Ее курьеры в голубых и серебряных униформах пересекали континент, перевозя различные послания и осуществляя связь между принцами и генералами, торговцами и ростовщиками.

Во время цивилизации Первой волны все эти каналы связи были предназначены только для богатых и власть имущих, обычные люди не имели к ним доступа. Как отмечал историк Л. Зилли-

⁵⁹ История Древнего мира. Кн. 2. М., 2004. С. 118–119.

акус, даже на «попытки послать письма другими способами» власти «смотрели с подозрением или вообще запрещали это»⁶⁰. Короче говоря, если непосредственный, лицом к лицу, обмен информацией был доступен всем, то возникшие способы передачи информации за пределы семьи или поселения были в значительной мере закрыты для простых людей и использовались лишь для целей социального или политического контроля. Иными словами, они представляли собой средства связи для избранных.

Но технология и массовое производство потребовали более «массивного» передвижения информации, с которым просто не могли справиться старые каналы связи. Информация, необходимая для экономического производства в «примитивных» обществах была относительно проста, ее можно было получить от кого-нибудь, кто находится поблизости, в виде устного сообщения или жеста. Напротив, индустриальная экономика нуждалась в тесной координации работы, выполненной в разных местах. При этом должно было создаваться и тщательно распределяться не только сырье, но и огромное количество информации.

По этой причине каждая страна срочно начала создавать свою почтовую службу. Почта выглядела таким же ярким и социально полезным изобретением, как прядильная машина. Она вызвала сильнейший энтузиазм, в значительной степени забытый в наше время. Американский оратор Э. Эверетт выразил это так: «Я вынужден рассматривать почтовую службу – наряду с христианством – как правую руку нашей современной цивилизации»⁶¹.

И действительно, почтовая служба предоставила первый широко открытый канал для коммуникаций в индустриальную эру. К 1837 г. Британская почтовая служба передавала не только сообщения для элиты; за год она осуществляла огромное по тем временам число отправок – 88 млн. А к 1960 г., примерно в то время, когда индустриальная эра достигла своего пика, это число выросло уже до 10 млрд. В том же году почта Соединенных Штатов доставила каждому американцу – мужчине, женщине или ребенку – по 355 отправок, посланных внутри страны.

Количество почтовых отправок – важный показатель глобализации в любой стране. Для современных обществ в 1960 г. средний уровень почтовых отправок на душу населения сос-

⁶⁰ *Zilliaccus L. From Pillar to Post. L.: Heinemann. 1956. P. 21.*

⁶¹ *Everett E. The Mount Vernon Papers, N 27. N. Y.: D. Appleton, 1860. P. 257.*

тавлял 141. В обществах периода индустриализации он не достигал и десятой части этого уровня: 12 отправок в год на человека в Малайзии или Гане, 4 – в Колумбии⁶².

Совершенствование транспорта – преодоление пространства

Люди с незапамятных времен стремились сократить расстояния с помощью разного рода транспортных средств. Уже изобретение колеса и приручение лошадей представляло собой гигантский шаг на пути преодоления пространств. Даже почта не смогла бы так быстро развиваться, если бы ее развитие не обеспечивалось совершенствованием транспортных средств.

Дальнейший прогресс здесь был связан не с ростом количества почтовых дилижансов, а с разработкой и массовым производством совершенно новых средств передвижения – поездов, автомобилей и аэропланов. Именно доступность скоростных средств передвижения стала главным катализатором глобализации⁶³.

Промышленный переворот и рост внутреннего и внешнего рынков обусловили необходимость радикальной перестройки средств транспорта и связи. Перевозки должны были стать более дешевыми, более быстрыми, не зависеть от времени года, например от осеннего бездорожья или замерзания рек зимой. Кроме того, новое транспортное средство не должно было быть ограничено в объемах перевозки. Всем этим условиям отвечала железная дорога. Желая раздвинуть уже установленные границы, государства использовали передовую технологию. Так, в XIX в. они бросились в «погоню за пространством» и принялись строить железные дороги.

Французский историк Ш. Моразе пояснял: «Страны, которые были уже почти объединены, в 1830 г. еще более ускорили процесс консолидации в связи со строительством железных дорог... поскольку они оказались неподготовленными к появлению необычного стального обруча... сжимавшего их... Каждая нация словно спешила провозгласить свое право на существование, прежде чем будет проложена железная дорога, с тем чтобы ее могли признать как нацию при включении в транспортную систему, которая на протяжении столетия определяла политические границы Европы»⁶⁴.

⁶² Тоффлер Э. Третья волна. С. 73.

⁶³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003.

⁶⁴ Moraze, Charles. The Triumph of the Middle Classes: A Study of European Values In the Nineteenth Century. (L.: Weidenfeld and Nicolson, 1966. P. 154.

Р. Дж. Форбс, классик истории технологии, утверждает, что «изобретение парового двигателя есть центральный факт индустриальной революции». За ним последовало введение новых перводвигателей и мобильного парового двигателя, благодаря которому «мощь паровой машины могла быть создана там, где нужно, и в желательном размере»⁶⁵.

Первым пароходом, получившим практическое применение, было речное судно «Клермонт», построенное в 1807 г. американским изобретателем Робертом Фултоном. С конца 1860-х гг. на морских судах стали применять поршневые паровые машины, а с 1894–1895 гг. были предприняты первые опыты по замене поршневых двигателей паровыми турбинами, что значительно увеличило мощность и скорость морских и океанских паровых судов.

В 1814 г. появился первый практически применимый паровоз английского изобретателя Джорджа Стефенсона. В сентябре 1825 г. в Англии была проложена первая железнодорожная колея. В мае 1835 г., уже на континенте, Брюссель был соединен с Малинес. В том же году в сентябре в Баварии был проложен путь Нюрнберг – Фурт. Следующим был Париж – Сен-Жермен. В течение следующих трех десятилетий железнодорожные рабочие осваивали один регион за другим⁶⁶.

В 1831 г. к механизации рельсовых дорог приступили США, а в 1832 г. – Франция. В России первая железная дорога общего пользования между Петербургом и Царским Селом открылась в 1837 г., хотя еще ранее механики-самородки Черепановы построили первые паровозы на нижнетагильских заводах. В 1840 г. мировая сеть железных дорог составляла около 9 тыс. км, в 1850 г. – 40 тыс. км, в 1860 г. – 110 тыс. км, в 1870 г. – 210 тыс. км.

Но особенно быстрыми темпами развивалось железнодорожное строительство в Британии, которое привело к настоящей железнодорожной лихорадке: появились специальные газеты, фирменные конверты, происходила повсеместная продажа железнодорожного расписания. К середине XIX в. протяженность железнодорожного полотна составляла в Великобритании 50 тыс. км, что позволяло ежегодно перевозить 54 млн пассажиров. К концу столетия первый показатель увеличился в три раза, а второй пре-

⁶⁵ *Forbes R.J.* «Power to 1850» // *C. Singer* (ed.), *A History of Technology*, vol. 4: *The Industrial Revolution, 1750–1850*. Oxford: Oxford University Press. 1958. P. 150.

⁶⁶ *Soper H.* *The Mails: History, Organization and Methods of Payment*. L.: Keliher, Hudson and Kearns, 1946. P. 13.

высил миллиардную отметку. Это стало стимулом развития отраслей тяжелой промышленности, телеграфа, телефона, местных транспортных коммуникаций, автомобилестроения.

В Соединенных Штатах правительство выделяло частным железнодорожным компаниям значительные земельные участки. Золотой костыль, вбитый при завершении строительства первой трансконтинентальной железнодорожной линии, открыл путь к поистине национальному рынку, интегрированному в континентальном масштабе. И это обеспечивало подлинную, в отличие от номинальной, власть национального правительства. Вашингтон мог теперь быстро перебросить свои войска через континент, что укрепляло его влияние.

Особо подчеркнем, что этот строительный бум сопровождало «грюндерство» (от нем. Grunder – основатель, учредитель) – «учредительская горячка», массовая организация промышленных, строительных и торговых акционерных обществ, банков, кредитных и страховых компаний. Грюндерство сопровождалось кредитной экспансией, широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, ажиотажем и махинациями финансовых дельцов. Грюндерство стало неотъемлемым признаком экономической и социальной жизни в 1850–1870-х гг.

В начале 1870-х гг. грюндерство приняло международный характер. В Германии грюндерство особенно расцвело в связи с получением пятимиллиардной контрибуции от Франции после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Спекулятивная горячка начала 1870-х гг. определила масштабы и остроту первого крупного мирового экономического кризиса в 1873 г.

В 1879–1880-е гг. появился трамвай – городская наземная электричка, состоящая из одного или нескольких вагонов. В 1881 г. в Германии открылась первая линия электрического городского трамвая. С 1892 г. строительство трамвайных линии началось и в России.

Успех железнодорожного транспорта как наиболее эффективно для перевозок на дальние расстояния привел к идее о возможности создания внутригородского железнодорожного транспорта – метрополитена. Линии метрополитена проводились над землей или под землей. Наземный тип получил особое распространение на заре метрополитенного строительства – в 1860-е гг., преимущественно в Нью-Йорке, Берлине и некоторых других городах. Из других мировых столиц Лондон и Париж строили метрополитены главным

образом под землей. К концу века подземный метрополитен стал одним из признанных транспортных средств в больших городах.

Французские изобретатели братья Монгольфье построили аэростат – бумажный шар, наполненный горячим дымом («монгольфьер»). В ноябре 1783 г. на воздушном шаре Монгольфье впервые совершили полет люди.

В 1878 г. возник проект аэроплана А.Ф. Можайского. В 1860-х гг. Можайский начал исследовать возможность создания летательной машины тяжелее воздуха. В 1906 г. братья Райт запатентовали самолет. Первый успешный полет был совершен ими в 1903 г. и продолжался 12 секунд. Развитие международного авиационного сообщения сделало возможным массовые путешествия и в корне изменило представления о характере военных действий.

А в конце XIX в. возник новый вид транспорта – автомобиль. В 1885–1886 гг. немецкие инженеры К. Бенц и Г. Даймлер сконструировали первые образцы автомобилей. Уже в 1890-х гг. в ряде стран началось промышленное производство автомобилей, что повлекло за собой усиленное строительство шоссейных дорог.

Прогресс коммуникаций – создание информационного пространства

Письменная литература в процессах глобализации играет особую роль ввиду ее способности к относительно простому «переселению» из одного культурного контекста в другой. По словам литературоведа С. Гринблатта, она «практически неизбежно является агентом глобализации»⁶⁷.

Примерно за 700 лет до Рождества Христова в Греции в этой области было сделано решающее для дальнейшего развития европейской цивилизации изобретение: воспринятое с Ближнего Востока и приспособленное к собственным «информационным» нуждам алфавитное письмо. Этот исторический поворотный пункт был подготовлен тремя тысячелетиями эволюции неалфавитных форм письменной фиксации информации и ее перемещения в пространстве и времени. Греческое общество обрело новое «алфавитное мышление», вызвавшее в человеческой коммуникации качественные изменения. Именно алфавит создал возможности повсеместно-

⁶⁷ *Greenblatt Stephen. Racial Memory and Literary History // PMLA Journal. Vol. 116. N 1. January 2001. P59.*

го распространения информации⁶⁸. Примерно полторы тысячи лет спустя, после изобретения и распространения печатного станка и производства бумаги началось широкое распространение грамотности.

Принято считать, что изобретение книгопечатания произошло в немецком г. Майнце в 1440 г. И автором его был Иоганн Гутенберг. Суть его изобретения состояла в том, что он предложил использовать отдельные металлические литеры для набора текста. Литеры изготавливались путем выдавливания специальным инструментом в мягком металле углубленного изображения буквы (матрицы) и отливки с помощью матрицы и специальной литейной формы нужного количества наборных литер из свинцового сплава. Литеры располагались в нужном порядке в специальных ячейках, из которых их брали в процессе набора для составления слов. Для процесса печати был создан специальный ручной станок, сконструированный по принципу взаимодействия двух плоскостей, на одну из которых помещались литеры, а другая прижимала к ним бумагу. Перед этим литеры вручную покрывались краской. Все детали станка были изготовлены из дерева. Производительность его, предположительно, не превышала 100 оттисков в час. Метод Гуттенберга значительно убыстрял процесс печати и делал возможным печать больших тиражей.

В 1832 г. русский изобретатель П.Л. Шиллинг изобрел первый практически пригодный электромагнитный телеграф, передающий знаки посредством условного положения стрелок в аппарате станции. В 1837–1838 гг. американский изобретатель С. Морзе предложил электромеханический телеграфный аппарат для передачи и приема сообщений знаками «азбуки Морзе», в котором каждая буква или знак была представлена своей комбинацией точек и тире.

В 1839 г. французские изобретатели Ж. Ньепс и Л. Дагер изобрели фотографию. Уже в 1820-е гг. Ньепс нашел способ закрепления изображения, получаемого в камере-обскуре. А Дагер на основе опытов Ньепса в 1839 г. разработал первый практически пригодный способ фотографии – дагерротипию, в которой светочувствительным веществом служил иодид серебра. В 1840-е гг. в результате усовершенствований фотографического метода удалось получать с негативов любое количество позитивных отпе-

⁶⁸ *Havelock E.A.* The Literate Revolution in Greece and its Cultural Consequences. Princeton. N.Y. 1988.

чатков на светочувствительной бумаге, а не один, как при способе Дагера. С этого момента начался период широкого применения фотографии.

В 1876 г. было положено начало телефонной связи после изобретения телефонного аппарата американским изобретателем Александром и созданием в 1877 г. первой телефонной станции в США, в 1879 г. – в Париже, в 1881 г. – в Берлине, Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Варшаве. В 1889 г. американский изобретатель А.Б. Строуджер получил патент на автоматическую телефонную станцию. Телефонная связь превратилась в крупномасштабную коммуникационную сеть, связывающую весь мир.

В 1877 г. Т. Эдисон изобрел фонограф – аппарат для механической записи и воспроизведения звука. Дальнейшие работы в этой области привели к появлению в 1887 г. граммофона и различных конструкций механических звукозаписывающих аппаратов.

В 1895 г. родился кинематограф. В Париже в 1895 г. французские изобретатели братья Люмьеры создали пригодный к практическому использованию аппарат для съемки и проецирования «движущихся фотографий», получивший название кинематограф. С конца 1895 г. в Париже начал функционировать первый кинотеатр, в котором демонстрировались фильмы, подготовленные Люьерами.

В 1897 г. были осуществлены первые опыты А.П. Попова по радиолокации. Русский физик и электротехник одним из первых создал радиоприемник. В 1897 г. он начал работы по «беспроволочному телеграфированию», передав на расстояние 200 м первую радиограмму. В 1901 г. он достиг дальности радиосвязи около 150 км. С 1906 г. началась «эра радио».

Пресса как средство коммуникации

Первыми средствами массовой коммуникации принято считать газеты. Хотя они возникли относительно недавно, но их прообраз имеет давнюю историю.

Прообразом газеты считаются сводки новостей и официальные сообщения, которые вывешивались в общественных местах античных городов. В Средние века в Англии выпускались сводки о новостях в виде книг, посвященных, как правило, одному событию: сражению, бедствию, народному празднику. Самой ранней из сводок такого рода является отчет очевидца о победе англичан над шотландцами в 1513 г.

В XVI в. в Венеции действовало бюро по сбору информации. Появились профессиональные «писатели новостей», которые составляли рукописные сводки сообщений о светской жизни, событиях в городе, торговле и т.д. В Венеции за каждую сводку платили мелкую монету – «газету». Этот термин вошел в обиход после основания Т. Ренодо в 1631 г. французской «Ля Газетт» («La Gazette»).

В XVII в. газеты уже довольно широко распространились, стали выходить регулярно, пусть и небольшими тиражами. Относительно регулярно выходила германская газета «Авизо релацион одер цайтунг» («Aviso-Relation oder Zeitung», основана в 1609 г.). С середины XVII в. стали появляться ежедневные газеты – «Лейпцигер цайтунг» (основана в 1661 г.) в Германии, «Дейли курант» (основана в 1702 г.) в Англии, «Журналь де Пари» (основана в 1777 г.) во Франции.

В годы Тридцатилетней войны по всей Европе наметилась тенденция контроля за газетами со стороны государства, широко распространилась цензура в различных формах. Лишь в 1766 г. в Швеции был принят первый в мире закон, гарантировавший свободу прессы⁶⁹.

Глава 5

РЕАКЦИЯ НА ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Первые «антиглобалисты»

Уже в начальный период индустриализации возникли попытки преградить путь новым технологиям. В 1663 г. лондонские рабочие разломали новые механические лесопилки, угрожавшие их заработкам. В 1676 г. свои машины разрушили рабочие, изготавливающие подвязки. В 1710 г. бунтовщики протестовали против введения новых рамочных станков для изготовления чулок. Позже разъяренная толпа разрушила дом Джона Кея, изобретателя бегущего челнока, применяемого в текстильном производстве. Он был вынужден покинуть Англию вместе с семьей. Наиболее часто упоми-

⁶⁹ Мировая история. Новое время. XVI–XVIII вв. С.137–138.

наемый случай произошел в 1811 г., когда «разрушители машин», называвшие себя «луддитами», уничтожили свои текстильные станки в Ноттингеме⁷⁰.

Все же эта ненависть к станкам проявлялась спорадически и спонтанно. Как заметил один историк, «многие из этих случаев были не столько результатом враждебного отношения к самому станку, сколько способом оказать давление на ненавистного работодателя». Неграмотные рабочие, мужчины и женщины, бедные, голодные, доведенные до отчаяния, видели в станке угрозу своему существованию.

Вспышка национализма – реакция на глобализацию

Ускорение глобализации вызвало ответную реакцию в виде вспышки национализма. Начиная с американской и французской революций и на протяжении всего XIX в. буйство национализма охватило индустриализирующиеся районы мира. В Германии 350 небольших, очень разных, соперничающих мини-государств пришли к созданию единого национального рынка – *das Vaterland*. Италия, раздробленная на части и управляемая Савойской династией, Ватиканом, австрийскими Габсбургами и испанскими Бурбонами, пришла к объединению. Венгры, сербы, хорваты, французы и другие нации внезапно испытали необъяснимое влечение к своим собратьям. Поэты воспевали национальный дух. Историки открывали давно потерянных героев, литературу, фольклор. Композиторы сочиняли гимны по случаю обретения национальной государственности. И все это происходило именно тогда, когда глобализация подвела их к такому шагу⁷¹.

Национальные восстания, вызванные промышленным переворотом в Соединенных Штатах, Франции, Германии и других странах Европы, привели к тому, что мир оказался разделенным на особые национальные образования.

Опыт показывает, что когда государство стремится расширить свой рынок и укрепить свою политическую власть, ему ничто не препятствует – ни языковые различия, ни культурные, социальные, географические и стратегические барьеры. Только транспорт, средства связи и энергетические запасы ограничивают размеры

⁷⁰ *Mazlish B.* ed. *The Railroad and the Space Program: An Exploration in Historical Analogy.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965. P. 111.

⁷¹ *Minore K.R.* *Nationalism.* Baltimore: Penguin Books, 1967. P. 13.

территории, которой может эффективно управлять единая политическая структура. Разработанность систем учета, бюджетный контроль и способы управления так же определяют, насколько далеко может продвинуться политическая глобализация.

В пределах этих границ государственные элиты точно так же, как корпоративные и правительственные, боролись за экспансию. Чем обширнее становилась территория, находившаяся под их контролем, чем больше разрастался экономический рынок, тем больше укреплялись их благосостояние и власть. Каждая нация расширяла свои экономические и политические границы до самых отдаленных районов земного шара, поэтому происходило не только столкновение интересов, но и соперничество наций.

Итог: глобализация сто лет назад

Концом XIX – началом XX в. принято датировать окончательное формирование мировой системы как целого, в том числе политического.⁷² Не случайно некоторые исследователи даже выделяют «протоглобализацию». Ее временные рамки очерчивают следующим образом: от середины XIX до начала XX в. (до Первой мировой войны). Ее географическим ареалом называют «атлантический мир» – Европу и Северную Америку.

В начале XX в. была предпринята решительная попытка сделать экономику глобальной – устранить на торговых путях границы, пошлины, сделать их удобными и безопасными. По дну Атлантики проложили телеграфные кабели, под Альпами прорыли туннели, соединили океаны Суэцким и Панамским каналами.

В конце XIX в. началась и глобализация спорта. В 1894 г. представители 12 стран приняли решение о систематическом проведении Олимпийских игр. Был создан руководящий орган олимпийского движения – Международный олимпийский комитет и утверждена Олимпийская хартия – свод основных правил и положений МОК. Первые олимпийские игры современности были проведены в Афинах в 1896 г.

Динамика глобализации в этот период действительно была впечатляющей. Быстрое снижение транспортных издержек и таможенных тарифов стимулировало рост мировой торговли. Благодаря пароходам и паровозам мощные товарные потоки опоясали мир.

⁷² Степанов А. Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М., 2004. С. 460.

С 1870 по 1913 г. британский экспорт вырос с 10,3 до 14,7% ВВП, а германский – с 7,4 до 12,2%. Интенсифицировались и финансовые потоки. В 1913 г. треть британских капиталов была размещена в заморских территориях⁷³.

Успешное осуществление намерения создать единый интегрированный мировой рынок можно видеть в небывалом приросте мировой торговли, произошедшем во время прохода по Европе второй волны глобализации. Между 1750 и 1914 гг. объем международной торговли возрос более чем в 50 раз, от 700 млн долл. до почти 40 млрд долл.⁷⁴.

Если совместить все эти факты с изобретением парохода, телеграфа, железной дороги и, наконец, телефона, то вполне можно сказать, что в эту эру глобализации до Первой мировой войны мир сократился с размера «большого» до размера «среднего»⁷⁵. Эта волна глобализации строилась вокруг ускорения передвижений. Благодаря изобретению железной дороги, парохода и автомобиля люди смогли передвигаться свободнее, быстрее и дешевле и смогли быстрее и дешевле торговать на больших расстояниях.

Началось «великое переселение народов» из страны в страну, с континента на континент. За сто лет, начиная с 1820 г., около 60 млн. европейцев переселилось в Новый Свет; три пятых из них – в Соединенные Штаты Америки. Интенсивная миграция шла и в Европе. Например, в 90-е годы XIX века больше итальянцев эмигрировало во Францию и Германию, чем в США⁷⁶. За исключением военного времени, до 1914 г. людям не требовались для путешествий паспорта. Все потоки иммигрантов, наводнявших американское побережье, приезжали без виз.

Россия же столкнулась с проблемой массовой миграции еще в конце XIX в. Быстрый рост населения и скрытое аграрное переселение страны привели к увеличению сезонной миграции, которая шла в основном из западных губерний Российской империи, как правило, в близлежащие страны Западной Европы. Кроме того, в 1880–1890-е г. к этому добавился значительный отток населения в США на постоянное место жительства. В 1880-е гг. уехали 288 тыс. человек, в 1890-е – 481 тыс. В первое десятилетие

⁷³ The Economist, January 8th 2000. P. 97.

⁷⁴ Woodruff W. The Fontana Economic History of Europe, Vol. IV, Chapter 2, The Emergence of an International Economy 1700—1914. London: Fontana, 1971. P. 7.

⁷⁵ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 16.

⁷⁶ The Economist, January 8th 2000. P. 97.

тие XX в. из России уехали 911 тыс., а в 1911–1914 гг. – 430 тыс. человек. Значительный компонент эмигрантов составляло еврейское население. Это было связано как с ростом антисемитизма в Российской империи, так и с хорошими экономическими условиями в США⁷⁷.

Здесь надо упомянуть и такой важный фактор глобализации, как международное разделение труда. Оно зародилось еще в глубокой древности, но даже в начале XIX в. в международный обмен поступало лишь около 1% мирового ВВП. С началом же промышленного переворота, модернизации транспорта и связи международное разделение труда бурно нарастало. К концу XX в оно достигло 25% мирового ВВП. При этом в международное разделение труда втягивалось подавляющее большинство государств. Поскольку обмен услугами и межотраслевой продукцией к началу тысячелетия превысил половину общего оборота мировой торговли, этот феномен получил название «нового международного разделения труда»⁷⁸.

По мнению ряда аналитиков, 100 лет назад глобализация мировой экономики была ничуть не меньшей, чем сейчас⁷⁹. Более того, на основании некоторых экономических показателей (мировая торговля, вывоз капитала, золотой стандарт и т. д.) они утверждают, что в начале XX в. мир был более глобализован, целостен и однороден, чем в его середине⁸⁰. В частности, Североатлантический регион сто лет назад был более гомогенным образованием, чем он стал спустя несколько десятилетий, под разрушительным воздействием двух мировых войн и Великого кризиса 1930-х гг.⁸¹

Результаты ускоренной экономической глобализации не замедлили сказаться: планету потряс мировой экономической кризис, сопровождавшийся крахом биржевого рынка, массовыми банкротствами и тяжелой депрессией в Европе и Америке.

⁷⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 28 февр. 2004.

⁷⁸ Широков Г. Глобализация. [Электронный ресурс] URL <http://www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm>

⁷⁹ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. <http://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/041200r.htm#I>

⁸⁰ O'Rourke K., Williamson J. Globalization and History. Cambridge, Mass., L., 1999. P. 2, 5.

⁸¹ Ibid. P. 25–27, 283.

Глава 6

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ГЛОБАЛИЗАЦИИ. XX ВЕК

Итак, к 1910 г. мир был более един политически и экономически, чем в любой другой период в истории человечества. Доля международной торговли от валового мирового продукта была выше, чем когда бы то ни было прежде, и вновь достигла этого значения только к 70–90 гг. XX в. Доля международных инвестиций от общего количества инвестиций была выше, чем в любое другое время.

Цивилизация как термин означала тогда западную цивилизацию. Международный закон был западным международным законом, который основывался на традициях Греции. Международная система была западной вестфальской системой суверенных, но «цивилизованных» национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий. Возникновение такой международной системы с доминированием Запада было вторым важным этапом развития глобальной политики за весь период после 1500 г.

Финансовые потоки между европейскими экономиками к 1914 г. достигли интенсивности, которая в настоящее время еще не превзойдена, а торговый оборот составил 33% от совокупного валового продукта. Выше был и уровень миграционных потоков.

Таким образом, даже только с экономической точки зрения глобализация не выглядит исключительно новым явлением. Современная мировая экономика в некоторых отношениях является даже менее интегрированной, чем экономика накануне Первой мировой войны. В канун 1914 г. экспорт британских капиталов составлял до 9% ВВП, т.е. в два раза превышал экспорт капиталов Японии и Германии (в сопоставимых цифрах) в 1980-е гг. В 1910-е гг. существовала и единая мировая денежная единица – золото, а численность рабочих, пересекающих границы, была более высокой, чем в наши дни⁸².

И, хотя многие авторы сегодня утверждают, что глобализация препятствует развязыванию войн, тем не менее та высочайшая степень экономической взаимозависимости европейского сообщества не предотвратила Первой мировой войны⁸³.

⁸² См.: Шумилов М. Концептуальные основы глобализации. [Электронный ресурс] URL – http://credo-new.narod.ru/credonew/01_05/9.htm

⁸³ Кулагин В.М. Поиск нового качества глобализации. [Электронный ресурс] URL <http://polit.mezhdunarodnik.ru/art.php3?rub=115&id=9895>

Первая мировая война и Версальская система

Идеологи первых десятилетий глобализации, Р. Кобден и Дж. Брайт, обосновали тезис о том, что свободная торговля необратимо подстегнет всемирный экономический рост и благодаря невиданному процветанию, основанному на взаимозависимости, народы забудут о распрях. Идея благотворного воздействия глобализации на склонную к конфликтам мировую среду получила воплощение в книге Н. Эйнджела «Великая иллюзия» (1909). В ней автор за пять лет до начала Первой мировой войны доказывал невозможность глобальных конфликтов в условиях сложившейся экономической взаимозависимости мира.

Перед 1914 г. Британия и Германия – основные внешнеполитические антагонисты – являлись вторыми по значимости торговыми партнерами друг друга. Однако в августе 1914 года предсказание необратимости глобального сближения наций показало всю свою несостоятельность. «Сторонники глобализации не правы, утверждая, что глобализация является неизбежной – в конце концов, по любым оценкам, после Первой мировой войны произошел откат глобализации», – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц⁸⁴. С тех пор динамика показателей глобализации шла по синусоиде, дважды снижаясь после мировых войн и снова достигая максимума – последний раз в наши дни.

Итак, в 1914 г. разразилась Первая мировая война. Парадоксально, но и она, как и мировой экономический кризис, сама стала проявлением глобализации – впервые в истории в вооруженном конфликте участвовали государства, находящиеся на всех континентах Земли, кроме Антарктиды.

Закончилась война, и послевоенный мир также стал актом глобализации – в рамках Версальской системы для урегулирования международных споров мирным, правовым путем была создана Лига Наций. Устав Лиги наций стал составной частью Версальского договора 1919 г. Он был основан на нормах международного права, предусматривал отказ от войны и наказание агрессора. Почти все независимые страны постепенно вошли в Лигу Наций. Однако большинство народов все же не входили в Лигу, так как находились в колониальной зависимости. Версальская система была

⁸⁴ *Стиглиц Д.* Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL <http://nobeli.nm.ru/st.htm>

дополнена решениями Вашингтонской конференции, поэтому иногда этот мировой порядок называют Версальско-вашигтонской системой.

Кредиты США союзным державам заложили основу долговой системы Версальского мира. Война открыла дорогу монополии доллара на весь XX в. Версальская система была основана на репарациях, которые создавали долговую зависимость большинства стран Старого Света перед новым мировым кредитором в лице США. К концу 1920 г. вся Европа оказалась должником США.

Хотя этап глобализации до 1914 г. был довольно внушительным, но многие развивающиеся страны были из нее исключены⁸⁵. К тому же после того, как ряд стран Европы и США воздвигли таможенные барьеры, а Америка, Аргентина и Канада ограничили иммиграцию, эта волна глобализации захлебнулась. Первая мировая война и Великий кризис 1929–1933 гг. добились ее окончательно⁸⁶. «В период между двумя мировыми войнами мир повернулся спиной к интернационализму или глобализации, как мы теперь его называем, – и страны замкнулись в пределах своих экономик, откатившись к протекционизму и всеобъемлющему контролю за движением капитала», – констатировали сотрудники МВФ⁸⁷.

Теперь наиболее крупные европейские государства постоянно вели между собой усиливающуюся кровавую битву за власть над возникающей мировой экономической системой⁸⁸. Авторитет Англии и Франции попыталась поколебать в Первой мировой войне возрастающая индустриальная мощь Германии. Опустошительные разрушения, невероятный всплеск инфляции и последовавшая за тем депрессия, революция в России – все это ослабило мировой индустриальный рынок.

Эти обстоятельства повлекли за собой спад темпов роста мировой торговли, и хотя торговая система объединила большое число стран, фактический объем международного товарооборота уменьшился. А Вторая мировая война еще более замедлила развитие глобализованного мирового рынка.

⁸⁵ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 16.

⁸⁶ O'Rourke K., Williamson J. Globalization and History. P. 287.

⁸⁷ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL <http://www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/041200r.htm#I>

⁸⁸ Isaacks H.R. Idols of the Tribe. N.Y.: Harper & Row, 1975. P. 6.

Правительство как ускоритель глобализации

Капиталисты и предприниматели все время жаловались, что государство вмешивается в коммерческую деятельность. Но очевидно, что без такого вмешательства глобализация стала бы развиваться намного медленнее.

Прежде всего, именно правительства стимулировали строительство железных дорог. Они же строили порты, прокладывали дороги и автострады, сооружали каналы. Они управляли почтовой связью, создавали и упорядочивали телеграфную и телефонную связь, системы теле- и радиовещания. Они разрабатывали торговое право и стандартизировали торговлю. Они использовали внешнеполитическое давление и тарифы, чтобы содействовать промышленности. Они сгоняли крестьян с земли и тем самым поставляли промышленности рабочую силу. Они субсидировали энергетику и обеспечивали развитие технологии, часто через военные заказы. На самых различных уровнях правительства решали тысячи интеграционных задач, которыми другие не хотели или не могли заниматься.

Таким образом, именно правительство было великим ускорителем глобализации. Силой принуждения и взиманием налогов оно делало то, за что частный сектор не решался взяться. Правительства могли «подогревать» ход глобализации, оставляя в системе достаточные зазоры, чтобы частным компаниям стало возможно или выгодно подключиться к процессу.

Создавая системы массового образования, государство помогало готовить подрастающее поколение к будущему участию в производстве – фактически, поставляя рабочую силу, оно субсидировало промышленность. Освободив семью от образовательной и других традиционных функций, правительство ускорило адаптацию семейной структуры к потребностям промышленной системы⁸⁹.

Мировой кризис – первый плод финансовой глобализации

В 1929–1930 гг. разразился крупнейший кризис мирового капиталистического хозяйства.

Еще в середине 1929 г., в последний год «бума», мировая капиталистическая экономика казалась стабильной и процветающей. Но в октябре 1929 г. внезапно рухнул финансовый рынок США, а затем и других стран мира. За короткое время закрылось более

⁸⁹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 123.

пяти тыс. американских банков, обесценились акции на 40 млрд долл., свои деньги потеряли миллионы вкладчиков во всем мире. Лишившись капиталовложений, экономика стран Запада стала разрушаться. Так «Великая депрессия», начавшаяся в США, стала началом мирового экономического кризиса и свидетельством тесной взаимозависимости национальных экономик.

«Великая депрессия» была вызвана нерегулируемым, спонтанным развитием мирового рынка. Считалось, что свободное перетекание финансов из отрасли в отрасль само по себе обеспечит наилучшее регулирование экономики. Но в результате образовались огромные массы капиталов, не связанные с какой-то определенной отраслью индустрии или сельского хозяйства. Финансовый рынок стал развиваться независимо от рынка реальной продукции. А между тем мировой рынок сбыта был уже насыщен товарами.

Дело в том, что покупательная способность населения, особенно вне Европы и Америки, росла очень медленно, и населению не требовалось столько товаров, сколько производилось «мировой фабрикой» стран Запада. Но мировые финансовые биржи не могли учитывать эти тревожные тенденции, поскольку были заняты искусственными операциями с акциями и ценными бумагами.

А поскольку финансовые рынки носили глобальный характер, кризис в США вызвал цепную реакцию и быстро охватил все капиталистические страны. В начале 1933 г. финансовая активность в США полностью замерла, банки не работали, производители не знали, где брать капиталы для развития и куда сбывать продукцию. Потерявшие работу, вклады или часть зарплаты люди стали покупать меньше товаров. Образовался замкнутый круг.

Фермеры не могли продать свою продукцию и купить самые необходимые им промышленные товары. Цены на сельскохозяйственную продукцию упали настолько, что фермеры, даже продав урожай, не могли рассчитаться с долгами. Но и в этих условиях продукты продавались с трудом – у горожан было очень мало денег. Чтобы замедлить падение цен, фермеры сжигали принадлежавшее им «лишнее» продовольствие в то время, как миллионы людей в городах голодали. Великая депрессия нанесла страшный удар по уровню жизни миллионов людей, особенно жителей процветающих прежде стран Запада.

В начале 1930-х гг. в большинстве стран Европы и Северной Америки рабочие, крестьяне, безработные и разорившиеся мелкие предприниматели все активнее и отчаяннее выступали против общественного устройства, которое довело их до полуголодного со-

стояния. Резко выросло влияние коммунистов и других политических сил, требовавших скорейших перемен, ликвидации обанкротившейся общественной системы.

В ответ в 1933 г. в целом ряде стран начались реформы, направленные на создание государственно-монополистической хозяйственной системы и «социального государства», которые бы способствовали преодолению депрессии. После начала реформ Ф.Д. Рузвельта из кризиса стали выходить и США. Но депрессия так и не была преодолена полностью вплоть до Второй мировой войны⁹⁰.

Идеологические проекты глобализации XX века

Когда западная цивилизация распространила на всю планету свое господство, преобразуя все, с чем она вступала в контакт, это относилось не только к технологии или торговле⁹¹. Сокрушая прежние цивилизации, западная создавала не просто новую реальность для миллионов людей, но и новое понимание действительности. Сталкиваясь с ценностями, идеями, мифами и этикой аграрного общества, западная цивилизация противопоставляла им новые понятия о Боге, справедливости, любви, власти, красоте. Она способствовала появлению новых идей и целей, ниспровергала и вытесняла старые представления о времени, пространстве, материи и причинности. Возникла впечатляющая и понятная картина мира, которая не только объясняла, но и оправдывала реальность.

Эта картина мира была сложной конфигурацией идей и представлений, с помощью которых людей обучали понимать свой мир. Это был свод предпосылок, используемых западной цивилизацией, ее учеными, деловыми людьми, государственными деятелями, философами и пропагандистами.

Однако явный провал предыдущей, довольно мощной волны глобализации породил идеологический кризис. В разных странах стали возникать самые разнообразные проекты объединения мира. На протяжении всего столетия человечество было погружено в пучину конкурирующих версий нового мироустройства: российской, германской и американской. И заодно – яростного состязания мировых идеологий, пришедших на смену мировым религиям. Если

⁹⁰ А. Ш. Великая депрессия // Мировая история. Новейшая история. XX век. Кн. 1. М., 2003. С. 78–79.

⁹¹ Эта часть работы написана по материалам: Тоффлер Э. Третья волна. Гл. 9.

посмотреть на подошедший к концу XX в. с точки зрения истории глобализации, то он предстает как грандиозная схватка различных глобализационных проектов – колониального, фашистского, коммунистического, либерального и фундаменталистского.

Лозунг русской революции 1917 г. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и деятельность Коминтерна тоже представляли собой новую идею глобализации человечества – мировой пролетарской революции как наиболее эффективного способа предотвращения радикальных переделов мира в эпоху высокоразвитого индустриализма. Такая глобализация мыслилась как процесс, с одной стороны, вначале исключительно политический (установление «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе), а с другой – планируемый, направляемый и контролируемый союзом политических партий нового типа – Коминтерном, который, в свою очередь, находился под контролем Коммунистической партии СССР. Этот процесс казался вполне реальным.

Но тогда же возник и национал-социалистический проект глобализации. В нем глобализация рассматривалась как политическая интеграция разных стран, осуществляемая насильственным путем союзом держав «оси Рим-Берлин-Токио» под руководством союза партий нового типа, в котором решающую роль играла Германская национал-социалистическая рабочая партия. Если руководящим девизом коммунистической глобализации был лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то аналогичным девизом нацистской – «Арийцы всех стран, соединяйтесь!»

Результатом этого проекта стали периоды господства фашистского режима в Италии (1922–1944), нацистского – в Германии (1933–1945), разного рода фашистских и парафашистских режимов в Португалии (1920–1974), Польше (1926–1939), Венгрии (1920–1944), Испании (1939–1975), а также Греции и ряде других стран Европы. К 1939 г. из 26 стран Западной Европы демократическую форму правления сохраняли только 12. Остальные 14 имели диктаторские режимы (Италия, Болгария, Испания, Албания, Португалия, Польша, Литва, Югославия, Германия, Австрия, Эстония, Латвия, Греция, Румыния).

Реализация одного из проектов глобализации – национал-социалистического в 1939 г. привела ко Второй мировой войне. Это был самый разрушительный военный конфликт в истории человечества, в который было вовлечено три четверти населения Земли. В результате этой войны рухнула система многополярного мира: образовались только два «полюса силы» – СССР и США.

Резко изменились условия глобализации: мир раскололся на две различные социальные системы. Теперь в борьбу вступили два основных направления глобализации – либеральная (капиталистическая) и социалистическая.

Начавшаяся затем «холодная война» предстает в этом контексте не только как смертельно опасное геополитическое соперничество двух сверхдержав, длившееся полвека, но и как особая форма глобализации, обеспечивавшая управляемость мирового развития в условиях быстрой модернизации. Или, другими словами, – как весьма несовершенный, затратный и ненадежный механизм политической глобализации на биполярной основе.

Глобализация проявилась и в военной области. Во второй половине XX века под влиянием итогового баланса сил Второй мировой войны цивилизация Нового времени приняла никогда ранее ей не свойственную форму – трансатлантического военно-политического союза. При ведущей роли США были созданы военные блоки НАТО, СЕАТО и СЕНТО.

В качестве противовеса СССР создал Варшавский пакт.

В 1947 г. в США родился «план Маршалла» по оказанию американской помощи в восстановлении разрушенной экономики европейских государств. Инициативы в построении послевоенного мирового порядка исходили от США и, естественно, их интересы и преобладающий материальный вклад во многом определили характер деятельности новых международных институтов⁹².

В противовес «плану Маршалла» СССР в январе 1949 года создал под своей эгидой Совет экономической взаимопомощи, в который вошли страны, оказавшиеся в советской орбите. Перед ним ставилась цель сформировать новую модель мирового экономического порядка, основанную на координации народнохозяйственных планов и принципах социалистической солидарности.

Глобализация «по-американски»

К концу Второй мировой войны Западная Европа лежала в руинах. Японская промышленность была разрушена. К 1946–1950 гг. мировая экономика пребывала в такой разрухе, что внешняя торговля находилась на более низком уровне, чем в 1913 г. Ослабление переживших войну европейских держав способствовало тому, что одна колония за другой требовали политической независимости.

⁹² Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 367.

Лидеры национальных движений разворачивали борьбу за освобождение от колонизаторов.

Стало очевидно, что вся мировая индустриальная экономика после войны будет реконструирована на новой основе. Задачу реорганизации и реинтеграции мировой системы взяли на себя два государства – Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик.

Но Соединенные Штаты имели перед СССР явное преимущество. Советский Союз понес в войне неописуемые материальные и человеческие потери⁹³. Из главных промышленных держав только экономика Соединенных Штатов не пострадала – на их территории не было никаких военных действий.

Помимо того США заняли ведущее положение как главный кредитор в мире. Они располагали наиболее передовой технологией, наиболее прочной политической структурой, предоставившими им возможность двигаться вперед, оставляя позади побежденных европейских соперников, в то время как те были вынуждены ретироваться из колоний.

Учитывая сложившуюся ситуацию, еще в 1941 г. финансовые стратеги США начали строить планы послевоенной реинтеграции мировой экономики в собственных интересах. По их инициативе во время конференции в Бреттон Вудсе, которая проходила в 1944 г. под руководством Соединенных Штатов, сорок четыре государства согласились учредить две основные интеграционные организации – Международный Валютный Фонд (МВФ) и Всемирный Банк⁹⁴.

МВФ заставил входящие в него страны искусственно поддерживать определенный курс своих денег по отношению к доллару или золоту, большая часть которого находилась в руках Соединенных Штатов. К 1948 г. Соединенные Штаты владели 72% всего мирового золотого запаса. Таким образом, отныне МВФ определял базовое соотношение главных мировых валют⁹⁵.

Вскоре в систему был включен и третий компонент – Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Это «соглашение», инициатором которого также были Соединенные Штаты,

⁹³ *Kenwood A.G., Lougheed A.* The Growth of the International Economy 1820–1960. L.: George Alien & Unwin, 1971. P. 222–223.

⁹⁴ *Ibid.* P. 240.

⁹⁵ *Super Imperialism: The Economic Strategy of American Empire.* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 63, 91.

подразумевало либерализацию торговли, но на деле не давало возможности бедным странам с отставшими технологиями защитить свою неокрепшую промышленность. Все эти три структуры были крепко связаны между собой решением, что Мировой Банк не будет предоставлять кредиты той стране, которая отказывается присоединиться к МВФ или выполнять условия ГАТТ.

Эти три взаимосвязанных органа образовали единую интеграционную структуру мировой торговли. И с 1944 г. до начала 1970-х гг. Соединенные Штаты фактически контролировали эту систему⁹⁶.

Она должна была препятствовать должникам Соединенных Штатов сокращать свои обязательства путем валютных или тарифных маневров. Она усиливала конкурентоспособность американской промышленности на мировом рынке. Она предоставляла промышленным державам, особенно Соединенным Штатам, возможность влиять на планирование экономики во множестве стран даже после обретения ими политической независимости.

Появился и такой центр неформальной надгосударственной политической власти, как Бильдербергская группа, которая важнейшим своим результатом имела создание объединенной Европы под протекторатом США.

Однако под прессом конкуренции со стороны других стран США стали терять свои экспортные рынки. В результате гонки ядерных вооружений, войны во Вьетнаме, «холодной войны» с Советским Союзом в Америке возник огромный бюджетный дефицит. Все это привело к краху Бреттон-Вудских договоренностей, когда в 1971 г. президент Р. Никсон принял решение о стабилизации доллара за счет отмены его золотого обеспечения. Это вызвало шок у большинства партнеров США по капиталистическому миру. С этой поры Европа начала отгораживать свое экономическое пространство от Америки разными способами, включая механизмы протекционизма.

Отказ США в 1971 г. от фиксированного курса обмена доллара на золото («золотого стандарта») положил начало отрыву денег от естественных ограничителей и превращению доллара в мировые деньги – процессу, лежащему в основе нынешних мировых финансовых потрясений. С 1971 г. место глобальной мировой валюты занял американский доллар, эмиссия которого определяется спросом на доллары, искусственно поддерживаемым разнообразными

⁹⁶ Тоффлер Э. Третья волна. С. 166–167.

финансовыми спекуляциями, которые втягивают в себя капиталы по принципу финансовых пирамид⁹⁷.

А в 1973 г. разразился первый мировой энергетический кризис, показавший зависимость мировой экономики от энергоносителей. В 1974–1975 гг. в странах Северной Америки и Западной Европы был зафиксирован резкий спад производства, рост безработицы и инфляции.

Из-за обострения ситуации на Ближнем Востоке произошел ценовой шок в сфере энергоресурсов. Это вызвало общемировую инфляцию, которая стала перекачивать мировой спекулятивный капитал в арабские страны, превратившиеся в крупнейшего международного кредитора. Вслед за этим в конце 1970-х гг. произошел второй «нефтяной шок» и повторение мирового финансового кризиса.

Под влиянием этих событий, начиная с 1980 г. команда президента Р. Рейгана обращается к идеям «либерального монетаризма», который стал идеологическим фундаментом Америки. Происходил демонтаж всей системы государственного регулирования экономики. США провели снижение налогов на корпорации, чтобы дать импульс развитию промышленности, но всю прибыль, полученную от этого «подарка», корпорации перевели в другие более стабильные валютные системы. В итоге «рейганомики» Соединенные Штаты к 1985 г. почти в три раза увеличили размер своего долга. Это была настоящая финансовая катастрофа.

В 1983 г. Международным Валютным Фондом был создан документ «Перестройка мирового промышленного производства», определяющий политику наиболее развитых стран Запада по отношению к рынкам других государств, прежде всего СССР.

Глобализация «по-советски»

Однако американское лидерство в мире все чаще оспаривалось набирающим мощь Советским Союзом. СССР и другие социалистические страны позиционировали себя как противников империализма и друзей колониальных народов мира.

Как уже говорилось выше, в СССР также были свои собственные планы глобализации. Когда В.И. Ленин критиковал империализм, он говорил, что социализм должен «не только теснее сплотить нации, но и объединить их». Еще в 1920 г. он «считал сближение наций объективным процессом... который окончатель-

⁹⁷ Московская промышленная газета, 13–19 сентября 2001.

но и навсегда приведет к созданию единой мировой экономики, регулируемой на основе... общего плана»⁹⁸.

К такому курсу Советский Союз подталкивали собственные стратегические интересы. Столкнувшись с военной мощью нацистской Германии, он первым делом колонизировал Балтийские государства и развязал войну в Финляндии. После Второй мировой войны при помощи войск и угрозы вторжения он помогал устанавливать и поддерживал «дружеские» режимы на всем протяжении большей части Восточной Европы. Эти страны, промышленно более развитые, чем СССР, периодически подвергались с его стороны эксплуатации, что подтверждало их положение колониаль или «сателлитов».

В то время как американцы создали структуру МВФ – ГАТТ – Мировой Банк, Советский Союз двигался к осуществлению ленинской мечты о единой интегрированной мировой экономической системе путем создания Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и принуждал страны Восточной Европы к вхождению в эту организацию. Москва заставляла страны, присоединившиеся к СЭВ, не только торговать друг с другом и с Советским Союзом, но и представлять свои планы экономического развития Москве на утверждение⁹⁹. Москва действовала точно так же, как прежние империалистические державы по отношению к африканским, азиатским или латиноамериканским экономикам, определяя специализированные функции для каждой восточноевропейской экономики.

Таким образом, в то самое время, когда Соединенные Штаты присвоили себе роль лидера капиталистических индустриальных государств и конструировали свою схему интеграции мировой системы, СССР создавал свое подобие такой системы в той части мира, на которую распространялось их влияние.

Глобализация «по-европейски»

После разгрома фашизма страны Европы попытались преодолеть традиционные противоречия между ними, которые ранее уже привели к двум мировым войнам. Эти усилия привели сначала к образованию ряда надгосударственных структур управления, а за-

⁹⁸ *Senin M. Socialist Integration. Moscow: Progress Publishers. 1973. P. 22–23.*

⁹⁹ Отчет СЭВ см.: «COMECON Blues» by Nora Beloff // *Foreign Policy, Summer 1978.*

тем и общего социально-экономического и политического пространства.

Европа далее других продвинулась в углублении интеграционного сотрудничества. Еще в 1946 г. британский премьер Уинстон Черчилль призвал к созданию Соединенных Штатов Европы.

В 1949 г. был создан Совет Европы – политическое объединение западноевропейских стран, готовых соблюдать демократические нормы во внешней и внутренней политике. А в 1951 г. был заключен Парижский договор, учредивший Европейское объединение угля и стали – таможенный союз сразу в нескольких отраслях. В него вошли Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Это объединение позволило странам-участницам совместно использовать ресурсы, которые в предыдущие десятилетия были яблоком раздора. Страны, подписавшие Парижский договор, стали ядром складывающегося Общеввропейского рынка.

Наконец, в 1957 г. был подписан Римский договор об образовании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), который распространил таможенный союз на все остальные отрасли. Участники ЕЭС договорились, в частности, о совместном регулировании использования атомной энергетики, которая тогда казалась радикальным решением всех энергетических проблем Европы. В 1960–1980-е гг. к ЕЭС присоединились почти все страны Западной Европы.

Некоторое время межгосударственные органы, регулирующие сотрудничество в разных областях, работали отдельно друг от друга, что создавало бюрократическую неразбериху. Но в 1965 г. все они были объединены в Комиссию европейских сообществ (Еврокомиссию).

После распада СССР Западная Европа была уже менее заинтересована в прежнем оборонном союзе с США. Теперь она ускорила процесс интеграции, чтобы в конечном счете превратиться в самостоятельную силу, превосходящую США. В 1992 г. 12 стран (ФРГ, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Португалия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Ирландия и Греция) заключили Маастрихтское соглашение об образовании Европейского Союза (ЕС), которое объединило все формы сотрудничества.

С этого момента Европейское сообщество стало официально именоваться Европейским Союзом. Трансформация Сообщества в Союз предполагала, что во многих сферах страны-члены перейдут от координации действий национальных правительств к общей политике. В 1994 г. в ЕС вступили Швеция, Финляндия и Австрия.

На территории ЕС установились свободное движение капитала и рабочей силы, общие социальные стандарты. В соответствии с Шенгенским соглашением граждане стран ЕС стали свободно, без виз передвигаться по его территории. А в 1999 г. была введена единая валюта – евро, которая в 2002 г. заменила национальные валюты большинства стран ЕС. В 2002 г. в ЕС были приглашены и 10 стран Восточной Европы¹⁰⁰.

Европейская интеграция по своему содержанию есть не что иное, как «глобализация в региональном масштабе». Причем далеко продвинутая, с большими элементами наднационального характера. В Европейском союзе, охватившем за небольшим исключением всю Западную Европу, создан единый внутренний рынок без каких-либо межгосударственных перегородок.

Не исключено, что ЕС предвосхищает важнейшие тенденции развития региональной интеграции и в других частях света.

Объединение стран «третьего мира»

Стали объединяться и страны «третьего мира»: в марте 1945 г. была создана Лига арабских государств, включившая 20 стран с целью их политической консолидации. Объективная необходимость в интеграции вызвала к жизни и такие межгосударственные региональные объединения, как Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанский Совет, Организация Африканского единства и др.

Страны, освободившиеся от колониальной зависимости, объединились в Движение неприсоединения. Образовав «Группу 77», они получили возможность через ООН и другие международные экономические и финансовые организации отстаивать свои интересы. Возникшая в 1964 г. новая организация – Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) – существенно облегчила им эту задачу. Как форум стран «третьего мира», она являлась известным противовесом ГАТТ, которое вначале объединяло преимущественно промышленно развитые государства.

Через ЮНКТАД удалось провести целый ряд важных для развивающихся стран решений. Они касались, например, регулирования международной торговли сырьем и сельскохозяйственной продукцией путем заключения международных товарных соглашений и создания Общего товарного фонда (Common Fund for Commodities). Кроме того, ЮНКТАД призвала развитые страны

¹⁰⁰ Мировая история. Новая история. XIX век. Кн. 1. С. 174.

выделять 0,7% своего ВВП для помощи развивающимся странам. Вплоть до конца 1980-х г. эта организация оставалась довольно действенным инструментом, помогавшим бедным странам добиваться ряда уступок и преференций от богатых государств. Однако затем острейший финансовый кризис, испытываемый ООН, и изменение общей политической ситуации в мире обескровили ЮНКТАД¹⁰¹.

С середины XX в. в развивающихся странах начался демографический взрыв. Улучшение условий жизни, современное медицинское обслуживание заметно уменьшили смертность, а высокая рождаемость сохранилась. Прирост населения в таких районах мира достиг беспрецедентных масштабов: в начале 1970-х гг. он исчислялся почти 70 млн человек в год, а к началу 90-х – более чем 80 млн. Численность населения в развивающихся регионах растет значительно быстрее, чем в индустриальных странах. Это обострило проблемы продовольствия и здравоохранения в этих странах.

Принимая во внимание постоянно растущее число жертв недоедания и голода, большинство государств решило, что больше нельзя оставлять на усмотрение свободной игры спроса и предложения распределение продуктов питания в мире.

Поэтому в последние годы преодоление отсталости и нищеты в странах «Юга» было объявлено приоритетной задачей ООН, ЮНКТАД, МВФ, ВТО и других международных организаций.

Идеология современной глобализации

К середине XIX столетия в мире обозначились два столкнувшихся сильных идеологических течения – левое крыло и правое, сторонники индивидуализма и свободного предпринимательства, с одной стороны, и защитники коллективизма и социализма – с другой.

Эта борьба идеологий, вначале происходившая только в индустриализированных странах, вскоре распространилась по всему миру. После русской революции 1917 г. и создания Москвой руководимой из центра и работающей на весь мир пропагандистской машины идеологическая борьба становилась все более интенсивной.

Процесс глобализации общественной жизни на капиталистический лад был прерван не только социалистической революцией

¹⁰¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 128–129.

в России, но и рядом социалистических и демократических революций в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, Монголии, Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Кубе.

К концу Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты и Советский Союз пытались перестроить мировой рынок или большую его часть в своих интересах, каждая сторона расходовала огромные суммы на распространение своих доктрин среди других наций. Пожалуй, со времен столкновения католицизма и протестантизма в эпоху Реформации не было столь яростного противостояния двух идеологических лагерей.

В пылу этой пропагандистской войны осталось незамеченным, что хотя столкнувшиеся стороны представляли разные идеологии, обе они по существу имели одинаковую «суперидеологию». Их экономические программы и политические догматы были в корне различными, но многие из их отправных положений выглядели схожими. Подобно тому как протестантские и католические миссионеры по-разному трактовали Библию и все же проповедовали одну веру в Христа, так и марксисты и антимарксисты, капиталисты и антикапиталисты, американцы и русские продвигались все дальше в Африку, Азию и Латинскую Америку исповедуя примерно одинаковый набор основополагающих предпосылок.

Распространяемые ими представления о мире базировались на трех связанных между собой положениях, трех идеях, что и отличало их от остальной части мира¹⁰².

Первое из этих основополагающих положений имело отношение к природе. Социалисты и капиталисты могли расходиться во взглядах на то, как распределять плоды труда, но они одинаково относились к природе. Для них природа – это объект, жаждущий подвергнуться эксплуатации.

До промышленного переворота подобную точку зрения разделяли немногие. Большинство ранних культур, напротив, отдавали предпочтение бедности и гармонии человечества с окружающей его природной средой. Конечно, и эти ранние культуры вырубали и выжигали растительность, переводили леса на дрова. Но их возможности навредить природе были ограниченными. А потому они и не нуждались в подходящей идеологии, которая оправдывала бы причиняемый ими вред.

Но затем появились капиталисты – империалисты. Они в огромных объемах выкачивали природные ресурсы, выбрасывали в

¹⁰² *Van Doren Ch. The Idea of Progress. N.Y.: Frederick A. Praeger, 1967.*

воздух большое количество ядов, в погоне за прибылью вырубали леса целых регионов, нисколько не заботясь о побочном эффекте или долговременных последствиях. Идея о том, что природа – это то, что надлежит эксплуатировать, предоставляла удобное рационалистическое объяснение для недальновидных и эгоистичных дельцов.

По представлениям же марксистов, первобытные люди вовсе не жили в гармонии с природой, а вели с ней яростную борьбу за выживание. С возникновением классового общества, считали они, война «человека против природы», к несчастью, преобразовалась в войну «человека против человека». Построение коммунистического бесклассового общества позволит человечеству снова вернуться к своей задаче – борьбе с природой.

Вторая идея, связанная с первой, вела еще дальше. Хотя существовали и более ранние теории эволюции, но в середине XIX столетия Дарвин дал научное обоснование такой точке зрения и приобрел известность в большинстве индустриальных стран того времени. Он говорил о принципе «естественного отбора» как неизбежного процесса, который безжалостно удаляет слабые и неспособные существовать и развиваться формы жизни.

Дарвин, правда, вел речь о биологической эволюции, но его теория получила особое социальное и политическое звучание. Так, «социальные дарвинисты» доказывали, что принцип естественного отбора действует и внутри общества и что самые богатые и влиятельные люди оказываются более приспособленными и более достойными.

Следом возникла идея, что все общества развивались в соответствии с законом «естественного отбора». Согласно подобным рассуждениям, индустриализм был более высоким этапом эволюции, чем окружавшие его неиндустриальные культуры. А это означало, что Западная цивилизация превосходила все остальные.

Подобные воззрения давали рационалистическое объяснение как капитализма, так и империализма. Развивавшийся индустриальный строй нуждался для своего поддержания в дешевых ресурсах, а такая теория предоставляла моральное оправдание их получения, даже если при этом уничтожались аграрные народы и первобытные общества. Такая идея социальной эволюции давала интеллектуальную и моральную поддержку, позволяя обращаться с непромышленными народами как с низшими и, следовательно, непригодными для выживания.

Да и сам Дарвин хладнокровно писал об уничтожении местного населения Тасмании и в порыве «геноцидного энтузиазма» проществовал: «В будущем... цивилизованные расы наверняка уничтожат и заменят дикие расы по всему миру»¹⁰³. Идеологическое обеспечение западной цивилизации не оставляло сомнений относительно того, кто заслуживал выживания.

Третьей основополагающей идеей глобализации, тесно связанной с природой и эволюцией, был «принцип прогресса», утверждавший, что история неотвратимо движется к лучшей жизни для человечества. Эта идея также достаточно много разрабатывалась и в прежние времена. Но только с наступлением эры глобализации идея «Прогресса с большой буквы» расцвела пышным цветом.

Когда волна глобализации катилась по Европе, внезапно зазвучали тысячи голосов, прославлявших «Прогресс». Лейбниц, Тюрго, Кондорсе, Кант, Лессинг, Джон Стюарт Милль, Гегель, Маркс, Дарвин и множество других менее знаменитых мыслителей нашли причины для всеобъемлющего оптимизма. Среди них царило единомыслие в отношении самого понятия «прогресса». Атеисты, богословы, студенты и профессора, политики и ученые проповедовали новую веру. Поэты, драматурги, и живописцы считали прогресс само собой разумеющимся. Прогресс оправдывал ухудшение природной среды и покорение «малоразвитых» цивилизаций¹⁰⁴.

Все эти три ключевые идеи глобализации – покорение природы, однонаправленной эволюции и принцип прогресса – вместе оставляли фундамент «суперидеологии» глобализации, используемый для объяснения и оправдания такого положения дел.

Однако XX в., как известно, привел в целом к диаметрально противоположным выводам, поставив под сомнение саму идею поступательной направленности в развитии общества, поскольку «...современный человек увидел, что каждый шаг в направлении материального “прогресса” постепенно увеличивает угрозу все более страшной катастрофы»¹⁰⁵. «Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать, то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей»¹⁰⁶.

¹⁰³ Цит. по: *Hyman S. The Tangled Bank: Darwin, Marx, Frazer and Freud as Imaginative Writers.* N.Y.: Atheneum, 1974. P. 26–27.

¹⁰⁴ *Van Doren Ch. The Idea of Progress.* N.Y.: Frederick A. Praeger, 1967.

¹⁰⁵ *Юнг К.Г. Архетип и символ.* МС. 211.

¹⁰⁶ *Поннер К. Открытое общество и его враги.* Т. 2. М., 1992. С. 322.

«Сегодня, – пишет Э. Тоффлер, – во всем мире налицо отчетливое осознание, что прогресс не может более выражаться только в технологии или материальных стандартах жизненного уровня. Социальный строй, в котором моральные и эстетические нормы, политика или окружающая среда деградируют, не является прогрессивным, каким бы богатым или технически изощренным он ни был. Короче, мы движемся по направлению к более общему пониманию прогресса – прогресс отныне не достигается автоматически и не определяется только материальными критериями. Кроме того, мы менее всего склонны думать, что разные общества движутся по одному пути, что каждое общество автоматически проходит путь от одной культурной станции до следующей, которая “более развита”, чем предыдущая. На самом деле существует множество разветвлений, а не единое железнодорожное полотно, и общества способны достигать определенного уровня развития разными путями. Мы начинаем думать о прогрессе как о цветущем дереве с многочисленными ветвями, простирающимися в будущее; большое различие и богатство человеческих культур позволяет представить его как систему»¹⁰⁷.

Римский клуб предупреждает

Первой серьезной научной попыткой осмыслить процессы глобализации стали исследования т.н. Римского клуба, предложившего миру образы «глобальных проблем человечества». Он был создан в 1968 г. по инициативе Д. Рокфеллера.

Президент Клуба Аурелио Печчеи писал: «На определенном уровне развития проблемы начинают пересекать границы и распространяться по всей планете, невзирая на конкретные социально-политические условия, существующие в различных странах, – они образуют глобальную проблему»¹⁰⁸.

В 1976 г. Римский клуб опубликовал доклад «Преобразование мирового порядка»¹⁰⁹. Его проект вышел за рамки чисто экономической тематики и включил предложения по переделке мировой политической архитектуры. Дело в том, что устранение опасных диспропорций в мировой экономике часто упиралось в отсутствие

¹⁰⁷ Тоффлер Э. Третья волна. С. 474.

¹⁰⁸ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 118, 120.

¹⁰⁹ Reshaping the International Order. A Report to the Club of Rome. N.Y.: E.P. Dutton & Co., Inc., 1976 (325 pp.).

политической воли и международных механизмов их воплощения в жизнь.

Этот доклад обсуждался на конференции, организованной Римским клубом совместно с алжирским правительством. Обращаясь к собравшимся со вступительным словом, президент клуба Печчеи заявил: «Наша историческая миссия – найти пути решения сложнейших проблем, перед которыми стоит сегодняшний мир. Если мы этого не сделаем, то следующие поколения встанут перед еще более сложными дилеммами, чем те, которые предстоит решить сегодня... Настало время, чтобы наиболее сильные и старые нации серьезно рассмотрели возможность первыми проявить инициативу путем прогрессивного отказа от ряда суверенных прерогатив в пользу, скажем, ООН».

«Новый международный порядок, – констатировали авторы доклада, – не панацея от всего, что плохо в современном мире. Он не может привести к полному и реальному равенству среди наций. Но он может иметь результатом сокращение неравенства и справедливое распределение выгод и возможностей, которые заключены в глобализации, заложив тем самым основу для подлинного сотрудничества». «Многие участники проекта RIO, – говорилось в опубликованном тексте доклада, – полагают, что этот справедливый социальный порядок может быть лучше всего определен как *гуманистический социализм*, так как он преследует цель уравнивания возможностей внутри и между нациями и основан на универсальных человеческих ценностях»¹¹⁰.

При обсуждении другого доклада с символическим названием «Первая глобальная революция» (1990) на одном из заседаний Римского клуба говорилось: «Мы находимся на ранних стадиях формирования нового типа мирового сообщества». Разговор шел о глобализации проблем, которые возникли в связи с постоянным и стремительным ухудшением материального положения огромного числа людей, населяющих Землю, с обострением демографической и серьезным осложнением экологической обстановки на планете, а также с кризисом, имеющим свои корни внутри самого человека. Именно эти проблемы и были оценены еще в середине 60-х годов рядом ученых и общественных деятелей как представляющие смертельную угрозу всему человечеству.

¹¹⁰ Ibid. P. 33, 63.

В 70-е годы Римский клуб выпустил отчет «Пределы роста», задавший «похоронный тон» на многие грядущие десятилетия. В нем предсказывалась гибель индустриального мира¹¹¹.

Политические перевороты, безработица и инфляция, усиленные нефтяным эмбарго 1973 г., усугубились распространившейся атмосферой пессимизма и отказом от идеи неизбежного прогресса развития человечества. Американский политический деятель Г. Киссинджер заявил, повторяя мысли О. Шпенглера, об упадке Запада, вызвав у очень многих дрожь страха¹¹².

Однако, оправившись от нефтяного шока и последовавшего за ним кризиса, развитые страны вновь стали отстаивать глобализацию, основанную на неолиберальной идеологии.

Всеобщая декларация прав человека

В 1945 г. была основана Организация Объединенных Наций. В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека» – документ, который определял обязательства государств по соблюдению основных гражданских прав. Декларация провозглашала, что независимо от расы, пола, языка, религии и происхождения человек имеет права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, равенство перед законом, гражданство, тайну личной жизни, неприкосновенность жилища и переписки, свободу убеждений и их выражения в печати и на мирных манифестациях, свободу мысли и вероисповедания, труд с достойным вознаграждением, создание профсоюзов, отдых, образование. Человек должен считаться невиновным, пока его вина не будет доказана в суде («презумпция невиновности»). Он может свободно участвовать в формировании власти путем участия в тайном голосовании. Декларация запрещала пытки и жестокое обращение с заключенными, аресты без обоснованного обвинения.

Декларация должна была надежно защитить человека как личность с ее многообразными интересами, стремлением к свободе и счастью. Но большинство стран, принявших Декларацию, включая СССР и США, часто нарушали ее, что вызывало неоднократные протесты правозащитных движений.

В ходе «Всемирной конференции по правам человека», проходившей в Вене в 1993 г., государствами мира были провозглашены

¹¹¹ Meadows D.H., et al. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N. Y.: Universe Books, 1972.

¹¹² Тоффлер Э. Третья волна. С. 474.

экономические, социальные и культурные права человека. Они ныне стали равноправным и комплексным дополнением к гражданским правам, содержащимися в декларации 1948 г. Среди этих новых прав, принятых всеми государствами (за исключением США), право на питание стояло на одном из первых мест. Речь шла о праве постоянного, регулярного и свободного доступа, напрямую или косвенно – через финансовые средства, необходимые для осуществления соответствующих закупок, – к продуктам питания, «достаточным по количеству и надлежащим по качеству, отвечающим культурным традициям народа, из которого происходит потребитель, а также обеспечивающим удовлетворительную, достойную психическую и физиологическую жизнедеятельность в индивидуальном и коллективном порядке».

В апреле 2000 г. Комиссия по правам человека ООН назначила специального докладчика с поручением разработать новые нормы международного права и подготовить предложения по тому, каким образом их можно ввести в силу.

Однако ныне среди множества крупных международных организаций только созданная еще в 1919 г. Международная Организация Труда (МОТ) ставит перед собой целью защиту прав трудящихся. К сожалению, она не является самой могущественной, и не к ней больше всего прислушиваются правительства. Но именно на основе общественных норм, оформляемых ею в виде конвенций, и выдвигаемых ею же концепций, таких, например, как идея необходимости создания для трудящихся достойных условий работы, может строиться регулирование человеческих отношений в планетарном масштабе.

Международная юрисдикция

Из фазы, когда международные отношения регулировались двусторонними и многосторонними соглашениями и организациями, мир переходит к международным объединениям более высокой степени политической интеграции. Возникла демократическая ООН и ее важнейшие составляющие – ЮНЕСКО, ЮНИДО, Всемирная организация по защите интеллектуальной собственности (ВОИС). Стали внедряться нормы международного права, протекала бурная деколонизация. Нюрнбергский и Токийский трибуналы от имени человечества наказали военных преступников, создав важнейший прецедент международной защиты погранных прав человека.

Правда, все попытки расширить и институционализировать практику международной защиты прав человека дают довольно скромные результаты. В этом смысле показательна история создания Международного уголовного суда. Соответствующий договор был одобрен на конференции ООН в Риме в июле 1998 г. представителями 120 государств при 21 воздержавшемся и семи голосовавших против. Наиболее жестким противником этой идеи выступила американская делегация, немало преуспевшая в ограничении полномочий и независимости будущего суда. И все же, несмотря на то, что США (так же, как Китай и Россия) не ратифицировали договор, 1 июля 2002 г. он вступил в силу¹¹³.

Единственным примером успешно функционирующего международного правозащитного режима является деятельность Европейского суда по правам человека в Страсбурге. Он действует под эгидой Совета Европы на базе Европейской конвенции по правам человека. В большинстве западноевропейских государств решения суда приобрели силу закона. В сущности, на старом континенте он постепенно превращается в высшую судебную инстанцию, а Европейская конвенция – в билль о правах. И хотя это региональный, а не глобальный институт, Европейский суд создает важный прецедент международного правосудия¹¹⁴.

Важным событием в этой области стало вступление в силу 15 февраля 1999 г. Конвенции о борьбе с подкупом иностранных чиновников в сфере международного бизнеса. Ее подписали все 29 стран – участниц ОЭСР, а также Аргентина, Бразилия, Болгария, Чили и Словакия. В соответствии с этой конвенцией подкуп бизнесменами иностранных чиновников в деловых интересах теперь считается уголовным деянием¹¹⁵.

Хартия ООН предусматривает и ряд возможностей для использования военной силы, в том числе оговариваемое в статье 51 право на индивидуальную или коллективную самооборону. Еще в двух случаях для таких действий требуется одобрение Совета Безопасности ООН, и таким образом они подпадают под возможное вето любого из пяти постоянных членов СБ ООН. В соответствии с Главой 7 Устава ООН, использование силы оправдано в случае поддержания или восстановления международного мира и

¹¹³ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 89.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 56.

безопасности при условии одобрения ее использования Советом Безопасности, а согласно статье 53 Совет Безопасности может санкционировать силовые действия региональных организаций.

Развитие информационно-коммуникационных технологий

Можно выделить несколько направлений, по которым процесс глобализации развивается наиболее интенсивно. Среди них особенно важную роль всегда играла передача информации.

В 1952 г. был запатентован транзистор, что послужило началом очередного витка технологической революции. Именно транзисторы позволили впоследствии создать компьютер UNIVAC.

С 1962 г., через четыре года после появления первой интегральной схемы, созданной на средства американского военного бюджета, министерство обороны США начало финансировать разработки реального межкомпьютерного взаимодействия и сетевых технологий. В ходе этих разработок в 1969 г. американскими военными был создан прообраз Интернета: первая локальная сеть возникла в рамках решения задачи повышения надежности компьютеров в условиях применения ядерного оружия. В 1971 г. появился микропроцессор, в 1972 г. – первое сетевое приложение в виде электронной почты. В 1977 г. компания Apple начала массовое производство первых персональных компьютеров. Новым этапом в развитии информационно-коммуникационных технологий стали 90-е годы.

К 1960 г. американцы делали около 256 млн телефонных вызовов в день, т.е. свыше 93 млрд в год, и даже самые совершенные в мире телефонные системы и сети часто оказывались перегруженными¹¹⁶. Но в 1979 г. был изобретен сотовый телефон.

С изобретением в 1993 г. веб-браузера, позволявшего использовать в качестве коммуникационного средства обычные телефонные сети, а следовательно, и космические аппараты связи, потенциальные возможности Интернета начали приобретать глобальный характер. Подобно тому как изобретение книгопечатания подорвало контроль церкви над интеллектуальной жизнью и в конечном счете привело к Просвещению и буржуазным революциям, сеть Интернет способствует широкой доступности для масс информационных ресурсов.

¹¹⁶ UNESCO Statistical Yearbook 1965. P. 482.

В 1991 г. Европейская физическая лаборатория CERN создала протокол www – World Wide Web. В течение года Интернет начал действовать более чем в 30 странах мира. К сети получили доступ более 4 млн человек. К 2002 г. Интернет связывал уже 689 млн человек, а в 2003 г. в мире насчитывается более 3 млрд Интернет-сайтов.

Современная волна глобализации строится вокруг падения стоимости телекоммуникаций – благодаря микросхемам, спутникам, волоконной оптике и Интернету. Новые информационные технологии способны связать мир в еще более тесную сеть. Появление компьютерной «всемирной паутины» положило конец – в том, что касается информации, – самому понятию «перемещения» (и «расстояния», которое необходимо преодолеть), сделав информацию как в теории, так и на практике моментально доступной по всему земному шару.

Своего рода итоговым идеологическим выражением этого процесса явилось подписание главами государств «Восьмерки» в июле 2000 года на Окинаве «Хартии глобального информационного общества», в которой говорится, что «информационно-коммуникационные технологии глобальны по своей сути и требуют глобального подхода»¹¹⁷.

Конец «двухполярного мира»

Составной частью глобализации XX в. стали политические факторы – прежде всего распад социалистического лагеря и СССР, за которым последовала и самоликвидация режимов социалистической ориентации в десятках развивающихся стран.

«Поражение социализма», во-первых, как будто бы выявило «ступени» этого направления развития, а следовательно, превращение капитализма в единственно возможный вариант мирового развития. Во-вторых, оно сопровождалось расширением экономического пространства, на котором могли возникнуть относительно однотипные рыночные отношения и частная собственность. Иначе говоря, могло произойти значительное экстенсивное расширение глобализации за счет ее распространения на бывшие социалистические и социалистически ориентированные страны¹¹⁸.

¹¹⁷ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003.

¹¹⁸ Валлерстайн Э. Конец знакомого мира: социология XXI века. М., 2004.

Не следует, однако, забывать, что новый мировой порядок, возникший после холодной войны, никем не был установлен и не освящен. Не случайно его нередко называют «новым мировым беспорядком». Действительно, в отличие от прошлого сейчас нет каких-то общепринятых правил игры на международной арене. Одновременно действуют различные установки, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленностей и конфликтующих подходов.

Реакция на глобализацию: вспышка национализма

«Во времена, когда по всему миру бушует пламя национализма, когда в таких точках земного шара, как Эфиопия и Филиппины, набирают силу движения за национальное освобождение, когда крошечные островки, такие как Доминика в Карибском море или Фиджи в Тихом океане, объявляют себя нациями и посылают делегатов в ООН, в высокоразвитом технологическом мире происходит странное: вместо образования новых наций начинают распадаться старые», – писал Э. Тоффлер почти два десятилетия назад¹¹⁹.

Действительно, стоит только взглянуть на политическую карту современности, как станет ясно: мы переживаем ныне во всем мире вспышку национализма и сепаратизма. Так, например, корсиканские сепаратисты взяли на себя ответственность за взрыв на телестанции Серра-ди-Пиньо – единственной станции французского телевидения на Корсике. Они хотят, чтобы Корсика отделилась от Франции.

На другом конце Франции в последние годы также произошла вспышка сепаратистских стремлений, которые в предыдущие годы лишь слабо тлели. В Бретани, где очень высок уровень безработицы и самая низкая заработная плата, сепаратистское движение имеет широкую народную поддержку. Это движение представлено несколькими соперничающими партиями. В нем есть также террористическая группировка, члены которой были арестованы за установку взрывных устройств в общественных зданиях, в том числе в Версале. В то же время Париж осаждают требованиями культурной и региональной автономии для Эльзаса и Лотарингии, некоторых районов Лангедока и других частей страны¹²⁰.

¹¹⁹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 500.

¹²⁰ Fissionable Particles of State // Telegraph Sunday Magazine (London), June 11, 1978; Europe's Passionate Separatists // San Francisco Sunday Examiner & Chronicle, October 8, 1978.

Англия находится в подобной же, пусть и менее напряженной ситуации, испытывая давление со стороны шотландцев. В начале 1970-х упоминание о шотландском национализме выглядело в Лондоне как шутка. Но сегодня, когда в обнаруженной в Северном море нефти заключен потенциал независимого экономического развития, положение складывается довольно серьезное. Хотя в 1979 г. попытки создания независимого «шотландского собрания» потерпели поражение, стремление к автономии лишь усилилось¹²¹. Шотландские националисты, которым давно не нравится политика британского правительства, ставящая юг страны в более привилегированное положение в отношении развития экономики, утверждают, что развитие собственной экономики Шотландии намеренно сдерживается и что инертная британская экономика тащит ее вниз¹²².

Сепаратистские тенденции проявляются также в Уэльсе, где население требует самоуправления, собственного законодательного собрания и перехода к новым высоким технологиям в промышленности¹²³.

В Бельгии нарастает напряжение среди валлийцев и фламандцев¹²⁴. В Швейцарии разбросанные по всей стране группы недавно выиграли битву за собственный кантон в Джуре. В Западной Германии судетские немцы требуют права вернуться на исконную родину вблизи Чехословакии¹²⁵. Южные тирольцы в Италии¹²⁶, словенцы в Австрии, баски и каталонцы в Испании и менее известные группы, рассеянные по всей Европе, также демонстрируют нарастание центробежных сил¹²⁷.

В Канаде все еще не окончился квебекский кризис. Нарастающее отчуждение между франкоязычными и англоязычными канадцами создало реальную возможность дезинтеграции нации. Бывший премьер-министр Пьер Трюдо, боровшийся за единство нации,

¹²¹ Home-Rule Suffers Setback in British Votes // The New York Times, March 3, 1979.

¹²² The Devolution Pledges Which Will Not Go Away // The Guardian (Manchester), July 28, 1979.

¹²³ Welsh Nationalists, Rebuffed, Fight Fiercely for Their Language // The New York Times, November 6, 1979.

¹²⁴ Belgium: New Government Rides the Tiger // To the Point (Sandton, Transvaal, South Africa), October 27, 1978.

¹²⁵ Germany's Palestinians // Newsweek, June 2, 1975.

¹²⁶ «Conflict Within a Community» by Frances Pinter // New Society (London), March 22, 1973.

¹²⁷ How Unhappy Minorities Upset Europe's Calm // U.S. News & World Report, January 31, 1977.

предупреждал, что «если центробежные тенденции воплотятся в жизнь, в стране произойдет раскол, который сделает невозможным ее существование как единой нации»¹²⁸. И Квебек – далеко не единственный показатель роста националистических настроений.

Современная глобализация: конечная станция или промежуточный этап?

Очевидно, что мы давно уже живем в мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Отныне все, что происходит на нашей планете, несводимо к локально ограниченному событию, что все изобретения, победы и катастрофы касаются всего мира¹²⁹.

Да и утверждение о том, что глобальная интеграция сейчас происходит быстрее чем когда-либо, в общем-то ошибочно. Исследования показывают, что, несмотря на быструю технологическую интеграцию, темпы глобальной интеграции замедлились в последние годы. Одной из основных причин замедления экономической интеграции стало уменьшение объемов внешней торговли в 50 исследованных странах, которое объясняется серией финансовых кризисов в Азии, Латинской Америке и России в конце 1990-х гг. В результате сложилась ситуация, когда на фоне быстрой технологической глобализации происходит замедление экономической глобализации¹³⁰.

Во всяком случае, нет оснований считать современную волну глобализации «конечной станцией» истории человечества. Насколько переломной она является – это вопрос, остающийся открытым¹³¹.

Можно сколько угодно твердить, что глобализация необратима, что ей нет альтернативы. Но если вспомнить о великих колониальных империях – британской, французской и других, развалившихся в середине XX века, то напрашивается предположение, что и политическая глобализация движется по синусоиде. Историчес-

¹²⁸ Language Dispute is Termed Threat to Canada's Unity. // The New York Times, October 26, 1976.

¹²⁹ Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 48–51.

¹³⁰ Измеряя глобализацию. Сайт журнала «Мировые дискуссии». [Электронный ресурс] URL <http://wdi.ru/print.php?art=3440997>

¹³¹ Терборн Г. Указ. соч. С.78–79, 80–81.

кий опыт свидетельствует, что при определенных обстоятельствах альтернатива глобализации вполне может возникнуть. В любом случае, что бы ни иметь в виду под глобализацией, очевидно одно: она не может быть принципиально новым явлением.

Изучение истории глобализации показывает, что ее процессы носят отнюдь не линейный характер, косвенно свидетельствуя о сложности реального мира и неоднозначности процессов, в нем происходящих.

Кроме того, естественным образом возникает вопрос: а что будет после «последнего этапа» эволюции мира, т.е. тогда, когда процессы глобализации завершатся? Или же эти процессы будут идти бесконечно? Если «да», то слово «история» следует заменить словом «глобализация». Если «нет», то речь должна идти либо о деградации, либо о «конце истории» и начале какой-то новой истории человечества¹³².

¹³² *Акопян К.З.* Пределы глобализации (культура в контексте глобализационных процессов) // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3. М., 2001.

ЧАСТЬ II

СУЩНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПЛОДЫ

Глава 1

ЧТО ЛЕЖИТ В ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Смысл изучения экономической теории не в том, чтобы получить набор готовых ответов на экономические вопросы, а в том, чтобы научиться не попадаться на удочку к экономистам.

Джоан Вайолет Робинсон

Экономика – основа современной глобализации

Глобализация придала импульс процессу глубоких преобразований, которые затрагивают всех и каждого. Благодаря новой технологии, потребовавшей большей открытости политики, мир стал более чем когда-либо взаимозависимым. Это касается не только растущей взаимозависимости в экономических отношениях – торговле, инвестициях, финансах и организации производства в глобальных масштабах, – но и социальных и политических взаимосвязей между организациями и частными лицами на всей планете¹. Но факты свидетельствуют о том, что в основе современного этапа глобализации все же лежат экономические процессы, связанные в свою очередь с прогрессом науки и техники. В глобализирующейся действительности «экономика становится не просто способом хозяйствования, но и политикой, и даже идеологией нового мира.

¹ Резюме доклада Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. – http://www.un.org/russian/esa/economic/globalization_commission.htm

Реально складывающийся мировой порядок все более проявляет себя как *Rex Economicus*»².

Если раньше мировая экономика была ареной, на которой действовали суверенные государства, то теперь она – достаточно автономный персонаж, оперирующий на поле национальных государств³. «Непрекращающаяся экспансия капиталистического миро-хозяйства – общепризнанный факт», – констатирует И. Валлерстайн⁴. – Глобализация с самого начала характеризуется не исключительно, но *прежде всего как экономический, точнее, финансово-экономический феномен... Именно глобализация экономики образует основу всех глобализационных процессов*, бросая вызов сложившемуся мироустройству»⁵.

Глобализация экономики является результатом двух взаимно связанных процессов: относительного удешевления транспорта и связи, а также снятия барьеров, препятствующих свободному международному перемещению товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Теоретически конечным итогом глобализации должно стать создание такой экономики, в которой расстояния не будут иметь никакого значения⁶.

Все другие сферы глобализации являются в конечном счете порождением упомянутых процессов. Примат экономики в международных масштабах выступает не менее отчетливо, чем это было в прошлом в рамках национальных государств⁷. Однако экономика не есть некая универсальная технология, рассчитанная на все времена и для всех народов, но – хотя это далеко не всегда очевидно – весьма специфичный феномен культуры.

В экономической литературе термином «глобализация» стали обозначать превращение мировой экономики из суммы связанных товарообменом национальных экономик в единую производственную зону и «единый глобальный рынок» (Джеффри Сакс), где обращение товаров, услуг, капиталов, людей и информации является

² Неклесса А.И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Знамя. 1998. № 1. С. 169.

³ Неклесса А. На пороге третьего тысячелетия. [Электронный ресурс] URL http://www.moskvam.ru/1999/04_99/neklessa.htm

⁴ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 107–108.

⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 104.

⁶ Вулф М. Сто лет бегства от одиночества // Ведомости. 12.07.2002.

⁷ См.: Долгов С.И. Проблемы глобализации. Полемика продолжается. Шок глобализации. // Внешнеэкономический бюллетень (Москва). 25.11.2002. 011. С. 4–15.

беспрепятственным. В 1998 г. Дж. Сакс характеризовал глобализацию как «подлинную экономическую революцию», которая, с его точки зрения, уже совершилась, причем за какие-то 15 лет⁸.

Осуществлению глобализации на практике способствовало несколько инструментов. Первым из них была «либерализация», которая выступала в двух формах. С одной стороны, на основе многочисленных международных договоренностей происходило согласованное снижение таможенных тарифов, ликвидация нетарифных барьеров, упрощение процедур оформления экспорта и импорта и т.п. Иначе говоря, наблюдалось снижение ограничений доступа и операций на мировом рынке. С другой стороны, одновременно происходило изменение внутреннего законодательства, касающегося внешнеэкономических связей, – отмена квотирования экспорта и импорта, обязательной продажи государству валютной выручки, ограничений деятельности иностранного капитала на внутреннем рынке и пр.

Другим инструментом глобализации стала «приватизация», понимаемая как переход в руки частных лиц – акционерных компаний – государственной, кооперативной, коллективной и прочих форм собственности. Наличие государственного сектора со своими национальными интересами препятствовало свободному перемещению капитала и созданию единой социально-экономической системы. Поэтому приватизация была направлена на завершение создания единого мирового экономического и социально-экономического пространства.

Глобализация идет в два этапа. На первом – страна вскрывается как консервная банка, эту операцию осуществляет либерализм. А на втором этапе местная экономика подключается к одному или нескольким глобальным потокам.

В становлении глобализации в развивающихся странах большую роль сыграл диктат, который осуществляется международными экономическими организациями. Они настаивают на уменьшении государственных расходов и увеличении открытости экономики. А если страна не спешит выполнить эти рекомендации, то против нее применяются санкции: отказ от предоставления займов, завышение процентной ставки долга, непредоставление гарантий и пр., что может нанести стране огромный экономичес-

⁸ Максименко В. Глобализация: риторика, идеология, реальность. Аналитическое обозрение (часть I). [Электронный ресурс] URL //www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm

кий ущерб – вплоть до банкротства. Тем самым устраняются препятствия для придания глобализации всеобщего характера.

Кроме того, меры, способствующие расширению глобализации, осуществляются и правительствами крупнейших держав, которые добиваются облегчения деятельности своих корпораций на всех многосторонних или двухсторонних переговорах. С этой целью, предпринимаются визиты глав государств, во время которых от партнеров добиваются различных уступок⁹.

Конечно, в мировом масштабе глобализация означает больше, нежели потоки денег, технологий, товаров и услуг. Это – возрастающая взаимозависимость населения Земли, это процесс, объединяющий не только экономику, но и культуру, информационную сферу, технологии и управление. И все же очевидно, что в основе современного этапа глобализации лежат экономические процессы.

Современный этап глобализации – это во многом новое явление на нынешнем этапе развития человечества. Оно связано, с одной стороны, с колоссальным накоплением капитала отдельными компаниями и странами, сопровождающееся перерастанием этого капитала в транснациональный и его доминированием над экономиками многих стран и их политическими возможностями. Основы глобальной экономики в свое время заложили премьер-министр Великобритании М. Тэтчер и президент США Р. Рейган¹⁰. Именно с их приходом к власти началась приватизация государственной собственности в соответствии с неолиберальными теориями.

История различных волн глобализации свидетельствует о том, что в их основе находились два могучих фактора: во-первых, технологические достижения (паровой и бензиновый двигатели, электричество), в том числе – в сфере передачи информации (телеграф, радио, телефон); во-вторых, экспансия капитализма, осуществлявшаяся в том числе и военными методами, перераставшая в империализм. В этом отношении и современная волна глобализации мало чем отличается от предыдущих волн. «Глобализация как таковая – это лишь современное название экспансии капитала в поисках ресурсов или прибавочной стоимости труда... Поэтому стремительное развитие новых цифровых технологий – это не столько показатель возрастающей мировой интеграции и модернизации, сколько очередной пример экспансии и девальвации капитала.

⁹ Широков Г. Глобализация. [Электронный ресурс] URL //www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm

¹⁰ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003.

В своей экспансии капитал постоянно изыскивает новые возможности инвестиций, и технологические нововведения такие возможности ему создают», – утверждает видный деятель британского искусства, критик и теоретик Дж. Робертс¹¹.

Возникли финансовые «холдинги», предлагающие клиенту полный набор услуг в области финансового посредничества. Именно они в настоящее время доминируют на мировом финансовом рынке.

Вывоз капитала с развитием процессов экономической глобализации возрос многократно. Более того, с ростом могущества транснациональных корпораций он стал едва ли не важнейшей основой их финансового благополучия. В новой глобальной финансовой системе переброска огромных капиталов с континента на континент стала минутным делом. Сегодня гигантские капиталы с легкостью перемещаются по всей планете, обретая благодаря информационным сетям невиданную мобильность. И оседают эти капиталы зачастую очень далеко от своих хозяев.

Смысл глобализации четко определил знаменитый валютный спекулянт Дж. Сорос. В вышеупомянутой брошюре «Заметки о глобализации» он следующим образом описывает рождение и действие глобализации: «По моему мнению, главное, что определяет глобализацию – свобода перемещения капитала. Эта свобода несравнима со свободой перемещения людей, что ставит финансовый капитал в привилегированное положение... К концу Второй мировой войны большинство государств жестко контролировало международные финансовые операции... Затем контроль за движением капитала был в значительной мере снят. Следствием нефтяного кризиса 1973 г. стало быстрое развитие оффшорных финансовых рынков. В начале 1980-х при Рональде Рейгане и Маргарет Тэтчер движение капитала из страны в страну сделалось более интенсивным, а в начале 1990-х, после кончины Советской империи, финансовые рынки стали по-настоящему глобальными».

Теоретики глобализации выработали доктрину-правило «золотого корсета» (Вашингтон, 1989), которое предписывает «один размер для всех». Согласно этому правилу, входящее в мировое разделение труда государство должно подчиняться ряду непреложных условий:

¹¹ Робертс Д. Крах модернизации: глобализация и культура. – Сайт «Художественный журнал». № 4, 2004. [Электронный ресурс] URL //xz.gif.ru/numbers/56/3/

- частный сектор становится основным мотором экономического развития;
- поддерживается низкий уровень инфляции;
- бюрократический аппарат государства уменьшается;
- сокращаются до предела тарифы на импорт;
- ликвидируются ограничения на иностранные инвестиции;
- разделяются внутренние монополии;
- приватизируются государственные предприятия;
- местная индустрия открывается миру;
- происходит отказ от квот на импортную продукцию;
- иностранцам предоставляется право покупать любые акции и ценные бумаги и т.д.

Идеологи глобализации представляют государственное планирование, помощь и содействие не иначе как проявления экономического ретроградства¹². «Сегодня приватизация и дерегулирование стали практически синонимами слова “реформы”», – утверждает Председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США А. Гринспэн¹³.

Тем не менее сами США действуют по-другому, когда это им выгодно. Так, например, Европа была крайне раздражена внезапным решением президента США Дж. Буша-младшего ввести пошлины до 30% на импорт стали из Европы и Азии. В этом проявилось вопиющее противоречие между заявленной Бушем поддержкой свободной торговли и его протекционистской мерой в интересах клонящихся к упадку производителей стали в Пенсильвании и Западной Вирджинии¹⁴.

До того как произошла глобализация финансовых рынков, мы вправе были считать, что забота об основных общественных ценностях должна лежать на плечах правительств отдельных стран. Но теперь, когда финансовый капитал свободно перемещается по миру, отдельные государства не могут просто так вводить у себя новые налоги и ограничения, поскольку ничто не мешает капиталу уйти из страны (сумма средств, скопившихся в оффшорных налоговых гаванях, составляет примерно пять триллионов долларов).

¹² Горцарик А.Г. Глобализация и геополитические интересы России в начале XXI века. [Электронный ресурс] URL //ibci.ru/AGP/conferencia/statya40.htm

¹³ Гринспэн А. Реальные границы процессов глобализации («The Globalist», США). [Электронный ресурс] URL //www.inosmi.ru/translation/209876.html

¹⁴ Шумилов М. Концептуальные основы глобализации. – http://credo-new.narod.ru/credonew/01_05/9.htm

Глобализация финансовых рынков поставила крест на идее «государства всеобщего благоденствия», как она формулировалась после Второй мировой войны¹⁵.

Мотор глобализации – транснациональные корпорации

Особая роль в новой волне глобализации принадлежит транснациональным корпорациям (ТНК) – крупным промышленным корпорациям XX века. Они являются главной институциональной формой глобализации, ее каркасом, основной несущей конструкцией. Транснациональная корпорация работает на рынок всего мира, производя однотипную продукцию для всех стран, что позволяет существенно снизить издержки и повысить конкурентоспособность¹⁶.

ТНК сегодня являются мотором глобализации, им принадлежат крупные производительные силы современного мира и полем деятельности является вся наша планета.

Транснациональные корпорации могут проводить изыскания в одной стране, производить отдельные части в другой, собирать их в третьей, продавать продукт производства в четвертой, вкладывать прибыль в пятой и так далее. Они могут иметь дочерние ветви в десятке стран. Размеры, значение и политическое могущество этих новых игроков в общемировой игре неуклонно возрастает с середины 1950-х г. Ныне по крайней мере 10 тыс. компаний, основанных в высокоразвитых странах, имеют ответвления за пределами собственной страны и более двух тысяч – в шести или более странах¹⁷.

Из 382 главных промышленных фирм с общим объемом продаж в 1 млрд долл. 242 имеют 25 и более процентов «иностранных составляющих» в виде сбыта, имущества, экспорта, дохода или рабочей силы. И пока экономисты с пеной у рта спорят о том, как определить и оценить эти корпорации, становится ясно, что они

¹⁵ Крупов Ю. Глобализация окончена: мародерам достался весь мир. [Электронный ресурс] URL //economics.pravda.ru/economics/2003/7/21/64/15441_GLOBALWAR.html

¹⁶ Levitt Th. The Globalization of Market // B. de Witt, R.Meyer (ed.). Strategy. Process, Content, Context. An International Perspective. Minneapolis, St.Paul, N. Y., Los Angeles, San Francisco, 1994. P. 482.

¹⁷ Supplementary Material on the Issue of Defining Transnational Corporations, a Report of the Secretariat to the Commission on Transnational Corporations, U.N. Economic and Social Council (UNTESCO), March 23, 1979.

представляют собой новый коренной фактор в мировой системе и бросают вызов государству-нации¹⁸.

Чтобы оценить масштаб их деятельности, полезно знать, что в определенный день в 1971 г. они держали 268 млрд долл. в краткосрочных ликвидных вкладах. Это, согласно Международному торговому подкомитету сената США, «более чем в два раза превосходило сумму, находившуюся в распоряжении всех международных организаций во всем мире на этот день». Для сравнения, общий годовой бюджет ООН составляет менее 1/268, или 0,0037 этой суммы¹⁹.

ТНК уже стали настолько огромными, что сами приобрели некоторые черты государства-нации, включая собственные квазидипломатические корпуса и эффективные разведывательные агентства. «Потребности транснациональных корпораций в данных разведки почти не отличаются от потребностей Соединенных Штатов, Франции или любой другой страны... В действительности любой разговор о разведывательной деятельности КГБ, ЦРУ и их агентств-спутников будет неполным без упоминания о растущей роли, которую играет в ней аппарат “Еххон”, “Чейз Манхэттен”, “Мицубиси”, “Локхид”, “Филипс” и других», – пишет Джим Нуган в «Spooks», анализируя деятельность частных разведывательных агентств²⁰.

Иногда ТНК кооперируются со своими «родными нациями», иногда эксплуатируют их, иногда осуществляют их политику, иногда используют государство для проведения собственной политики. Существование ТНК, как таковых, нельзя считать ни положительным, ни отрицательным явлением. Но их способность мгновенно перекачивать через государственные границы миллиардные суммы, привлечение новейших технологий и оперативность часто позволяют им обгонять государство²¹.

«Главный вопрос даже не в том, что транснациональные компании могут обходить определенные региональные законы и постановления, – пишет Х. Стивенсон в своем исследовании, посвященном влиянию транснациональных корпораций на госу-

¹⁸ Why Multinational Tide is Ebbing» by Sandford Rose // Fortune, August, 1977.

¹⁹ The USA, the UN and Transnational Networks in International Associations (Brussels). 593, 1975.

²⁰ Hougan Jim. Spooks: The Haunting of America // The Private Use of Secret Agents. N. Y.: William Morrow, 1978.

²¹ Тоффлер Э. Третья волна. С. 516.

дарство-нацию. – Дело в том, что наши оценки и реакции обусловлены представлением о суверенном национальном государстве, а транснациональные корпорации нарушают это представление»²².

Наиболее ярким примером гигантских корпораций могут служить современные производители автомобилей. Так, к середине 1960-х гг. «Большая Тройка» автомобильных компаний в Соединенных Штатах производила 94% всех американских автомобилей. В Германии четыре компании – «Фольксваген», «Даймлер-Бенц», «Опель» (GM) и «Форд-Верке» – производили вместе 91% всей продукции; во Франции «Рено», «Ситроен», «Симка» и «Пежо» – практически все 100%. В Италии один только «Фиат» производил 90% всех автомобилей²³.

В других отраслях производства дело обстоит примерно так же. В Соединенных Штатах свыше 80% алюминия, пива, сигарет и готовых завтраков производилось четырьмя или пятью компаниями, работавшими в своей сфере²⁴. В Германии 92% всех штукатурных плит и красителей, 98% фотопленки, 91% промышленных швейных машин производились четырьмя или ненамного большим числом компаний каждой из этих категорий²⁵. Перечень высококонцентрированных производств можно продолжать и дальше.

Термин же «транснациональные» указывает, что деятельность данных компаний простирается далеко за национальные границы и не связана рамками одной или даже нескольких наций. Транснациональная корпорация – это компания, имеющая заводы и офисы в двух или более странах. По этому поводу специалист в области политэкономии и политологии Р. Рейх заявил, что «национальные экономики» исчезают и компании больше не имеют гражданства²⁶.

Типичная ТНК владеет рядом иностранных филиалов или контролирует их, связана деловыми союзами (благодаря прямым инвестициям) на всех континентах и прибегает к стратегическим

²² *Stephenson H.* The Coming Clash: The Impact of Multinational Corporations on National States. N. Y.: Saturday Review Press, 1972. P. 3.

²³ Economic Concentration. Hearings before the Subcommittee on Antitrust and Monopoly of the Committee on the Judiciary, U.S. Senate. Parts 7 and 7A. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1968. P. 3917.

²⁴ Standart & Poor's «Industry Surveys», 1978, 1979; «New Survival Plan for Olimpia Beer» // The New York Times, May 15, 1979.

²⁵ Economic Concentration. Hearings before the Subcommittee on Antitrust and Monopoly of the Committee on the Judiciary, U.S. Senate. Parts 7 and 7A. P. 3972.

²⁶ *Reich R.B.* The world of nations. N.Y., 1991.

методам управления своей деятельностью за рубежом. Такая корпорация не упустит случая, чтобы воспользоваться деловыми идеями, изделиями, кадрами, капиталом, источниками сырья в любом месте, где это ей выгодно. Подобная активность позволяет этим корпорациям завязывать новые связи далеко за пределами своих национальных границ.

Успех ТНК может опираться в значительной мере на признание их продукции потребителями разных стран. Имеется много примеров, когда даже в странах с высоким уровнем развития национализма продукция глобальных корпораций находила успешный сбыт. Причина – в ее относительной дешевизне и качественности. Кроме того, огромные прибыли глобальных корпораций позволяют вкладывать гигантские средства в рекламу, вбивающую в мозги потребителей, что продаваемый товар – именно то, что им нужно.

Зарубежные филиалы западных ТНК все охотнее десантируются на территорию развивающихся стран. В 1980 г. они обосновались в 50 таких странах, в 1990 г. – в 54, в 1995 г. – в 71 стране²⁷.

Крупнейшие транснациональные компании представляют собой гигантские образования, их богатства превосходят богатства многих стран. Из сотни крупнейших экономических единиц мира сегодня только половину составляют государства, а другую половину – транснациональные корпорации. Масштаб деятельности этих компаний потрясает. Крупные ТНК превосходят народнохозяйственные комплексы целых стран, причем отнюдь не малых, – так, оборот «Дженерал моторс» (168 млрд долл. в 1996 г.) несколько превосходит валовой национальный продукт (ВНП) Таиланда (167 млрд. долл.). А у «Сименс» (64 млрд. долл.) он больше, чем ВНП Пакистана с его 138 млн. населения²⁸.

К началу 70-х гг. ежегодный доход только одной «General Motors» был больше, чем весь валовой национальный доход Бельгии или Швейцарии. Подобные сравнения заставили экономиста Л. Брауна, президента «Worldwatch Institute», заметить: «Когда-то говорили, что солнце никогда не закатится для Британской империи. Сегодня для Британской империи солнце закатилось, но не закатывается для глобальных корпораций, таких как IBM, «Юнилевер», «Хитачи» и «Фольксваген»²⁹.

²⁷ Шишков Ю. Европа и процессы глобализации экономики. [Электронный ресурс] URL //www.ieras.ru/journal/journal1.2000/4.htm

²⁸ Лавров С.Б. Геополитические реалии России. М., 1999. С. 60.

²⁹ Brown L.R. World Without Borders. N. Y.: Random House, 1972. P. 214–216.

600 крупнейших транснациональных корпораций обеспечивают более 20% общемирового промышленного и сельскохозяйственного производства. Около 70 из этих 600 гигантов контролируют положение продаж на мировом рынке. Пять крупнейших ТНК ревизуют более половины мирового производства товаров длительного пользования, а также самолетов, электронного оборудования, автомобилей. Две-три компании контролируют всю международную сеть телекоммуникаций.

В течение последних двадцати лет деятельность транснациональных корпораций становилась все более глобальной: если в 1950 г. дочерние предприятия более чем в двадцати странах имели только три из 315 крупнейших компаний мира, то сейчас их около пятидесяти. Таких фирм, конечно, меньшинство, большая часть из них имеет дочерние предприятия не более чем в пяти странах.

В 2000 г. насчитывалось 63 тыс. транснациональных корпораций с 690 тыс. иностранных филиалов. К этому нужно добавить значительное число межфирменных соглашений, которые предусматривают тесное взаимодействие в производстве и коммерческой деятельности между сохраняющими имущественную самостоятельность партнерами. Они тоже могут быть отнесены к транснациональным структурам, охватившим в наши дни буквально все страны в области экономической деятельности. ТНК, таким образом, превратились в главный элемент той соединительной ткани, которая образует глобальную экономику. Только на 100 крупнейших ТНК приходилось в 2000 г. до одной трети мирового экспорта (около двух трлн долл.)³⁰. 93% их штаб-квартир расположены в США, Западной Европе и Японии. При этом 27 самых больших ТНК имеют американское происхождение³¹.

«Пять корпораций из числа крупнейших ТНК наложили руку на более чем 50% всемирного рынка в таких ключевых областях, как самолетостроение и космические технологии, электрооборудование, производство деталей для электроники и создание компьютерного программного обеспечения; две других ТНК доминируют на рынке общественного питания; пять ТНК подмяли под себя производство неалкогольных напитков, спиртосодержащих напитков и табачных изделий...»³²

³⁰ World Investment Report, 2000. UNCTAD, N. Y. and Geneva, 2000. P. XVI.

³¹ Горцарик А.Г. Глобализация и геополитические интересы России в начале XXI века. [Электронный ресурс] URL //ibci.ru/AGP/conferencia/statya40.htm

³² Клермон Фредерик Ф. Эти гигантские фирмы, играющие государствами // Мوند дипломатик. Декабрь 1999.

Основным инструментом экспансии ТНК служат прямые иностранные инвестиции (ПИИ), позволяющие создавать в других странах филиалы как путем строительства новых предприятий, так и взятия под контроль и реконструкции существующих. Например, выпуск автомашин определенных марок рассредоточен по предприятиям семи стран, а предприниматели каждой страны отвечают за определенную фазу производства – проектирование, производство двигателей или электрооборудования и даже изготовление и распространение рекламы. Существует и другая форма международного производства: головное предприятие, расположенное в развитой стране, превращается в чисто сборочное, а производство деталей и компонентов для сборки размещается в соответствии с ценой факторов производства за рубежом. А поскольку международное производство является одним из важнейших инструментов борьбы за рынки сбыта, оно быстро растёт³³.

Экспансия ТНК была бы попросту невозможна без революционных достижений современного технического прогресса, либерализации и открытости национальных рынков. С одной стороны, им позарез нужны рыночные свободы, а с другой – возрастающая доля мировой торговли, осуществляемой в порядке внутрифирменного оборота, фактически исключается из сферы рыночного обмена и прямой конкуренции. Мало того, укрупнение и концентрация хозяйственной деятельности в рамках ТНК облегчает сговоры между конкурентами, возникновение олигополий и монополий путем слияний и поглощений. В результате выход новых производителей на мировые товарные рынки сталкивается с серьезными преградами, а конкуренция сводится главным образом к соперничеству гигантов³⁴.

Другая сторона современной экономической деятельности выражается в том, что благодаря своему преобладающему положению в мире богатые страны, прежде всего США, способны направлять рыночные силы таким образом, чтобы притягивать к себе в огромных масштабах иностранные активы и кадры высококвалифицированных специалистов. Подконтрольные им механизмы финансовой, биржевой, торговой политики действуют как мощный насос, перекачивающий финансовые и интеллектуальные ресурсы из других стран, в том числе развивающихся и отсталых. Тем

³³ Широков Г. Глобализация. [Электронный ресурс] URL //www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm

³⁴ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 112.

самым все более закрепляется разделение мира на доминирующий Центр и зависимую Периферию³⁵.

Не случайно штаб-квартиры восьмидесяти девяти из 200 ведущих транснациональных корпораций мира находятся именно в Соединенных Штатах и на них приходится более половины всех объемов продаж. Правда, доля американских компаний резко сократилась по сравнению с началом 1960-х гг. в связи с бурным ростом японских компаний. В 1960 г. среди 200 ведущих компаний только пять были японскими, а в 1983 уже двадцать пять.

Вопреки укрепившемуся представлению (разделяемому в том числе и некоторыми из упоминавшихся выше теоретиков), большинство инвестиций транснациональных компаний размещаются в границах индустриального мира: три четверти всех прямых вложений за границей распределяются между индустриальными странами. Тем не менее участие транснациональных корпораций в экономике развивающихся стран также достаточно велико. Крупнейшие объемы инвестиций приходятся и на Бразилию, и на Мексику, и на Индию. С 1970 г. наиболее быстро росли вложения корпораций в экономику новых индустриальных стран Азии: Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Малайзии³⁶.

Нет, однако, никаких сомнений, что деятельность транснациональных корпораций может иметь негативные последствия для стран, в которых она осуществляется. Они могут, к примеру, дестабилизировать их финансовые и валютные рынки; привлекать своих менеджеров и тем самым сдерживать развитие местного управленческого класса; импортировать технологии и подавлять таким образом отечественные инициативы в области НИОКР. Они могут также минимизировать налоговую базу, сокращая таким образом налоговые поступления государства. Они представляют собой экстерриториальную силу, перед лицом которой многие национальные правительства оказываются бессильны, они не могут изгнать их или не пускать с самого начала.

С другой стороны, известны и благотворные стороны деятельности ТНК, ведь, скажем, прямые иностранные инвестиции являются инвестициями в физический капитал – новые фабрики, машины, оборудование и т.д. А менеджеры из-за рубежа могут быть для отечественных кадров источником получения знаний и опыта,

³⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 13.

³⁶ *Perlmutter H.V.* Forwards research on and development of nations, unions and firms as world institui // *Gunter H.* Transnational industrial relations. New York W.

стимулируя таким образом развитие местного класса специалистов-управленцев. Доступ к более современным иностранным технологиям может быть существенным благом для повышения конкурентоспособности и производительности местных фирм³⁷.

И все же современный мировой рынок – это система, где практически нет свободной конкуренции. Внедрение в мирохозяйственные отношения принципов, характерных для неолиберального этапа эволюции «позднего» капитализма, приводит к формированию весьма своеобразной системы отношений. Она характеризуется стабильно воспроизводимыми монопольными преимуществами и, следовательно, подрывом основ свободной конкуренции в отношениях между крупнейшими ТНК и их сателлитами, с одной стороны, и «периферией» экономической жизни – экономикой «третьего» и, в значительной части, «второго мира» – с другой.

ТНК монополизуют прежде всего наиболее передовые и конкурентоспособные ресурсы – высокие технологии; квалификационную рабочую силу и работников-новаторов, которые могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе только в развитых странах; «ноу-хау», патенты на высокие технологии и многие другие информационные продукты. Они получают монополию не только на самые эффективные ресурсы, но и на их воспроизводство. Особенно важна здесь монополизация научно-технического прогресса и образования. Крупные корпорации следят за тем, чтобы не осуществлять передачи технологий, которые могли бы породить возможных конкурентов в странах южного полушария, способных организовать самостоятельное конкурентоспособное производство.

Современной формой этой политики стала подача заявки на патент. В США количество заявок на выдачу патентов удвоилось за последние десять лет. Одновременно там же усилилось и их сосредоточение: из 160 тыс. патентов, заявленных в 1999 г. в мире, 87% приходится на США. Такая ситуация держит страны Юга планеты в подчиненном положении и ограничивает их возможность поднимать общую квалификацию рабочей силы.

На протяжении последнего столетия корпорации рассматривались чаще всего как исключительно экономические механизмы, и атаки на них в основном фокусировались на экономической сфере. Критики ругали их за низкую оплату работников, за завышение

³⁷ Свет и тени глобализации. [Электронный ресурс] URL //www.inventors.ru/index.asp?mode=859

цен, за образование картелей для фиксации цен, за производство некачественных товаров, за тысячи других экономических недостатков. Но большая часть критиков все же принимала внутренние установки корпораций – они смотрели на них как на необходимые экономические институты.

Сегодня же критики корпораций предъявляют им совершенно другие обвинения. Они настаивают на все большей и большей ответственности корпораций не только за экономические проблемы, но и за все, начиная от загрязнения воздуха до кризисов исполнительной власти. Корпорации обвиняются за изготовление вредного асбестового порошка, за использование беднейших слоев населения и домашних животных для испытаний лекарств, за препятствия развитию отсталых стран, за нацизм и дискриминацию женщин, за секретность и обман. Корпорациям ставят в вину поддержку несправедливых режимов и политических партий, от фашистских генералов в Чили до расистов в Южной Африке³⁸.

Действительно, корпорации – основные организаторы экономического производства, поэтому они и основные «производители» промышленного загрязнения окружающей среды. Если человечество хочет выжить, завтрашние руководители должны принять ответственность за негативные воздействия на окружающую среду, вызванные корпорациями. Либо они примут эту ответственность добровольно, либо они будут вынуждены сделать это, так как в изменившихся условиях биосферы сделать это жизненно необходимо. Корпорации должны быть преобразованы в институты не только экономические, но и экологические путем материальных изменений во взаимоотношениях между производством и биосферой³⁹.

Циничные установки корпораций все чаще и чаще оцениваются как источники прямых потрясений системы ценностей общества. Корпорации все более и более рассматриваются как «производители» аморальных эффектов⁴⁰. Их поведение, некогда воспринимавшееся как вполне естественное, теперь интерпретируется как аморальное или скандальное. Именно поэтому взятки компании «Локхид» привели к угрозе падения правительства в Японии. Корпорация «Олин» обвинялась в переброске оружия в Южную Африку. Глава «Морской нефтедобычи» был вынужден

³⁸ Тоффлер Э. Третья волна. С. 361.

³⁹ Там же. С. 383.

⁴⁰ Там же. С. 387.

подать в отставку после инициированного скандала о взяточничестве⁴¹. Осуждение «Distillers Company» в Британии, которая оплатила жертвы Талимонида⁴², банкротства «Макдоннел Дуглас», связанные с DC-10, – все это было вызвано волной новых моральных оценок корпоративной деятельности.

В наше время каждая корпорация производит гораздо больше «продуктов» и несет соответственно больше ответственности за них) чем директора времен «Второй волны» могли себе представить. Только теперь это – экологические, социальные, информационные и политические, а не только экономические «продукты».

«Помещики, живущие в столицах»

Предприниматели новой волны глобализации открыли для себя философский камень богатства. Их новая магическая формула гласит: «капитализм без труда плюс капитализм без налогов».

Чтобы в условиях глобализации экономики успешно конкурировать на внешних рынках товаров, нужно постоянно снижать издержки на оплату труда. Это достигается в основном двумя путями: либо вытеснением живого труда машинным, либо перенесением производства из высокоразвитых и богатых стран в менее развитые, где аналогичный труд оплачивается значительно ниже.

Современные транснациональные организации превосходят самих себя рекордными доходами и массовыми сокращениями рабочих мест. Большинство транснациональных фирм, таких, например, как «Сименс» или БМВ, больше не платят налогов внутри страны. И такая утечка средств автоматически снижает уровень социальной защиты граждан.

В последние десятилетия добавился еще один стимул к переносу производства из высокоразвитых стран в менее развитые – обострение экологических проблем. В Западной Европе и других развитых регионах с большой плотностью населения, высокой степенью урбанизации и насыщенности производствами с вредными отходами, загрязнение окружающей атмосферы, водоемов и почвы приняло угрожающие масштабы. Это заставило вводить все более жесткие экологические стандарты, увеличивать расходы по их соблюдению, повышать штрафы за их нарушение. В результате экологические издержки, особенно высокие в добывающей промышленности, в химической, металлургической и других подобных

⁴¹ Olin Shareholder Quarterly and Annual Meeting Report. May, 1978.

⁴² A Scandal Too Long Concealed. // Time, May 7, 1979.

отраслях, стали чрезвычайно весомой составляющей в конечной цене продукта. В сущности, экологические издержки – аналог постоянно растущих издержек на оплату труда: и то и другое выгоняет предпринимателей с удобных, насиженных мест дома и заставляет рыскать по свету в поисках более прибыльного вложения капиталов.

Переход значительной части контроля над национальной экономикой к ТНК и международным организациям, у которых свои, нередко противоположные интересам суверенных государств цели, превращается в весьма болезненную проблему. В стремлении экономить на заработной плате ТНК перемещают промышленное производство в развивающиеся государства, усложняя тем самым проблему занятости в своих, промышленно развитых странах и вызывая конфликты, связанные с утратой рабочих мест. Кроме того, они пытаются урезать оплату социального и медицинского страхования своих работников или даже полностью переложить ее на их собственные плечи, что, естественно, вызывает сопротивление⁴³.

Обретенная капиталом свобода напоминает свободу «помещика, живущего в столицах» из прежних времен – такие люди были печально известны своим пренебрежением к нуждам населения, которое их кормило. Весь их интерес к земле, которой они владели, заключался в том, чтобы «снимать с нее сливки» в виде «излишков продукции». Здесь, несомненно, существует определенное сходство – но это сравнение не в полной мере отражает степень свободы от забот и ответственности, которой обладает мобильный глобализованный капитал конца двадцатого столетия: помещикам прошлого она и не снилась.

Так, «помещик, живущий в столицах» не мог поменять свое поместье на другое, а значит, оставался – пусть и не слишком прочно – привязанным к местности, откуда он тянул все соки. Это обстоятельство ограничивало теоретически и юридически беспредельные возможности эксплуатации данной местности, иначе в будущем поток доходов мог обмелеть, а то и вовсе иссякнуть. Такого рода помещичье землевладение наносило непоправимый ущерб плодородию земли и развитию сельскохозяйственных навыков, поэтому благосостояние «помещиков, живущих в столице» было весьма ненадежным⁴⁴.

⁴³ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 123.

⁴⁴ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 21.

В отличие от «помещиков, живущих в столицах», из новой истории нынешние капиталисты благодаря вновь обретенной мобильности их ресурсов, теперь уже ликвидных, практически не сталкиваются с ограничениями. А если такие же ограничения появятся и потребуют дорогостоящего применения силы или утомительных переговоров, то «капитал без особого труда «соберет вещишки» и переместится в более «гостеприимную среду», «не оказывающую сопротивления, податливую и мягкую»⁴⁵.

Разделяя циклы своего производства, иностранцы могут выбирать, в какой стране платить налоги, где держать штаб-квартиру и где жить самим менеджерам. Конечно же, там, где чистый воздух, мягкий климат, твердая валюта, низкие налоги и цены.

Тем самым глобализация снижает эффективность экономической политики государств, уменьшая способность национальных правительств собирать налоги и финансировать «государство благосостояния», контролировать инфляцию и валютный курс.

С 1989 по 1993 г. сумма налогов, выплачиваемая корпорациями, упала на 18,6%, составив меньше половины всех собираемых налогов. Прибыли корпораций в Германии за последние 20 лет выросли на 90%, а зарплаты – всего на 6%. Сбор налогов в стране за 10 лет удвоился, но доля налоговых поступлений от корпораций составила всего 13%. В 1980 г. она составляла 25%, а в 1960 – 35%. Многие корпорации, например «Сименс» или «БМВ», вообще объявили себя «не немецкими» и налогов «дома» не платят⁴⁶.

Корпорации избегают платить налоги, но требуют от правительств дорогостоящих услуг, льгот и прав. Например, «БМВ» и «Сименс» перестали быть немецкими, перевели свои штаб-квартиры в Бразилию и Мексику, но дети менеджеров и сотрудников учатся в государственных школах и университетах за счет немецких налогоплательщиков. Они и их семьи живут в безопасных пока еще городах Европы.

В то же время лишённые значительной доли налоговых поступлений, правительства становятся все более бессильными, особенно при решении социальных проблем, но также и в деле культуры, образования, защиты окружающей среды, укрепления и углубления демократии. Корпорации требуют от них порядка, а если нужно – даже и полицейского порядка.

Все это приводит к неустойчивости внутренних рынков, уменьшая конкурентные преимущества национальных производи-

⁴⁵ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 21–22.

⁴⁶ New Stateman, L., 6 December 1999. P. 26.

телей. Получение прибыли корпорации достигается нередко ценой ухудшения экологических стандартов, что еще более усугубляет нависшую над миром угрозу необратимого разрушения окружающей среды.

Неудивительно, что в этих условиях обеспечение суверенитета своего государства приобретает для многих стран, особенно развивающихся, важное значение⁴⁷.

Интернет – нервная система глобализации

Когда говорят о феномене глобального мира, то в качестве его символов приводят Интернет, превративший нашу планету в «мировую деревню», мгновенные перемещения многомиллиардных «горячих денег» из страны в страну, с континента на континент и вездесущие транснациональные корпорации. Несмотря на некоторую поверхностность, это первое впечатление, тем не менее, верно.

Действительно, в основе современной глобализации лежит невиданное технологическое достижение – ускорение передачи информации, связанное, прежде всего, с появлением компьютерной «всемирной паутины» – Интернета. Среди всех технических факторов глобализации особенно важную роль всегда играла передача информации.

Неуклонно и последовательно разрабатывались технические средства, позволявшие информации перемещаться независимо от ее физических носителей, а также от объектов, о которых эта информация сообщала. Отделение движения информации от перемещения ее носителей и объектов привело, в свою очередь, к резкому росту скорости их передвижения. Передача информации набирала скорость темпами, недостижимыми для перемещения физических тел или изменения ситуаций, о которых эта информация сообщала. Наконец, появление компьютерной «всемирной паутины» положило конец – в том, что касается информации, – самому понятию «перемещения» (и «расстояния», которое необходимо преодолеть), сделав информацию моментально доступной по всему земному шару. Совокупные результаты последнего события поистине огромны⁴⁸.

Еще в 1990 г. большинство людей ничего не знало об Интернете, и только у очень немногих была электронная почта. Но се-

⁴⁷ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 124.

⁴⁸ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. С. 27–28.

годня сотовый телефон и электронная почта стали важнейшими средствами, без которых не представляют себе жизнь многие люди, и не только в развитых странах⁴⁹. «Интернет, – пишет Т. Фридмен, – это апофеоз информационной демократизации: он не принадлежит никому, он абсолютно децентрализован, никто не может его отключить. В принципе, к Интернету может подключиться кто угодно во всем мире»⁵⁰. «Теперь можно звонить не только *куда угодно*, но и *откуда угодно* – с ноутбука, с горного пика, с летящего самолета. Это стало возможным, так как размер и вес компьютеров, телефонов и пейджеров все время сокращается благодаря возможностям миниатюризации. Теперь их можно брать с собой в самые отдаленные места, и они все более доступны людям»⁵¹.

Все это произошло благодаря компьютеризации, миниатюризации, появлению телекоммуникации и цифровой записи. Эти инновации позволили сотням миллионов людей во всем мире общаться друг с другом, обмениваться информацией, новостями, знаниями, деньгами, семейными фотографиями, финансовыми сделками, музыкальными записями или телевизионными программами таким способом и на таком уровне, какого мы прежде не знали⁵².

В джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных.

Более 80% финансового капитала находится «в свободном плавании» и не имеет реального материального наполнения. Это – рынок, где «деньги делают деньги», то есть рынок «игроков в рулетку». Благодаря компьютерным технологиям финансовый рынок, львиная доля которого является рынком финансовых спекуляций, железным обручем стянул все страны вокруг крупнейших финансовых магнатов стран «золотого миллиарда». Это позволяет им в зависимости от своих интересов ставить те или иные страны на грань финансового краха. И система этих крахов давно началась. А механизм организации крахов не так уж сложен.

⁴⁹ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 35.

⁵⁰ Там же. С. 80.

⁵¹ Там же. С. 66.

⁵² Там же. С. 68–69.

Финансовые потоки – кровеносная система глобализации

Глобальная электронная банковская сеть, которая была немислима до компьютеров и спутников, сейчас мгновенно связывает Гонконг, Манилу или Сингапур с Багамскими островами или Нью-Йорком⁵³.

Эта раскинувшаяся электронная сеть банков запустила воздушный шар «внегосударственной валюты» – денег и кредитов, находящихся вне контроля какого-либо отдельного государства, который может внезапно появиться в любом месте мира.

При этом большая часть этой внегосударственной валюты состоит теперь из евродолларов, а не долларов США. В 1975 г., описывая рост евродоллара, Э. Тоффлер предупреждал, что эта новая валюта будет «дикой» картой в экономической игре. «Здесь “евро” дают вклад в инфляцию, там они смещают баланс платежей, в другом месте они подрывают валюту – так они оставляют следы то в одном, то в другом месте, пересекая любые национальные границы. В то время общее количество евродолларов оценивалось в 180 млрд»⁵⁴.

Около 1978 г. «Business Week» в панике сообщала о «невероятном состоянии» международной финансовой системы, где 180 млрд трансформировались в 400-миллиардную долларовую стоимость евродолларов, евромарок, еврофранков, еврогульденов и евроиен. Банкиры, имея дело с наднациональной валютой, стали свободно давать неограниченные кредиты и, без требования поддержки какими-либо денежными резервами, были готовы предоставлять займы под минимальные проценты. Сегодняшние оценки «евровалюты» дают свыше триллиона американских долларов.

Прежняя экономическая система, в которой создавались корпорации, основывалась на национальных рынках, национальных валютах и национальных правительствах. И эти национально ориентированные инфраструктуры оказались совершенно не способными научиться контролировать эти новые транснациональные электронные «европузыри». Структуры, спланированные для мира «Второй волны», перестали соответствовать реальности.

⁵³ Stateless Money: A New Force on World Economies // Business Week, August 21, 1978; Caouette J. Time Zones and the Arranging Center // Euromoney, June, 1978; Clash Over Stateless Cash // Time, November 5, 1979.

⁵⁴ *Toffler A.* The Eco-Spasm Report. New York: Bantam Books, 1975. P. 11.

На финансовом уровне скорость взаимодействия увеличивается за счет компьютеризации банков. Некоторые банки даже перемещаются географически для того, чтобы получить преимущества за счет различия временных зон (поясов). Например, сообщает международный банковский журнал «Euromoney»: «Временные зоны (пояса) могут использоваться как преимущество в конкуренции»⁵⁵.

В этом накаленном окружении большие корпорации волей-неволей вынуждены делать вклады и предоставлять займы не на годовой, 90-дневной или даже 7-дневной основе, а буквально на «одну ночь» или «минута в минуту». Новые руководители корпораций активно работают во «всемирном электронном казино» все 24 часа в сутки, разыскивая самые низкие тарифные ставки, наилучшие валютные сделки, наиболее быстрое обращение капитала⁵⁶.

Первоначально финансовые рынки обслуживали прежде всего реальный сектор экономики: они помогали страховать потери корпораций от валютнообменного риска, с их помощью финансировались краткосрочные операции. Но постепенно финансовые рынки стали приобретать самостоятельное значение. Произошел их огромный количественный рост, многократно увеличилось возможности извлечения прибыли от операций с финансовыми инструментами. Сегодня можно говорить о том, что на международном рынке не реальный сектор формирует финансовую сферу, а наоборот, финансовые рынки зачастую определяют состояние реальной экономики. Действительно, когда только 10% ежедневных валютных операций обслуживают внешнюю торговлю, основное влияние на валютный курс оказывают не фундаментальные экономические факторы, а текущая конъюнктура финансовых рынков.

В целом международные финансовые рынки за последние годы характеризуются взрывным ростом объемов операций. Например, количество выпущенных ценных бумаг увеличилось за десять лет 1986–1996 г. более чем в два раза – с 220 млрд до 569 млрд долл. По данным международного агентства финансовой информации Capital DATA Ltd., в 1998 г. объем их эмиссии составил чуть менее 1 трлн долл.

Капитал приходит туда, где выгодно, и уходит оттуда, где невыгодно. И так – по всему свету. Он экстерриториален, т. е. не при-

⁵⁵ Caouette J. Time Zones and the Arranging Center // Euromoney, June, 1978.

⁵⁶ См.: Stateless Money: A New Force on World Economies // Business Week, August 21, 1978.

вязан ни к каким территориям. Это явление более радикальное, чем возможность путешествовать или смотреть по всему миру программы «Си-эн-эн». Потому что даже там, где не найдется места для туристических маршрутов или не будет телевизора (электричества, антенны, самого приемника), чтобы посмотреть «Си-эн-эн», все равно сохраняются возможности для вложения капитала. Мировой рынок работает на том основании, что большинство периферийных экономик становятся доступными индустриальному развитию и условиям демократической современности лишь в той степени, в какой они могут служить аккумуляции капитала в центре. Этот процесс шел полным ходом с 1920-х гг.⁵⁷

Финансовые рынки используют новейшие информационные технологии для обращения 1,5 трлн долларов по всему миру каждый день. Потоки облигаций и акций с 1970 г. увеличились в 54 раза в США, в 55 раз – в Японии и в 60 раз – в Германии⁵⁸.

Именно эти фонды и компании стали мотором финансовой глобализации, потому что они больше всех выиграли от либерализации мировой экономики. Уже в 1996 г. они располагали 25 000 млрд долл.⁵⁹ – суммой, сопоставимой с планетарным валовым продуктом. И, конечно, банки и пенсионные фонды решающим образом способны влиять на правительство. В США пенсионные фонды в 1996 г. имели активы в 4 752 млрд долларов, или 62% ВВП страны, сберегательные фонды – 3 539 млрд долл., страховые компании – 3 052 млрд долл. Это 138% годового ВНП США. То же самое происходит и в Европе. Именно они определяют в конечном счете политику и стратегию развития стран и континентов. Это и есть новое явление, вызванное глобализацией.

Ежедневно из страны в страну перекачиваются 1500–1700 млрд долл., 90% из которых составляют спекулятивные операции. Капиталы переводятся в страны на час, на день, на неделю и снова бегут туда, где выше норма прибыли. Спекулятивный капитал ныне в 50 раз превышает стоимость всей международной торговли⁶⁰.

Экономист Д. Родрик указывает на потенциальную опасность, которую несет освобождение международных финансовых пото-

⁵⁷ Робертс Д. Крах модернизации: глобализация и культура. – Сайт «Художественный журнал», № 4. 2004. ([Электронный ресурс] URL //xz.gif.ru/numbers/56/3/)

⁵⁸ Измеряя глобализацию. Сайт журнала «Мировые дискуссии». [Электронный ресурс] URL //wdi.ru/print.php?art=3440997

⁵⁹ New York Herald Tribune, 7 January, 2000.

⁶⁰ АТТАС. Contre la dictature des marches, la Dispute. P. 55–64.

ков от контроля со стороны национальных государств⁶¹. Финансовая глобализация игнорирует устоявшиеся принципы международного права – суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств, территориальной целостности, делая прозрачными государственные границы.

Сегодня «деньги» – это даже не кусочки разрисованных бумажек. Это по большей части электронные учетные записи на жестких дисках банковских компьютеров. Записи-обещания вознаграждать за уже проделанный труд. Эти записи очень легко стираются, а их значение меняется каждый день, каждый час, каждую секунду по всей планете. По подсчетам ученых, на один доллар в реальной экономике приходится 50 долларов в финансовой сфере⁶².

Все это, вместе взятое, постепенно лишает деньги их прежнего содержания и в каком-то смысле реального наполнения, превращая в разновидность особой, энергичной и агрессивной финансовой информации. Сложившийся на сегодняшний день колоссальный по объему рынок вторичных ценных бумаг – производных финансовых инструментов в несколько раз превышает совокупный валовой продукт всех стран, создавая крайне несбалансированную ситуацию, рискуя уже в ближайшем будущем вызвать тектонические подвижки глобальной финансовой системы и мировой экономики в целом.

Бурное развитие компьютерной техники и электронных телекоммуникаций, появление высокоскоростного и более экономичного транспорта резко приблизили друг к другу все континенты и государства, создали необходимые предпосылки для стремительного нарастания трансграничных обменов. Все это позволило в режиме реального времени оперативно производить многообразные платежи и расчеты и мгновенно перемещать их результаты в форме «электронных денег», стимулируя таким образом интенсивный рост новой глобальной субкультуры – финансовой цивилизации.

Переливающиеся из страны в страну потоки товаров и услуг, капиталов и людей, глобальные системы коммуникаций и информации, деятельность международных экономических и финансовых организаций и корпораций образуют ткань глобальной экономики, в которую в большей или меньшей степени вплетаются все без исключения национальные экономики.

⁶¹ *Rodrick D.* Has globalization gone too far? Washington, DC, 1997.

⁶² *Подберезский И.В.* Вызовы глобализации. [Электронный ресурс] URL // baptist.org.ru/2/106_1.html

Но следует иметь в виду, что становление глобальной экономики не было просто результатом слепой игры рыночных сил. «Глобальная экономика была создана не рынками, а взаимодействием между рынками, правительствами и международными финансовыми институтами», – утверждает М. Кастельс⁶³.

Спекулятивность глобальной экономики **«Электронные стада» глобализации**

«Мировые рынки состоят из миллионов инвесторов, – говорит Т. Фридмен, – которые щелчком мыши переводят большие суммы денег со счета в одном конце Земли на счет в другом конце. Я называю их Электронным стадом, и это Стадо пасется в ключевых мировых финансовых центрах, таких как Уолл-Стрит, Гонконг, Лондон и Франкфурт, которые я, в свою очередь, называю *Супермаркетами*»⁶⁴.

«*«Электронное стадо»*, – поясняет Фридмен, – это масса безликих пользователей, разбросанных по всему миру, продающих и покупающих акции, облигации и валюту, сидя перед мониторами своих компьютеров; они перемещают свои деньги из взаимных фондов в пенсионные и биржевые фонды и участвуют в торгах через Интернет, не выходя из своих подвалов. Кроме того, Стадо состоит из больших многонациональных корпораций, которые строят свои заводы по всему миру в постоянных поисках более эффективного и дешевого производства»⁶⁵.

Возможности срочного перемещения мобильных капиталов в любую страну, где есть реальные возможности для получения сверхприбылей, и столь же быстрый уход с «использованной территории», безусловно, провоцирует рост социальной напряженности во всем мире.

Электронное стадо Фридмен делит на две основные группы. Одну группу он называет *«мелким рогатым скотом»*. Туда входят все, у кого есть персональный компьютер, кто может принимать участие в торгах, сидя у себя в гостиной. Она включает людей во всем мире, которые продают и покупают акции, облигации и валюту и часто вкладывают свои деньги на очень краткие сроки. *«Мелкий рогатый скот»* – это валютные спекулянты, взаимные и пенсионные фонды, страховые фонды и компании, биржевые залы и

⁶³ Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 74.

⁶⁴ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 33.

⁶⁵ Там же. С. 123.

частные вкладчики. Это разного рода инвестиционные фонды, пенсионные фонды, банки, страховые компании, крупные закупочные организации, расплачивающиеся с поставщиками с трехмесячной отсрочкой, маклерские конторы, крупные финансовые биржевые фирмы, хеджевые фонды («hedge funds»), одним словом, все те, кого принято называть «институциональными инвесторами».

Другую группу он называет «*крупным рогатым скотом*». Это транснациональные компании, которые принимают все больше участия в прямых иностранных инвестициях, строя по всему миру свои заводы, заключая долгосрочные международные контракты на производство или соглашения с заводами других стран о производстве или потреблении их продукции⁶⁶.

Транснациональные компании занимаются так называемыми «прямыми иностранными инвестициями», т.е. вкладывают деньги не в акции и облигации развивающихся стран, а напрямую в промышленность, коммунальные службы, энергетику и множество других проектов, которые не осуществляются за одну ночь, а требуют времени и тщательного планирования. Благодаря глобализации такие компании теперь делают гораздо больше инвестиций в гораздо большее количество стран⁶⁷.

С постепенным упразднением контроля за капиталом в 1970-е гг., демократизацией финансов, технологий и информации, концом эпохи «холодной войны» и повсеместным разрушением «стен» внезапно образовалась бескрайняя мировая равнина, по которой смогли свободно разгуливать «стада инвесторов» из множества разных стран⁶⁸. На этой просторной равнине, позже еще расширившейся за счет киберпространства, к концу XX столетия самым значительным событием в мировой финансовой системе стал тот факт, что частный сектор превратился, (как однажды выразился секретарь Казначейства США Л. Саммерс) в «изобильный источник капитала для роста», потеснив государственный сектор⁶⁹.

Частные мелкие акционеры – вкладчики

Другое важное явление новой волны глобализации – появление огромного количества *частных мелких акционеров – вкладчиков*. Появилась даже новая «профессия» – «держатель облигаций».

⁶⁶ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 127.

⁶⁷ Там же. С. 144.

⁶⁸ Там же. С. 128.

⁶⁹ Там же.

В таможенной декларации Мексики для них появилась отдельная категория⁷⁰.

«Интернет, – пишет Т. Фридмен, – привел фондовую биржу в каждый дом, где она успешно прижилась... Это привело к появлению целого выводка “дэй-трейдеров”, спекулянтов-любителей, которые занимались финансовыми операциями в основном у себя дома, используя персональный компьютер»⁷¹. Действительно, спекуляция в последние годы стала захватывать десятки миллионов простых людей, которые бросают работу продавцов, клерков, таксистов, просиживают часами перед экранами компьютеров, играя на биржевых курсах. Ничего не производя, они живут безбедно, паразитируя на людях во всех уголках мира, которые трудятся в реальной экономике.

Прежде экономика любой страны имела дело с советом директоров двадцати ведущих коммерческих банков, а теперь – с тысячами частных вкладчиков. Это расширило границы рынка и сделало его свободнее, в то же время в корне изменив характер давления на экономику стран. Люди покупали и продавали свои облигации каждый день, в зависимости от их «перспективности», а это означало, что каждый день пресловутая «перспективность» подвергалась переоценке. И большинство людей, участвующих в торговле облигациями и их оценке, являются иностранными гражданами, так что правительство страны не в состоянии их контролировать. Такие держатели облигаций сильно отличаются от банков, которые просто вынуждены предоставлять кредиты странам снова и снова, чтобы защитить предыдущие займы. Но теперь, если экономика стран покажется вдруг «неперспективной» или «ненадежной», частные вкладчики просто сбывают с рук ее облигации и, помахав рукой на прощание, вкладывают свои деньги в облигации другого, более «надежного» государства.

Так, например, когда в 1995 г. в Мексике обозначился дефицит бюджета, вкладчики, как крупные, так и мелкие, тут же начали продавать мексиканские облигации, тем самым еще больше снижая их стоимость. Долг Мексики «демократизировался», ибо слишком многие принимали в нем участие. В результате Мексике пришлось обращаться за помощью в министерство финансов США, которое согласилось дать деньги на очень жестких условиях, при которых в залог шли мексиканские нефтяные скважины⁷².

⁷⁰ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 158.

⁷¹ Там же. С. 142.

⁷² Там же. С. 75.

Супермаркеты и фонды

Но не только мелкие вкладчики – составная часть современной финансовой глобализации. В ней еще более важную роль играют вкладчики крупные – т.н. «супермаркеты». Супермаркеты – это рынки-гиганты Токио, Франкфурта, Сиднея, Сингапура, Шанхая, Гонконга, Бомбея, Сан-Паулу, Парижа, Цюриха, Чикаго, Лондона и Нью-Йорка. Это места встречи крупнейших представителей капитала, где они обмениваются информацией, проводят торги и выбрасывают на рынок ценные бумаги и облигации различных компаний.

К концу 1997 г. 25 Супермаркетов контролировали 83% всех акций в мире и отвечали примерно за половину мирового рыночного капитала, что составляло около 20,9 трлн долл.⁷³.

Только лишь три основных американских пенсионных фонда, так называемая сегодняшняя «Большая тройка»: Fidelity Investments, Vanguard Group и Capital Research & Management контролируют 500 млрд долл. «Управляющие этими фондами сконцентрировали в своих руках финансовую мощь невиданного масштаба, которой не обладает ни один министр экономики и ни один управляющий центральным банком ни в одной из стран мира»⁷⁴.

Финансовые спекуляции

Транснациональные банки, а с декабря 1999 г. и пенсионные и страховые фонды США, могут направлять свои капиталы туда, куда им угодно, в той форме и на такой срок, какие они предпочитают. Возобладали их требования: никаких национальных границ, никаких правил или ограничений, никаких национальных посредников. Финансовые операции производятся в считанные секунды на электронных рынках. Появились десятки новых видов ценных бумаг, гарантий, услуг. Это дало мощный толчок спекуляции, строительству разного рода пирамид и химер виртуального мира, где царят вездесущие махинаторы⁷⁵. Все более значительная их доля в

⁷³ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 129.

⁷⁴ См. статью Игнасио Рамонэ, директора «Монд дипломатик», «Власть в конце века» («Монд дипломатик» N 494, май 1995). «Оборот десяти гигантских корпораций превышает суммарный ВВП 164 членов Объединенных Наций» (Юбер Ведрин, министр иностранных дел Франции «Перестройка основ иностранной политики Франции», «Монд дипломатик», декабрь 2000).

⁷⁵ Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России // Наш современник, № 5, 2000.

условиях глобализации начинает осуществляться с использованием универсальной информационной среды взаимодействия, т.е. в виртуальном пространстве, причем этот процесс лавинообразно нарастает. Реальные взаимодействия между реальными субъектами все чаще замещаются виртуальными отношениями между виртуальными субъектами.

Появились, например, беспрецедентные возможности делать деньги «из воздуха» с помощью игры на глобальных финансовых рынках – возможности, реализуемые в полной мере. Уже около четырех тысяч частных финансовых структур сегодня специализируется на спекулятивных операциях такого рода. В их руках сосредоточено от 400 до 500 млрд долл., которые в любой момент могут быть брошены на тот участок мирового финансового пространства, где «запахло легкой добычей»⁷⁶.

Финансовые операции оказались, по существу, вне системы всякого правового регулирования и открыли возможности для широкомасштабных спекуляций, ускоряя процесс обособления валютно-финансовой сферы от реальной экономики. Финансовый рынок стал играть независимую от рынка товаров роль. За последние 20 лет ежедневный объем сделок на мировых валютных рынках возрос с 1 млрд долл. до 1200 млрд долл., а объем торговли товарами и услугами – всего только на 50%.

Однако отрыв финансовой системы от реальной экономики вовсе не означает, что связь между ними исчезает. Напротив, связь и зависимость расширяются, но приобретают негативный характер. Сфера финансовых операций начинает в растущих масштабах аккумулировать капитал, который не превращается в прямые инвестиции в производство, а уходит в спекуляцию. Неконтролируемое трансграничное перемещение огромных масс капитала в основном происходит в виде краткосрочных «портфельных» инвестиций, а концентрация его в сфере финансовых спекуляций порождает растущую нестабильность всей системы мирового рынка, о чем свидетельствуют валютно-финансовые кризисы 1987 и 1997–1998 гг.

Экономика стала во многом спекулятивной, в ней по большей части теперь зарабатывают и составляют капиталы не на производстве товаров и услуг, а на играх с курсами акций и валют. Экономическая либерализация создала благоприятные условия для бес-

⁷⁶ Россия в фокусе криминальной глобализации. [Электронный ресурс] URL //sartracce.sgap.ru/Book/russia_crim.htm

контрольного, головокружительного развития финансового спекулятивного капитала, который мгновенно перемещается по миру в поисках сверхприбыли. Годовая торговля валютой составляет около 400 трлн долл., в 80 раз превышая мировую торговлю товарами (в 1973 г. это соотношение было двукратным). До 90% сделок на валютных рынках носит спекулятивный характер⁷⁷. Интернационализация финансового спекулятивного капитала стала знаменем времени.

Так, например, можно играть на повышение курса облигаций на основе одного только прогноза погоды, поднять на них цены и побыстрее продать их до того, как данные следующего месяца подтвердят, что предыдущие цифры были искажены погодными условиями. «Вы можете использовать погоду, чтобы спекулировать процентными ставками, фьючерсами на горячее, легкую малосернистую нефть, электричество, природный газ, индекс потребительских цен, зерно, сою...»⁷⁸.

Таким образом, новая экономическая эра открыла шлюзы, сдерживавшие развитие откровенно спекулятивных тенденций. Быстрыми темпами стала расти хищническая квазиэкономика, паразитирующая на новых реалиях и имеющая мало общего с конструктивным духом экономической практики Нового времени.

Что «в сухом остатке»

Итак, чтобы понять, что представляет собой столь часто упоминаемая «экономическая глобализация», необходимо уяснить следующие ее четыре характеристики.

Первое: свободное перемещение капиталов, вызванное абсолютной либерализацией этого процесса, вывод перемещения денег из-под традиционного национального и международного контроля.

Второе: гигантский рост количества и объема финансовых сделок, произошедший в результате создания глобальных информационно-финансовых сетей на основе резкого развития технических средств связи и дематериализации финансов (электронные деньги, расчеты и пр.).

Третье: организация множества безналоговых – оффшорных – зон и резкое повышение организаторами процесса глобализации их надежности.

⁷⁷ The Economist, November 14th 1998, P. 108.

⁷⁸ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 134.

Четвертое: предельное снижение суверенитета государств и разрушение финансово-валютных границ⁷⁹.

В книге двух сотрудников журнала Spiegel⁸⁰ экономическая глобализация выглядит следующим образом. Налоги повсюду снижаются, даже в странах вроде Швеции и Германии, которые всегда являлись принципиальными сторонниками высоких налогов. Главная задача – привлечь иностранный капитал, который перемещается по всему миру совершенно свободно. Еще одна задача – удерживать собственных капиталистов, чтобы они не переместились куда-нибудь еще.

Капиталисты больше не спорят с рабочими о зарплате. Если капиталиста что-то не устраивает, он просто покупает завод за границей – вместе с рабочими, которые согласны на более скромную зарплату. В итоге вместо интернационала пролетариев возник интернационал буржуа.

Зарплата в западных странах не растет, зато чудовищно растут прибыли корпораций и котировки акций. Правительства не только вынуждены довольствоваться низкими налогами, но еще и платят субсидии тем, кто готов построить в их стране новый завод (в Германии – до 80% стоимости этого завода). Денег у государства не осталось даже на полицию – в США граждане тратят в два раза больше на частных охранников, чем власти на полицейских. И все это – низкие налоги и зарплаты – объясняется необходимостью выдерживать иностранную конкуренцию. Граждане начинают плохо относиться к иностранцам. Возникает опасность новых войн.

Менеджеры крупнейших корпораций не скрывают, что им нужны только хорошие работники – независимо от того, в какой стране эти работники родились. В ближайшем будущем может сложиться ситуация, при которой только 20% населения мира окажутся нужными в качестве рабочей силы. Остальным 80% придется жить на пожертвования.

Итак, глобализация вовсе не создает равные возможности для всех, а ее плодами может воспользоваться далеко не каждый. При этом она отнюдь не является неизбежным процессом, порожденным НТР.

⁷⁹ *Крупнов Ю.* Глобализация окончена: мародерам достался весь мир. [Электронный ресурс] URL //economics.pravda.ru/economics/2003/7/21/64/15441_GLOBALWAR.html

⁸⁰ *Мартин Г., Шуманн Х.* Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001.

Данные показывают, что в целом современная глобализация вовсе не является эффективной и в чисто экономическом отношении. Оказывается, что рост ВВП на душу населения в мире был 3,5% в течение 1961–1970 гг. и снизился до 2,5% в течение 1971–1980 гг. Тенденция к снижению роста душевого ВВП продолжилась и в 1980-е гг., когда он составил 1,5%. А в течение 1990-х гг. темпы роста снизились еще больше – до 1,2% ВВП на душу населения во всем мире⁸¹.

* * *

Однако даже сейчас большинство западных социологов полагает современную глобализацию благотворной. Они считают, что три процесса, определяющие глобализацию хозяйства – отход от государственного регулирования в пользу рыночного механизма, преодоление национальных границ в ходе интеграции отдельных экономик и развитие новых информационных технологий – способны привести к хозяйственному росту и процветанию.

Но гораздо более очевидным представляется, что первый процесс может в более или менее завершенной форме протекать только в постиндустриальных странах, где для этого сложились все необходимые условия; второй – ставится под сомнение нарастающей отдаленностью развитых стран от развивающихся, а третий – лишь подтверждает абсолютное доминирование постиндустриального мира.

К тому же никакой глобальной экономики сегодня не существует. На деле имеет место хозяйственная система, в которой экономическое и социальное развитие большей части человечества жестко обусловлено прогрессом постиндустриального мира и его способностью влиять на ход событий в остальных регионах планеты.

Безусловно, хозяйственные и информационные связи становятся все более интенсивными и разнообразными, но значение их в рамках различных социально-экономических систем остается диаметрально противоположным. Внутри постиндустриального мира глобальные тенденции ведут в конечном счете к сближению уровней развития отдельных стран и жесткому противостоянию их с остальным миром. Во всемирном же масштабе каждое новое проявление «глобализации» оказывается очередной ступенью к формированию однополюсного мира, в котором глобальным зна-

⁸¹ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL// rk.org.ua/rk/8/108_1.html

чением может обладать только его центр, его постиндустриальная составляющая⁸².

Между тем даже знаменитый «свободный рынок» уже давно находится под угрозой, и не только из-за действий антиглобалистов. Как оказывается, в первую очередь идеей мирового «фритрейдерства» в том виде, как он сейчас устроен, в Америке недовольны даже отдельные неоконсерваторы.

Примерно в одно и то же время в американской прессе вышло сразу две статьи о провалах ВТО и о его неоднозначном будущем. Так, в последнем номере леволиберального журнала «The Nation» за 2003 г. можно было прочитать статью под заголовком «Почему ВТО идет в никуда»? В ней говорилось: «Сам двигатель – глобализованная экономика – начинает трещать по швам, раздающиеся при этом звуки свидетельствуют, что механизм выходит из строя». Казалось бы, от леволиберального журнала надо ждать традиционных доводов: что от глобализации страдают развивающиеся страны, что свободной конкуренцией только усугубляется нищета в бедных странах и что на самом деле глобализация – это более мягкое определение «американизации».

Однако вместо привычных жалоб звучат совсем иные соображения: «Экономики развивающихся стран, которые вспыхнули в девяностые годы, замедляются и идут к застою (за исключением Китая). Но то же самое можно сказать и про индустриальных гигантов – Европа, Япония, и США, которые пытаются преодолеть разные стадии экономического застоя, если не хуже». То есть получается, что не только третий мир, но и вся мировая экономика движется к застою.

Между тем буквально месяц назад ультраконсервативный республиканец Патрик Бьюкенен опубликовал в своем журнале «The American Conservative» статью под названием «Смерть производства». Там он высказал претензии к ВТО почти в тех же словах, что и либеральный «The Nation». И предложил вовсе отказаться от свободного рынка: «Протекционистские тарифы дадут нашему государству доход и дадут народу возможность заниматься производством». Как видно, протекционизм в Америке снова становится популярным, как у левых, так и у правых.

Обе статьи были написаны незадолго до саммита ВТО в Канкуне. Журнал «The Nation» характеризует это событие следующим

⁸² «Глобализация» национальных хозяйств и современный экономический кризис. [Электронный ресурс] URL /oprg.russmir.ru/?308

образом: «Они разрабатывают новую всемирную конвенцию, направленную на рост свободного рынка, избавление от нищеты, развитие свободного предпринимательства во всем мире – знакомые идеалы. Вот только по всему миру не чувствуется энтузиазма».

А в конце октября 2003 г., уже после того, как состоялся саммит в Канкуне, правоцентристский журнал «The New Republic» пришел к выводу, что переговоры действительно кончились ничем, потому что США не смогли договориться о пошлинах. Стало ясно, что теперь Америка не только не борется с протекционистами, но и сама оказалась накрытой волной протекционистских настроений.

Выходит, что жить в нынешних экономических условиях свободного рынка в мире не хочет больше никто. А следовательно, смена глобального экономического курса не заставит себя ждать⁸³.

Глава 2

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прежде чем перейти к рассмотрению и оценке существующих тенденций и следствий глобализации, необходимо уточнить, о какой, собственно, глобализации идет речь. Одно дело, если имеется в виду объективный процесс, тенденция или потребность человеческого сообщества в единении и сохранении своей исторической целостности. И другое дело, если то, что именуют глобализацией, выступает как проявление и выражение совершенно определенной геополитики, целенаправленно использующей эту объективную потребность и тенденцию в интересах отдельных стран.

Таким образом, вопрос «что такое глобализация?» перерастает в вопрос «какая это глобализация?» Вполне вероятно что пока интеллектуалы ломают голову над терминами и понятиями, политики и деятели бизнеса осуществляют свой, вполне определенный план-стратегию глобализации мира.

Так, казалось бы, чисто терминологический вопрос превращается в вопрос практический и крайне важный для судеб мира.

⁸³ Арутюнян А. Американцы сами откажутся от глобализации. [Электронный ресурс] URL //prognosis.ru/news/market/2003/11/4/globalusa.html

Глобализация не похожа на дождь

Принципиальная новизна современного этапа глобализации заключается не в ее масштабе и сфере воздействия, хотя они беспрецедентны, но в явной и сознательной ее направленности. Основным недостатком подавляющего числа дискуссий вокруг глобализации является отсутствие ясных суждений по поводу субъекта глобализации, т.е. полная безликость этого процесса.

Наиболее ярким примером такого подхода является сравнение глобализации с дождем: «Когда идет дождь, это хорошо или плохо? Наверное, для пешехода, оставившего зонт дома, плохо, а для крестьянина, наоборот, хорошо. То же самое касается и глобализации. Уйти от нее нельзя, весь мир идет по этому пути. Ведь это основной путь для снижения издержек и повышения эффективности производства»⁸⁴.

Представление о глобализации как о некоем естественном, природном явлении, не зависящем от воли и намерения людей, только на первый взгляд кажется правомерным. Процессы такого рода случайными, возникшими сами собой и в этом смысле естественными практически не бывают. Они, как правило, всегда имеют своих инициаторов, своего субъекта. Отвергая домыслы сторонников теорий заговоров «мирового правительства» и всякого рода конспирологов, надо внимательно и беспристрастно разобраться в характере происходящих процессов, затрагивающих жизненные интересы человечества. Необходимо понять: кто, для чего, с какой целью, каким образом иницирует, поддерживает, направляет процессы глобализации. Вопрос этот крайне важен, ибо без ответа на него трудно разобраться в ее сути.

В настоящее время важнейшая системообразующая характеристика мироустройства заключается в следующем: Запад, имея менее 15% населения Земли, контролирует более 70% мировых ресурсов, производства, торговли и потребления. Несмотря на всю риторику о «равных возможностях», «свободной конкуренции», преодолении диспропорций в развитии, упорядоченном росте, Запад хочет сохранить и закрепить существующее положение вещей. Процесс глобализации дает ему мощные рычаги контроля, сдер-

⁸⁴ Высказывание руководителя компании «Северсталь» А. Мордашова, возглавлявшего комиссию по вхождению РФ в ВТО в Российском союзе промышленников и предпринимателей. Цит. по: *Крупнов Ю.* Глобализация окончена: мародерам достался весь мир. [Электронный ресурс] URL //economics.pravda.ru/economics/2003/7/21/64/15441_GLOBALWAR.html

живания, а при необходимости – и ликвидации потенциальных конкурентов. В зависимости от значения проблемы, конкретных условий от силы сопротивления он может варьировать меры воздействия в широком диапазоне – от предоставления займов до вооруженного вмешательства.

На этой стадии наиболее емким определением глобализации может служить формула «асимметричной взаимозависимости». Очевидно, что главным субъектом, «распорядителем» процесса глобализации выступает постиндустриальный Запад, а остальные части мира, хотя происходящее в них и оказывает обратное воздействие на западные общества, все же скорее являются объектами этого процесса⁸⁵.

«Экономическая глобализация как таковая, – пишет У. Бек, – не есть механизм, не есть нечто самодвижущее, *это всецело политический проект*, причем проект транснациональных акторов, институтов и совещательных коалиций – Всемирного Банка, Всемирной торговой организации (ВТО), Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, мультинациональных предприятий, а также других международных организаций, которые проводят неолиберальную экономическую политику»⁸⁶.

Для навязывания глобализации колеблющимся или сомневающимся в ее полезности странам широко использовались и политические инструменты. Известный экономист М. Кафельс писал: «Главными агентами в становлении глобальной экономики были правительства, особенно правительства стран большой семерки и их международные институты...»⁸⁷

«Руководящие органы» глобализации

Очевидно, что глобализация приносит ощутимые выгоды одним странам и является бедствием для других; за анонимностью глобализации явно кто-то стоит. Попытаемся понять, что это за субъекты.

Главный редактор журнала «Монд дипломатик» А. Греш убежден, что в глобализированном мире «у финансового Интерна-

⁸⁵ Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? На пороге XXI века мегаобщество приобретает реальные очертания. [Электронный ресурс] URL //scenario.ng.ru/interview/2000-10-11/5_future.html

⁸⁶ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 210. (Курсив наш. – Авт.)

⁸⁷ Экономические стратегии, № 5, 2000. С. 55.

ционала... есть свое “политбюро”», коллегиальные руководящие органы и свои органы пропаганды... Речь идет о созвездии, состоящем из Международного Валютного Фонда (МВФ), Всемирного банка, Организации по экономическому сотрудничеству и развитию и Всемирной Организации Торговли (ВТО)... Став преемником ГАТТ, ВТО превратилась с 1995 г. в институт власти, наделенный наднациональными полномочиями и выведенный за пределы какого бы то ни было демократического парламентского контроля. В случае обращения к ВТО она может объявить национальное законодательство того или иного государства в области, скажем, трудового права, защиты окружающей среды или же общественного здравоохранения «противоречащим свободе торговли» и потребовать его отмены»⁸⁸. Мало того, инвесторы постоянно «стравливают одни развивающиеся страны с другими в своих интересах». Любая из этих стран жаждет инвестиций от транснациональных компаний.

Выражение «глобализация мировой экономики» таит в себе определенное преувеличение, ибо глобализация носит пока еще далеко не всемирный характер. До единого экономического пространства в подлинно всемирном масштабе еще очень и очень далеко. В силу этого есть основание для определения, которое уже звучало на некоторых международных форумах, а именно «евро-американская глобализация» (точнее было бы сказать: «евро-американо-японская»)⁸⁹.

«Как все революции, – пишет убежденный глобалист Т. Фридмен, – глобализация означает переход власти от одних к другим. В большинстве стран это означает переход власти от государства и бюрократии к частному сектору и предпринимателям»⁹⁰. Действительно, сегодня мировая финансовая элита вплотную приблизилась к обретению политической власти в невиданных ранее масштабах. Главная опасность такого положения дел в том, что править миром собираются люди, никем на это не уполномоченные, никем не избранные, зачастую вообще мало кому известные, не связанные никакими публичными обязательствами и не предъявившие обществу никаких программ, по которым можно было бы судить об их истинных намерениях.

⁸⁸ Греш А. Перипетии интернационализма // Монд дипломатик, май 1998.

⁸⁹ Долгов С.И. Проблемы глобализации – полемика продолжается. Шок глобализации // Внешнеэкономический бюллетень (Москва). 25.11.2002. 011. С. 4–15.

⁹⁰ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 321.

В ходе глобализации упомянутые выше «Супермаркеты» и иные международные инвесторы стали важными международными фигурами. Они, конечно, не могут развязать войну или вторгнуться на территорию страны, как это делали национальные государства, но они «способны формировать модель поведения национальных государств во многих сферах»⁹¹. «Они сделались одновременно и непревзойденным источником экономического роста, и в то же время настолько грозной силой, что даже правительствам не устоять перед ее натиском»⁹².

Процесс, который инвесторы используют, чтобы привести к власти удобный для них режим, Т. Фридмен называет «революцией извне», или «глобальной». В качестве ее примера он приводит 1997 г. в Индонезии, в последние месяцы эпохи правления Сухарто⁹³. Режим в России также должен быть изменен, полагают инвесторы. «Во главе России должна встать совершенно иная группа людей, – заметил Билл Льюис, возглавлявший Global Institute консалтинговой фирмы McKinsey⁹⁴. «Опасения, что в условиях свободного движения капитала Уолл-стрит приобретает непропорционально большое значение на выборах в других странах, ясно подтвердились в Бразилии», – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц.

Термин «глобальная революция» был введен представителями Римского клуба в 1991 г. – год разрушения СССР. Она стремится творить мир «по своему образу и подобию», и в этом смысле как новая форма утопического идеала она выступает идеологическим подобием мировой коммунистической революции. «Наша эпоха, – писал еще в 1968 г. известный американский политолог З. Бжезинский, – не просто революционна, мы вошли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... В 2000 г. признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами»⁹⁵.

⁹¹ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 129.

⁹² Там же. С. 146.

⁹³ Там же. С. 175.

⁹⁴ Там же. С. 233.

⁹⁵ Цит. по: Максименко В. Глобализация: риторика, идеология, реальность. Аналитическое обозрение (Ч. I). [Электронный ресурс] URL //www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm

Таким образом, глобальный рынок – это и глобальная власть, которая возникает, самоутверждается явочным порядком и сосуществует рядом с традиционными политическими институтами и механизмами, претендуя на их восполнение и даже замещение. Можно сказать, что наряду с привычными легитимными формами международной и государственной национальной политики в мировом сообществе складывается своего рода сверхвласть, меняющая всю конфигурацию действующих в мире сил и властных отношений. Она возникает как бы спонтанно, опираясь на реальную материальную силу транснационального производства, мирового финансового капитала, информационного господства и технологической мощи⁹⁶.

Есть у глобализации и свой штаб. Каждый февраль крупнейшие глобализаторы мира собираются в Давосе – уединенном местечке горной Швейцарии, чтобы обсуждать глобализацию. На встречах этих присутствуют крупнейшие промышленники, финансисты и политические деятели со всех уголков мира. Участниками встреч в Давосе становятся, как правило, экономисты, крупнейшие предприниматели и банкиры, эксперты и государственные чиновники, а также главы государств и правительств развитой части мира. Так, например, в 2000 г. на этом форуме присутствовали 40 глав государств и правительств, более 200 министров и других госчиновников высокого ранга и свыше 1000 руководителей крупных корпораций. И по-прежнему главной темой обсуждения были проблемы управления глобализацией. Фактически речь шла о тотальном лидерстве развитых стран Запада, на территории которого и проживает тот самый «золотой миллиард» населения, алчно поглощающий более 80% мирового дохода.

«Люди из Давоса, – утверждает С. Хантингтон, – контролируют практически все международные институты, многие правительства мира, а также значительную долю мировой экономики и военного потенциала... Все эти люди довольно бегло говорят по-английски; работают на правительства, корпорации и академические учреждения, у которых сильны международные связи, и часто выезжают за пределы своей родной страны. Они, как правило, разделяют веру в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию»⁹⁷. Таким образом, глобализация имеет могущес-

⁹⁶ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 405–406.

⁹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 77.

твенных покровителей в лице космополитически ориентированной предпринимательской, финансовой и интеллектуальной элиты. Накануне очередной встречи в Давосе в 2000 г. известный специалист по глобализации американец П. Кругман предупредил, что глобализация остается «убеждением космополитической элиты, идеологией для космополитической элиты, которая не имеет корней»⁹⁸.

США – лидер современной глобализации

Всемирный экономический форум (Давосский) в 31-й раз прошел в январе 2002 года уже не в Швейцарии, а в Нью-Йорке, чтобы после трагедии 11 сентября стать символом непотопляемости рыночной экономики и торжества правого американского дела под громким названием «Лидерство в хрупкие времена. Взгляд на будущее».

Но параллельно ему прошел Всемирный социальный форум «антиглобалистов» в бразильском Порту-Алегри. На нем было признано, что слияние с мировой экономикой равносильно открытию страны для любой деятельности. «Это все равно, что превратить страну в открытое акционерное общество, только держатели акций теперь будут не только из числа ваших сограждан»⁹⁹. Какой бы демократичной ни была их страна, каким бы правом голоса они ни обладали на местных или всенародных выборах, кого бы они ни избрали на руководящие посты – все это лишь иллюзии, потому что на самом деле их политической жизнью управляют огромные, невидимые и безликие рынки¹⁰⁰. Но не только они: «глобализация не отменяет и не отменит геополитики» – настойчиво напоминает Т. Фридмен¹⁰¹.

И это действительно так. Например, Китай сегодня ограничен в возможностях военного давления на Тайвань, потому что конгресс США наверняка нанесет ответный удар, заблокировав значительную часть китайского импорта в Америку – что составляет 40% экспорта Китая¹⁰².

Американские банки, прежде всего Федеральная резервная система, ведут исподволь победоносные финансовые войны. Они

⁹⁸ New York Herald Tribune (NTY). 4 January, 2000.

⁹⁹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 174.

¹⁰⁰ Там же. С. 175.

¹⁰¹ Там же. С. 247.

¹⁰² Там же. С. 255.

раньше других освоили технику манипулирования финансовыми потоками. Они умело поднимают шлюзы для притока в США производственного капитала, а свой спекулятивный капитал направляют в «страны-бедолаги» вроде России, Мексики, Бразилии, Индонезии и т.д.

Иными словами, кроме «штаба» у глобализма есть и очевидный лидер – США. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала в 2000 г.: «Трудно в истории найти такой момент, когда какая-либо страна в такой мере доминировала в мировых делах, как ныне США»¹⁰³. Глобальные, национальные и культурные цели США как лидера глобализации требуют поддержания сильного государственного механизма, зато всему остальному миру они навязывают максимальную открытость экономики, денационализацию, децентрализацию, дерегулирование. В зависимости от характера проблемы, конкретных условий, силы сопротивления они могут варьировать меры воздействия в широком диапазоне, от предоставления займов до вооруженного вмешательства.

Как считает З. Бауман, «стремление правящих кругов США к мировой доминации просматривается отчетливо. Столь же отчетливо видны мотивы такого стремления – частью своекорыстные, а частью идеологические, вызванные наивной верой не очень образованных людей в то, что все население земного шара – это “недоразвитые” американцы, которых можно и нужно превратить в американцев полноценных»¹⁰⁴.

В целом ряде жизненно важных сфер им нет необходимости прибегать к каким-то особым мерам для того, чтобы утвердить свое превосходство, например в таких ключевых областях, как финансы, информационные сети, средства массовой информации. В то же время они могут использоваться как мощное универсальное оружие для разрешения в свою пользу конфликтов различного рода.

Другим стратегическим оружием США и Запада являются высокие технологии. Занимая ведущие позиции почти по всем направлениям научно-технического прогресса, западный мир обладает большими преимуществами в области открытий и изобретений, закрепляет их системой патентов и лицензий, а затем спокойно переплавляет в техническое, включая военно-техническое, превос-

¹⁰³ Wall Street Journal, Europe (WSJE), 4 January, 2000.

¹⁰⁴ Бек У. К социологии глобализации // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 40.

ходство. Это дает им возможность «снимать сливки» с новых товаров и услуг на мировых рынках, получать монопольную прибыль, наращивать экономическое превосходство. Остальным остается ждать, имитировать, догонять.

Американская технология стала эталоном прогресса, Интернет связал все народы мира, его общепризнанным языком стал английский, точнее, «американский» язык. CNN превратилось в суперагентство, которое не только отбирает новости для всех прочих информационных агентств, но и диктует, как их интерпретировать.

Для форсирования развития науки, других наукоемких видов деятельности США широко используют и свои, и чужие ресурсы. С этой целью они скупают лучшие умы по всему миру, сужая и без того ограниченные возможности остальных. В 1990-е гг. более 50% докторских степеней в США присваивалось иностранным гражданам; 47% иностранных обладателей этой степени остались в Америке¹⁰⁵.

Если до Второй мировой войны во главе мирового научно-технического прогресса шла Западная Европа, то после войны стали лидировать США. За период 1901–1945 гг. ученые США получили 18 Нобелевских премий, немецкие ученые – 36, английские – 25, французские – 16¹⁰⁶. Таким образом, по числу достижений, отмеченных этой престижной наградой, западноевропейские ученые до войны имели более чем семикратное превосходство над своими американскими коллегами. А в послевоенный период ученые США получили 180 Нобелевских премий, и их превосходство стало неоспоримым. Более того, сегодня по существу единичным случаям появления европейских нобелевских лауреатов противостоит систематическое и массовое их «тиражирование» в США – как правило, четыре ученых ежегодно¹⁰⁷.

Не меньшее значение имеют те позиции, которые США занимает в основных международных организациях, особенно финансовых и экономических, таких как «семерка-восьмерка», Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО), Организация экономического сотрудничества и развития и другие. Все эти структуры позволяют им

¹⁰⁵ Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 69.

¹⁰⁶ Indicators of Science and Technology 2000. Tokyo, 2002. P. 242–243.

¹⁰⁷ Инновационная глобализация и конкурентоспособность через призму экономик России и США. [Электронный ресурс] URL //stra.teg.ru/lenta/innovation/1137

опосредованно, но надежно контролировать мировую экономику, извлекая, естественно, немалую выгоду. Через эти организации США определяют глобальные правила игры, разумеется, в желательном для себя виде¹⁰⁸.

Такие международные экономические организации, как ОЭСР, МВФ, ВТО и др. превращаются в мощные центры принятия все чаще обязательных для государств текущих решений, более того – в центры по формированию институционально-правового каркаса неолиберального мирового экономического порядка. При этом их деятельность все больше взаимоувязывается; ее идеологопропагандистское обеспечение осуществляется высококонцентрированными международными группами средств массовой информации¹⁰⁹.

Для США очевидны преимущества глобализации: дешевый импорт из третьих стран сдерживает инфляцию и способствует увеличению доходов и потребительского спроса; идет приток капиталов и квалифицированной рабочей силы, прежде всего ученых и инженеров из-за рубежа. Приток капиталов удерживает ставки ссудного процента на низком уровне; рост экспорта американских товаров означает дополнительные рабочие места, часто высокооплачиваемые; вывоз капитала за рубеж, особенно прямых инвестиций, создает благоприятные условия для функционирования американских компаний в мировом хозяйстве за счет более низких издержек производства.

Иммигранты в США, особенно нелегальные, и иностранная рабочая сила на американских предприятиях за рубежом нередко используются с нарушением основных трудовых стандартов, принятых МОТ в 1998 г. и обязательных для исполнения всеми странами-участницами. Имеются в виду пять фундаментальных принципов – право на свободу ассоциаций, право на заключение коллективных договоров, ликвидация обязательного или принудительного труда, ликвидация детского труда, ликвидация дискриминации при найме на работу. Кроме того, в самих США применительно к нелегальным иммигрантам нередко нарушается даже американское законодательство о минимальном уровне оплаты труда, составлявшем в 2000 г. 5,15 долл. в час.

¹⁰⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 86.

¹⁰⁹ *Herman E.S., McChesney R.* The Global Media. The New Missionaries of Corporate Capitalism. L., 1999; *Alger D.* Megamedia. Littlefield, 1998; *Bagdikian B.H.* The Media Monopoly. Boston, 1997.

США и Запад существенно выигрывают за счет своей внутренней консолидации, которая на порядок выше, чем у других международных центров влияния. Три его основные составляющие – США, Западная Европа и Япония – связаны механизмами «семерки» и другими. В свою очередь, каждая из них играет ведущую роль в обширных регионах: США – в западном полушарии вообще, западноевропейские государства – в Европе и во многом в Африке и на Ближнем Востоке, Япония – в Восточной Азии и вместе с США, Австралией, Новой Зеландией – в Тихоокеанском бассейне.

Плоды глобализации пожинают развитые страны. С 1993 по 1999 г. доля США и Европейского союза в мировом экспорте увеличилась с 50,4 до 55,7%¹¹⁰.

В то же время многим развивающимся странам и странам с переходной экономикой отказывают в предоставлении новых кредитов и облегчении внешнего долгового бремени, ежегодное обслуживание которого обходится в 300 с лишним млрд долл. Между тем беспримерными преимуществами в использовании международного кредита для своего развития пользуются США – самая крупная в мире страна-должник, обязательства которой перед остальным миром составляют 2,2 трлн долл.

Долларовая глобализация

Эта ситуация во многом обусловлена использованием доллара в качестве главной валюты всех международных расчетов и доверием со стороны других стран к мощи американской экономики. В долларах совершается до 60% всех торговых сделок на международных рынках. Для этого иностранные банки и государства держат многомиллиардные долларовые авуары в США. Так, например, американская валюта занимает в официальных валютных резервах стран мира примерно 60% (928 млрд долл. из 1625 млрд долл. на конец 1999 г.). Около 225–300 млрд долл. в наличных американских банкнотах обращается за пределами США. В одной только России до 40–60 млрд долларовых банкнот находится на руках у населения и в кассах банков и компаний.

И, несмотря на это, в последнее время Соединенные Штаты находятся в довольно тяжелом финансовом положении. За 30 лет безудержная эмиссия долларов привела к формированию глобальной финансовой пирамиды. Обеспеченность долларовой массы золотовалютными резервами США составляет всего 4%, и устойчи-

¹¹⁰ The Economist, November 11th 2000. P. 109.

вость доллара целиком определяется спросом на эту валюту. Достаточно кому-то начать масштабный сброс долларов, как может начаться лавинообразное разрушение основанной на долларе мировой валютно-финансовой системы. Но вслед за неизбежным при таком сценарии банкротстве США в тяжелом положении окажутся и все страны, хранящие свои резервы в долларах.

Недавно на сайте Совета по международным отношениям (США) – организации, которая с 1920-х гг. образует квинтэссенцию американского истеблишмента, – было размещено выступление С. Хоффмана, в котором говорилось: «Глобализация не является неизбежной, ни непобедимой. В большой мере она – американский продукт... Поэтому глубокий и затяжной экономический кризис в США может оказать на глобализацию такое же разрушительное действие, как Великая Депрессия»¹¹¹. Втянув весь мир в обслуживание долларовой финансовой пирамиды, США уже не могут остановить этот процесс. Для поддержания устойчивости доллара нужно постоянно генерировать спрос на эту валюту, провоцируя других на бесконечное рефинансирование старых и получение новых займов. Но по мере расширения финансовой пирамиды делать это становится все сложнее, так как для поддержания устойчивости доллара спрос на него должен расти быстрее роста американских долгов.

Чтобы пользоваться американской валютой в качестве резерва и средства расчетов, всем остальным странам надо было экспортировать свои товары и услуги в США, а в обмен получать не реальные ценности, а долговые обязательства и расписки в виде банкнот или записей на банковских счетах. Если добавить к этому 1,8 трлн. долл. облигаций американского государственного долга, размещенных за рубежом, то мы получим картину внешнего кредитования американского государства, практически долгосрочного и частично, если речь идет о наличной валюте вне США, беспроцентного. Но, кроме того, иностранцы вложили немалые деньги и в ценные бумаги американских корпораций. Благодаря всему этому США располагают огромными дополнительными ресурсами для поддержания высокого уровня потребления, а также внутренних и внешних инвестиций¹¹².

¹¹¹ Цит. по: *Максименко В.* Глобализация: риторика, идеология, реальность (часть I) // [Электронный ресурс] URL // www.lestvitsa.dp.ua/absolut/showarticle.php?id=65&ref=ap

¹¹² Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 117–118.

Страны, переживающие немалую инфляцию, «должны возвращать свои долги в долларах, которые в местной валюте становятся все более дорогими. Этот порочный круг – при котором задолженность приводит к растущей зависимости от доллара, что, в свою очередь, порождает новую задолженность, – и есть источник того жизнеопасного водоворота долгов, в который попали Бразилия, Россия и другие страны»¹¹³.

Правда, Европейский союз частично лишил США этих преимуществ, введя свою международную валюту – евро, которая, несомненно, потеснила доллар в качестве средства международных расчетов и резервной валюты.

Куда утекают мозги?

Еще одним свидетельством привилегированного положения США и ведущих индустриальных держав в мировой экономике может служить «утечка мозгов» из менее развитых стран. Это приносит государствам-донорам убытки: они теряют немалые средства, вложенные в воспитание и обучение специалиста высшей квалификации, будь то ученый, музыкант, врач или инженер. К этому нужно добавит упущенную выгоду, которую они могли бы принести экономике за годы своей активной деятельности и которая обычно с лихвой окупает затраты на обучение. Если же речь идет об отъезде выдающихся деятелей науки, техники, искусства, вносящих неопределимый вклад в духовную и материальную жизнь общества, то тут подсчеты упущенной выгоды теряют смысл, ибо она неисчислима.

Понятно, что выразить в конкретных суммах глобальные результаты международной миграции интеллектуального капитала можно лишь очень приблизительно. Ясно, что богатые страны, притягивающие к себе интеллектуальную миграцию, оказываются в крупном выигрыше, а страны, теряющие свой интеллектуальный потенциал, оказываются в столь же крупном проигрыше.

Об этом можно судить на примере России – мирового лидера в области «утечки мозгов». Если применить методику ООН, согласно которой из ВВП вычитаются прямые и косвенные расходы на подготовку выезжающих специалистов и упущенная выгода, вызванная их отъездом, то потери России только от одного интеллектуального эмигранта составят примерно 300 тыс. долл. К тако-

¹¹³ *Ohmae K.* The Invisible Continent. Four Strategic Imperatives of the New Economy. N.Y., 2000. P. 40.

му результату пришло Министерство науки РФ в 1992 г. Американские социологи дают еще более высокие оценки, исходя из условий своей страны. Они считают, что высококвалифицированный труд создает за все годы в расчете на одного работника прибавочную стоимость в 400–450 тыс. долл., а труд научных и инженерных кадров – 800 тыс. долл. На основе американских критериев, потери России от утечки умов в 1992 г. можно оценить в 25–28 млрд долларов, в 1993 – в 25–33, в 1994 – в 25–28 млрд долл. По мнению отечественных специалистов, этот ежегодный ущерб в 1,5–2 раза значительнее¹¹⁴. Другими словами, потери от эмиграции составляют примерно половину выручки от товарного экспорта¹¹⁵.

Еще в 1930-е гг., исходя из достижений психологической науки того времени, Конгресс США принял специальное постановление, суть которого сводилась к проведению специальной политики по привлечению в страну со всех континентов одаренной молодежи и научной элиты, независимо от национальности, расы и т.д., включая создание им особых условий для того, чтобы они оставались в США. В основу этого и ряда других постановлений Конгресса об одаренных детях и научной элите были положены результаты исследований, проведенных в XX в. Исходя из этих положений, в США на протяжении почти 70 лет чрезвычайно активно работала система приглашений и обеспечения солидными грантами талантливых учащихся школ, стажеров, аспирантов и докторантов из зарубежных стран¹¹⁶.

К сожалению, утечка умов нередко сочетается с бегством капиталов из соответствующих стран. И это еще более усугубляет неравномерность распределения выгод от глобализации. Из России ежегодно «убегает» 15–20 млрд долл., а за годы «либеральных реформ» отток составил, вероятно, около 300 млрд. Аргентина в ходе кризиса потеряла около 20 млрд долл. «сбежавшего» капитала. Понятно, что это означает огромное перераспределение кредитных ресурсов в ущерб бедным и в пользу богатых стран и торрозит развитие первых¹¹⁷.

¹¹⁴ Ушкалов И., Малаха И. Утечка умов. Масштабы, причины, последствия. М., 1999. С. 86, 87.

¹¹⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 119–120.

¹¹⁶ Решетников М. Глобализация по-американски. [Электронный ресурс] URL //www.pv.derrick.ru/june_2003_01.shtml

¹¹⁷ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 121.

Для создания и использования высоких технологий требуются ряд исходных условий, в частности наличие высоких технологий предшествующего уровня, а также соответствующего этим задачам количественно и качественно мощного научного и высококвалифицированного кадрового потенциала, объединенного единым информационным полем. В результате сама возможность создания новых высоких технологий приобретает закрытый или эксклюзивный характер, даже при полной открытости и доступности информации о них. Как следствие, в мире формируется ограниченное количество центров глобализации и расширяется число стран, включенных в эти процессы только в качестве «доноров». Одни становятся монопольными разработчиками новых научных идей и производителями высоких технологий, а другие – сырьевыми добавками или, в лучшем случае, потребителями продукции, полученной на основе высоких технологий¹¹⁸.

Совсем недавно появилось понятие «конечные страны», и в первую очередь оно соотносится с утратой интеллектуальных ресурсов – научной и культурной элиты, но еще более – с утратой способности их воспроизводить. Направленность миграционных процессов вышеупомянутых категорий специалистов в страны – лидеры глобализации уже сейчас достаточно очевидна¹¹⁹. Движущим моментом здесь выступает высокая доходность науко- и технотемкой продукции. Если продажа на мировом рынке одного килограмма сырой нефти приносит 2–2,5 цента прибыли, то килограмм бытовой техники дает 50 долл., килограмм авиационной техники – 1000 долл., а килограмм электроники и информационной техники позволяет заработать до пяти тыс. долл.

Но производство даже науко- и технотемкой продукции предполагает вовлечение дополнительных природных ресурсов из остальных стран мира. Дополнительных не только по объему, но и по ассортименту. Когда-то, скажем, требовались преимущественно железо или медь, потом – марганец и вольфрам, позднее – урановые руды и т. п.

Но «вывоза» специалистов в промышленно развитые страны недостаточно. Чем выше в них производительность труда и капитала, тем больше им требуется рынков сбыта для своей продукции, объемы которой уже не в состоянии поглотить внутренние рынки.

¹¹⁸ Решетников М. Глобализация по-американски. [Электронный ресурс] URL //www.pv.derrick.ru/june_2003_01.shtml

¹¹⁹ Там же.

Поэтому развитые страны все активнее вовлекают менее развитые в международное разделение труда, подключая их экономику к собственному воспроизводственному процессу¹²⁰. Иными словами, «авангарду глобализации» просто необходим доступ к ресурсам развивающихся стран и возможность превратить их в рынки сбыта для своей продукции. В то же время их продукция (аграрные товары) на протяжении более трех десятилетий были объектом соглашений о снижении тарифов и до сих пор остаются вне общих правил о запрете дискриминации и принципах наибольшего благоприятствования.

Военная «дубина» глобализации

Ключевую, в том числе и силовую, роль США в процессах глобализации подтверждает и пространное заявление убежденного глобалиста Т. Фридмена. Приведем его высказывания полностью, ибо он откровенно заявляет, что США – истинный «хозяин глобализации»: «Новая эра глобализации отличается от прежней, 1900-х гг., и в смысле политическом. В ту первую эру господствующей политической силой в мире была Британия – британский фунт и британский флот. Сегодня господствует Америка – американская культура, американский доллар и американский флот. Американская политика после Второй мировой войны была сознательно направлена на формирование открытой международной торговой системы, чтобы стимулировать занятость населения и сделать противовес системе советского коммунизма. Именно Америка была основной движущей силой, стоявшей за созданием Международного валютного фонда (МВФ – IMF), Общего Соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и целого ряда других организаций, способствующих развивающимся рынкам и укрепляющих торговлю по всему миру»¹²¹. «...Она выросла в глобальную силовую структуру, которая поддерживала и подталкивала, углубляла все эти течения и способствовала тому, что сотрудничество этой системе дорого обходится тем странам, которые сознательно или бессознательно оказывают этим явлениям отпор»¹²². «... В системе глобализации Соединенные Штаты остались единственной господствующей сверхдержавой, а все

¹²⁰ Шшиков Ю. Глобализация и антиглобалисты. [Электронный ресурс] URL [//nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm](http://nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm)

¹²¹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 10.

¹²² Там же. С. 17–18. (курсив наш. – Авт.)

остальные страны в той или иной степени оказались ей подчинены»¹²³. «...Соединенные Штаты являются основным игроком, поддерживающим игральную доску глобализации...»¹²⁴ С концом «холодной войны глобализация стала распространением англо-американского капитализма... Это глобализация американской культуры и символов...»¹²⁵ «...Глобализация – это мы... Электронное стадо ведут американские “быки” с Уолл-Стрит. Дядя Сэм – самый мощный агент, заставляющий другие страны открывать свои рынки для свободной торговли и инвестиций, а глобальные вооруженные силы Америки держат эти рынки и маршруты открытыми в эту эпоху глобализации... Америка не может отступить от роли менеджера глобализации. Сейчас это наш важнейший национальный интерес...»¹²⁶ Современный глобализм неразрывно связан «... с наличием мощи Америки и готовностью Америки применить эту мощь против любого, кто станет угрожать системе глобализации, – от Ирака до Северной Кореи. Скрытая рука рынка никогда не будет работать без спрятанного кулака»¹²⁷. «Это делает Америку уникальной сверхсилой. Она обладает традиционными источниками мощи. У нее есть огромная армия, оснащенная авианосцами, истребителями, транспортом и ядерным оружием, как никогда, так что она располагает гораздо большей мощью, чем любая другая страна в мире. Мало того. Тот факт, что в Америке теперь разработаны и В-2 (стратегический бомбардировщик “стеллс”), и F-22 (истребитель “стеллс”), означает, что военно-воздушные силы США могут практически незамеченными миновать систему воздушной обороны любой страны»¹²⁸.

Т. Фридмен абсолютно прав: правители США действительно взяли на себя обязанность мирового жандарма. Они переписывают международное право, не стесняются наказывать даже своих союзников по НАТО, если те осмеливаются не соблюдать объявленную американцами блокаду. В сущности, объявляют блокаду не «диктаторам», а миллионам мирных жителей, в том числе детям и старикам. Кубу блокируют уже 40 лет. За ней последовали Иран, Ирак,

¹²³ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 33. (курсив наш. – Авт.)

¹²⁴ Там же. С. 358.

¹²⁵ Там же. С. 34. (курсив наш. – Авт.)

¹²⁶ Там же. С. 406.

¹²⁷ Там же. С. 429.

¹²⁸ Там же. С. 355.

Ливия, Судан, Сирия, Вьетнам, Белоруссия, Югославия и т.д. Все это, конечно, подается как защита прав человека.

Известно, что «новый мировой порядок» был провозглашен Дж. Бушем-старшим во время войны против Ирака в 1991 г., за несколько месяцев до разрушения СССР. Мало кто помнит, что практически в тех же выражениях в 1919 г. о «новом мировом порядке» говорил другой американский президент – Вудро Вильсон, выступая на Парижской мирной конференции, закрепившей результаты передела мира по итогам Первой мировой войны и развала имперской России. Если говорить коротко, не прибегая к эвфемизмам, «глобализация» – новый этап передела мира.

Упомянутый выше финансист Дж. Сорос, анализируя политику администрации Буша-младшего, обращал внимание на усиливающееся стремление США, под знаком борьбы против международного терроризма, подчинить своим гегемонистским целям и интересам все мировое сообщество, фактически пренебрегая «интересами мира в целом»¹²⁹.

Н. Шомский, профессор Массачусетского института технологии с тревогой отмечал: «Собравшиеся в Вашингтоне по случаю пятидесятилетней годовщины НАТО представители стран – членов этой организации одобрили 26 апреля 1999 года Новую стратегическую доктрину Северо-Атлантического альянса, предложенную США». Отныне «НАТО может осуществлять военное вмешательство против суверенного государства, не имея на то мандата ООН. ...Война на Балканах, начатая без разрешения Совета Безопасности во имя гуманитарного вмешательства, и эта новая стратегическая доктрина становятся поворотным моментом во всемирном порядке. Единственная международная законность, та, что устанавливается ООН, впервые низвергнута после 1945 г. странами-победительницами во Второй мировой войне (за исключением России). И никакая другая законность не пришла ей на смену»¹³⁰.

А Дж. Най, декан Школы Кеннеди Гарвардского университета, так охарактеризовал ситуацию: «В своей последней инкарнации глобализация оказалась связана со стратегией Америки после Вто-

¹²⁹ Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. Т. 2. 2001. С. 35–36.

¹³⁰ Шомский Н. НАТО – хозяин мира // Мунд дипломатик, май 1999 г. (Наум Шомский (Noam Chomsky) профессор «Массачусетского Института Технологий» (Massachusetts Institute of Technology MIT) в Бостоне, автор многочисленных книг и, в частности, труда «О войне как форме иностранной политики Соединенных штатов», издательство «Агон», Марсель, 2001 г.)

рой мировой войны. ...Политическое давление, направленное на открывание рынков, – результат мощи и политики Америки. ... Америка трудилась, строя глобальную экономику по своим собственным экономическим и стратегическим причинам»¹³¹. Действительно, сейчас глобализация носит уши Микки-Мауса, ест «бигмаки», пьет Coke или Pepsi и работает на IBM PC, пользуясь Windows 98, с процессором Intel Pentium. В большинстве обществ люди уже не делают различия между американской мощью, американским экспортом, американским культурным давлением, американским культурным экспортом и собственно глобализацией. Они для них слились воедино¹³². Не удивительно, что в японской газете Nihon Keizai Shimbun за 4 июля 1999 года появился заголовок: «Навязанная Америкой глобализация»¹³³.

Как заявляет американский историк Р. Стил: «Мы полагаем, что наши институты превратят все прочие в прах истории. Мы ввели экономическую систему, которая эффективно похоронила все другие формы производства... Культурные сообщения, которые мы передаем через Голливуд и McDonald's, распространяются по всему миру, захватывая и изменяя другие общества. В отличие от традиционных завоевателей, нам недостаточно просто подчинить других: мы настаиваем на том, чтобы они стали такими, как мы. Разумеется, ради их же блага. Мы – самые ревностные проповедники веры. Мир должен стать демократическим. Он должен стать капиталистическим. Он должен быть включен в систему Сети. Так что удивительного в том, что многие чувствуют в нас угрозу?»¹³⁴

А Т. Фридмен добавляет к этому: «Мы заинтересованы и в своих ценностях, и в своей пицце. Мы хотим, чтобы мир пошел за нами и стал демократическим и капиталистическим, чтобы повсюду были web-сайты, все пили Pepsi, на каждом компьютере стояли Microsoft Windows...»¹³⁵

Это мнение разделяет и большая часть народа Америки. По данным общенационального опроса общественного мнения, проведенного Чикагским советом по международным отношениям в 1998 г., 54% американцев полагали, что США выигрывают от глобализации¹³⁶.

¹³¹ Цит. по: Фридмен Т. Lexus и олива. С. 359.

¹³² Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 360.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 361.

¹³⁵ Там же. С.361–362.

¹³⁶ The Economist, March 27th 1999. P. 54.

Сразу после окончания «холодной войны» администрация Дж. Буша-старшего, похоже, ориентировалась на широкое сотрудничество с Советским Союзом в решении региональных и глобальных проблем. Но после распада СССР США обрели непривычную свободу рук на мировой арене. И пришедшая в Белый дом команда президента Клинтона взяла курс на активное формирование нового «мирового порядка» под эгидой США. Особое внимание уделялось созданию благоприятных условий для экспансии финансового капитала. Вот свидетельство одного из идеологов правых республиканцев, американской «железной леди» Дж. Киркпатрик: «Роль американских финансовых лидеров, хозяев Уолл-стрит, никогда в политике не была такой сильной, как сейчас... Модель глобализма сегодня навязывается сильнее, чем когда-либо»¹³⁷.

Давление США испытывают не только развивающиеся страны, но и члены Европейского сообщества. Так, в середине июня 2003 г. министр обороны Франции М. Алио-Мари обвинила американцев в ведении «экономической войны» и заявила, что европейцы должны «перегруппироваться» для того, чтобы противостоять этому. Алио-Мари подчеркнула, что она «крайне обеспокоена» усилиями, которые предпринимают некоторые американские компании для того, чтобы получить финансовый контроль над европейскими предприятиями оборонной промышленности¹³⁸.

Основные подходы администрации США обкатывались внутри «семерки». В американской столице сформировался «Вашингтонский консенсус», который стал мощным орудием американской политики глобализации. Это было соглашение между министерством финансов, Международным валютным фондом и Мировым банком о совместной борьбе против всех видов препятствий на пути мировой торговли. Выработка общего курса совместно с руководством МВФ, ВБ и ВТО покоилась на «трех китах» – дерегулировании, либерализации и приватизации. Главную силу ей придавало умело создаваемое ощущение отсутствия альтернативы неолиберальной модели глобализации как единственно отвечающей объективным потребностям развития. В настоящее время Всемирная торговая организация (ВТО) насчитывает 135 членов и 31 кандидата. Отмена законодательного ограничения и регулиро-

¹³⁷ Независимая газета, 10.10.98. С. 15.

¹³⁸ *Крупнов Ю.* Глобализация окончена: мародерам достался весь мир. [Электронный ресурс] URL //economics.pravda.ru/economics/2003/7/21/64/15441_GLOBALWAR.html

вания всех видов внешнеэкономических связей должна была препятствовать возможному сужению сфер деятельности иностранных фирм. При этом частные интересы самых мощных корпораций, не учитывающие положение компаний, работавших на внутренний рынок, искусно представлялись как интересы всего мирового сообщества.

Правда, на всякий случай была припасена и дубина. США продолжали наращивать свои могучие вооруженные силы. Военные расходы США в десять раз превышают государственный бюджет России. Американские солдаты находятся практически во всех уголках мира. В 1998 г. они участвовали в 2500 (!) операциях в 112 странах мира. В период 1992–1997 гг. США провели 27 вооруженных интервенций, затратив 20 млрд долл.¹³⁹

Военная гегемония США, усиленная распадом СССР, достигла невиданных масштабов: оборонные расходы США в 2001 г. были равны сумме оборонных расходов 12 следующих за ними по значимости военных держав¹⁴⁰.

В преддверии военной операции США в Югославии один высокопоставленный чиновник высказался с завидной откровенностью: «Если Америка хочет, чтобы функционировал глобализм, она не должна стесняться вести себя на мировой арене в качестве всемогущей сверхдержавы, каковой она на самом деле и является. Невидимая рука рынка никогда не действует без невидимого кулака. Макдоналдс не может расцвести без Макдоналд-Дуглас, производителя F-15. И невидимый кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, флот, ВВС США». В администрации Дж. Буша-младшего силовое прикрытие глобализации превратилось в самостоятельное направление политики. В своем обращении к нации от 29 января 2002 года президент США Буш употребил выражение «ось зла», проходящую, по его мнению, через Ирак, Иран и Северную Корею.

В статье профессора Парижского Института политических исследований (IEP) Ж. Кепеля говорится: «Победа США в иракской войне стала началом долгого процесса, в ходе которого Вашингтон намерен добиться смены режимов в целом ряде стран Ближнего Востока. Но этот процесс будет нелегким, и стремление США к

¹³⁹ Der Spiegel, 52/1999. S. 133.

¹⁴⁰ Лекция, прочитанная Майклом Манном в РГГУ (Москва) 24 сентября 2001. [Электронный ресурс] URL //www.politics.in.ua/modules.php?name=News&file=article&sid=20

гегемонии в этом регионе может натолкнуться на сопротивление»¹⁴¹.

Вашингтон активно использовал сложившуюся в связи с анти-террористической операцией в Афганистане международную конъюнктуру для расширения своего прямого и косвенного – через структуры НАТО – присутствия на постсоветском пространстве. Афганская операция позволила США закрепиться в Узбекистане и Киргизии, получив тем самым ключ к центральной Азии, восстановить военный союз с Пакистаном и вывести на более высокий уровень отношения с Индией. После подписания соглашения с Киргизией о длительном использовании северной части аэродрома Манас около Бишкека своей авиацией США получили полноценную военно-воздушную базу в 300 км от границы КНР.

Отсюда вытекает реальная перспектива превращения будущего глобального мира в мир однополярной, властной гегемонии одной или нескольких стран над всем остальным человечеством. Концепция однополюсного мира открыто или в завуалированном виде активно внедряется в массовое сознание, как пусть и не идеальная, но отражающая реальное соотношение сил и возможностей модель построения глобального мира¹⁴².

Важным современным аспектом американской политики является систематическая апелляция к гуманитарным ценностям, носящая в ряде случаев сугубо декларативный характер в сочетании с пренебрежением и постоянным манипулированием этими ценностями с помощью хорошо отработанных информационных технологий. Эти технологии ориентированы в первую очередь на общественное мнение национальной элиты США, которая затем их «слепо транслирует».

В этой связи весьма показательны, что появились «научные» теории, отождествляющие управляемость международных отношений с наличием страны-гегемона, устанавливающей «правила игры» и обеспечивающей их соблюдение на мировой арене¹⁴³. Большинство сторонников такого подхода либо постулирует, что действия страны-гегемона благонамеренны, великодушны и соответствуют интересам всего мирового сообщества, либо высказывают надежду, что они таковыми станут. Подобные утверждения

¹⁴¹ *Кенель Ж.* Пути в Дамаск и Тегеран // *Ле Монд*, 25 апреля 2003.

¹⁴² Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 406.

¹⁴³ *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great powers., L., 1989; *Overbeek H.* (ed.). Restructuring Hegemony in the. Global Political Economy, L., 1993; *Gilpin R.* The Challenge of Global Capitalism. Princeton, 2000.

если как-либо и обосновываются, то главным образом – ссылками на необходимость стратегического мышления и учет растущих взаимозависимостей в мире¹⁴⁴.

Но трагический опыт тоталитарных диктатур убедительно показал человечеству, что нет ничего опаснее бесконтрольной власти, опирающейся не на общепринятые законы и правила поведения, а на насилие и бесконтрольную практику наведения порядка.

Глобальная власть, бесспорно, представляет собой новую политическую технологию небывалой силы¹⁴⁵.

Страны все же сохраняют различия

А что же остальные страны? Они представляют собой всего лишь объекты экономической глобализации. Вся территория Земного шара с этой точки зрения может быть поделена на три гигантские зоны: первый мир – страны современной западной цивилизации, составляющие так называемый «золотой миллиард»; третий мир – развивающиеся страны; второй мир – новые индустриальные страны, в число которых мы включаем Китай, Индию, бывшие республики СССР; они по уровню своего развития ниже высоко-развитых, но выше слаборазвитых¹⁴⁶.

Прежде всего отметим, что в мире не сложилось какого-то единого социально-экономического строя. Социализм сохранился (Китай, Вьетнам, Куба и др.), причем высокие темпы развития этих стран в последние десятилетия привели к усилению его влияния. В развитых же странах происходит эволюционная трансформация капитализма в какой-то новый социально-экономический строй, пока не получивший общепринятого названия: его именуют то «посткапиталистическое», то «постэкономическое», то «постиндустриальное» общество. По ряду важнейших показателей этот строй существенно отличается от классического капитализма.

В развивающихся же странах действительно ускорилось развитие капитализма, но при этом капитализм стал приобретать более или менее выраженную национальную окраску. «Национальность» капитализма проявляется в различной роли государства в управлении экономическими и социальными процессами, в степени воплощения религиозных и цивилизационных норм в национальном зако-

¹⁴⁴ *Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, Failed States and the Case for American Empire // Foreign Affairs, March/April. 200. P. 2–7.*

¹⁴⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 406.

¹⁴⁶ Там же. С. 293.

нодательстве и т.п. В обстановке ослабления капиталистических импульсов, поступающих из развитых стран, это явление постепенно упрочивается. Кроме того, в ряде наименее развитых стран капитализм вообще пока не смог утвердиться. В них господствует комбинация самых различных архаических отношений.

Иными словами, в мире ныне сосуществуют как минимум четыре группы стран, различающихся характером социально-экономического строя, что отражает нарастание многовариантности развития. Иначе говоря, ни по социально-экономической, ни по культурно-цивилизационной линии глобализация не смогла привести к сближению между отдельными составляющими мировой системы. Поэтому и шага вперед к формированию единой «общечеловеческой цивилизации» не получилось¹⁴⁷.

С другой стороны, на протяжении второй половины XX в. в мире постепенно складывалась группа стран, которые из-за отсутствия ценных природных ресурсов, малой емкости внутреннего рынка, необычайно низкого уровня грамотности и квалификации рабочей силы, вообще оказались в стороне от процесса экономического развития. Так, в 1970-е гг. в мире насчитывалась 31 страна с 11,1% мирового населения, которая имела нулевые или минусовые темпы роста подушевого дохода. В 1990-е гг. число таких стран выросло до 48, а их население – до 22,5% мирового. Хотя определенную роль в этом сыграла острота внутренних противоречий, однако немаловажным было и влияние глобализации, которая либо обходила их стороной, либо воздействовала на них негативно¹⁴⁸.

В то же время доля населения стран, в которых рост подушевого дохода превышал 4% в год, выросла с 12,3% в 1970-х гг. и до 28,7% мирового населения в 1990-х гг. Удельный вес очень небольшой группы стран (их было всего 11) вырос с 26,3% всего вывоза развивающегося мира в 1970-м до 66,7% в 2000-м: на них приходилось и свыше 90% машинотехнического экспорта. Именно в эту группу стран направляется подавляющая часть иностранных инвестиций. Таким образом, эти 11 стран наиболее выиграли от глобализации. В целом же глобализация не столько объединила, сколько разделила мировое экономическое пространство на приобретших и потерявших¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Широков Г. Глобализация. [Электронный ресурс] URL //www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

Поэтому и существует так много независимых государств, которые решительно противятся «глобализации по-американски». Многие страны сегодня выступают за «многополярный мир» и задумываются о «третьем пути», о реализации модели устойчивого социально-экономического развития, **свободного от нынешних парадоксов** глобальной системы рынка, о торжестве идеалов гуманизма на нашей планете. Во внешнем мире растет убежденность в том, что повторить американский путь развития не сможет никто, так как уровень потребления и производства США, будучи воспроизведенным в массовых масштабах, просто опустошит планету.

Сегодня вряд ли можно утверждать, что западная стратегия глобализации, создания мегаобщества определилась окончательно. Налицо серьезные противоречия между Соединенными Штатами и объединяющейся Европой, особняком стоит Япония. Да и внутри западных обществ разгорается нешуточная борьба по этому кругу проблем.

Наибольшие проблемы глобализация порождает в развивающихся странах. Только в США субсидии сельскому хозяйству оцениваются в 360 млрд долл. Однако Америка оказывает давление на развивающиеся страны, чтобы они отказались от субсидий сельскому хозяйству с тем, чтобы продукты развивающихся стран оставались более дорогостоящими¹⁵⁰.

Глобализация означает для них возрастающее подчинение императивам либерализации и приватизации экономики, стимулируемым политикой международных финансовых организаций. Эти императивы воплощаются, в частности, в сокращении социальной поддержки неимущих слоев населения со стороны государства, в росте безработицы и переходе растущей части работников в неформальный сектор экономики, где они лишены каких бы то ни было социальных гарантий¹⁵¹.

Поскольку две трети населения земного шара живет в странах со слабо развитой или вовсе не развитой рыночной системой хозяйствования, что мешает развитию глобализации, им навязывается т.н. шоковая терапия – метод форсированного развития капиталистических отношений. За два-три десятилетия эти народы должны пройти такой же путь, какой в свое время прошли развитые страны за два-три столетия. «Список реформ, которым вынуж-

¹⁵⁰ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL// rk.org.ua/rk/8/108_1.html

¹⁵¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 309.

дены были подвергнуться по приказу МВФ и Всемирного банка столь различные страны, как Индонезия, Бразилия или же Россия, известен под названием “Вашингтонского консенсуса”¹⁵².

Выражение «Вашингтонский консенсус» было употреблено впервые в 1989 г., «в момент крушения советской системы», американским экономистом Дж. Уильямсоном «для обозначения его рекомендаций, предназначенных для использования государствами, желавшими реформировать свою экономику. «Они включают четыре незыблемых предписания, подлежащих применению повсюду в мире... это приватизация, дерегламентирование, макроэкономическая стабильность и сокращение бюджетных ассигнований... Консенсус в действительности является комплексом джентльменских соглашений, выработанных... совместно мировыми финансовыми организациями и Федеральной резервной системой США с тем, чтобы постепенно отменить меры, принятые государствами по регулированию деятельности финансовых рынков, и со временем добиться полной либерализации [т.е. полной свободы] действий для этих рынков. Окончательно же сделало неотразимым такого рода идеологическую продукцию решение Всемирного банка и Международного Валютного Фонда подчинить выделение своих займов принятию политики, руководствующейся вышеназванным консенсусом...»¹⁵³

В одной из майских передач французской телекомпании «Артэ» из серии, посвященной в мае 2000 г. проблемам глобализации, даже прозвучало такое мнение, что займы МВФ странам третьего мира и «государствам с переходной экономикой», это просто банальные взятки их руководству с тем, чтобы оно разрешало транснациональным корпорациям делать в этих странах все, что им заблагорассудится.

Впрочем, на этот счет есть и совершенно иные мнения. Так, один из ветеранов Института мировой экономики и международных отношений РАН Ю.В. Шишков, автор опубликованной в Лондоне совместно с английским политологом книги «ЕС и Россия: надежда на партнерство?», рисует красочную картину благотворного влияния глобализации на развивающиеся страны: «Благодаря импорту “чудес науки и техники”, пришедших как бы из иной цивилизации, здесь расширяется круг потребляемых товаров и услуг,

¹⁵² *Наим Моизес.* Метаморфозы Вашингтонского консенсуса // Монд дипломатик, март 2000.

¹⁵³ *Зиглер Жан.* Шизофрения ООН // Монд дипломатик, ноябрь 2001.

а вместе с ним и кругозор местного населения, которое начинает осознавать, что можно жить богаче, комфортнее, содержательнее, чем жили многие поколения их предков. Возникает общественная потребность в повышении уровня образования, растет квалификация рабочей силы и культура производства. Со временем (по историческим меркам довольно быстро) общая грамотность местных кадров, их производственная культура достигают такого уровня, когда становится возможным перенести в данную страну некоторые производства из развитых стран. Тогда сюда начинает притекать инвестиционный капитал, открываются разного рода школы и курсы по подготовке местных работников, поднимается их занятость, оплата труда, иначе говоря – жизненный уровень. А если и этого некоторым не хватает для процветания, то они нуждаются в особой поддержке со стороны мирового сообщества. И ее им оказывают: списывают их внешние долги, предоставляют безвозмездную помощь, от Всемирного банка и Международного валютного фонда они получают льготные кредиты. Кроме того, Запад снижает импортные барьеры в торговле с наименее развитыми странами... Постепенно все это негативное уходит в прошлое, открывается путь для ускоренного роста жизненного уровня пяти миллиардов жителей планеты. Такое подтягивание отстающих стран до уровня авангарда мирового сообщества – явление неизбежное, и его механизм неотделим от процесса глобализации»¹⁵⁴.

А между тем сотрудники МВФ сообщают: «Официальная помощь на цели развития сократилась до 0,24 процента ВВП (1998) в странах с развитой экономикой (в то время как целевой показатель ООН был установлен на уровне 0,7 процента)». Бывший директор-распорядитель МВФ Мишель Камдессю сказал по этому поводу следующее: «Ссылки на усталость от оказания помощи не только не выдерживают критики, но и папахивают откровенным цинизмом в период, когда на протяжении последнего десятилетия страны с развитой экономикой имели возможность наслаждаться благами длительного мира»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Шишков Ю. Глобализация и антиглобалисты. [Электронный ресурс] URL //nauka.relis.ru/01/0209/01209002.htm

¹⁵⁵ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL //www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/041200r.htm#1

Объекты экономической глобализации и их стратегии сопротивления

Тем не менее далеко не все из тех, кому Запад берется оказывать экономическую помощь, принимают глобализацию сразу и целиком. Одни принимают «статус-кво» и навязываемые им «правила игры», вставая на путь «догоняющей модернизации» и соревнуясь между собой в степени «вестернизации». Другие пытаются сопротивляться, воспринимая заявленный проект глобализации как прямую угрозу их независимости и национальному существованию, как вновь открытый способ колонизации мира в интересах так называемого «золотого миллиарда».

Так, многие страны, например современные Китай и Индия, усваивая инструментальные компоненты западной культуры – структуру материального производства, способы трансляции информации, экономические институты и тип образования, – отказываются слепо копировать западные политические институты и в гораздо меньшей степени склонны отказываться от традиционных начал своей культуры – религиозного сознания, привычных форм самосознания личности и межчеловеческих отношений, жизненных смыслов¹⁵⁶.

Правда, лишь Китай и Индия, а среди небольших государств Чили и Малайзия отважились притворить, хотя и не плотно, двери перед иностранными капиталами. Республика Чили разрешила ввоз только долгосрочного капитала. Инвесторы обязаны были вносить в чилийский центральный банк 30% капитала в качестве залога сроком на один год. Премьер-министр Малайзии Махатир ввел ограничения на покупку и продажу национальной валюты, чтобы контролировать ее обменный курс и приостановить отток капитала за границу. Он обязал экспортеров возвращать всю выручку домой. Конечно, оба деятеля были преданы «либеральной анафеме».

Некоторые страны принимают глобализацию постепенно или частями, как, например, Индия и Египет. Некоторые принимают ее и отвергают снова, как Малайзия или Россия. Некоторые страны, такие как Германия, Япония и Франция, пытаются приспособить ее к специфическим условиям своей культуры. Европейцы и японцы по-прежнему считают, что государство должно управлять людь-

¹⁵⁶ Подробнее см.: *Толстых В.И.* Цивилизация и модернизация в контексте глобализации // *Философия. Наука. Цивилизация.* М., 1999; *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способы их изучения // *Вопросы философии*, № 4, 2000.

ми и рынками, тогда как американцы считают, что людям и рынкам надо дать как можно большую свободу, чтобы можно было разобрататься, кто победит, а кто проиграет¹⁵⁷. Французский премьер Л. Жоспэн, который никогда не покидал своих социалистических позиций, на встрече с президентом США Б. Клинтон 21 ноября 1999 года во Флоренции вновь сказал: «Мы за рыночную экономику, но не за рыночное общество»¹⁵⁸, т.е. нам американская модель не подходит.

Конечно, в Европе тоже господствуют транснациональные корпорации, и свобода маневра национальных правительств ими ограничена. Но у европейцев не наблюдается безоглядного восхищения и копирования американской модели. Общественное мнение Европы отходит от неолиберализма и рыночной эйфории. Европейцы ищут новый синтез роли рынка и возрастающей роли государства между экономической эффективностью и социальной справедливостью, свободой торговли и протекционистскими мерами.

«Некоторые страны, – пишет профессор экономики и политологии Калифорнийского университета США М. Интрилигейтор, – особенно Франция и ряд других европейских государств, рассматривают глобализацию как попытку США добиться культурной, экономической и политической гегемонии. В сущности, они считают глобализацию новой формой империализма или новой стадией капитализма в век электроники. Другие видят в глобализации новую форму колониализма, при которой роль новой метрополии играют США, а ее колоний – большинство остальных стран, поставляющих туда не только сырье, как это было раньше, но и оборудование, рабочую силу, капитал и другие необходимые для производственного процесса компоненты, будучи одновременно частью глобального рынка сбыта»¹⁵⁹. «США, – пишет президент группы французских корпораций Э. Кури, – ведут себя уже не как равные партнеры, а как хозяева. Американцы стали невыносимы»¹⁶⁰.

В Западной Европе стремятся нанимать меньше людей, но больше платить им и собирать большие налоги на щедрые пособия

¹⁵⁷ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 358.

¹⁵⁸ New Stateman, 3 January, 2000. P. 25.

¹⁵⁹ Интрилигейтор М. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции. [Электронный ресурс] URL //www.vasilieva.narod.ru/ptpu/6_6_98.htm

¹⁶⁰ Coury E. L'Europe et l'Etat-Unies. Un conflit potential // L'Aube, P., 1996. P. 7.

безработным и другие тому подобные меры социальной защиты. Японцы платят людям чуть меньше, но зато гарантируют им пожизненную занятость, а также выгодную позицию – за счет ограничения зарубежной конкуренции на японском рынке¹⁶¹. Японский народ легко смирялся с длинным рабочим днем ради повышения уровня жизни, с пожизненными контрактами – ради обеспечения стабильности. В Японии существовали программы, по которым люди и корпорации должны были экономить и инвестировать, а не потреблять.

Тем не менее треть нынешней японской экономики держится на таких глобального масштаба корпорациях, как Sony, Mitsubishi, Canon и Lexus. Они входят в число лучших компаний в мире. Одна из сотрудниц в Японии, занимающаяся подбором персонала, сказала, что ей всегда трудно найти японских сотрудников для работы в американских компаниях, потому что эти американские фирмы, в отличие от японских, в Японии рассматриваются как практикующие «три К»: «кицуи» – японское слово, означающее «высокие требования», «каику» – означающее «увольнение», и «киосо» – что по-японски значит «конкуренция»¹⁶².

Другие страны надеются, что вообще обойдутся без глобализации благодаря природным ресурсам нефти – как, например, Иран и Саудовская Аравия. А иные страны настолько бедны и изолированы от мира, что глобализация их вообще не затрагивает. Таковы, к примеру, Северная Корея, Куба, Судан и Афганистан¹⁶³.

Но под давлением США, прямым или косвенным, все больше стран становятся глобализованными. Так, президент Египта Мубарак долго сомневался, но наконец встал на сторону глобализации, заявив: «В этом году Египет присоединяется к глобальной экономике. Он будет жить по ее правилам»¹⁶⁴.

Некоторые страны – члены ВТО, которых такое положение дел устраивает все меньше, пытаются бороться с чересчур активными глобализаторами. Выразителем их интересов выступают влиятельные региональные державы – Индия, Бразилия, Мексика, Египет, Южная Африка. Они жестко отстаивают свои позиции в торговых спорах с американскими и европейскими партнерами, добиваясь доступа на рынки богатых стран. Поскольку ВТО построена на принципе консенсуса, то в ней любой участник обладает правом

¹⁶¹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 358–359.

¹⁶² Там же. С. 383–384.

¹⁶³ Там же. С. 122–123.

¹⁶⁴ Там же. С. 323.

вето. Конечно, его используют в самых крайних случаях, но с этим приходится считаться. Тем более, что после вступления в ВТО Китайская команда развивающихся стран пополнилась новым мощным игроком и потенциальным лидером.

Другие страны нередко сдаются на милость победителя: например, Аргентина выбралась из латиноамериканского финансового кризиса начала 1990-х г. только после того, как большая часть ее банковской системы была захвачена крупнейшими международными банками¹⁶⁵.

Третьи отгораживаются более или менее прочными стенами. Так, от экономического краха в Азии в 1998 г. не пострадал Китай, поскольку китайская экономика еще не вполне включена в систему глобализации и в финансовом плане имеет немало «стен»¹⁶⁶. Кроме того, в Китае существует жесткий контроль капитала¹⁶⁷.

В 1960-х г. за пределами Европы и Северной Америки существовало немало стран, которые характеризовались стремлением обеспечить долгосрочное развитие и первоначальное накопление для перехода к индустриальному или постиндустриальному обществу. Они характеризовались преобладанием коллективистских систем ценностей, умеренным уровнем потребления, сравнительно высокой нормой накопления и экономической политикой, ориентированной на модернизацию и развитие самостоятельного национально-хозяйственного комплекса. В политической сфере и в организационно-управленческих структурах у них преобладали авторитарные тенденции.

Во многих из этих стран под воздействием глобализации происходит смена социально-экономических ориентиров, серьезные сдвиги наблюдаются в функционировании хозяйственных механизмов. Бурно развивается индивидуализм и потребительство; коллективистские ценности, как и вообще общенациональные задачи, все явственнее отступают на задний план. Растет текущее потребление и падает накопление, усиливается интеграция стран в мировое хозяйство. Крайне непоследовательно и неравномерно происходят сдвиги в политических режимах, внедряются западные политические институты, парламентаризм и принцип выборности, стремительно растет рекламная и пиаровская деятельность СМИ по формированию общественного сознания. В результате в этих странах становится значительно труднее проводить политику

¹⁶⁵ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 421.

¹⁶⁶ Там же. С. 422.

¹⁶⁷ Там же. С. 425.

самостоятельного развития национальной экономики, поскольку это требует немалых жертв от населения. Правительства же вынуждены считаться с новыми умонастроениями электората, и отказываются от жесткой политики, необходимой для развития национального хозяйства. На все это накладывается растущая задолженность и внешние обязательства, которые душат надежду на успешное решение глубинных проблем общества¹⁶⁸.

«Развивающиеся страны по-прежнему несут основные тяготы рисков, связанных с неустойчивостью процентных ставок и валютных курсов», – пишет Дж. Стиглиц¹⁶⁹. Неудивительно поэтому, что особенно резкая критика неолиберальной глобализации на протяжении всех последних десятилетий исходит от развивающихся стран¹⁷⁰. Неолиберальные идеи находили там отклик лишь в кругах, надеющихся приобщиться к мировой элите или восторженно воспринимавших упрощенные рецепты ускоренной модернизации, полагая, что с ее помощью им удастся добиться ускоренного развития и наконец-то ликвидировать разрыв между ними и богатыми странами. У большинства же ученых и общественных деятелей навязываемые их странам неолиберальные рецепты вызывали резкое неприятие.

«Думаю, что неравенство, которое создает глобализация, направлено на разрушение планеты Земля», – заявил президент Венесуэлы У. Чавес на встрече с российской общественностью. «Мы считаем, что недемократический путь развития не может решить проблем, по крайней мере, в рамках латиноамериканского континента. Экономика должна распределять блага для всех граждан», – сказал Чавес¹⁷¹.

Подавляющее большинство экономистов развивающихся стран – сторонники программ самостоятельного развития своих стран, при активном участии государства в становлении национального хозяйства¹⁷². Очень часто неприемлемыми для них ока-

¹⁶⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 157–158.

¹⁶⁹ *Стиглиц Д.* Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm

¹⁷⁰ *Wiarda H.J.* (ed.). *Non-Western Theories of Development.* Orlando F.I., 1999; *Harris R.L., Seid M.J.* (eds.). *Critical Perspectives on Globalization and Neoliberalism in Developing Countries.* Boston, 2000.

¹⁷¹ [Электронный ресурс] URL //www.rian.ru

¹⁷² *Lall D.* *The Poverty of Development Economics.* Cambridge MA, 1983; *Furtado C.* *Economic Development in Latin America.* Cambridge, 1986; *Banuri T.* (ed.). *Economic Liberalization: No Panacea.* Oxford, 1991; *Woo-Cummings M.*, ed. *The Developmental State.* Ithaca, 1999; *Aoki M.* et al. (eds.). *The Role of Government in East Asian Economic Development: Comparative Institutional Analysis.* Oxford, 1998.

зываются также культурные и мировоззренческие аспекты расширяемых концепций глобализации. Чаще всего их мнения доходят до западной аудитории через публикации ООН и через выступления работающих в США и Европе ученых стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, надо различать глобализацию как объективное явление, обусловленное в первую очередь технологической революцией в сфере информатики и телекоммуникаций, и политику неолиберального глобализма, которая позволяет США и другим государствам финансовой «семерки» направлять этот процесс прежде всего в собственных интересах¹⁷³.

Глава 3

ИНФОРМАЦИОННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Мировая коммуникационная сеть

В глазах новых хозяев мира политическая власть является лишь третьей по счету. Есть, прежде всего, власть экономическая, затем идет власть средств массовой информации. И если вы обладаете первыми двумя, как это продемонстрировал Сильвио Берлускони... в Италии, овладение политической властью становится чистой формальностью.

Рамонэ Игнасио,
франко-испанский журналист и аналитик

Наиболее впечатляющее проявление нынешней глобализации, ее главный образ и символ – мировая коммуникационная сеть. Начало XXI столетия вошло в мировую историю как время больших перемен и надежд на взаимопонимание и сотрудничество между народами всех континентов. Важнейшим средством осуществления этих надежд являются глобальные информационные связи.

На рубеже веков глобализация во многом приняла черты информационной революции, которая связана с беспрецедентным

¹⁷³ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 13.

развитием информационных и коммуникационных технологий. Однако все еще сохраняется зияющая пропасть между богатыми и бедными странами в их доступности. В США ныне насчитывается больше компьютеров, чем во всех остальных странах мира вместе взятых, а в одном только Токио столько же телефонов, сколько во всей Африке. Пользователи Интернета расположены на планете очень неравномерно: 50% живут в США, 40% – в Европе, 5% – в Японии и Корее, и лишь 5% – в остальном мире¹⁷⁴.

Аналитики предсказывают, что XXI в. ознаменуется синтезом телетрансляционных, компьютерных и мегаспутниковых систем связи, существенными ингредиентами которых станут робототехника, голография и стекловолоконная оптика. Все эти обстоятельства свидетельствуют о возникновении мирового информационного порядка – международной системы производства, распространения и использования информации. Эта революция может привести к фундаментальным изменениям в обществе, экономике и политике, которые, видимо, будут происходить значительно быстрее, чем когда-либо ранее.

В частности, одним из важнейших положительных последствий глобализации является то, что человек может свободно общаться в режиме реального времени с любыми людьми, независимо от своего и их местоположения на Земле, а также работать в любой фирме мира, имеющей виртуальное представительство, независимо от реального места проживания. Благодаря телекоммуникациям, компьютерам, индивидуальным средствам связи глобальные события воспринимаются одновременно во всем мире. Возникают и распространяются транснациональные и трансгосударственные социальные связи и отношения.

С помощью глобальных информационных связей можно быстрее разрешать политические и экономические проблемы, преодолевать экологические опасности, совершенствовать формы развития науки и искусства, наращивать интеллектуально-нравственный потенциал мировой цивилизации. Хотя, очевидно, что все эти возможности могут быть обращены во вред общечеловеческим интересам, если они оказываются под прессом самодержавной власти «информационного капитала».

К этим процессам относится и информационный глобализм, имеющий много противоречивых проявлений и импульсов, кото-

¹⁷⁴ Горщарик А.Г. Глобализация и геополитические интересы России в начале XXI века. [Электронный ресурс] URL //ibci.ru/AGP/conferencia/statya40.htm

рые оказывают неоднозначное воздействие на общественную жизнь мира, но в совокупности образуют для нее новую планетарную структуру – «информосферу».

Проблемы информационной безопасности

Исследователь средств массовой информации Э. Смит писал: «Угроза независимости, которую в конце двадцатого века представляет собой новейшая электроника, может быть более опасной, чем колониализм... Новые информационные средства способны внедряться в “воспринимающую” культуру более глубоко, чем любое предшествовавшее им проявление западной технологии. Результатом может быть невообразимый хаос, усугубление и без того существующих в развивающихся странах социальных противоречий. Мы на Западе думаем о 2 500 спутниках связи, вращающихся сегодня вокруг Земли как о передатчиках информации. Для многих обществ они могут превратиться в пипетки, посредством которых извлекаются данные, касающиеся суверенитета того или иного общества для последующей их обработки в ином месте»¹⁷⁵.

По инициативе лидеров стран третьего мира в конце 1970-х гг. ЮНЕСКО учредила Международную комиссию по изучению проблем коммуникации. Доклад Комиссии позднее был опубликован в виде книги под названием «Много голосов, один мир»¹⁷⁶. Комиссия рассматривала жалобы представителей развивающихся стран относительно перекосов в системе международного потока новостей. Однако ее работа подняла не меньше вопросов, чем разрешила. Позднее был проведен опрос, призванный определить, насколько идеалы, выраженные в докладе, удалось реализовать. Большинство опрошенных работников средств массовой информации третьего мира отметили, что в потоке новостей по-прежнему доминировала точка зрения стран «первого мира».

В ноябре 1990 года участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству была подписана «Парижская хартия для новой Европы». В ней было заявлено, что оперативная и доброкачественная информация – неотъемлемый компонент механизма человеческого измерения, на который ссылались, утверждая необходимость сохранения и развития свободных обществ и процветающих культур.

Незадолго перед этим состоялся симпозиум на тему «На пути к глобальной информации: взрыв электронных средств связи»,

¹⁷⁵ Цит. по: Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 512.

¹⁷⁶ MacBride S. et al. Many Voices, One World. L., 1988.

проведенный по инициативе Международного телекоммуникационного союза (ИТУ-КОМ-89), объединяющего 166 государств и около 300 неправительственных организаций. В центре внимания участников была лидирующая роль новейших информационных систем, преобразующих телекоммуникации посредством широкого применения микрокомпьютеров, кабельных сетей, электронных терминалов и спутников связи и оказывающих воздействие на характер международных контактов в области дипломатии, торговли, культуры и журналистики в первую очередь.

Симпозиум и экспозиция перспективных моделей электронной техники связи произвели огромное впечатление. Они дали возможность наглядно убедиться в необходимости подчинять эти колоссальные достижения научно-технического прогресса гуманитарным интересам мирового сообщества. Ибо стало ясно, что телекоммуникации по природе своей могут быть стратегическим орудием глобализации самых разнообразных информационных процессов – от созидательных до разрушительных.

Проблема заключается в том, что, в отличие от научно-технических революций прошлого, объектом воздействия информационной революции является не столько материальное производство, сколько само человеческое сознание. Подобно проникающей радиации, информация доходит до каждого, меняя картину мира человека – его представления о мире, обществе и себе. Более того, меняются сами механизмы формирования индивидуального, группового, общественного и даже планетарного сознания.

Учитывая все эти обстоятельства, 12 стран – членов Общего рынка одобрили принципы «телевидения без границ» для Европейского экономического сообщества в связи с созданием единого рынка в 1992 г. В соглашении звучал призыв к тому, чтобы по возможности эти страны отдавали предпочтение фильмам западноевропейского происхождения, а не тем, которые создаются на других континентах. Против такого решения сразу же выступили те американские эксперты, которые усмотрели в нем ограничение «свободной торговли информпродукцией», изготовленной в США. Но в штаб-квартире Комиссии европейских сообществ эти возражения были отвергнуты, поскольку они касаются не просто «товарного обмена», а культурных программ¹⁷⁷.

¹⁷⁷ *Землянова Л.М.* Обсуждение противоречий европейского коммуникационного пространства на страницах «Дедалуса» // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика, 1995, № 2. С. 46 и далее.

Этот спорный вопрос затронул не только сферы культурного суверенитета, но и экономических интересов. Согласно данным, опубликованным на страницах «Демократического журналиста», «американские продюсеры поставляют на западноевропейский рынок 45% телепрограмм и 60% фильмов, доля телесериалов еще выше.

Главной, хотя и не единственной, причиной засилья американской продукции является ее низкая стоимость – около 15% от цен, по которым западноевропейские продюсеры предлагают телевизионным компаниям аналогичные программы. Это объясняется тем, что уже с конца Второй мировой войны американцы стали рассматривать свое кино- и телепроизводство не только как сферу культуры, но и прежде всего как экономическую отрасль. Экспорт фильмов и телевизионных программ был и по-прежнему является частью общей американской стратегии – равно как, например, и вывоз зерна»¹⁷⁸.

Сохранится ли эта стратегия в будущем? Или у американских экспортеров появятся серьезные конкуренты на других континентах? В каких формах будет развиваться информационный глобализм? Сложность решения этих проблем обусловлена стремительностью их нарастания.

Мнение исследователей информационных технологий

Все эти вопросы еще в 70-80-е гг. стали тревожить исследователей информационных технологий. «Мы знаем, что воздействие новой коммуникационной техники на экономическую, политическую, социальную и культурную сферы будет огромным. Но мы не уверены в том, что результаты этого воздействия станут зримыми и даже благотворными для удовлетворения человеческих потребностей», – так ставился еще 1973 г. этот вопрос группой американских коммуникативистов во главе с Дж. Гербнером¹⁷⁹. Новые информационные средства, говорилось в монографии, обладают колоссальными потенциями для накопления и распространения знаний. Но кому и каким целям они служат? «Не исключено, что более, чем когда-либо в истории, информация и контроль над ком-

¹⁷⁸ Демократический журналист, 1990, № 2. С. 15.

¹⁷⁹ *Gerbner G., Gross L., Melody W.* (eds.) *Communications Technology and Social Policy. Understanding the New «Cultural Revolution»*. N.Y.; L.; Sydney; Toronto, 1973. P. IX.

муникациями могут оказаться в непосредственной связи с силами экономической и политической власти», ибо и новые технические средства информации подчиняются «невидимой руке рыночной конкуренции», а не «общественным интересам достижения социальных благ»¹⁸⁰.

А в 1984 г. был опубликован сборник материалов научной конференции под названием «Наука, компьютеры и яростный натиск информации». Многие выступления участников конференции были пронизаны беспокойством за состояние общественного сознания, оказывающегося под ударами массивированных информационных атак¹⁸¹.

Затрагивая эту же тему, В. Бэрри в своей книге «Приглашение к критическому мышлению» (1984) писал о необходимости принятия неотложных мер для спасения подрастающего поколения от возрастающего «информационного прессинга». К числу таких мер он отнес введение в учебные образовательные программы профилактических курсов для воспитания критического отношения к информационной эйфории. И особенно к тем потокам видеoinформации, которые травмируют психику молодежи изображением сцен насилия, секса, эгоцентризма или различными идеологическими стереотипами и ярлыками¹⁸².

Книга Бэрри – лишь один из многих фактов, демонстрирующих, как по мере усиления мощи информационного глобализма среди американской общественности растет осознание важности критической оценки этой мощи. Нельзя допускать, чтобы информационные средства действовали, как «злые джинны, выпущенные на свободу» их владельцами в корыстных интересах, а не на пользу обществу.

Для укрощения таких джиннов нужны новая продуманная политика, новая этика политики и новый политический консенсус, заявил в 1984 г. профессор Гавайского университета У. Бойер в своей книге «Будущее Америки. Переход в XXI век». Поясняя эту идею, он писал о необходимости мобилизации всех средств массовой ин-

¹⁸⁰ *Gerbner G., Gross L., Melody W.* (eds.) *Communications Technology and Social Policy. Understanding the New «Cultural Revolution»*. N.Y.; L.; Sydney; Toronto, 1973. P. IX.

¹⁸¹ *Science, Computers and the Information Onslaught / Ed. by D. M. Kerr, K. Branthwaite, N. Metropolis, D. H. Sharp, G. C. Rota.* Cambridge; Los Alamos; New Mexico, 1984.

¹⁸² *Barry V.* *Invitation to Critical Thinking*. N. Y.: Chicago; San Francisco; Philadelphia; Montreal; Toronto; L.; Sydney; Tokyo; Mexico City; Rio de Janeiro; Madrid, 1984. P. 69.

формации для формирования нового видения мира. Пора отказаться от предвзятого отношения к странам с иным общественным строем, чем в США, и подумать о неотложных задачах общечеловеческого продвижения к безъядерному миру, о сохранении энергоресурсов планеты, нравственных ценностей и культурного наследия. Средства массовой информации наряду с другими видами коммуникаций должны, по мнению Бойера, «помогать людям создавать будущее. Они могут встать впереди правительства и освещать ему путь»¹⁸³.

Авторы сборника «Техника, международная стабильность и развитие» (1984) утверждали, что для развивающихся стран кончается период потребительского отношения к покупке информационных товаров в развитых странах и наступает время создания в этих регионах собственных коммуникационных систем с помощью специалистов и моделей развитых стран. Ибо «каждая страна, воспринимающая себя как независимого члена международного и глобального сообщества, не может не уделять серьезного внимания революционным изменениям телекоммуникационных систем»¹⁸⁴. «Без этого нельзя разработать реальную «стратегию перехода к информационному обществу в XXI веке»¹⁸⁵.

Э. Кац и его коллеги высказали предположение о том, что в становлении радио и телевидения развивающихся стран можно проследить три стадии институционализации.

На первой стадии принимается модель вещания, заимствованная на стороне, обычно в Соединенных Штатах, Великобритании или Франции, которая служит основой для дальнейшего роста системы. В этот период средства массовой информации заполняет импортная продукция. На второй стадии появляются собственные информационные мощности, и система начинает в большей степени ориентироваться на местное общество. На третьей стадии в дело вступает правительство, определяющее меры, которые в известной степени сдерживают засилье Запада¹⁸⁶.

Т. Шеридан в своей статье для этого же сборника «Техника, международная стабильность и развитие» охладил пыл поклонников информационной техники напоминанием о том, что автоматизация приносит обществу не только блага, но и тяготы. Возникает

¹⁸³ Boyer W. *America's Future. Transition to the 21-th Century*. N.Y.; Philadelphia; Toronto; Hong Kong; Tokyo; Sydney, 1984. P. 150.

¹⁸⁴ Technology, International Stability and Growth / Ed. by S. Basheer Ahmed-Port Washington; N.Y., 1984. P. 97.

¹⁸⁵ Ibid. P. 99.

¹⁸⁶ Elisha K. et al. *Broadcasting in the Third World: Promise and Performance*. L., 1978.

опасность потери ответственности за результаты деятельности. Это особо касается таких новейших форм международных информационных обменов, как видеокассетные устройства. Распространяясь беспрепятственно по всему миру, они нередко используются для демонстрации порнографии, насилия и тому подобных антигуманных тенденций¹⁸⁷.

Но вместе с тем вполне позитивна гуманная миссия видеоинформативной техники: например, записи на лазерно-оптические диски шедевров искусства, хранящихся в лучших музеях и библиотеках мира. Благодаря применению новейших видеосистем, обладающих большой емкостью образной памяти и скоростью выбора требуемых вариантов, миллионы зрителей обретают возможность получать достоверную информацию об этих шедеврах и приобщаться к наследию мировой цивилизации.

Включаясь в обсуждение всех этих проблем и процессов, ученые и общественные деятели из развивающихся стран, особенно те, кому довелось работать под эгидой ООН, также указывают на объективно-историческую необходимость глобализации информационных обменов. Они призывают своих сограждан преодолевать косные националистические традиции и предрассудки, стремясь к тому, чтобы народы этих стран, отстаивая свои права на суверенность, не теряли из вида планетарные перспективы интегрирующейся человеческой цивилизации. В этих случаях главным показателем истинной социальной ответственности журналистов является гуманистическое качество сообщаемой информации, ее соответствие общечеловеческим идеалам и задачам развития культурных традиций во всем богатстве их национальных и интернациональных проявлений.

Власть телекоммуникационных монополий

Но как реализовать эти возможности, если глобальные потоки информации находятся под контролем гигантских транснациональных монополий и вся «эта транснациональная корпоративная система оказывает колоссальное воздействие на развитие большей части мира?»¹⁸⁸. Одна лишь производящая компьютерные программы «Майкрософт» производит ныне продукции больше, чем гиганты «Дженерал моторс», «Форд», «Крайслер», вместе взятые.

¹⁸⁷ *Sheridan Th.* Growth, Technology, International Stability and Growth / Ed, by S. Basheer Ahmed-Port Washington; N.Y., 1984. P. 147.

¹⁸⁸ *Tsui L.S.* Aninterview with Professor Herbert Schiller Media Boston, 1990 // Development. 1991. Vol. XXVII, N 1. P. 52.

Всего 10 телекоммуникационных компаний владеют 86% всего рынка телекоммуникаций на сумму около 262 млрд долл.

Б. Бэгдикян в предисловии к своей книге «Монополия на средства информации» отмечает, что в последнее десятилетие могущество этих монополий обрело поистине титанический характер, а правительства не могут или не хотят его сдерживать. «Корпоративные средства новостей и ориентированные на бизнес правительства делают общее дело. А общественности, зависящей от этих титанов, при получении нужной информации никто не говорит ни о какой опасности»¹⁸⁹. Опасность же в первую очередь угрожает демократии, и исходит она именно от власти информационных монополий. «Я предсказывал, – пишет Бэгдикян, – что рано или поздно горстка корпораций будет контролировать все, что средний американец читает, видит и слышит. Сегодня руководители медиаиндустрии сами предсказывают это развитие, всемерно и быстро способствуя его осуществлению. Они верят, что именно эта небольшая группа корпораций будет контролировать все важные средства массовой информации не только в Соединенных Штатах, но и глобально». И это не удивительно, поскольку они являются неотъемлемой «частью высших уровней мировой экономики», а «новая корпоративная этика так предана погоне за сверхприбылями и расширению контроля над медиабизнесом, что готова превратить американские новости в услуги для богатых клиентов, завлекаемых посредством реклам вместо информации, важной для всего общества. Денежные сверхприбыли, получаемые за счет собственного контроля над рынком и рекламой, ослепили владельцев медиа настолько, что они не видят урона, нанесенного институту, главному для американской демократии. Результаты оказывают глубокое разрушительное воздействие на экономическую, культурную и политическую справедливость в Соединенных Штатах, но все больше и больше и во всем мире»¹⁹⁰.

Страны Запада виртуозно овладели средствами массовой информации как орудием универсализации собственных форм поведения и мышления. Влиятельность этого орудия зиждется на мнимой неощутимости последствий его применения, которая, в свою очередь, выступает еще и признаком такой влиятельности¹⁹¹. «Даже

¹⁸⁹ *Bagdikian B.* The Media Monopoly // Third Edition. 1990. P. IX.

¹⁹⁰ *Ibid.*

¹⁹¹ *Ашкеров А.* Бурдые жив! О перспективах социологического анализа «информационной революции» // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 219.

в развитых демократиях мы видим, что контроль над средствами массовой информации становится ступенькой на пути к власти. Концентрация экономической мощи часто преобразуется в контроль над СМИ, что ведет к концентрации власти, а приобретенная власть слишком часто используется для дальнейшего укрепления экономической мощи и так далее, по замкнутому порочному кругу», – пишет Дж. Стиглиц¹⁹².

Непрерывными потоками новостей управляет небольшое число специализированных агентств, поставляющих свежую информацию газетам, радио- и телевизионным станциям всего мира. Одним из первых таких агентств было британское агентство Рейтер. Совместно с французской компанией ХАВАС они еще в 1870 г. поделили земной шар на эксклюзивные зоны получения информации. Агентству Рейтер достались Великобритания, Голландия и зависимые от них страны, занимавшие к тому времени значительную часть Африки и Азии. ХАВАС получила Францию, Италию, Испанию, Португалию и некоторые регионы Ближнего Востока. В 1876 г. агентство Рейтер признало за ХАВАС исключительное право на Южную Америку, получив за это весь Дальний Восток, кроме тогдашнего Индокитая, но с Австралией и Океанией. Оба этих агентства обменивались сообщениями с крупнейшим американским агентством – Ассошиэтед Пресс (АП).

Поставлявшее материал американским газетам, АП в то время находилось в зависимости от двух европейских агентств, однако после Первой мировой войны ведущие американские агентства начали соперничать со своими европейскими конкурентами во многих частях земного шара. Два крупнейших агентства АП и ЮПИ (Юнайтед Пресс Интернэшнл) – по-прежнему получают значительную часть своего дохода от газет, радио и телевидения в США.

Все они вместе – Рейтер, АП и ЮПИ, а также агентство Франс Пресс контролируют большую часть международных новостей, передаваемых в мире. Причем агентство ЮПИ, в настоящее время крупнейшее в этой четверке: у него 6400 клиентов в 114 странах, его сообщения переводятся на 48 языков. Информация, собранная этими агентствами и передававшаяся когда-то с помощью азбуки Морзе или по телефону, сейчас транслируется по компьютерной и спутниковой связи. По этим каналам указанная четверка агентств

¹⁹² *Стиглиц Д.* Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm

передает ежедневно 34 млн сообщений, поставляя девять десятых всего объема новостей для газет, радио и телевидения мира¹⁹³.

Та же ситуация и в распространении по миру рекламы. Девять из десяти крупнейших рекламных фирм мира являются североамериканскими. Более половины агентств Канады, Западной Германии, Франции, Великобритании и Австралии – американские. Во многих государствах Азии, Африки и Южной Америки крупнейшие агентства также либо американские, либо принадлежат американским компаниям. Первая десятка рекламных агентств мира – это транснациональные корпорации, часть из которых имеет множество филиалов в различных странах.

Власть могущественной финансовой олигархии базируется на пересечении финансовых потоков и информационных сетей. СМИ – это инструменты ее всепроникающей власти. С их помощью захватываются рынки, регулируется спрос и предложение.

Информационный империализм

Один из идеологов «холодной войны» Дж. Ф. Даллес в свое время сказал: «Если бы я должен был избрать только один принцип внешней политики и никакой другой, я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации». Доктрина этого «свободного потока» тщательно разрабатывалась несколько лет до и после Второй мировой войны и была в уже готовом виде включена в концепцию «холодной войны». Впервые она была выдвинута на международном уровне в феврале 1945 г. на Межамериканской конференции по проблемам мира и войны в Мехико, потом «продавлена» через ЮНЕСКО и ООН. Она стала важным оружием США в «холодной войне». Доктрина «свободного потока» информации стала затем теоретическим обоснованием «информационного империализма»: связь должна без помех, как ветер над океанами, циркулировать по всему миру.

США бросили весь свой вес на чашу дерегулирования ради достижения того, чтобы как можно больше стран открыли свои границы для «свободного потока информации», т.е. по существу для гигантов американской индустрии средств массовой коммуникации и развлечения»¹⁹⁴.

¹⁹³ *Matlelart A. Multinational Corporation and the Control of Culture: The Ideological Apparati Imperialism. Atlantic Highlands, 1979.*

¹⁹⁴ *Le Monde diplomatique, 11 April 1997.*

Одновременно была развернута мощная пропагандистская кампания, которая должна была внушить миру убеждение в привлекательности модели западного капитализма и глобализации. Так, например, 17 ноября 2001 г. в Сан-Франциско состоялась конференция Международной организации консультантов по связям с общественностью, собравшая лидеров пиар-индустрии из 22 стран мира. Был сделан вывод о необходимости «выработки принципиально новых обращений и технологий воздействия на общественное мнение, прежде всего в развивающихся странах», с тем чтобы «убедить мир в том, что модель западного капитализма привлекательна не только в плане экономической эффективности, но и в контексте нравственных категорий»¹⁹⁵.

В сентябрьском номере журнала «Foreign Policy» за 2001 г. утверждалось, что наиболее глобализованные страны имеют большую продолжительность жизни, чем менее глобализованные, что от глобализации выигрывают не государства-гиганты, а немногочисленные нации и, наконец, что глобализация и американизация – это не совсем одно и то же. Доказывалось, что удельный вес доходов крупнейших компаний не растет, а уменьшается; что правительства отнюдь не утратили своего влияния на гигантские корпорации и довольно часто заставляют их менять свои планы и умерять аппетиты; что в последние годы как раз транснациональные компании ведут себя по отношению к окружающей среде едва ли не наиболее прилично (особенно по сравнению с «местным» бизнесом)¹⁹⁶.

Между тем хорошо известно, что владение информацией, управление информационными потоками не имеет никакого отношения к свободе и демократии. Напротив, оно как раз и является основным средством осуществления тотального контроля над обществом. Информационное воздействие на население – это сегодня основной способ управления общественным мнением и массовыми действиями людей.

Давно уже выяснено, что «одинокая толпа» – масса, лишенная собственной естественно самовоспроизводящейся системы ценностей и ориентиров, оказывается легко подверженной интенсивному внешнему воздействию. Мощный поток информации, агитирующий в пользу глобализации, определяет мнения и сознание целых народов. Крупнейшее в мировой истории исследование от-

¹⁹⁵ В поисках пути // Русский предприниматель, 2002, № 1.

¹⁹⁶ Micklethwait J., Wooldridge A. The Globalization Backlash (public opinion, reality and myths) // Foreign Policy, September, 2001.

ношения к процессу глобализации, проведенного компанией Environics International по заказу Всемирного экономического форума, показало, что шестеро из каждых десяти человек в мире считают глобализацию позитивным процессом¹⁹⁷.

Менталитет современных людей и особенно молодых формируется под воздействием Интернета, TV Fox, BBC, CNN, MTV и иных подобных информационных инструментов. «Американцы, – писал в 1999 г. немецкий журнал «Шпигель», – с успехом могут навязывать всем народам, от Центральной Америки до Восточной Европы, свои представления о правах человека, о демократии, о свободном рыночном хозяйстве»¹⁹⁸.

С этим согласны и некоторые западные исследователи. Так, например, для У. Бека и некоторых других западных теоретиков «развал восточного блока был явным *результатом* культурной глобализации... Телевизионная реклама... изменила атмосферу дефицита и всеобщей регламентации на расплывчатые обещания относительно потребления и политических свобод»¹⁹⁹. Дж. Лулл видит «технологию свободы» в спутниковых антеннах-тарелках, которые транслировали на территории бывшей Восточной Германии образцы западной идеологии и культуры²⁰⁰.

Позиция индустриальных стран, и в первую очередь Соединенных Штатов в производстве и распространении средств информации, заставила многих исследователей говорить об «империализме средств массовой информации». Они утверждают, что сформировалась единая «культурная империя». Причем страны третьего мира страдают от этого более всего, поскольку не имеют средств для сохранения и защиты культурной независимости.

¹⁹⁷ [Электронный ресурс] URL www.rosbalt.ru Опрос был проведен среди 25 тысяч человек, живущих в 25 странах мира (в том числе в России и Казахстане). В 19 из 25 стран большинство опрошенных ожидают, что расширение глобализации принесет пользу для них и их семей. Наиболее сильными оказались позиции глобалистов в Голландии, где 87% респондентов выразили проглобалистские взгляды, в Венесуэле – 82%, Индии – 79% и Катаре – 78%. В Казахстане 60% опрошенных высказались в поддержку глобализации, 11% – выступили против, в России – 32% и 13%, соответственно. Самые убежденные противники глобализации проживают в Турции (61% опрошенных настроены негативно) и Аргентине (48%). Наибольшее число сторонников глобализации проживает в богатых странах Европы и Северной Америки и «бедных» странах Азии.

¹⁹⁸ Der Spiegel, 52/1999. S. 133.

¹⁹⁹ Beck U. What is Globalization? Cambridge: Polity. 2000. P. 66.

²⁰⁰ Lull J. Media, Communication, Culture: A Global Approach. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 125.

В международной политике телевидение стало главным средством проникновения США в информационную среду других стран с целью влиять на общественное сознание в своих интересах. Техническое качество американских телепрограмм, большие усилия психологов по их «подгонке» к вкусам и запросам конкретного зрителя делают их «ходовым товаром» настолько, что «человек массы» всех стран мира сегодня посчитал бы себя обделенным, если его лишить доступа к этой телепродукции. Пользуясь этим обстоятельством, США добиваются заключения соглашений, по которым экспортируемая из США телепродукция идет «в пакете» – без права отбора телепрограмм. Таким образом, страны-импортеры лишаются возможности отсеивать сообщения с сильным манипулятивным воздействием.

Г. Шиллер утверждает, что американское телевидение и сети радиовещания все в большей степени оказываются под влиянием федерального правительства и в особенности Министерства обороны. Он указывает на то, что, например, компания Эр-Си-Эй, которой принадлежит теле- и радиовещательная сеть Эн-Си-Би, одновременно является крупнейшим субподрядчиком Пентагона – штаб-квартиры вооруженных сил США. Американский телевизионный экспорт одновременно с рекламой пропагандирует «коммерциализированную культуру», которая разрушает различные формы местной культуры. Даже в тех случаях, когда правительства запрещают коммерческое вещание в своих странах, такие телепередачи можно принимать из соседних стран²⁰¹. Такой же точки зрения придерживается и А. Уэллс. В большинстве латиноамериканских стран, – сообщает он, – телевидение в основном финансируется из североамериканских источников и при участии компаний США, связанных с американскими рекламными агентствами²⁰².

На встрече исследователей средств массовой информации, проходившей летом 1990 г. в Бразилии, все стороны пришли к общему мнению о том, что в течение последних 20 лет преобладание Соединенных Штатов в телевидении и кино Латинской Америки еще более возросло. А наблюдатели полагают, что в будущем мировое неравенство в сфере телекоммуникационных технологий станет еще значительнее.

²⁰¹ Schiller H. Mass Communications and American Empire. N.Y., 1969.

²⁰² Wells A. Picture Tube Imperialism? The Impact of US Television on Latin America. N.Y., 1970.

Информационные войны

В 1996 г. президент Давосского форума К. Шваб говорил: «Здесь, в Давосе, мы рассматриваем вопрос об “электронной революции” не в абстрактной, а самой что ни на есть практической плоскости: мы создаем Всемирное Электронное Сообщество (the World Electronic Community), сокращенно WELCOM». В том же году министерством обороны США были определены возможности «информационной войны» (принятая Пентагоном «Доктрина борьбы с системами контроля и управления») и начата серия исследований корпорации РЭНД, завершившихся к 1999–2000 гг. появлением концепций «информационной стратегии» и «сетевой войны»²⁰³.

Понятие «информационного противоборства» впервые появилось еще в середине 1980-х гг., на завершающем этапе «холодной войны» и получило новое развитие в 1991 г., после окончания военной операции США против Ирака – «Буря в пустыне». Именно тогда впервые были использованы новейшие информационные технологии как средство ведения боевых действий, что обеспечило американским военным невиданные ранее преимущества²⁰⁴.

В декабре 1992 г. этот термин был официально введен в директиву министра обороны США, и с тех пор страны Запада приступили к окончательному формированию концепции «информационных войн». К концу 1990-х гг. стали ясными основные контуры этого нового явления. «Информационная война» стала трактоваться ведущими политиками как открытое или скрытое целенаправленное информационное воздействие на противника с целью его дезинформации, дезориентации и дестабилизации. Другими словами, это уже не просто радиоэлектронная борьба, а прежде всего психологическая и мировоззренческая интервенция посредством глобальных компьютерных связей и использования информационных преимуществ. Такая концепция войны может быть использована как стратегия организации «управляемого хаоса», в основе которого лежат различного рода межэтнические или межрелигиозные конфликты.

В 1998 г. министерство обороны США ввело в действие «Объединенную доктрину информационных операций», дающую сле-

²⁰³ Максименко В. Глобализация: риторика, идеология, реальность. Аналитическое обозрение (часть I). – <http://www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm>

²⁰⁴ Маслов А. Глобализация и ее основные противоречия. [Электронный ресурс] URL //humanities.edu.ru/db/msg/26010

дующее определение информационной войны: это «комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противника, на его военно-политическое руководство с целью принятия им уже в мирное время благоприятных для страны-инициатора информационного воздействия решений и полной парализации инфраструктуры управления противника в ходе конфликта»²⁰⁵.

Концепция «сетевой войны» была положена в основу программы вооружений США до 2010 г. («Joint Vision 2010»). Для ее ведения создается новая глобальная информационная сеть Пентагона (проект «Defense Information Grid»). Концепция «сетевой войны» выделяет теперь помимо традиционных военных целей для поражения также и «виртуальные цели», в том числе эмоции людей, человеческую психику и т.п.²⁰⁶.

Глава 4

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗМА И ПЛОДЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Идеология глобализма

На протяжении истории противостояние между народом и властью почти всегда принимало разрушительные формы – бунты, забастовки и восстания. Почти все они были спонтанны: происходил некий толчок, но отсутствовала подготовленная организационная база. В результате подобные разрушительные действия приводили к решению отдельных насущных проблем, но не к последовательной общественной трансформации. Временами такая оппозиция принимала форму религиозных движений²⁰⁷. Чтобы умерить социальную стихию, преодолеть смуту и раскол в обще-

²⁰⁵ Цит. по: *Максименко В.* Глобализация: риторика, идеология, реальность. Аналитическое обозрение (Ч. I). [Электронный ресурс] URL //www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 204.

стве, но при этом остаться на пути перемен, нужны идеологии – политические программы для управления переменами²⁰⁸.

Кризис 1929–1933 гг., именуемый не иначе как «Великая Депрессия», стал настоящим шоком для миллионов людей разных стран, для экономистов, бизнесменов, политиков, социологов. Из этого шока родилось новое мощное течение экономической мысли – кейнсианство и на его основе – концепция «регулируемого капитализма». Но хотя кейнсианские рецепты усердно претворялись в жизнь, социальные неурядицы – экономические спады, безработица, инфляция – наблюдаются до сих пор.

Так, после 1968 г. произошли массовые волнения против лидеров разных «прогрессивных» направлений – социал-демократических – на Западе, коммунистических – в восточном блоке от Одера до Хуанхэ, национально-освободительных – в Африке и Азии, популистских – в Латинской Америке. Во многом это произошло благодаря осознанию в 1970–1980-е гг. того, что социальные улучшения, достигнутые в 1945–1970 гг., были химеричны и что капиталистическое мироустройство никогда не сможет предложить реальной перспективы всеобщего благосостояния, преодолеть растущую пропасть между центром и периферией.

С конца 1970-х гг., когда прежняя модель развития стран Запада и мирового хозяйства переживала глубокий кризис, стали бурно развиваться теория и практика «неолиберальной» глобализации.

Государственное стимулирование спроса («общество благосостояния», гонка вооружений и т.п.) во многом исчерпало свои возможности и порождало серьезные бюджетные и финансовые проблемы. Эскалация научно-технических достижений открывала невиданные ранее горизонты, но и ставила множество беспрецедентных проблем. Во многом исчерпала себя послевоенная демократическая эйфория; активно укреплялись позиции предпринимательских элит. Быстро накапливались многочисленные экологические проблемы – истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост народонаселения. Распад колониальной системы и первые шаги самостоятельного развития освободившихся стран подрывали прежние основы мирового хозяйства. Окрепили Германия и Япония, ставшие серьезными конкурентами Соединенным Штатам. По самым разным направлениям вставал вопрос о новом мирохозяйственном порядке, о новом соотноше-

²⁰⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 198.

нии политических и экономических механизмов регулирования²⁰⁹. Эта ситуация совпала с периодом серьезных мировоззренческих сдвигов, началом поиска новой идеологии. В этих условиях идеи неолиберализма и отказа от государственного регулирования ложились на благоприятную почву и получали немалое распространение среди правящих элит ряда западных стран²¹⁰.

Теоретической основой глобализации стала неолиберальная теория (особенно «монетаризм»), которая утверждает приоритет рыночных механизмов в экономическом развитии, отказ от государственного вмешательства в экономику, устранение всех препятствий на пути движения капитала, товаров и рабочей силы. В последней четверти XX в. эта теория захватила ведущие позиции: ей был придан характер единственно правильной. Она пропагандировалась как научным сообществом, так и лидерами ведущих держав, многочисленными западными советниками. На ее основе велась подготовка специалистов во многих странах мира. В результате поддержка процессов глобализации в большинстве государств безотносительно к уровню их развития, степени развития рыночных отношений и проч., приобрела характер непререкаемой догмы.

В основе неолиберальной теории лежит несколько постулатов. Первый гласит, что процесс глобализации приобрел планетарный характер. Второй: все страны, вовлеченные в глобализацию, получают неоспоримые выгоды. Третий: глобализация охватывает все стороны жизни человеческого общества – экономику, социальную жизнь, культуру и пр., что влечет за собой становление «общечеловеческой цивилизации»²¹¹.

Значительная часть идей глобализма в духе неолиберализма исходит из «мозговых центров» США: Совета по международным отношениям (СМО), корпорации РЭНД, Центра стратегических и международных исследований (ЦСМИ), Управления психологической стратегии (УПС) и др. Идеология глобализма в духе неолиберализма формируется также в недрах престижных научно-исследовательских институтов, таких как Heritage Foundation, American Enterprise Institute, Cato Institute, и мощнейших средств массовой информации – CNN, The Financial Times, The Wall Street

²⁰⁹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 13.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Широков Г. Глобализация. [Электронный ресурс] URL //www.krugosvet.ru/articles/103/1010376/1010376a1.htm

Journal, The Economist. В этой связи можно говорить о создании «настоящей индустрии убеждения» с целью внушения того, что либеральная глобализация наконец приведет к всеобщему счастью.

Авторы доклада, подготовленного в 2000 г. Национальным разведывательным советом США и ведущими американскими экспертами в области международной политики, экономики, демографии и безопасности, отождествляют глобализацию с мощными и ничем не сдерживаемыми потоками информации, капитала, товаров, услуг, людей, а также умножением и усилением негосударственных действующих лиц разнообразного толка²¹².

Все эти пропагандисты глобализации рассматривают ее как широкий, многоплановый процесс, захватывающий все стороны жизни человеческого общества. Они считают, что, во-первых, глобализация сама собой вытекает из саморазвития экономики. Во-вторых, способствуя свободным потокам товаров, капиталов и информации, глобализация создает «наилучшие условия для роста человеческого благосостояния»²¹³. В-третьих, глобализация, способствуя формированию единого мирового социально-экономического строя, фактически приводит к одновариантности развития (см. концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы). В-четвертых, «международное распространение культуры было, по меньшей мере, так же важно, как и экономические процессы»²¹⁴.

Здесь нельзя не упомянуть широкомасштабный проект «Перспективы для Америки», созданный еще в середине 1950-х гг. при участии Г. Киссинджера, Д. Раска, А. Берла и др., где были изложены теоретические положения роста взаимозависимости в мире, упадка национально-государственной формы власти, расширительной трактовки проблем безопасности, обоснование перехода к наднациональным структурам в международном масштабе²¹⁵.

Следует подчеркнуть, что сам термин «глобализация» как обозначение перехода к «единому глобальному рынку», отрицающему экономическую роль государственных границ и предполагающему их уничтожение, появился сразу вслед за созданием в 1995

²¹² Шумилов М. Концептуальные основы глобализации. [Электронный ресурс] URL // credo-new.narod.ru/credonew/01_05/9.htm

²¹³ UNDP. Human Development Report. N.Y., 1997. P. 82.

²¹⁴ World Commission on Culture and Development, Paris, 1995. P. 186.

²¹⁵ Юрьев А. Тезисы доклада на заседании круглого стола «Глобализация: варианты для России». [Электронный ресурс] URL // www.political.psychology.spb.ru/doc/globpowr.htm

г. Всемирной торговой организации, которая выросла из Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Ключевой лозунг ГАТТ – «Единый мир, единый рынок». В свою очередь «Единый мир» – это эмблема почти полувековой, гораздо более закрытой, чем Давосский форум, Бильдербергской группы – узкого и жестко управляемого клуба мировой элиты, членов которого британский журналист Т. Гослинг окрестил «верховными жрецами глобализации»²¹⁶. Иначе говоря, слово «глобализация», хотя и принятое к употреблению недавно, – не просто терминологическая новинка второй половины 1990-х гг. У нее есть глубокие идеологические корни.

«Глобализм» – серьезное идеологическое течение, играющее в современных условиях ту же роль, какую играло когда-то «мирное сосуществование коммунизма с капитализмом». Но при этом следует подчеркнуть, что это течение развивается на основе вполне реальных материально-технических и общественно-экономических процессов, захватывающих планетарное пространство и организацию всей международной жизни.

Нельзя сказать, что неолиберализм предложил какие-то оригинальные или общеприемлемые позитивные решения. Арсенал его рецептов и аргументов довольно скуден и сводится к «расширению индивидуальных свобод», «ограничению государственного вмешательства в хозяйственную жизнь» и «ориентации на рынок». Все эти концепции были выработаны еще во времена борьбы молодой нарождающейся буржуазии против феодального государства.

Как полагает С. Глазьев, «повсеместным политическим требованием структур, обслуживающих ядро мировой экономической системы, является полная либерализация и дерегулирование экономики, устранение инструментов государственного регулирования, исключение самой возможности проведения целенаправленной структурной, промышленной, инвестиционной политики»²¹⁷.

Для некоторых западных политиков и политологов глобализация является выражением однополюсного мира при общепланетарном торжестве американской культуры, либерализма и монетаризма в качестве концептуального фундамента глобализации.

²¹⁶ *Максименко В.* Глобализация: риторика, идеология, реальность. Аналитическое обозрение (Ч. I). [Электронный ресурс] URL //www.pravoslavie.ru/analit/globalisation.htm

²¹⁷ Глобальные тенденции экономического развития. Перспективы развития современного общества. Мат. Всерос. науч. конф. Казань, 2001.

Неолибералы неустанно твердят, что ослабление государственного вмешательства в экономику и устранение барьеров для свободного движения товаров, услуг и капитала приведет к формированию эффективного глобального рынка. Логика их рассуждений такова: рынки и конкуренция всюду, мол, действуют одинаково, на основе своих внутренних закономерностей, согласно своей внутренней логике. Поэтому, дескать, и глобальный рынок будет эффективным и рациональным.

Однако все известные представления о рынке основываются на опыте функционирования национальных рынков, которые откорректированы конкретным для каждой страны государственным регулированием, сравнительно однородным экономическим и правовым пространством, общим культурным и историческим наследием. Как станет функционировать рынок, вышедший на глобальные просторы, где отмеченные предпосылки и условия в основном отсутствуют? Будет ли он более эффективным или более разрушительным?

Имеются серьезные основания полагать, что любой складывающийся на глобальном уровне рынок неминуемо должен быть более неоднородным, примитивным и конфликтным, нежели рынки в отдельно взятой развитой капиталистической стране. Простое перенесение на глобальный рынок свойств и закономерностей, присущих более цивилизованному, регулируемым национальным рынкам, представляется неправомерным²¹⁸.

Наиболее распространенным аргументом современных неолибералов является утверждение, будто недостатки рынка не опаснее недостатков хозяйственной деятельности государства, и поэтому в создавшейся кризисной ситуации следует отказаться от «дискредитировавшего себя» государственного вмешательства и вернуться к свободному рынку и свободной конкуренции²¹⁹. Последние, согласно «классическим теориям», должны автоматически обеспечить наиболее рациональное и эффективное распределение ресурсов и капиталовложений, в частности путем расширения свободного выбора, открывающегося каждому предпринимателю и потребителю²²⁰. Детали этих требований неоднократно уточня-

²¹⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 170.

²¹⁹ *Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights. The Battle Between Government and the Marketplace That is Remaking the Modern World. N.Y., 1998.

²²⁰ *Bryan L., Farrell D.* Market Unbound: Unleashing Global Capitalism. N.Y., 1996.

лись, но их суть неизменно сводилась к либерализации торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности, всемерному сокращению хозяйственных функций государства.

Между тем глубокие исследования показывают ровно противоположное: только защита государством своей национальной экономики позволяет по-настоящему ускорить ее рост. Так, например, женеvский экономист П. Бейрох опубликовал фундаментальное исследование «Мифы и парадоксы экономической истории»²²¹. Его выводы камня на камне не оставляют от теории либерализации торговли. Оказывается, что в период с 1800 по 1990 г., т.е. фактически в течение всей капиталистической эпохи, высокоразвитые страны обеспечивали ускорение своего экономического роста главным образом посредством протекционизма. Свободу торговли они навязывали другим странам и только лишь для того, чтобы их ослабить. В итоге те превращались в отсталые страны. В качестве одного из наиболее очевидных примеров Бейрох приводит Индию.

С другой стороны, США наилучшие экономические результаты показывали именно тогда, когда проводили у себя политику протекционизма. Они стали требовать свободы торговли, только когда сами «встали на ноги», создали национальный экономический комплекс, укрепили образование, подготовили научные кадры. Лишь в последние 25 лет там началась массивная пропаганда свободы торговли и вреда протекционизма.

Неолибералы подчеркивали и необходимость проведения приватизации государственной собственности²²². Преобладающее значение со временем стало придаваться вопросам стабилизации финансовой системы, сбалансированности бюджета, обузданию инфляции и обеспечению платежеспособности по долгам. Этот пакет требований стал широко известен под названием «Вашингтонского консенсуса»²²³.

Как отмечает Д. Родрик, стратегию развития часто подменяют «открытостью», которую всячески превозносят. «В реальном мире переход к открытости является не просто вопросом пересмотра кодекса транспортировок и снятия барьеров для иностранных инвестиций. Он требует проведения институциональной реформы в зна-

²²¹ *Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'Histoire economique. La Decouverte. P., 1995.*

²²² *Ramamurti R., Vernon R. Privatization and Control of State-owned Enterprises. Wash., 1995.*

²²³ *Foreign Policy, Spring 2000. P.87–103; International Social Science Journal, №166, December 2000.*

чительном масштабе, что поглотит финансовые, административные и политические ресурсы»²²⁴. На деле же в мире никакой свободной торговли и рынка не существует, так как развитые страны просто не пускают на свой рынок продукцию сельского хозяйства и текстильной промышленности из развивающихся стран, зато запросто получают от них дешевые природные ресурсы, экспортируя готовые продукты по растущим ценам.

Многих западных политических деятелей в неолиберальных подходах соблазняла возможность переложить на рынок ответственность за существующие трудности и нарастающие проблемы. Крупнейшие же корпорации видели в неолиберальной глобализации не только удобный способ выскользнуть из-под государственного регулирования, налогового обложения и контроля национальных демократических институтов²²⁵. Не менее привлекательной для них представлялась возможность устранения – путем выборочного применения принципов либерализации – неудобных элементов прошлого (например программ социального обеспечения), а также перспектива, опираясь на свои уже накопленные преимущества и мощь, создавать новые центры власти, формировать новые правила рыночной игры на глобальном уровне, в мировых масштабах.

Идеологи глобализации приветствуют пришествие «нового мирового порядка», якобы несущего человечеству невиданное доселе благоденствие: повышение уровня и качества жизни, новые рабочие места, широкий и свободный доступ к информации, улучшение взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями. При этом обещают стирание всяческих – государственных, национальных и культурных – границ на пути свободного движения товаров и людей, капиталов и идей. Обещают сглаживание социальных противоречий. Наконец – обеспечение всеобщего мира и безопасности. Словом, чуть ли не всемирный коммунизм, только на иной – рыночной, товарно-денежной – основе. Кажется, немножко терпения и выдержки – и капитализм во всем мире окончательно обретет «человеческое лицо», все будут жить так, как живут США и Европа.

Точно так же, согласно большевистскому канону, Великая Октябрьская революция воплотила вековые чаяния человечества, создала предпосылки для окончательного утверждения социальной

²²⁴ Издержки глобализации // Независимая газета, 14.04.2001.

²²⁵ *Gray J. False Dawn. The Delusions of Global Capitalism. N.Y., 1998.*

справедливости и создания наилучшего политического строя. Очередные революции бессмысленны и невозможны, ибо были бы путем не вперед, а назад. Борьба классов закончилась, в связи с чем привлекалось заимствованное Марксом у Гегеля понятие «конца истории». Аналогичной чертой отличалась и национал-социалистическая идеология. Была воскрешена древняя хилиастическая вера в тысячелетний «Третий рейх», который предполагался последним. Близкие представления использовались и фашистской Италией, окончательно возрождавшей славу Древнего Рима, и империей Наполеона III, наконец возвратившей Францию на вершину наполеоновского величия.

Коммунисты мечтали о всемирной победе коммунизма, а современные либералы-неомодернисты – о глобальном капитализме. С этой точки зрения, коммунистический и глобалистский проекты духовно близки не только как формы утопической мысли: их сближает и делает явлением одного порядка практическая постановка вопроса о власти в мировом масштабе. «В некоторых странах место коммунистической идеологии занял рыночный фундаментализм», – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц²²⁶.

Есть мнение, что «коммунизм не умер с распадом бывшего СССР, так как его там никогда не было». Он был там, мягко выражаясь, «ненастоящим». Так, может быть, и «рынок», который теперь выстраивают во всем мире «институциональные инвесторы», становится после исчезновения «империи зла» по каким-то причинам тоже «ненастоящим»? Или, может быть, только сейчас он становится «настоящим» и показывает свое истинное лицо?

С точки зрения социолога Бориса Кагарлицкого причина следующая: «В годы холодной войны... коммунизм был не только внешней угрозой. Он апеллировал к идее социальной справедливости. А потому успешно нейтрализовать его правящие классы Запада могли лишь ценой серьезных социальных уступок... сильные профсоюзы, высокие зарплаты, полная занятость, субсидии бедным, общедоступное образование и т.д. С крахом СССР все это теряет свой смысл. Если капиталу ничто не угрожает, зачем все эти уступки?»²²⁷.

²²⁶ *Стиглиц Д.* Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm.

²²⁷ *Кагарлицкий Б.* В войне побеждает тот, кто в ней не участвует // Новая газета, № 77, 22 октября, 2001.

Американец Ф. Фукуяма утверждает, будто западный мир во главе с США поднялся на самую вершину социальной эволюции и выше подниматься уже некуда. И всему прочему человечеству не остается ничего другого, как стремиться к этому западно-американскому социальному идеалу, превзойти который ему не удастся даже теоретически. Эта теория, изобретенная на интеллектуальных высотах США, произвела мировую сенсацию и стала компонентом рассуждений многих социологических и политических деятелей нашего времени.

Крах всех великих империй, как, кстати, и «великих учений», идеологически их обслуживающих, убедительно показал, что любая, на какое-то время даже успешная, попытка навязать и насадить «эталонный», для всех годный и приемлемый миропорядок и образ жизни в конечном счете обречена на провал и поражение. Объявлять XX в. «веком Америки» и настаивать на том, что XXI в. должен стать «американским» (как говорил в свое время бывший президент США Б. Клинтон), – значит не просто заблуждаться. Это значит пренебрегать уроками истории, доказывающими несбыточность подобных ожиданий и прогнозов, а также – дискредитировать саму идею глобализации. Такое представление о «прогрессе» грешит не только самонадеянностью, но, что еще опаснее, непониманием сути и смысла человеческой истории²²⁸.

Идеологи неоллиберализма охотно подхватили понятие глобализации, которое оказалось весьма удобным с их точки зрения, поскольку представляет описываемый им процесс как естественный, неизбежный и безальтернативный. В этом контексте симптоматичен и ажиотаж вокруг работы «Конец истории?» Ф. Фукуямы. Он доказывал, что в ходе последних мировых процессов враги либерализма и Запада повержены навсегда, отныне ничто не в силах воспрепятствовать вечному торжеству демократий. Энтузиазм, с которым была встречена названная статья, вряд ли объясним вне рамок глобализации. Ведь еще недавно либеральные теоретики были чужды эсхатологическим настроениям, отдавая предпочтение модели открытого будущего, нередуцируемой свободы выбора²²⁹.

Как подчеркивает Д. Сакс, Соединенные Штаты сделали все возможное, чтобы свести к минимуму финансовое бремя своего глобального лидерства. Вместо денег они усиленно предлагали ок-

²²⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 381.

²²⁹ Степанов А. Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М., 2004. С. 464.

ружающему миру свое видение «светлого будущего», в котором «невидимая рука» рынка все устроит наилучшим образом и где все раньше или позже смогут добиться процветания²³⁰. «Введенный в научный оборот Адамом Смитом термин “невидимой руки” как никогда актуален – эта самая рука активно действует во всемирном масштабе», – утверждает председатель Совета управляющих Федеральной резервной системой США А. Гринспен²³¹.

По итогам нынешней глобальной трансформации весь мир, как полагают нынешние властители умов, должен слиться в тотальном консенсусе, горячо благодаря своих бесстрашных и бескорыстных освободителей²³².

Сущность идеологии и политики неолиберального глобализма (в духе упомянутого выше «Вашингтонского консенсуса») – в навязывании остальному миру рыночной либерализации и дерегулирования во имя свободного движения капиталов, товаров и услуг по всему миру, устранения национальных барьеров. Но о каком «равенстве» можно говорить, если при этом игнорируются огромные различия и неравенство в положении разных стран и исключается свободное движение рабочей силы?²³³ Распространенная догма, будто «неудачникам» модернизации и глобализации не остается ничего иного, как следовать рекомендациям Всемирного банка и имитировать американскую демократию, уже не принимается на веру.

Неолиберальный глобализм есть форма проявления одномерных типов мышления и действий, разновидность монопричинного взгляда на мир, то есть «экономизма»²³⁴. «Глобализм, – пишет У. Бек, – это мыслительный вирус, который за последнее время поразил все партии, все редакции, все институты. Не то, что люди должны действовать экономически, является его догматом, но то, что все и всё – политика, наука, культура – должны подчиняться примату экономического. В этом неолиберальный глобализм напоминает своего заклятого врага – марксизм»²³⁵.

Как ни расходятся либерализм и коммунизм в своих мировоззренческих посылах, первый удивительно схож со вторым в безгра-

²³⁰ The Economist, September 12th 1998. P. 21.

²³¹ Гринспен А. Реальные границы процессов глобализации. [Электронный ресурс] URL //www.inosmi.ru/translation/209876.html

²³² Степанов А. Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М., 2004. С. 474.

²³³ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 13.

²³⁴ Бек У. К социологии глобализации // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 23–24.

²³⁵ Там же. С. 29.

ничной вере в базисную роль экономики. Рынок наделяется поистине магическими свойствами решать все проблемы и, руководствуясь «целесообразностью», оправдывать любые сомнительные с нравственной точки зрения поведенческие инстинкты и нормы.

Глобализм поет гимн свободной мировой торговле. Но давно уже стало очевидностью, что «невидимая рука рынка» – это мистика, что монополизация давно остановила эту руку. А главное, – что «свободная» международная торговля выгодна только тем, кто торгует капиталоемкой продукцией. Об этом уже давно писал Дж. С. Милль, это в 1930-е гг. подтверждали Кондратьев и Шумпетер, а в наши дни Самуэльсон. А самый известный и влиятельный экономист XX в. Д. Кейнс писал: «Я симпатизирую скорее тем, кто хочет сделать как можно меньшим переплетение экономик различных наций, а не тем, кто хочет увеличивать их взаимозависимость. Идеи, знания, искусство, гостеприимство, путешествия по самой природе интернациональны. Но товаров должно быть как можно больше национального производства. А главное и прежде всего, финансы должны быть национальными»²³⁶.

Отставшим странам никогда не догнать Америку и Европу в развитии «четвертого», решающего фактора производства – науки и менеджмента, если не прибегнуть пусть даже на какой-то период времени к разумному протекционизму. Еще в 1960–1970-е гг. в тех же западных учебниках и словарях по экономике свобода торговли рассматривалась как архаичный принцип. Она считалась «нежелательной», ибо «губит младенческую национальную промышленность»²³⁷. Но развитым странам она иногда бывает выгодна, так как позволяет гибко реагировать на конъюнктуру – заменять свободное передвижение факторов производств: капитал может остаться дома, можно ввезти и дешевую рабочую силу или своим дать работу, захватывая чужие рынки. И. Шумпетер вообще считал, что при монополистическом капитализме корпорации все более обращают внимание не на конкуренцию цен, а на конкуренцию в техническом обновлении и на лучший менеджмент. В итоге в современных условиях ключом к успеху и в личной карьере, и в конкуренции становится интеллектуальный капитал и образование.

Неолиберальный глобализм представляет собой в высшей степени политическую идеологию, которая, однако, подает себя как

²³⁶ Цит. по: Scientific American, Nov. 1993. The perils of the free Trade. By Herman E. Daly.

²³⁷ См., например: Dictionary of Economics. L., 1970. P. 174.

полностью аполитичную. Согласно этой идеологии, люди не действуют, но осуществляют законы мирового рынка, вынуждающие минимизировать социальное государство и демократию.

Вообще говоря, понятия «либерализм» и «демократия» впитали в себя множество значений. Каждому из них даются разнообразные, нередко противоречивые определения. К тому же, начиная с первой половины XIX столетия, когда оба эти понятия стали использоваться в политических речах, и до наших дней соотношение между ними остается весьма двусмысленным. В некоторых случаях они казались идентичными или, по меньшей мере, во многом совпадающими по смыслу; в других – выступали чуть ли не как полярные противоположности²³⁸.

Но, во всяком случае, демократия финансово-экономических групп отличается от традиционного понимания этого термина прежде всего тем, что при ней в основу принятия решений заложен принцип голосования в МВФ, где число учитываемых голосов пропорционально количеству денежных средств, вложенных голосующим в уставный фонд.

Капиталистическая идеология основана на приоритете бесконечного накопления капитала. Такая система неизбежно оказывается неэгалитарной и даже поляризованной, причем как в экономическом, так и в социальном аспектах. Следствием этого стал противоречивый язык либералов. Попытки жонглирования терминами подготовили почву для взаимоотношений между «либерализмом» и «демократией», остававшихся весьма двусмысленными на протяжении последних двух столетий.

Либерализм, как часто отмечается, начинает свой анализ с индивида, которого считает основным субъектом социального действия. Согласно используемой либералами метафоре, мир состоит из множества независимых индивидов, которые тем или иным образом в тот или иной момент пришли к соглашению (заключили «общественный договор») о взаимных обязательствах ради общего блага. При этом либералы изображали данное соглашение как весьма ограниченное²³⁹.

«Либеральный подход исполнен опасений перед большинством, перед массами. Перед лицом большинства либерал всегда защищает меньшинство. Но защищает он не группу, оказавшуюся в

²³⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 120.

²³⁹ Там же. С. 125.

меньшинстве, а символическое меньшинство; он защищает от толпы рационально действующего героя – то есть самого себя. Этот героический индивид компетентен и цивилизован»²⁴⁰. Цивилизованные – это всегда «мы», а нецивилизованные – «они»²⁴¹.

То, что мы называем демократией, на деле противоположно популизму правого толка, как противоположно оно и тому, что мы понимаем под либерализмом. Поэтому либерализм и демократия, символизирующие принципиально различные тенденции, всегда были не в ладах друг с другом.

Либералы не просто отдают предпочтение свободе; они враждебны идее равенства. И для либерализма, защищающего рациональное управление, основанное на просвещенном мнении наиболее компетентных специалистов, равенство представляется нивелирующей, антиинтеллектуальной, и, несомненно, экстремистской идеей.

Демократы же традиционно считают, что свободы не может быть в системе, не основанной на равенстве, поскольку люди, не являющиеся равными другим, не могут иметь равных с ними возможностей участия в принятии коллективных решений. Они утверждают также, что несвободные люди не равны, ибо несвобода предполагает политическую иерархию, а последняя – социальное неравенство.

Главным лозунгом либералов является рациональность. Они выступают наиболее верными наследниками Просвещения. Либералы верят в потенциальную рациональность всех людей, в рациональность не predetermined, а достигаемую, причем достигаемую посредством образования. Образование, однако, может формировать не только просвещенных граждан, наделенных гражданскими добродетелями. Современные либералы прекрасно сознают, что демократия городских собраний, заимствованная из древнегреческих полисов, невозможна в гораздо больших образованиях, какими являются современные государства, где необходимо принимать решения по широкому кругу сложных вопросов²⁴².

Все либеральные свободы в конечном итоге сводимы к свободам рыночным, то есть к праву выставлять на продажу любые товары или услуги, а также, разумеется, праву приобретать их. Все

²⁴⁰ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 128.

²⁴¹ Там же. С. 129.

²⁴² Там же. С. 127.

разговоры о «свободе» и «несвободе», таким образом, сводятся к тому, какие именно товары и услуги можно выставлять на прилавок, а какие нельзя. Общелиберальный консенсус таков: можно продавать и покупать все, за исключением того, что угрожает самому существованию свободного рынка. Среди либералов существуют разногласия на тему того, представляют ли те или иные конкретные вещи и услуги серьезную опасность для рынка или их все же можно допустить на прилавки. Споры на эту тему (что опасно для рынка, а что – нет) и составляют содержание «либеральной мысли».

Теперь, наконец, о «свободе слова». Последняя понимается как свобода выкладывать на прилавок любые слова, тексты, картинки и прочий «информационный товар». Тут, однако, есть одна тонкость. Рынок, помимо всего прочего, требует защиты от демпинга. Разумеется, цены устанавливаются свободно – но если кто-то начинает раздавать товар бесплатно или хотя бы «ниже себестоимости», то остальные продавцы вправе принять санкции против такого благодетеля, поскольку он явно переходит границы честной конкуренции и хочет их всех разорить²⁴³.

Распространившееся разочарование масс в традиционном либерализме открыло путь неолиберальной волне. Она поднялась на глубоко ложной риторике, касающейся глобализации. Риторика эта обманчива потому, что нынешние экономические реалии отнюдь не новы (как не новы и вызовы, порождаемые конкуренцией между компаниями на мировом рынке), но их мнимая новизна используется для оправдания отказа от одной из исторических уступок либералов – от государства благосостояния. Именно поэтому неолиберализм нельзя считать новой разновидностью либерализма. Он перенял лишь название, но по сути это вариант консерватизма²⁴⁴.

Нет ничего удивительного в том, что между идеологическим и прагматическим основаниями возникают весьма серьезные нестыковки. Как уже отмечалось, именно политика развитых стран приводит к жестким ограничениям межгосударственной мобильности рабочей силы. В тех случаях, когда свободная торговля создает угрозу для национальных интересов, развитые страны, не раздумывая, прибегают к ограничениям импорта, в том числе при помощи антидемпинговых процедур или добиваясь от экспортеров добро-

²⁴³ *Крылов К.* Жестяной барабан. О механизме легализации мнений на Западе // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. С. 224–226.

²⁴⁴ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 135.

вольных ограничений. От конкуренции дешевой рабочей силы они ограждают себя порой весьма изощренным способом, навязывая развивающимся странам более высокие социальные стандарты. Попытки менее развитых государств усилить свои конкурентные позиции, создавая торговые и таможенные союзы, встречают противодействие на том основании, что это противоречит универсальному характеру процесса глобализации. Словом, когда рыночные свободы расходятся с интересами экономически сильных государств, ими легко пренебрегают²⁴⁵.

«Поведение людей, – заметил Д. Сорос, – легко поддается влиянию теорий... но в общественных, политических и экономических вопросах теории могут быть эффективны (т.е. влиять на политику. – *Авт.*) и при этом не быть действенными... Поиск истины... вынуждает нас признать, что общественные явления могут подпадать под влияние теорий, которые были разработаны для их объяснения. В результате изучение общественных явлений может быть мотивировано целями, отличными от поиска истины»²⁴⁶.

Всемирная торговая организация (ВТО) мыслится неолибералами как прообраз открытого мирового правительства. Американский либерал Ф. Фукуяма заявил: «ВТО – это единственный институт, который может стать мировым правительством, потому что ВТО должна устанавливать не только всемирные правила торговли и инвестирования, но и правила труда и охраны природы»²⁴⁷.

Один из документов ВТО утверждает: «Бесспорные статистические данные свидетельствуют о положительной связи между либерализацией торговли и экономическим ростом»²⁴⁸. Для либералов это аксиома и всякий, кто ставит ее под сомнение, вызывает возмущение. Ему советуют познакомиться с трудами классиков – Гоббса, Смита, Рикардо, и ссылаются на имена двух десятков нобелевских лауреатов.

Но ведь начиная с 1975 г. только одни сторонники неолиберализма и становились нобелевскими лауреатами по экономике. Из 26 лауреатов один или два были исключением, включая француза А. Аллеса и индийского экономиста А. Сена, получившего наконец к 1998 г. премию за разработку проблем нищеты. Из этих 24 нобелевских лауреатов – 20 американцы, притом восемь – из Чикагского университета, воспитанники которого известны во

²⁴⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 143.

²⁴⁶ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 38–39.

²⁴⁷ Le Monde, 8 Dec. 1999.

²⁴⁸ Le Monde Diplomatique, Nov., 1999.

всем мире как «чикагские мальчики». Именно они выступают советниками правительств многих стран, которым они рекомендуют провести «радикальные реформы» – открыть экономику, обещая, что свобода торговли приведет к экономическому процветанию²⁴⁹.

В конце XX в. неолиберальная идеология, провозглашающая демократию одной из своих основ, столкнулась с серьезной проблемой. Число демократических государств растет, однако глобализация подрывает саму основу либеральной демократии – национальное государство. Расширение рынка привело к тому, что предприниматели больше не опирались на национальные ценности. Закон прибыли подрывал устои государства, которое постоянно занималось «экономической политикой». В условиях Интернета контроль государства за действиями предпринимателей, как кажется, вообще неосуществим. Лучшее всего это проявляется на примере денег, потоки и циркуляция которых уже мало зависят не только от правительства и национальных банков, но и вообще от национальной экономики. Настоящей революцией является продажа и покупка через всемирную сеть. Ускорение процесса циркуляции денег, формирование мирового финансового рынка не оставляют времени для адекватной политической реакции и таким образом уходят от политического управления. Точно так же обстоит дело с использованием ресурсов и стратегического сырья.

Конец 1990-х годов характеризовался резкой активизацией дискуссий вокруг проблем глобализации. Объяснялось это, с одной стороны, финансовым кризисом 1997–1999 гг., а с другой стороны, приближением нового века и тысячелетия – события, неминуемо располагавшего к серьезному анализу и широким обобщениям.

В этих условиях заметно оживились все направления критики неолиберальной глобализации. Из труднодоступных ученых записок и второстепенных изданий их идеи и доводы выплеснулись на страницы влиятельных газет и журналов, в эфир важнейших телеканалов; разрозненные книги сменились потоком критических монографий и сборников²⁵⁰. Участились и критические выступления известных политиков.

²⁴⁹ Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России // Наш современник, № 5, 2000.

²⁵⁰ Martin H.-P. *6-Schumann H.* The Global Trap. L., 1997; Greider W. *One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism.* N.Y., 1998; Falk R. *Predatory Globalization. A Critique.* Oxford, 1999; Henderson H. *Beyond Globalization: Shaping a Sustainable Global Economy.* Kumarian Press, 1999; Arrighi G. et. al. *Chaos and*

Так, например, бывший министр юстиции США Р. Кларк резко осудил американскую силовую политику. Он перечислил все страны, которые политика США после Второй мировой войны привела к дестабилизации: Корея, Вьетнам, Камбоджа, Никарагуа, Доминиканская республика, Филиппины, Либерия, Куба, Гватемала, Гренада, Палестина, Ливан, Иран, Сомали, Судан, Гаити, Сальвадор, Гондурас, Ангола, Хорватия, Югославия, Сьерра-Леоне, Ирак, Индонезия, Афганистан. В заключение он резюмировал: «Иностраннный капитал, экономическая агрессия не принесли ни одной стране ничего, кроме постепенного и полного обнищания, полной зависимости от этого капитала» и «глобализация не имеет никакой другой мотивировки, кроме прибыли»²⁵¹.

Постепенно многие аналитики пришли к выводу, что доминирующий принцип осуществления неолиберальной глобализации – подчинение интересов всей системы интересам его ключевого звена, т.е. господствующим финансово-идеологическим группам. Поддержание такого порядка и подчинение со стороны других членов мирового сообщества обеспечивается как силой оружия, так и методами невооруженного силового давления.

Стали все чаще слышны голоса и тех, кто пытается совместить рынок и планирование. Доводы либерализма, в том числе его классика Ф. Хайека, все чаще опровергаются практикой. Хайек получил в 1974 г. Нобелевскую премию за книгу «Дорога к рабству», которую написал еще в 1944 г. Он считал, что «и конкуренция, и централизованное руководство становятся плохими, неэффективными методами, если применяются не в полную силу...»²⁵² Он бескомпромиссно отводил государству роль «ночного сторожа», задача которого – обеспечить условия для свободной конкуренции.

В 1940-е гг. в Англии жил земляк Ф. Хайека Карл Полањи, тоже житель Вены, тоже эмигрировавший в 1930-е гг. из Австрии. Он был крупным специалистом в ряде дисциплин, таких как экономика, этнология, культурная антропология. И делал он выводы и прогнозы в том же 1944 г., прямо противоположные утверждениям

Governance in the Modern World System. Minneapolis MN, 1999; *Mittelman J.H.* The Globalization Syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000; *Rugman A.* The End of Globalization: A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business. L., 2000; *Germain R.* (ed.). Globalization and its Critiques: Perspective from Political Economy: Basingstock, 2000; *Pieterse f.N.* (ed.). Global Futures: Shaping Globalization. L., 2000.

²⁵¹ Независимая газета, 26.01.2002.

²⁵² *Хайек Ф.* Дорога к рабству. Мюнхен, 1983. С. 59.

Ф. Хайека. Он посмеивался над теми, кто приравнивал рыночные законы к законам природы: рынок не универсален, он не всегда и не везде господствовал. Многие общества его не знали. Поланьи делал и такие еретические предупреждения: «... Как только рыночные отношения помимо товаров распространяются на землю, на труд и на деньги, общество становится придатком рынка и как таковое рынком управляется»²⁵³.

Конечно, за такие откровения К. Поланьи не получил Нобелевской премии. Ему вообще никаких премий не дали, более того, его постарались забыть. Но его не забыли те, кто ныне ищет выход из неолиберального тупика, кто формирует новую экономическую парадигму. Ведь К. Поланьи доказал, что рынку есть и будет альтернатива. Он высказал основополагающую для будущей парадигмы мысль: «Рынок не может быть превзойден, пока социальные науки не создадут более широкую систему отсчета, на которую будет опираться и частью которой станет сам рынок»²⁵⁴. Он заложил основы экономики, которая идет на смену всей старой рыночной парадигме. Эта экономика должна будет ориентироваться не на прибыль, а на взаимосвязанную эволюцию биосферы, техносферы и социосферы. Она должна будет учитывать многие новые факторы, такие как истощение природы, здоровье людей, разрушение культуры. В основу этой новой экономики должны быть положены новые принципы природопользования.

Суть возникшей к концу XX в. мировой ситуации состоит в том, что потерпел крах не один из глобальных проектов (коммунистический), а оба глобальных проекта, в том числе и либерально-буржуазный. Неолибералам все чаще приходилось отстаивать и аргументировать свои подходы на фоне обрушившейся лавины неблагоприятных для них новых фактов. За короткий срок вроде бы понятные ранее вопросы приобрели совершенно новую постановку и окраску, с неожиданной остротой вставляли ранее игнорировавшиеся проблемы. Одна из них заключается в том, что распространение на весь мир западной модели производства и потребления в принципе невозможно ввиду ресурсных и экологических ограничений. Из этого бесспорного факта следует, что, поскольку западная модель в глобальном масштабе нереализуема, человечеству в целом следует искать какой-то иной способ существования и развития.

²⁵³ *Polanyi K. The Great Transformation. L. 1944. P. 81.*

²⁵⁴ *Ibid.*

В частности, широко обсуждался вопрос о том, в какой мере финансовый кризис 1997–1999 гг. был результатом тех форм и методов, в которых проходили процессы глобализации в 1980–1990-х гг. Незадолго до него западные страны и международные организации приписывали – не слишком убедительно – своим рецептам «экономическое чудо» в странах Юго-Восточной Азии. А потом всю вину за кризис взвалили на продолжающееся там вмешательство государства в хозяйственную жизнь, на отказ этих стран следовать неолиберальным советам. Развивающиеся же страны заявляли, что в кризисе виноваты и валютные спекулянты, и банки-кредиторы, и неправильная политика, навязанная им международными организациями. Из всего потока взаимных упреков и обвинений постепенно выкристаллизовалось осознание многочисленных политических ошибок и просчетов, чрезмерно далеко зашедшего дерегулирования, особенно в сфере финансов²⁵⁵.

Сам факт широкого и активного обсуждения такой проблематики свидетельствует о явном ослаблении некогда могучей неолиберальной волны, когда делалась ставка на один основной регулирующий механизм – рынок. «Во многих странах переход к рыночной экономике привел не к взрывному росту производства, как это было обещано, а к падению доходов по сравнению с допереходным периодом. Сегодня провал шоковой терапии является общепризнанным», – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф. Наиболее убедительным для многих стал пример России. Стиглиц констатирует: «Десятилетия коммунизма оставили обширное нежелательное наследство, но в то же время и кое-что положительное – богатый человеческий капитал, особенно технический и научный, а также относительно эгалитарное общество. За короткий срок это положительное наследие было промотано: деградировали здравоохранение и образование, и даже если наступит быстрое экономическое восстановление, нанесенные раны, по-видимому, еще долго не заживут»²⁵⁶.

В новых условиях реденеющие ряды ортодоксальных сторонников «неолиберальной глобализации» сосредоточивают свои усилия на дискредитации антиглобализма, на рекламировании необъятных возможностей научно-технического прогресса и на

²⁵⁵ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С.160–161.

²⁵⁶ Стиглиц Д. Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm

пропаганде возможностей сетевых форм организации и управления в противовес государственно-иерархическим²⁵⁷. Все социальные, политические, этнические, экологические и другие проблемы должны якобы решаться полуавтоматически, преимущественно путем вовлечения растущих «средних слоев» населения в бурно развивающееся постиндустриальное мировое сообщество²⁵⁸.

Экономическая глобализация и порожденные ею кризисы

Широко пропагандируемым преимуществам неолиберальной глобализации сопутствуют явно негативные последствия. Уже стали очевидными многие ранее недооцененные опасные результаты неолиберального мирохозяйственного порядка – воздействие спекулятивных переливов капитала, растущая неустойчивость и несоотнесенность экономических процессов, рост нелегальных операций, резкое усиление сферы финансовых услуг и т.п. Стало, в частности, очевидным, что сложилась новая финансовая система со своими методами контроля, управления и подчинения себе как политических администраций, так и хозяйствующих субъектов. Разрушительный потенциал этой системы не требует особого доказательства. Опасность такой ситуации и необходимость перемен становятся все более очевидными.

Правда, в анализе опасностей современной глобализации многие усматривают дань алармистским настроениям и скрытую проповедь краха, тупика, бесперспективности самой человеческой эволюции. А если и признают эти опасности реальными, то призывают к предельной осторожности, советуя не преувеличивать опасности и вызовы, которые всегда возникали в переломные моменты истории и в конечном счете преодолевались, находили свои «ответы».

Тем не менее, как доказал еще К. Маркс, кризисы являются неотъемлемым свойством капиталистической системы. «Самые страшные экономические и социальные кризисы, обрушившиеся на эти страны, не могут быть решены только с помощью свободно-

²⁵⁷ Rhodes R.A. *Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability*. Philadelphia, 1997; Kelly K. *New Rules for the New Economy. Radical Strategies for a Connected World*. N.Y., 1999; Bhagwati J. *Coping with Antiglobalism*. *Foreign Affairs*, Jan/Feb 2002. P. 2–7.

²⁵⁸ Micklethwait J., Wooldridge A. *A Future Perfect. The Challenge and Hidden Promise of Globalization*. N.Y., 2000.

го рынка или рыночных реформ», – подтверждает сегодня этот тезис Дж. Сакс – профессор экономики и директор Центра международного развития в Гарвардском университете²⁵⁹.

Действительно, кризисы и ныне регулярно сотрясают капиталистическую миросистему. «Через кризисы в 1990-е годы – в Мексике, Таиланде, Индонезии, Корее, России и Бразилии – была воспринята рядом людей как доказательство того, что финансовые кризисы являются прямым и неизбежным результатом глобализации», – пишут сотрудники МВФ²⁶⁰. По-видимому, глобализация существенно ускоряет наступление кризисов и углубляет их последствия. Сама современная валютно-финансовая система таит в себе возможность «неспровоцированных» кризисов. А высокая степень экономической взаимозависимости стран, гигантские нерегулируемые перетоки горячих спекулятивных капиталов сделали глобальную экономику особенно уязвимой. «Либерализация рынка капитала, которую проталкивал МВФ, увеличила нестабильность мировых финансовых рынков, а лавинная доля тягот от этой нестабильности легла на беднейшие страны... Потоки капитала, возникшие в результате либерализации рынка капитала, не оказывают стабилизирующего воздействия. Напротив – они оказываются в высшей степени дестабилизирующими», – пишет Дж. Стиглиц²⁶¹.

«В последнее время существенно возросли финансовые потоки между государствами, однако система остается нестабильной, подверженной кризисам и практически игнорирует интересы бедных стран и стран, обладающих скудными капитальными ресурсами», – говорится в *Резюме доклада Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации*²⁶².

С внедрением в эту область компьютеров и появлением глобальных информационных сетей, таких как Интернет, спекулятивный капитал прочно занял господствующие позиции практически

²⁵⁹ Сакс Джеффри Д. Противоречия глобализации // Независимая газета, 11 октября 2000.

²⁶⁰ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL //www.imf.org/external/np/ext/ib/2000/rus/041200r.htm#1

²⁶¹ Стиглиц Д. Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm

²⁶² См: Резюме доклада Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. [Электронный ресурс] URL //www.un.org/russian/esa/economic/globalization_commission.htm

во всех областях человеческой деятельности. В последние годы процесс глобализации финансовых рынков еще больше ускорился. Теперь колебания обменных курсов, процентных ставок и курсов акций в различных странах теснейшим образом взаимосвязаны. Любые изменения в одном из сегментов рынка сотрясают всю систему. Перемещение капитала из одной точки планеты в другую в течение секунд и даже долей секунд может взорвать экономику любой страны. Сейчас огромные капиталы (по некоторым данным до 1 трлн долл. ежедневно) могут быть переброшены из одного конца земного шара в другой в считанные минуты, в особенности после принятия 15 января 2000 года администрацией США закона о юридической правомочности электронной подписи на документах²⁶³.

Свобода финансовых потоков породила чрезвычайно деструктивную разновидность валютно-финансовых кризисов. Известен характер их протекания, их связь с чрезмерным развитием финансовых спекуляций, предоставлением кредитов, имеющих ненадежное обеспечение, с политикой искусственного поддержания высокого курса национальной валюты и нереально высоких процентных ставок, паническими настроениями в деловом мире.

Естественным спутником глобализации и формирования глобального рынка является синхронизация многих сторон хозяйственного развития в разных странах. Однако кризисные события последних лет показали, что синхронизируются также и кризисные явления, банкротства, безработица, неплатежеспособность, сокращение совокупного спроса и т.д. Если раньше кризис в одной стране можно было смягчить за счет экспорта в другую, более благополучную страну, то сейчас такие возможности резко сокращаются²⁶⁴. Именно эти экономические кризисы и их способность распространяться на другие рынки потрясли систему глобализации в предыдущие годы. «Рынки производят как капитал, так и хаос; более мощные рынки, возникшие в результате глобализации, произвели более обширные и разнообразные разрушения», – пишет Т. Фридмен²⁶⁵.

Усиление связанности экономик разных стран порождает «эффект домино»: начавшись в одной отдельно взятой стране, финансовый кризис, как эпидемия, мгновенно распространяется на другие страны. В эпоху глобализации намного возросла способность

²⁶³ Маслов А. Глобализация и ее основные противоречия. [Электронный ресурс] URL //humanities.edu.ru/db/msg/26010

²⁶⁴ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 164.

²⁶⁵ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 314.

инвесторов переносить вирус нестабильности от проблемных стран к странам благополучным. «Теория домино теперь относится к области скорее финансов, а не политики», – утверждает Т. Фридмен²⁶⁶.

Топливо-энергетический кризис середины 1970-х привел, с одной стороны, к снижению прибыльности или даже убыточности старых отраслей промышленности (индустрии «дымовых труб») в развитых странах, а с другой – к существенному расхождению условий национальных воспроизводств в ходе индустриализации – по ставкам зарплаты, уровню образования и квалификации рабочей силы, ставкам процента, цене сырья и энергии и т.п. Поэтому начался вынос в развивающиеся страны трудоемких, материалоемких и экологически грязных производств. Вследствие этого иностранные компании добиваются не только снижения издержек производства, но и экономии первоначальных инвестиций.

Соединенные Штаты понесли наибольший ущерб в начале 1970-х и особенно в начале 1980-х гг. Затем пришел черед Европы, и поныне не преодолевшей этих проблем, и лишь потом эта волна докатилась до Японии²⁶⁷.

Бывшие региональные локальные экономические кризисы теперь глобализуются – как это было в Мексике в середине 1990-х, в Юго-Восточной Азии и в России в конце 1990-х гг. И финансовый крах в Юго-Восточной Азии, а затем и бразильский и аргентинский кризисы подтвердили реальность угрозы разрушительной цепной реакции.

С точки зрения И. Рамонэ, директора журнала «Монд дипломатик», финансовый кризис, потрясший Мексику в 1995 г., «всем продемонстрировал, кто является новым хозяином на геофинансовом пространстве мира – это управляющие пенсионными и другими инвестиционными фондами. Именно их, выражаясь языком экспертов, экономическая пресса и называет “рынками”»²⁶⁸.

После нефтяного кризиса конца 1973 г., ввергшего развитый мир в шок и полосу затяжной «стагфляции» (сочетание экономической стагнации с инфляцией), впервые ощутимо обнаружилась уязвимость благополучия индустриальных держав. Повышение цен на нефть в 1970-е годы, инициированное ОПЕК, привело к колоссальным накоплениям, из которых были выделены кредиты

²⁶⁶ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 172.

²⁶⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 72–73.

²⁶⁸ Рамонэ Игнасио. Великая паника в стане финансистов // Монд дипломатик, № 492, март 1995.

странам «третьего мира». Эти кредиты в конечном счете сделали заемщиков беднее, но на протяжении целого десятилетия они поддерживали доходы ведущих стран, пока все это не закончилось так называемым долговым кризисом начала 1980-х²⁶⁹.

За этой манипуляцией последовала новая эпопея, сочетавшая в себе займы правительства США (финансировавшие политику Рейгана в военной сфере) и частных предпринимателей (выпускавших высокорискованные облигации) и продолжавшаяся до тех пор, пока снова не наступил кризис, определявшийся американским бюджетным дефицитом²⁷⁰.

Манипуляции 1990-х заключались в притоке глобального капитала в виде «краткосрочных заимствований» в Восточную и Юго-Восточную Азию, который, как утверждал «Financial Times», «может иметь роковые последствия». В результате всех этих комбинаций некоторые нажили огромные состояния, тогда как многие другие потеряли последнее²⁷¹.

В новых условиях кризисы порождаются обычной паникой на финансовых рынках. И хотя она может возникать на рынках самых развитых государств, объективно ей значительно более подвержены молодые финансовые рынки развивающихся стран. Как только начинается паника, каждый инвестор стремится вывести свои средства раньше остальных. Это порождает ущерб, намного превосходящий тот, что мог бы проистекать непосредственно из сложившейся хозяйственной ситуации²⁷².

Паника не относится к «реальной экономике». Она возникает лишь там, где есть спекуляция, т.е. там, где большие группы людей обогащаются не за счет прибылей, полученных в производственном секторе, а при помощи финансовых махинаций²⁷³. Проблема заключается в том, что большая часть прибылей проистекает из финансовых манипуляций²⁷⁴.

Именно паникой инвесторов объясняется финансовый крах в Восточной Азии. При этом панике были подвержены в первую очередь мелкие инвесторы, имеющие наименьшее политическое влияние и наиболее веские основания спастись как можно быстрее²⁷⁵.

²⁶⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 73.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же. С. 70.

²⁷³ Там же. С. 71, 73.

²⁷⁴ Там же. С. 73.

²⁷⁵ Там же. С. 70.

Не случайно курс акций в Интернете обычно скачет вверх-вниз, как на американских горках. Это дело рук маленьких дэй-трейдеров, которые лихорадочно скупают по 200–300 акций разом, взбудораженные теми или иными новостями рынка. Большинство из них даже не имеют представления о тех компаниях, акции которых они покупают или продают; они просто меняют одни ярлыки на другие²⁷⁶. Сотрудники МВФ предупреждают, что любая «страна сталкивается с риском того, что перемены в настроении инвесторов могут привести к внезапному и массовому изъятию капитала из страны... Очевидно, что развитие кризисов происходило бы совсем по-иному, если бы не было такой открытости перед мировыми рынками капитала». В условиях кризисов «рынки были склонны вести себя, подчиняясь “стадному чувству”, выражавшемуся во внезапных перепадах настроений среди инвесторов и стремительном перемещении капитала, особенно в форме краткосрочного финансирования, внутрь страны и за ее пределы»²⁷⁷.

Глава Федеральной резервной системы США А. Гринспен в своих выступлениях подчеркивал, что «та же самая финансовая глобализация, которая сделала потоки частного капитала такими полноводными, одновременно в значительной степени способствовала заразительной опрометчивости в капиталовложении». И добавляет: «Трудно вообразить себе, чтобы потери одного-единственного спекулянта, применяющего современную технику, которые привели к банкротству Barings в 1995 г., могли достичь таких размеров (1 млрд долл.) в предыдущие десятилетия, когда все торги совершались на бумаге»²⁷⁸.

В 1970-е годы был изобретен термин – «новые индустриальные страны». В качестве примера таких государств обычно приводились: Мексика, Бразилия, Южная Корея и Тайвань. К 1980-м гг. Мексика и Бразилия исчезли из этого списка. Теперь стали говорить о «четырёх драконах» – Корее, Тайване, Гонконге и Сингапуре. Но к 1990-м годам началось перемещение производства в страны, следующие за «четырьмя драконами», – в Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Вьетнам и материковый Китай.

Страны Восточной и Юго-Восточной Азии извлекли наибольшие выгоды из перемещения в них производственных

²⁷⁶ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 143.

²⁷⁷ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL //www.imf.org/external/np/extra/ib/2000/rus/041200r.htm#1

²⁷⁸ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 143.

мощностей. В отличие от других периферийных регионов, в этих странах наблюдалось резкое ускорение темпов роста, и они казались преуспевающими, пока и их не поразил финансовый кризис. Он поразил, прежде всего, эту последнюю группу стран, но затронул также и «четырёх драконов»²⁷⁹. Вскоре все восторженные речи по поводу «новых индустриальных стран» и «драконов» сменились кислыми замечаниями в адрес их «коррупцированного капитализма».

Знаменательно, что от экономического краха в Азии в 1998 г. не пострадал только Китай, поскольку китайская экономика еще не вполне включена в систему глобализации и в финансовом плане имеет немало барьеров для иностранного капитала²⁸⁰.

Финансовый кризис 1997 г. в Восточной Азии вызвал цепную реакцию. Зашатавшаяся экономика Таиланда подтолкнула Малайзию, Индонезию и Филиппины. Это ударило по Тайваню и спровоцировало кризис в Гонконге. «Поехала» экономика Южной Кореи – начали «осыпаться» рынки всей Юго-Восточной Азии. Инвесторы стали в панике изымать капиталы, и тогда рухнула спекулятивная пирамида, выстроенная российским правительством. А ведь началось все в Таиланде – не самом мощном и далеко не самом развитом государстве.

А вот что произошло в самом Таиланде. Утром 8 декабря 1997 года правительство страны объявило, что оно закрывает 56 из 58 ведущих финансовых структур в стране. Почти за сутки эти частные банки потерпели банкротство вследствие резкого падения таиландской валюты – бата. Финансовые организации набрали до того времени множество займов в долларах США и ссужали эти деньги таиландскому бизнесу. Финансовые организации были уверены в том, что они в безопасности, поскольку правительство Таиланда твердо стояло на позиции удержания фиксированного курса бата к доллару.

Но в мире зародилось подозрение, что таиландская экономика не настолько сильна, как предполагалось ранее. Началась массивная спекуляция батом, в результате чего валюта Таиланда рухнула на 30%, и его правительству не удалось выполнить своих обязательств. Тем фирмам, которые брали ссуды в долларах, за каждый доллар займа пришлось теперь расплачиваться в батах примерно на одну треть больше. Многие фирмы были просто не в состоянии

²⁷⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 74.

²⁸⁰ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 422.

возвратить долг финансовым структурам, а последние, в свою очередь, не смогли расплатиться со своими иностранными кредиторами. Вся экономика страны вошла в штопор, вследствие чего 20 тыс. служащих потеряли работу²⁸¹.

Крах инвестиционных компаний Таиланда и стал первым звеном в цепной реакции, которая привела к первому глобальному финансовому кризису новой эры глобализации. Кризис в Таиланде вызвал общий отток капитала из практически всех поднимающихся, набиравших силу стран Юго-Восточной Азии и повлек за собой снижение курса валют Южной Кореи, Малайзии и Индонезии. Как местные, так и мировые инвесторы сразу же вывели отсюда свой капитал, найдя ему более безопасные места.

В течение всего нескольких месяцев экономический спад в Юго-Восточной Азии начал оказывать влияние на цены на сырье по всему миру. Азия была важным двигателем мирового экономического роста – «двигателем», который потреблял большое количество сырья. Когда этот двигатель стал барахлить, цены на золото, медь, алюминий и, что особенно важно, сырую нефть стали падать. Это падение в цене мировых сырьевых продуктов превратилось в механизм переноса кризиса с Юго-Восточной Азии на Россию²⁸².

Внезапное падение цен на нефть, вызванное кризисом в Азии, резко осложнило для России выплату основного долга и процентов по своим срочным займам. МВФ отказался предоставить ссуды для спасения России, пока та не выполнит своих обязательств по реформированию своей экономики. И тогда 17 августа 1998 года российская экономика рассыпалась, как картонный домик: Россия в одностороннем порядке объявила свою неспособность выполнять долговые обязательства.

Чем стала глобализация для России, показал специалист по информационной глобализации М. Кастельс: «Экономика [России] потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров *номенклатуры* ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных русских экономистов, которые внезапно оказались на командных постах; вследствие паралича демократического государства в результате запутанных интриг меж-

²⁸¹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 10.

²⁸² Там же. С. 11.

ду политическими фракциями, где царили личные амбиции. Все это привело к невыносимым страданиям народа. Криминальная экономика выросла до пропорций, невиданных в крупной индустриальной стране, связываясь с мировой криминальной экономикой и становясь фундаментальным фактором, с которым нужно считаться как в России, так и на международной арене. *Близорукая политика США, на самом деле нацеленная на то, чтобы прикончить “русского медведя” в мировой политике* (курсив наш. – Авт.), породила ответную националистическую реакцию, угрожая снова развязать гонку вооружений и международную напряженность. Националистическое давление в армии, политические маневры в ельцинском Кремле и криминальные интересы во властных коридорах привели к катастрофической аванюре чеченской войны. Демократы у власти потерялись между верой новообращенных в силу рынка и своей макиавеллиевской стратегией, предназначенной для кулуаров политического истеблишмента, но не имеющих ничего общего со знанием реальных условий жизни измученного населения на территории все более теряющей структуру страны»²⁸³.

На первый взгляд, крушение российской экономики не должно было бы иметь никакого влияния на мировую систему. Ведь российская экономика была по своим размерам меньше, чем экономика Нидерландов. Но система теперь уже стала более глобальной, чем когда-либо прежде. Так, весь мир был изумлен и шокирован тем, сколько корейских банков оказалось держателями русских облигаций, когда в 1998 г. в России разразился кризис²⁸⁴.

И точно так же, как при падении цен на сырую нефть кризис перекинулся с Юго-Восточной Азии на Россию, так же и компании, рыскающие по всему миру в поисках лучших возможностей вложить деньги, послужили механизмом передачи кризиса с России на все другие неокрепшие рынки в мире, особенно на Бразилию. По мере утечки капиталов, резкого обесценения местных валют и массового банкротства частных компаний государства оказались отданными на милость охваченных паникой кредиторов.

В эту ситуацию вмешался Международный валютный фонд, пользующийся мощной поддержкой американского правительства; он предложил «решение», выработанное применительно к

²⁸³ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 490.

²⁸⁴ *Фридмен Т.* Lexus и олива. С. 136.

«долговому кризису» начала 1980-х гг.: рекомендовать правительствам пораженных кризисом стран соединить жесткую финансовую и налоговую политику с еще более широким открытием национальных рынков для внешних инвесторов. Как отметил главный экономист токийского отделения «Дойче Банка», чьи слова были с одобрением процитированы самим Г. Киссинджером: МВФ действует «подобно врачу, специализирующемуся на лечении кори, но пытающемуся излечить все болезни одним и тем же лекарством»²⁸⁵. «Многие из условий, налагавшихся МВФ в периоды кризисов, не имели отношения к самим кризисам: во многих случаях они были откровенно политическими, в других случаях – усугубляли кризис. Даже МВФ признает, что его требования и условия, предъявлявшиеся к странам Юго-Восточной Азии, почти всегда способствовали усугублению спада», – пишет Дж. Стиглиц.²⁸⁶

Программы «структурной корректировки», навязанные МВФ, отрицательно сказываются на обстановке в области снабжения продуктами питания и на социальном климате в большинстве стран. Так, например, крупная неправительственная английская организация «Оксфам» изучила программу, навязанную Замбии в начале 1990-х гг. Ее выводы таковы: «С 1991 г. ВВП не увеличился. Экономической стабилизации не произошло. Доход на душу населения сократился и 70% населения живет сегодня в условиях крайней бедности».

В последние годы явно наметился кризис большинства указанных организаций. Финансовый кризис 1997–1999 гг. поставил под серьезное сомнение правильность и полезность деятельности таких важнейших международных экономических организаций, как МВФ, ВТО, обострив их внутренние конфликты и межгосударственные противоречия вокруг них, ослабил их финансовую базу²⁸⁷. Кризис потряс всю систему международного финансового рынка, поставив вопрос о пересмотре ряда фундаментальных догм неолиберализма.

Серьезный повод к этому дает финансовый кризис в Юго-Восточной Азии. Так, например, предоставление финансовой помощи странам, застигнутым этим кризисом, нередко обусловливалось МВФ принятием далеко не самой рациональной, а порой и просто губительной политики. Суровой критике подверг в этой связи

²⁸⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 75.

²⁸⁶ Стиглиц Д. Человеческое лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //nobeli.nm.ru/st.htm

²⁸⁷ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 185.

МВФ премьер-министр Малайзии М. Мохамед в своей речи на Всемирном экономическом форуме в Сингапуре в 1999 г. «Не надо ожидать, – говорил он, – что мы из уважения к принципу экономического либерализма будем игнорировать интересы нашего народа и нашей страны в пользу иностранцев»²⁸⁸. Рекомендации МВФ, которым Малайзия в сентябре 1998 г. последовала, оказались деструктивными, и только отказ от них обеспечил быстрое преодоление кризиса²⁸⁹.

Киссинджер указывает, что азиатские страны действовали в полном соответствии со «здравым смыслом» и что ни сами эти страны, ни мировые финансовые центры «не предполагали возможности кризиса». Что же стало его причиной? По мнению Киссинджера, именно рецепты МВФ, приводящие «к полному параличу национальной банковской системы [в странах], не обладающих системой социальной поддержки», имеют катастрофические последствия и ведут к политическим кризисам²⁹⁰.

Компании, представляющие собой огромные объединения денежных запасов частного капитала, рискующие по всему миру в поисках лучших возможностей вложить деньги, послужили механизмом передачи кризиса с России на все другие рынки в мире, особенно на Бразилию. Они стали продавать активы в других странах со здоровым финансовым рынком, в частности в Бразилии, которая хорошо себя зарекомендовала в глазах мировых рынков и МВФ. Внезапно запаниковавшие инвесторы стали распродавать все акции и ценные бумаги²⁹¹. Они обналичивали свои бразильские, корейские, египетские, израильские и мексиканские ценные бумаги и акции, а деньги либо «складывали под подушку», либо вкладывали в наиболее безопасные ценные бумаги США. Таким образом, спад экономики в Бразилии и на других развивающихся рынках сработал как инерционный механизм для другого явления: «всем стадом» кинулись скупать облигации казначейства США. Это, в свою очередь, резко подняло в цене срочные займы США и понизило процент, который за них предлагало американское правительство, чтобы привлечь инвесторов.

Когда весь инвестиционный мир впал в панику и ринулся покупать срочные займы США, их цена, вместо того чтобы падать, взметнулась вверх, а цена корпоративных ценных бумаг и займы

²⁸⁸ Независимая газета, Дипкуррьер № 4, 2 марта 2000. С. 3.

²⁸⁹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 62.

²⁹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 75.

²⁹¹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 12.

растущих рынков резко упали, вместо того чтобы взлететь вверх²⁹².

В России, Мексике, Таиланде, Индонезии и Бразилии кризисы породили массовую безработицу, инфляцию, сокращение бюджета и падение реальных доходов²⁹³. И когда кризис поразил часть азиатских стран, потоки капитала устремились на американский финансовый рынок, способствуя росту американской индустрии и сельского хозяйства. Не удивительно, что США и далее намерены выступать наиболее упорным и убежденным сторонником мировой глобализации.

Таким образом, сама глобализация является глобальной проблемой первостепенного значения, таящей в себе как уникальные возможности, так и смертельные угрозы. Она открывает захватывающие перспективы, но в то же время обостряет старые болезни, создает новые угрозы и опасности.

Экономический кризис, начавшийся в 2000 г., ярко высветил прежде незамечаемые негативные стороны формирования глобального рынка. С новой силой проявились биржевые кризисы, обвальное падение капитализации многих активов, приведшие к сокращению покупательной способности значительной части населения. Валютные и спекулятивные операции в финансовой сфере, на порядок превышающие инвестиции в реальном секторе, резко увеличивали нестабильность и непредсказуемость развития мирового хозяйства, усиливали разрушительность конкурентной борьбы²⁹⁴. Сотрудники МВФ пришли к следующему выводу: «Как мы убедились в последние несколько лет, неустойчивость потоков краткосрочного капитала может представлять угрозу для макроэкономической стабильности. Из этого следует, что в мире интегрированных финансовых рынков страны будут подвергаться все большему риску, если будут проводить политику, не способствующую финансовой стабильности»²⁹⁵.

В свете сказанного представляется более чем сомнительным, что неолиберальный глобальный рынок, даже если предположить, что он окончательно сформируется, сможет быть рациональным и эффективным, не говоря уже о том, чтобы принести благополучие людям.

²⁹² Фридмен Т. Lexus и олива. С. 12–13.

²⁹³ Там же. С. 423.

²⁹⁴ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 164.

²⁹⁵ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL //www.imf.org/external/np/exr/ib/2000/rus/041200r.htm#1

В результате в последние годы идеология неолиберальной глобализации оказалась существенно подорванной. Отражая преобладающие умонастроения в конце 2000 г., журнал «Бизнес-уик» в редакционной статье писал: «Головокружительные дни глобализации прошли. Если некогда считалось, что простое распространение рынка уничтожит бедность, распустит диктатуры и объединит разные культуры, сегодня одно упоминание глобализации вызывает озлобление, разногласия и упреки... Отчаяние вытесняет эйфорию; оборона сменяет триумф. Две волны протеста свидетельствуют о растущих сомнениях в способности глобализации творить добро»²⁹⁶.

Всемирная комиссия по социальному измерению глобализации, учрежденная МОТ, констатировала, что «глобальная финансовая система неизменно страдает от ряда финансовых кризисов, частота и серьезность которых увеличилась. Отрицательное воздействие этих кризисов было разрушительным, т.к. они уничтожали достижения предшествующего экономического прогресса и приводили к тяжелым социальным затратам в связи с увеличением безработицы и бедности»²⁹⁷.

Глобализация и рост неравенства

Глобализация – процесс неравномерный. Становясь частью глобального мира, различные страны, социальные общности и этносы находятся на разных этапах своего развития. И это – одна из главных причин опасностей и рисков, которые сопутствуют процессу глобализации.

Согласно докладу Всемирного банка за 1997 г. половина населения мира оказалась практически не затронута процессом глобализации. А сотрудники МВФ сообщают: «Очевидно, что разрыв в уровнях дохода между богатыми и бедными странами на протяжении многих десятилетий продолжал увеличиваться. В последнем издании World Economic Outlook («Перспективы развития мировой экономики») приводятся результаты изучения 42 стран, представляющих почти 90% мирового населения, по которым имеются данные за весь XX в. Исследователи пришли к выводу, что хотя произошло заметное возрастание объемов производства на душу населения, распределение дохода среди стран стало менее равно-

²⁹⁶ Business Week, Nov. 6, 2000. P. 228.

²⁹⁷ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //rk.org.ua/rk/8/108_1.html

мерным, чем в начале столетия... Сегодня уровни дохода (с поправкой на инфляцию) в бедных странах все еще заметно уступают уровню дохода ведущих стран мира в 1870 году. Причем разрыв в доходах даже увеличился... Никакого повышения качества жизни многие так и не ощутили, а многие, как и раньше, пребывают в крайней нищете»²⁹⁸.

«Для некоторых глобализация – это дорога к процветанию для бедных стран, и действительно кажется, что Сингапур, Тайвань, Корея, Чили и некоторые другие страны стали гораздо богаче за последние 25 лет с помощью экономической стратегии, основанной на росте экспорта и участии в глобальной экономике. Для других глобализация – это проклятие, ибо глобализация обрекает бедные страны на все большее и большее отставание от остального мира. Существует мало сомнения в том, что за 20 лет программ МВФ и Мирового банка в Африке эти страны все еще пребывают в состоянии бедности, и положительного результата от этих вдохновленных Вашингтоном проектов практически незаметно... Многие страны явно не получают выгод от глобализации и все дальше и дальше отстают, оставаясь в условиях экстремальной бедности»²⁹⁹. Это пишет не какой-нибудь антиглобалист, а Дж. Сакс – профессор экономики и директор Центра международного развития в Гарвардском университете.

«Никогда неравенство не было столь глубоким как между Севером и Югом планеты, так и внутри каждого из обществ»³⁰⁰. «800 млн человек на нашей планете голодают. ... 36 млн людей умерло от голода или же от его непосредственных последствий ... в 2000 г. Одновременно при нынешнем уровне развития сельского хозяйства планета может прокормить без труда 12 млрд людей. Нас

²⁹⁸ Потенциал и опасности глобализации. Подготовлен сотрудниками МВФ 12 апреля 2000 года. [Электронный ресурс] URL //www.imf.org/external/np/ext/ib/2000/rus/041200r.htm#1

Известны, правда, работы, в которых указано, что сравнение стран на основе индикаторов социального развития ООН (ИСП), принимающих во внимание образование и среднюю вероятную продолжительность жизни, дает картину, совершенно отличную от той, которая рисуется при использовании одних только данных о доходе. (Nicholas Crafts, *Globalization and Growth in the Twentieth Century*, IMF Working Paper, WP/00/44, Washington DC, April 2000).

²⁹⁹ Сакс Джеффри Д. Противоречия глобализации // Независимая газета, 11 октября 2000.

³⁰⁰ Кассен Б., Клермон Ф. Ускорение процессов глобализации // Монд дипломатик, декабрь 2001.

же пока только шесть млрд...»³⁰¹ Тем временем «...мировая промышленность работает лишь на 66% от своих возможностей, это самый низкий показатель за последние десять лет...»³⁰²

Существуют неопровержимые доказательства того, что глобальное неравенство увеличилось за последние 50–100 лет: с 1870 по 1990 г. разрыв в уровне среднего дохода на душу населения между развитыми и развивающимися странами вырос в пять раз. Хотя некоторые страны (например Южная Корея, Таиланд или Ирландия) и сумели за последние 40 лет почти вдвое сократить разрыв, несомненно, унификации уровня экономического развития не наблюдается.

Что касается неравенства внутри отдельных стран, то здесь ситуация более запутана. С одной стороны, большинство специалистов согласны, что разброс в уровне заработной платы в развитых странах увеличился за последние тридцать лет; с другой, существуют свидетельства того, что общее неравенство доходов за этот период не возросло, а показатели бедности имеют тенденцию сокращаться по мере экономического роста³⁰³.

Но в целом очевидно, что неолиберальная глобализация способствует поляризации богатства и бедности. Двести богатейших людей мира за четыре года (1995–1998) более чем удвоили свои состояния, которые превысили в совокупности 1 трлн долл. Их активы достигли 41% совокупных мировых активов. Активы трех крупнейших миллиардеров превысили совокупный ВВП всех наименее развитых стран с населением в 600 млн человек³⁰⁴.

При сохранении сложившихся тенденций разрыв между странами «золотого миллиарда» и остальным миром может стать окончательным и бесповоротным, приобретая непреодолимый характер. Действие современных механизмов глобализации приводит к ухудшению социально-экономического положения сотен миллионов людей, ставит их в условия социальной маргинализации и крайней нищеты.

Сегодня увеличить производительность труда, повысить конкурентоспособность, выйти на рынки, подключиться к процессу

³⁰¹ *Зиглер Ж.* Шизофрения ООН // Монд дипломатик, ноябрь 2001 г.

³⁰² *Клермон Ф.Ф.* Угроза мировой экономике // Монд Дипломатик, май 2001.

³⁰³ *Pritchett L.* Divergence, big time // *Journal of Economic Perspectives.* 1997; *Deininger K., Squire L.* A new data set measuring income inequality // *World Bank Economic Review.* 1996.

³⁰⁴ Доклад о развитии человека за 1999 г. Программа развития ООН. Нью-Йорк – Оксфорд, 1999. С. 3.

мирового развития можно только при помощи современной науки. Благополучие в современном мире основано на овладении знаниями и их практическом применении. Способность создавать, распространять, использовать знания становится ключом к процветанию. Отрезанность от мира знаний наглухо закрывает дверь в будущее.

Американский специалист по проблемам экономического развития Д. Сакс делит современный мир на три категории по технологическому уровню. Около 15% населения планеты, живущих на относительно небольшой территории (т.н. «золотой миллиард»), практически полностью обеспечивают развитие науки, техники, новых форм производства. Примерно половина населения Земли не создает никаких новых технологий, но в состоянии использовать достижения лидеров, адаптируя их по-своему. А оставшаяся треть мирового населения – более 2 млрд человек – не может ни изобретать, ни использовать чужие изобретения. Технологически она отрезана от остального мира и брошена на произвол судьбы³⁰⁵.

Развитые страны полностью доминируют в фундаментальных и прикладных исследованиях. В 1993 г. в 10 странах было сосредоточено 84% мировых НИОКР. Затраты на НИОКР в Северной Америке составляли более 42% мировых расходов на эти цели, в то время как в Латинской Америке и Африке вместе взятых, – менее 1%³⁰⁶. В настоящее время развитые страны владеют 97% патентов в мире. На их долю приходится более 90% трансграничных доходов от патентов и лицензий.

Глобальная экономическая стихия высоко возносит немногих, оставляя сотни миллионов на дне. Резкие социальные контрасты – родовая травма мегаобщества. По данным Всемирного банка (ВБ), в 2000 г. на долю шестой части населения планеты – в основном жителей Северной Америки, Европы и Японии – приходилось около 80% мирового дохода, т.е. в среднем по 70 долл. в день. В то же время на долю 57% населения Земли в 63 беднейших странах мира приходилось всего 6% мирового дохода – в среднем менее двух долл. в день на человека³⁰⁷.

По данным экспертов ООН, доходы богатейшего 1% населения мира равны доходу 57% беднейших жителей планеты. Доход

³⁰⁵ The Economist, June 24, 2000. P. 99.

³⁰⁶ Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 68, 73.

³⁰⁷ Известия, 10.04.2000. С. 3.

25 млн самых богатых американцев равен доходу 2 млрд людей в беднейшей части мира³⁰⁸.

Во второй половине века соотношение доходов людей, живущих в богатейших и беднейших государствах планеты, – по 20% от общей численности мирового населения с каждой стороны – менялось следующим образом: 1960 г. – 30:1, 1990 г. – 60:1, 1997 г. – 74:1³⁰⁹. Как это произошло, видно из сравнения Соединенных Штатов с Мозамбиком, одной из беднейших стран мира. С 1950 по 1990 г. подушевой доход в США вырос с 10 000 до 24 000 долл., а в Мозамбике сократился с 1000 до 850 долл. В 1990 г. реальные доходы в Мозамбике были ниже, чем в любой европейской стране в 1870 г.³¹⁰.

Душевой национальный доход 20 самых богатых капиталистических стран был в 54 раза больше душевого дохода 20 беднейших стран мира в течение 1960–1962 гг. Это неравенство стало еще более сильным за последние 40 лет: в течение 2000–2002 гг. душевой доход 20 самых богатых капиталистических стран в 121 раз превышал душевой доход 20 беднейших стран³¹¹.

По данным ООН, мировой валовой продукт вырос за последние полстолетия с 3 трлн долл. до 30 трлн долл., но распределение созданных богатств оказалось чрезвычайно неравномерным. Социальное неравенство все более углубляется. Страны, представляющие развитый Север, ориентируются на доход в 30 тыс. долл. на душу населения в год, в то время как этот показатель для 85% населения Земли не достигает 3 тыс. долл.

Между «золотым миллиардом» и «голодным миллиардом» существует пропасть в уровне, качестве, образе жизни. Они живут в разных, зеркальных мирах: 20% наиболее обеспеченных жителей планеты потребляют 86% товаров и услуг, более половины энергоресурсов, почти половину мяса и рыбы³¹². На 20% населения планеты, живущего в богатых странах, приходится 86% мирового ВВП, а на беднейшие 20% – всего 1%³¹³.

³⁰⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 15.

³⁰⁹ Human Development Report 1999. N.Y. – Oxford. Oxford Univ. Press. 1999. P. 104–105.

³¹⁰ The Economist, April 15th 2000. P. 96.

³¹¹ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации // Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //rk.org.ua/rk/8/108_1.html

³¹² The Economist, September 12th 1998. P. 49.

³¹³ Human Development Report, 1999. UNDP, N.Y. P. 2.

А «голодный миллиард» действительно голодает. Во второй половине 1990-х гг. от недоедания страдали 826 млн человек, 95% из них – в развивающихся странах. Почти половина голодающих приходилась на Индию и Китай. Наиболее драматичным было положение в Африке южнее Сахары, где голодала треть населения³¹⁴.

Из санитарно-гигиенических факторов на состояние здоровья населения, помимо экологии, включая экологию жилья, огромное влияние оказывает питание. Среднемировая величина потребления калорий в неделю оценивается в 6000 калорий. При этом средний житель США, Канады и Западной Европы потребляет 16 000 калорий, в то время как средний житель Индии – всего 3000 калорий.

Судя по темпам изменения ситуации, торжественное обязательство многих государств – вдвое сократить число голодающих к 2015 г. – остается пока благим намерением. В Индии от голода страдают 53% населения, в Бангладеш – 56%, в Эфиопии 48%. Средний африканец сейчас получает меньше калорий, чем 40 лет назад. В пяти африканских странах хронически голодают 40% населения. В 2000 году 36 млн людей умерло от голода или же от его непосредственных последствий (дистрофия, недоедание и др.). Пять млн детей умирают ежегодно от недоедания.

В то же время в США, например, ежегодно расходуется более 100 млрд долл. на борьбу с последствиями переедания. Пища является самым рекламируемым товаром в США, Франции, Бельгии, Австрии. Каждый второй американец страдает от избыточного веса (55% населения), а каждый пятый – от тучности. В Великобритании избыточный вес наблюдается у 51% населения (численность тучных людей за последние десять лет удвоилась). В Германии избыточный вес имеют 50% населения.

В то же время с 1990 г. по 2000 г. количество людей, живущих в абсолютной бедности, в Восточной Европе и Центральной Азии увеличилось с 6 до 20 млн. В Латинской Америке и Карибских странах их число выросло с 48 до 56 млн. На Ближнем Востоке и в Северной Африке оно повысилось с 50 до 80 тыс. В Африке южнее Сахары количество людей, живущих в абсолютной бедности, увеличилось с 241 до 323 млн. Только в Южной Азии отмечено их небольшое сокращение – с 466 до 432 млн³¹⁵.

³¹⁴ The Economist, October 16, 1999. P. 59; November 6th 1999. P. 138; October 28, 2000. P. 140.

³¹⁵ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL http://rk.org.ua/rk/8/108_1.html

«Голодный миллиард» обделен и многим другим. Более одного миллиарда людей по-прежнему лишены возможности удовлетворять самые элементарные потребности. Более миллиарда человек не имеют доступа к чистой питьевой воде³¹⁶. В 2000 г. 130 млн детей, около 60% из них – девочки, не имели никакого образования³¹⁷.

Из 4,8 млрд людей, живущих в развивающихся странах, почти треть лишены элементарных санитарных условий, четверть не располагают нормальным жильем, пятая часть детей не посещает начальную школу, одна треть недоедает, отставая от своих сверстников в физическом и умственном развитии.

Женевская конференция ООН по вопросам социального развития (2000) констатировала: центральная проблема глобализированной экономики состоит в чрезвычайно неравномерном распределении ее благ. Это проявляется в неравенстве доходов, возможностей трудоустройства, доступа к услугам образования, а также к участию в управлении и социальной жизни.

Другой аспект проблемы – чисто медицинский. При лечении онкологических и кардиологических заболеваний применяются, в частности, лекарства, стоимость которых у изготовителя уже превышает сотни долларов. Но там, где люди живут менее чем на 1 доллар в день, подобного рода лекарственные препараты абсолютно недоступны. Недоступность многократно возрастает, когда речь идет о сложных операциях или системах поддержки жизнеобеспечения типа аппарата искусственной почки.

Глобальная поляризация условий жизни породила разрыв в средней продолжительности жизни не только между элитарными слоями и основной массой населения в каждой стране, но главным образом – между развитыми странами и «третьим миром». В среднем эта разница составляет 1,4 раза. Если сравнить эти показатели для отдельных стран, то разница возрастет почти в 2 раза. Так, в Японии ожидаемая продолжительность жизни при рождении (оба пола) составляет 81 год, в Швеции и Канаде – 79 лет, Замбии – 37, Зимбабве – 40, Эфиопии – 42 года. Можно сделать вывод, что в санитарно-медицинской сфере глобализация не создала необходимых механизмов, которые каким-либо образом ослабили бы подобное неравенство³¹⁸.

³¹⁶ Независимая газета, 4.05.2000. С. 11.

³¹⁷ The Economist, April 8th 2000. P. 49.

³¹⁸ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 311–312.

Таким образом, вокруг «золотого миллиарда» образуется море людей, живущих в несравненно худших условиях. К середине нынешнего века доля «семерки» в мировом населении сократится с нынешних 12 до 8% (при увеличении общей численности с 688 до 727 млн человек)³¹⁹.

По данным ООН, в 1998 г. 20% самых богатых людей мира потребили 86% мирового объема товаров и услуг, 58% энергии, на их долю приходилось 74% телефонов и 87% автомобилей. В это же самое время беднейшая часть населения использовала лишь 1,3% мировой продукции и услуг. При этом более 2,5 млрд людей не имели самых элементарных санитарных условий жизни, а 20% детей не могли получить даже начальное образование. «Истина состоит в том, – предупредил известный ученый-генетик, лауреат Нобелевской премии Норман Борлоуг, – что если высокоразвитые государства, испытывающие избыток продовольствия, хотят сохранить свой уровень жизни, они должны помогать развивающимся странам... Потому что голодные неизбежно устремятся туда, где есть пища и благополучие»³²⁰.

Ему возражает известная на Западе публицистка Ф. Льюис: «Бесполезно и вредно по-марксистски утверждать, что мир разделен на нас и них, на имущих и неимущих, на бедных и богатых. Чем богаты богатые, так это способностью производить, а не только потреблять блага»³²¹. Льюис явно подменяет понятия. Речь ведь идет не о капитале вообще, а прежде всего о спекулятивном капитале. Ему выгоднее не производить, а спекулировать на биржах, не строить заводы и предоставлять «полезные услуги», не изобретать и внедрять, а занимать директорские кресла банков, страховых компаний и пенсионных фондов, чтобы спекулировать коллективно и индивидуально.

Технологии, – пишет З. Бауман, – позволяющие фактически избавиться от времени и пространства, «очень быстро “раздевают” это пространство донага и обчищают его до нитки. Они придают капиталу подлинно глобальный характер; они вынуждают тех, кто неспособен следовать или препятствовать новому кочевому образу жизни капитала, беспомощно наблюдать, как их средства к существованию скудеют и исчезают, гадать, откуда обрушилась эта напасть. Глобальные перемещения финансовых ресурсов, пожалуй,

³¹⁹ См.: «НГ-сценарии». 14.07.1999. С. 13.

³²⁰ Маслов А. Глобализация и ее основные противоречия. [Электронный ресурс] URL //humanities.edu.ru/db/msg/26010

³²¹ New York Herald Tribune, 7 Jan. 2000.

столь же бестелесны, как и электронная сеть, по которой они перемещаются, – но следы, оставляемые их движением на местах, до боли осязаемы и реальны: «качественная депопуляция, уничтожение местного хозяйства, некогда способного поддерживать существование населения, отчуждение миллионов людей, не вписывающихся в новую глобальную экономику»³²².

Действительно, глобализация породила невиданные темпы роста экономической, социальной и демографической поляризации. Более того, их нынешнее наступление возродило процесс поляризации даже в пределах богатых стран, относительно долго сдерживаемый «государством благосостояния», причем особенно явно – в период с 1945 по 1970 г.³²³. Причем рабочий класс и более бедные слои общества больше всех пострадали в этот период. Например, на долю верхнего 1% населения США в 1975 г. приходилось 8% общего дохода населения, а в 1999 г. – 17%! В Канаде то же самое отношение увеличилось с 8,5 до 13,5%³²⁴.

По словам известного американского экономиста Л. Туроу, «те американцы, которые способны включиться в эту новую глобальную экономику, обнаруживают рост своего благосостояния. Тем, кто оказывается не в состоянии сделать это, остается лишь наблюдать за постепенным снижением своих доходов»³²⁵.

Не только в развивающихся, но и в развитых странах устойчиво воспроизводятся массовые слои населения, которым недоступен ни относительный материальный достаток, ни образование, открывающее путь к современному квалифицированному труду, – сохраняется обширное социальное и культурное «дно». В ряде стран, переходящих от социалистической к рыночной экономике, прежде всего в России и других странах СНГ, – в катастрофических масштабах проявляется тенденция к социальной и культурной деградации широких слоев населения, которым в условиях структурного кризиса оказываются недоступными ни стабильные рабочие места, ни достойный жизненный уровень, ни получение образования, соответствующего потребностям рынка труда³²⁶.

³²² Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 107.

³²³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 136.

³²⁴ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL //rk.org.ua/rk/8/108_1.html

³²⁵ Туроу Л. Переосмысливая грядущее // Мировая экономика и международные отношения. 1998, № 11. С. 6.

³²⁶ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 343.

«Мы живем в мире неравенства, – констатирует И. Валлерстайн. – Это мир нарастающей поляризации, где, даже несмотря на общий абсолютный рост материального благосостояния, представители наиболее обеспеченных слоев общества во все большей степени отрываются от среднего класса»³²⁷.

Комментируя выводы очередного «Доклада о развитии человечества» ООН, где отмечалось, что совокупное состояние 358 самых богатых «глобальных миллиардеров» равно общему доходу 2,3 млрд беднейших жителей планеты (составляющих 45% ее населения), В. Киган назвал сегодняшнюю перетасовку ресурсов в мире «новой формой грабежа на большой дороге»³²⁸. Действительно, так называемым «развивающимся странам» принадлежит лишь 22% мирового богатства, тогда как их население составляет 80% всего населения Земли. И это еще далеко не апогей нынешней поляризации, поскольку доля общемировых доходов, достаемая беднякам, еще меньше: в 1991 г. 85% населения Земли получали лишь 15% от общемирового дохода. Неудивительно, что ничтожная цифра в 2,3% общемирового богатства, принадлежавшего тридцать лет назад беднейшим странам (20% от общего количества государств), сегодня снизилась еще больше – до 1,4%.

Пользование глобальной коммуникационной сетью, которой призывают восторгаться как «воротами в царство новой свободы» и особенно как технологической основой всеобщего равенства, также весьма ограничено: это узенькая щель в толстой стене, а отнюдь не ворота. Не так уж много людей получают пропуск на вход в это «царство». «Все, что компьютеры делают для “третьего мира” – это играют роль более эффективных летописцев его упадка», – говорит В. Киган. – И если бы (как заметил один американский критик) 358 самых богатых людей решили бы оставить себе миллионы по пять долларов, чтобы свести концы с концами, а остальное бы раздали, это позволило бы в буквальном смысле удвоить годовой доход чуть ли не половины населения Земли. И потекли бы молочные реки меж кисельных берегов»³²⁹.

В бедности сегодня живут порядка 4 млрд – две трети населения планеты, а значит, задача, казалось бы, заключается лишь в том, чтобы накормить голодных. Но, как указывает Р. Капучиньский, такая подача проблемы бедности «необычайно принижает,

³²⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. С. 94–95.

³²⁸ См.: Keegan V. Highway robbery by the super-rich // The Guardian. 22 July, 1996.

³²⁹ Ibid.

практически не признает статуса полноценных людей за теми, кому мы по идее хотим помочь». При этом замалчивается ряд других сложных аспектов бедности: «ужасающие бытовые и жилищные условия, болезни, неграмотность, агрессию, распад семей, ослабление социальных связей, отсутствие надежд на будущее» – эти недуги не вылечить высококалорийными галетами и порошковым молоком. Капучинский вспоминает, как он бродил по африканским городкам и деревням, встречая детей, «которые кланчили у меня не хлеб, воду, шоколад или игрушки, а шариковую ручку: они ходили в школу, но им нечем было записывать уроки»³³⁰.

В современном мире бедные отличаются от богатых не только и даже не столько размерами доходов. У них все другое – природная среда обитания, состояние здоровья, болезни, уровень образования, пища (когда она есть) и способы пропитания, трудовая деятельность, социальное окружение, политическая организация, продолжительность жизни. Так, например, богатые страны расположены в зонах умеренного климата, беднейшие – в тропиках и пустынях, часто вдали от мировых рынков и основных торговых путей. Бичом богатых обществ стали сердечно-сосудистые заболевания и рак, беднейших – малярия (и другие тропические болезни) и СПИД. В беднейших странах люди гораздо больше страдают от коррупции, внутренних конфликтов, экономических и политических потрясений. В итоге они живут в полтора раза меньше (немногом более 50 лет), чем в богатых странах, что, в свою очередь, пагубно отражается на экономике и обществе в целом³³¹.

По данным ООН, из-за различных препятствий и ограничений на пути экспорта своей продукции развивающиеся страны теряют ежегодно до 700 млрд долл.³³² Это гораздо больше, чем общий объем иностранных инвестиций в развивающиеся страны, привлечению которых придается столь важное значение.

На прошедшем в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке «Саммите тысячелетия» мировые лидеры обратились с призывом к странам «первого мира» открыть свободный от таможенных пошлин и квот доступ на свои рынки всем товарам из беднейших стран, за исключением оружия. Первыми на этот призыв откликнулись страны Европейского союза. И сразу стало ясно, что даже такой «режим наибольшего благоприятствования» мало чем может помочь бед-

³³⁰ *Kapuscinski R. Lapidarium III. Warsaw, 1996.*

³³¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 60.

³³² *The Economist, July 1st 2000. P. 48.*

нейшим из бедных. Да им просто нечего предложить на мировых рынках – их производственный потенциал удручающе мал³³³.

К тому же в 1990-е гг. объем правительственной помощи бедным странам сократился с 60 до 55 млрд долл. в год³³⁴. Наиболее щедры Дания, Голландия, Швеция, наиболее скупы – США. Вдвое больше, около 100 млрд, поступает по частным каналам³³⁵.

Но дело не только в неравенстве доходов. Современный мир стал как никогда тесным и «прозрачным». Благодаря телевидению практически любой житель Земли может оценить и сравнить условия жизни в различных странах – на обоих полюсах социального спектра. И это делает глобальное неравенство крайне нетерпимым и взрывоопасным.

Возникает и другой вариант неравенства. Он вытекает из попыток развитых стран ограничить массовый приток рабочей силы и эмигрантов из бедных и испытывающих политические и экономические трудности стран мира. Международная трудовая и другая миграция в последние десятилетия стала одной из острейших проблем. Вряд ли промышленные страны откажутся от защиты собственных рынков труда. И сегодня существует реальная опасность, что вместо «железного занавеса», разделявшего в прошлом Восток и Запад, опустится иной занавес – между Севером и Югом, препятствующий переселению людей. Это обстоятельство стало существенной гуманитарной проблемой в области прав человека, поскольку право людей на передвижение и эмиграцию понимается как универсальное человеческое право.

В прошлом, как и сегодня, богачи и власть предрежащие всегда отличались большим космополитизмом, чем остальное население стран, где они проживали; во все времена они стремились к созданию собственной субкультуры, не признававшей границ, столь прочных для простолюдинов, у них было больше общего с элитами по ту сторону границы, чем с большинством населения по эту сторону³³⁶.

Информационные потоки теперь не зависят от носителей; для завязывания отношений сегодня менее чем когда-либо необходимы перемещение и перестановка тел в физическом пространстве. Для некоторых людей – «мобильной элиты», – это означает в буквальном

³³³ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С.124.

³³⁴ The Economist, July 1st 2000. P. 48.

³³⁵ Ibid.

³³⁶ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 24.

смысле обретение полной независимости. Элиты перемещаются в пространстве, и перемещаются быстрее, чем когда-либо. Благодаря этому властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются «на месте». Их власть полностью и окончательно становится «не от мира сего» – не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны, защищены от вторжения нежеланных соседей, отрезаны от всего, что связано с понятием «местное сообщество», недоступны тем, кто, в отличие от носителей власти, к этому сообществу привязан³³⁷.

В состав новой глобальной элиты входят финансисты, международные менеджеры, юристы, деятели Интернета, шоумены, организующие транснациональные культурные коммуникации. Все эти группы непосредственно и осуществляют, и обслуживают глобализацию. Характеризуя их психологический облик, американский культуролог М. Фезерстоун пишет, что им присущ разрыв с традициями соответствующей профессиональной среды, доминирование ценностей технической компетентности, меритократический этос, агрессивный стиль поведения³³⁸. З. Бауман отмечает отсутствие у них стремления акклиматизироваться в какой-либо национальной или локальной среде – они повсюду остаются «иностранцами»³³⁹.

Наряду с глобальной деловой и менеджерской элитой носителем глобализации является «транснациональная интеллектуальная элита» – ученые и специалисты, образующие социокультурные общности глобального уровня. «Глобальный поток информации, – пишет о них Дж. Конрад, – функционирует на многих различных технических и институциональных уровнях, но на всех уровнях интеллектуалы – это люди, чьи взаимные знакомства и контакты пересекают границы, люди, которые чувствуют себя союзниками. Мы можем отнести к транснациональным тех интеллектуалов, которые ощущают себя дома в культурной среде других народов, как и в своей собственной... У них есть особые связи в странах, в которых они живут, у них есть друзья по всему миру, они пересекают моря, чтобы подискутировать о чем-либо со своими коллегами,

³³⁷ Там же. С. 31–33.

³³⁸ Featherstone M. Global Culture: An Introduction // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by Mike Featherstone. London – Thousand Oaks – New Delhi, 1997.

³³⁹ Featherstone M. Global Culture: An Introduction // Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. P. 143.

они летят на самолете, чтобы встретиться друг с другом так же легко, как их предшественники два века тому назад скакали в ближайший город, чтобы обменяться идеями»³⁴⁰.

Именно этот опыт новой элиты, связанный с «внеземным» характером власти, отражается в панегириках «новой свободе», воплощенной в «киберпространстве», особенно ярко обобщенных М. Вертхейм в виде «аналогии между киберпространством и христианской концепцией рая»: «Подобно тому, как первые христиане представляли себе рай в виде идеализированной земли за пределами хаоса и разложения материального мира, распада, тем более явного, что на их глазах рушилась империя, в наши дни, в эпоху социального и экологического распада, сегодняшние прозелиты киберпространства предлагают его в качестве идеала, стоящего “выше” и “вне” проблем материального мира. Если ранние христиане превозносили рай как место, где душа человека освобождается от слабостей и недостатков плоти, то сегодняшние сторонники киберпространства говорят, что именно там личность освобождается от ограничений, связанных с физическим существованием»³⁴¹.

Но ведь это рай не для всех, а для немногих. Другие же фактически отрезаны от остального мира. Так, по словам бывшего Генерального секретаря ООН Коффи Аннана, 49 наименее развитых стран, в которых проживает свыше 10% мирового населения, «практически не участвуют в мировой торговле и не получают инвестиций». Им достается чуть-чуть: 12 млрд долл. иностранной помощи, 25 млрд долл. доходов от экспорта и 5 млрд долл. прямых иностранных инвестиций в год³⁴². В общей сложности получается 50–60 долл. на человека, или менее 20 центов в день.

Постепенно во всем мире отменяются въездные визы, но не паспортный контроль. Последний нужен, возможно, больше, чем когда-либо для того, чтобы отделить тех, ради чьего удобства и беспрепятственного передвижения и были отменены визы, от тех, кто должен оставаться дома, кому вообще не следует путешествовать. Нынешнее сочетание ликвидации въездных виз с усилением иммиграционного контроля глубоко символично. Его можно рассматривать как метафорический образ формирующейся новой стратификации. Это прямо указывает на то, что сегодня почетное место среди факторов стратификации занимает «доступ к глобаль-

³⁴⁰ Konrad G. Antipolitics. San Diego and N.Y., 1984. P. 208–209.

³⁴¹ Wertheim M. The Pearly Gates of Cyberspace // Architecture of Fear / Ed. Nat Elin. New York: Princeton Architectural Press, 1997. P. 296.

³⁴² Дипкуррьер НГ, № 5, 22.03.2001. С. 9.

ной мобильности». В нем проявляется и глобальный аспект любых привилегий и обездоленности. Некоторые наслаждаются новой свободой передвижения без документов. Другие по этой же причине вынуждены оставаться на одном месте³⁴³.

Увеличивается и «цифровое неравенство» как внутри отдельных стран, так и между развитым и развивающимся миром, которое напоминает скорее «цифровую бездну». Практически вся экономическая активность, имеющая отношение к информационным и коммуникационным технологиям, сконцентрирована в развитом мире. В середине 2000 г. число пользователей Интернета достигло 304 млн. А например, в большинстве стран Африки количество активных пользователей Интернета не превышает нескольких сотен³⁴⁴.

Однако и среди других стран также существует значительное «цифровое неравенство». Плотность электронной сети, опутавшей весь мир, крайне неравномерна по странам и континентам. В конце 90-х гг. 88% пользователей Интернета жили в развитых странах, на долю которых приходится менее 15% мирового населения³⁴⁵.

Для того чтобы приобрести компьютер, обычный житель Бангладеш должен суммировать свою зарплату более чем за 8 лет, тогда как жителю «развитого пояса» достаточно одной месячной зарплаты. Английский является языком 80% веб-сайтов, хотя этот язык не понимают девять из десяти жителей планеты.

Интернет широко распространен в США, а также соседней с ними Канаде. В 1998 г. более 25% населения обеих стран являлись пользователями Интернета, сейчас этот показатель превышает 40%. США и Канада также являются лидерами по использованию безопасных услуг в Интернете, которые позволяют заниматься электронной торговлей. Довольно широко Интернет распространен и в странах Скандинавии. В 1998 году пользователи Интернета в Швеции составляли 39% всего населения, сейчас их количество превышает 45%³⁴⁶.

В то же время Африка занимает более чем скромное место в киберпространстве. Количество пользователей Интернета в срав-

³⁴³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. С. 125.

³⁴⁴ Измеряя глобализацию. Сайт журнала «Мировые дискуссии». [Электронный ресурс] URL //wdi.ru/print.php?art=3440997

³⁴⁵ Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? На пороге XXI века мегаобщество приобретает реальные очертания. [Электронный ресурс] URL //scenario.ng.ru/interview/2000-10-11/5_future.html

³⁴⁶ Измеряя глобализацию. Сайт журнала «Мировые дискуссии». [Электронный ресурс] URL //wdi.ru/print.php?art=3440997

нении с численностью населения региона мизерно, а распространенность компьютеров, веб-сайтов и, самое главное, грамотных и обеспеченных людей для пользования услугами Интернета оставляет желать лучшего. Этот разрыв в информационной сфере между развитыми и развивающимися странами непрерывно растет, а Африка постепенно отдаляется и от стран «третьего мира», уходя на глубокую периферию глобального процесса.

Глобализация и рост безработицы

Глобализационные процессы прямо или косвенно влияют на состояние и динамику безработицы. Воздействие глобализации на безработицу связано с интернационализацией производства. Многие виды товаров уже давно производятся там, где это выгодно с точки зрения минимизации издержек на транспортные услуги и заработную плату.

Но при этом рост экономики не сопровождается увеличением количества рабочих мест и становится в конечном итоге ростом бесперспективным. А с закрытием большого количества предприятий и повсеместным сокращением рабочей силы безработица в последние годы увеличилась на 18 млн³⁴⁷. Из общей численности рабочей силы в мире, которая составляет примерно 3 млрд человек, 140 млн вообще не имеют работы, а от одной четверти до одной трети заняты неполный рабочий день.

«Глобализация направлена... на сведение в непосредственной конкурентной борьбе наемных работников со всей планеты. Абсолютная свобода хождения капиталов служит основным рычагом для получения этого результата»³⁴⁸. Главная цель – «снижение оплаты труда». Это «стало навязчивой идеей во Всемирной торговой организации...»³⁴⁹. В одном из документов ВТО, предназначенных прежде всего для внутреннего пользования, указывается: «Наиболее значительные преимущества торговли происходят от... возможности использовать более квалифицированный, более эффективный и/или менее дорогостоящий персонал, по сравнению с тем, что можно найти на местном рынке труда»³⁵⁰.

³⁴⁷ Пандж М.К. Подлинное лицо глобализации. [Электронный ресурс] URL [//rk.org.ua/rk/8/108_1.html](http://rk.org.ua/rk/8/108_1.html)

³⁴⁸ Уссон М. Капиталистическая глобализация против занятости // Монд дипломатик, сентябрь 2001.

³⁴⁹ Джорж С., Гулд Э. Продать так, чтобы никто не заметил // Монд дипломатик, Июль 2000.

³⁵⁰ ВТО, секретариат, Background Note on Health and Social Services

Но в этом отношении «более эффективный и/или менее дорогостоящий персонал» представляют собой ... дети. Так, по данным Всемирной организации труда, в начале 1999 г. число работающих детей в возрасте от 5 до 14 лет составляло более 250 млн, причем около 70% из них работало в опасных или вредных для здоровья условиях.

Действует правило – «чем меньше наемного труда, тем выше прибыли». 500 крупнейших корпораций мира называются «джоб киллеры» (job killers) – убийцы рабочих мест. Их приход в страну сеет настоящую панику, потому что люди знают – скоро начнутся массовые увольнения.

За последние 20 лет страны Европейского Союза увеличили свое богатство на 50–70%, а число безработных превысило 20 млн человек, число лиц, живущих ниже порога нищеты, – 50 млн человек, а число бомжей – 5 млн³⁵¹. В Германии прибыли корпораций за последние 20 лет выросли на 90%, а зарплаты – всего на 6%.

Чтобы привлекать инвестиции и обеспечивать конкурентоспособность своей промышленности на мировом рынке, ТНК стремятся к «минимизации внутренних затрат», снижая себестоимость производства за счет уменьшения зарплат и уровня жизни рабочих этих стран, увеличения рабочего дня, отмены социальных льгот и гарантий. А для подавления возможных протестов населения проводится урезание демократии и политических прав граждан. Это справедливо как для развивающихся, так и для развитых стран, которые стремятся снизить расходы на оплату рабочей силы, сделав их сопоставимыми с аналогичными затратами в бедных странах.

Одним из методов глобализации является принцип «глобального конвейера». Так, на персональном компьютере IBM стоит клеймо «Сделано в США», в то время как более 70% его деталей произведены в других странах, где уровень оплаты труда низок. Другой вариант – свободные экономические зоны, где особый режим тарифов и налогообложения позволяет фирмам из стран с высоким уровнем оплаты труда экспортировать полуфабрикаты для дальнейшей доводки их в странах с низким уровнем заработной платы и последующего реимпорта в страну их происхождения, минуя тарифные ограничения и налог на добавленную стоимость.

³⁵¹ New Stateman, L., 6 Dec., 1999. P. 26.

Развитые страны производство материальных благ по возможности выносят в государства с дешевой рабочей силой, оставляя у себя только «мозговые тресты». Этот процесс, особенно интенсивно начавшийся в 1970-е гг., породил «деиндустриализацию» занятого населения развитых стран, что, в свою очередь, вызвало вал структурной безработицы и общую депрессию во второй половине 1970-х гг. Так, доля работников, непосредственно занятых в сфере материального производства, в общей численности занятого населения США снизилась до 12% в конце 1990-х гг. (из них 2,7% – в сельском хозяйстве). В 1945 г. 80% гражданского судостроения в мире было сконцентрировано в США и Великобритании, а в настоящее время примерно 60% – в Южной Корее и Японии³⁵². Ликвидация судостроительной, а затем и угольной промышленности в Великобритании вызвала увеличение безработицы до 15%.

В результате глобализации рынков и интернационализации производства трудоемкие отрасли промышленности и неквалифицированные рабочие попадают под пресс конкуренции в мировой экономике. Это означает, что дело дошло до снижения спроса на низкоквалифицированную рабочую силу благодаря перемещению производства за границу³⁵³.

Для Западной Европы это особенно чувствительно, так как здесь в силу ряда условий уровень безработицы выше, чем в других промышленно развитых регионах. Именно безработица в последние годы стала одной из самых острых социальных и политических проблем. Аналитики полагают, что она имеет структурный характер и обусловлена недостаточной гибкостью западноевропейского рынка труда. Социально ориентированная экономическая политика Германии, Швеции и ряда других государств затрудняет свободное колебание заработной платы в зависимости от изменения ситуации на этом рынке. Кроме того, в большинстве стран Западной Европы традиционно высок уровень социального страхования.

Западноевропейские предприниматели все больше предпочитают инвестировать свои капиталы не дома, а за рубежом. Западная Европа с начала 80-х годов стала ведущим экспортером прямых зарубежных инвестиций. В течение полутора последних

³⁵² Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. С. 314.

³⁵³ Kommission für Zukunftsfragen, Bericht II: Erwerbstätigkeit in Deutschland: Entwicklung, Ursachen und Maßnahmen. Bonn, 1997. S. 111.

десятилетий ежегодный совокупный объем западноевропейских зарубежных капиталовложений примерно в полтора раза превышает объем таких инвестиций всех остальных промышленно развитых стран. Это существенно сокращает возможность вложения капиталов в национальную экономику стран Западной Европы, замедляет темпы ее роста, затрудняет рост занятости, мешает решать другие социальные проблемы. Неудивительно, что темпы экономического роста Западной Европы к концу XX в. стали не только неуклонно замедляться, но и заметно отставать от темпов роста остальных промышленно развитых стран³⁵⁴.

Безработица в странах еврозоны продолжает оставаться на достаточно высоком уровне: в феврале 2002 г. она не изменилась по сравнению с январем и составила 8,4% (11,5 млн человек). По сравнению с февралем 2001 г. показатель также не изменился. Безработица в ЕС в феврале составила 7,7% и не изменилась по сравнению с уровнем января. В феврале 2001 г. показатель составил 7,6%³⁵⁵.

А все это началось в середине 1970-х гг. Американские, японские и европейские компании начали активно выводить промышленные предприятия в страны «третьего мира», поскольку это позволяло получить доступ к дешевой рабочей силе и сэкономить на доставке сырья, необходимого для промышленного производства. Это позволило значительно снизить цены на многие товары и сделать их доступными для широких слоев населения, что, в свою очередь, позитивно отразилось на прибылях транснациональных корпораций. В то же время значительное число квалифицированных рабочих индустриально развитых государств остались без работы. Таким образом, США и иные индустриально развитые страны мира столкнулись с новым феноменом. Если ранее процесс глобализации угрожал только «синим воротничкам» – квалифицированным рабочим, то теперь в угрожающем положении оказались и «белые воротнички» – специалисты, занятые интеллектуальным трудом.

Вот один показательный пример: берлинский аэропорт, шесть часов вечера, диктор сообщает о прибытиях и отправлениях самолетов. «Пассажиры, вылетающие в Штутгарт... пассажиры, вылетающие в Гамбург» и т.д. Он делает объявления о внутренних

³⁵⁴ Шшиков Ю. Европа и процессы глобализации экономики. [Электронный ресурс] URL //www.ieras.ru/journal/journal1.2000/4.htm

³⁵⁵ Источник: globalization.report.ru

службах аэропорта. Но этого диктора нет ни в аэропорту, ни в Берлине, ни даже в Европе. Он... в США, в Калифорнии. Там после шести вечера нанимают дикторов и ночной персонал. Причина известна – экономия средств: в Калифорнии – день, когда в Германии ночь, а значит, платить высокие «ночные ставки» не надо. Да и вообще оплата труда в США ниже, чем в Германии, она там перестала расти уже многие годы, хотя США переживали беспрецедентный экономический бум³⁵⁶.

С этой точки зрения символичен пример английской авиакомпании «Бритиш Эрэйз» (British Airways). Можно задаться вопросом, а что британского осталось в «Бритиш Эрэйз»? На 40% она принадлежит американским инвесторам, набирает пилотов из Восточной Европы с целью сокращения зарплаты местного летного состава и намеревается вывести за пределы Англии все бухгалтерское обслуживание компании. Оно будет передано индийскому субподрядчику при одновременном увольнении еще 5000 работников. И все это делается при том, что в первое полугодие 1996 г. компания получила исторические по своей величине доходы³⁵⁷.

Аналогичные процессы стали происходить и в сфере интеллектуального труда с конца 1990-х гг. Развитие телекоммуникаций и Интернета, резкое падение стоимости услуг по электронной передаче данных и международных телефонных звонков ныне угрожает занятости программистов, телефонных операторов, специалистов в области обработки изображений, дизайнеров и т.д. Американские корпорации закрывают на территории США отделы по связи с потребителями и переводят их в Индию: им выгоднее оплачивать стоимость международного телефонного звонка, чем платить телефонному оператору-американцу 13 долл., в то время как в Индии англоговорящий оператор согласен работать менее чем за 1 долл. в час.

По данным Вашингтонского союза технологических работников (Washington Alliance of Technology Workers), за последние три года в индустрии программирования США более 160 тыс. рабочих мест, которые могли бы принадлежать гражданам страны, были отданы иностранцам. Произошло это по причине развития

³⁵⁶ Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России // Наш современник, № 5, 2000.

³⁵⁷ Фарнетти Р. Отличные экономические показатели в разваливающейся стране // Монд дипломатик, февраль 1997.

«оффшорного программирования». На американского работодателя трудятся, не пересекая границы своих стран, инженеры из Индии, Ирландии, Израиля, Китая и других стран, в том числе из России.

Исследовательский центр Forrester Research пришел к выводу, что к 2005 г. в США лишатся работы почти 600 тыс. «белых воротничков», а к 2010 г. их число может возрасти до 1,6 млн. Любой житель «богатой» страны или «богатого» региона мира, который в основном работает с компьютером и телефоном, может в любой момент оказаться под угрозой увольнения, поскольку его функции сможет за меньшую плату выполнять житель «бедного» региона или государства.

За пределами США нанимаются дизайнеры, переводчики, бухгалтеры, секретари, и т.д. Кроме того, американским корпорациям часто удобней работать за пределами США: в «бедных» странах слабы профсоюзы, менее жесткое природоохранное законодательство, нормы безопасности труда и т.д. Низкие нормы охраны труда в развивающихся странах фактически используются западными транснациональными корпорациями, извлекающими выгоду из снижения издержек на рабочую силу.

Компаниям становится просто невыгодно нанимать программистов в США. Американский программист получает 60–80 тыс. долл. в год. Равный ему по квалификации программист, живущий в Польше или Венгрии, зарабатывает всего 6–8 тыс., программист, живущий в Индии, – 5880–11 тыс. На Филиппинах зарплата подобного специалиста составляет 6854, в России – 5–7,5 тыс., в Китае – 8950, в Ирландии – 23–34 тыс., в Израиле – 15–38 тыс. Развитию подобных схем способствует широкое распространение английского языка в бывших странах «третьего мира».

Опрос, проведенный среди топ-менеджеров американских корпораций консалтинговой фирмой Diamond Cluster International, показал, что 86% из них предполагают переводить в иные страны подразделения своих фирм, занятых информационными технологиями. Наиболее уязвимыми оказались рабочие места в сфере создания программного обеспечения, административной работы, а также в сфере финансов и маркетинга.

Рекордсмен среди американских компаний – Accenture, который специализируется на консалтинге и технологических сервисах – на него работают более 25 тыс. заокеанских труженников. Для сравнения: General Electric наняла за пределами

США 6600 служащих, Dell и Boeing – по 6 тыс. и 5 тыс. соответственно³⁵⁸.

С одной стороны, этот процесс вроде бы выгоден «бедным» странам, поскольку позволяет создавать рабочие места, позволяет развивать новые технологии и повышает уровень жизни населения. С другой стороны, подобные структуры крайне зависимы от мировой конъюнктуры и положения компании-работодателя. Если транснациональная корпорация переживает кризис, она, как правило, в первую очередь избавляется от служащих своих подразделений, живущих вне пределов США. Более того, многие страны «третьего мира», которые первыми испытали выгоды от перевода промышленных предприятий из индустриально развитых государств, ныне оказались в схожем с ними положении. К примеру, многие мексиканские заводы, занимавшиеся производством электронного оборудования, были закрыты за последние 3–4 года – корпорации предпочли перевести производства в страны, где рабочим можно платить еще меньше – например в Малайзию, Индонезию и Филиппины.

Этот процесс явно невыгоден «богатым» странам, так как вымывает рабочие места и лишает их мирового лидерства в сфере информационных технологий. Но, с другой стороны, процесс объективно идет на пользу и «богатым» странам, поскольку позволяет создавать более конкурентоспособные товары и рабочие места в смежных сферах.

«Ассоциация информационных технологий Америки» (Information Technology Association of America) опубликовала результаты исследования, в котором пришла к выводу, что вывод рабочих мест за рубеж позволяет США снижать инфляцию, увеличивать производительность труда и создавать новые рабочие места. Кроме того, по оценкам Ассоциации, вывод рабочих мест за рубеж и рост доходов населения в этих странах позволяет США более успешно экспортировать в эти государства ранее недоступные для них из-за высокой цены товары и услуги³⁵⁹. Вместе с тем происходящие в развитых странах структурные сдвиги в производстве

³⁵⁸ Информационные технологии: Американские IT-пролетарии страдают от глобализации, а российские – от бюрократии. [Электронный ресурс] URL //www.finiz.ru/cfin/tmpl-art_oo/id_art-835686

³⁵⁹ Глобализация для бедных. По данным Washington ProFile // Глобальная альтернатива. Интернет-журнал при Институте проблем глобализации Книги. [Электронный ресурс] URL //www.aglob.ru

ослабляют позиции организованного рабочего класса, сужают возможности профсоюзов защищать интересы наемных работников.

Прямое воздействие демографической глобализации заключается главным образом в мощных миграционных потоках, которые изменяют ситуацию на национальных рынках рабочей силы, чаще обостряя ее. Это порождает и поощряет местный национализм, который находит своих лидеров. Наиболее показательными в этом отношении являются лидер Национального фронта Франции Жан-Мари Ле Пен с его лозунгом: «Три миллиона арабов во Франции – три миллиона безработных среди коренных французов» и лидер австрийских националистов Йорг Хайдер, партия которого выступает на выборах с призывом к «решению проблемы безработных за счет выдавливания из страны иммигрантов».

На самом же деле на рынке неквалифицированной рабочей силы в развитых странах местные жители и иммигранты в основном не конкурируют, так как коренное население не хочет работать, даже при наличии материальных стимулов и системы социальных льгот, на предприятиях, вредных для здоровья и на малопrestижных работах. Именно по этой причине правительства развитых стран вынуждены, начиная с конца 1950-х – начала 1960-х годов, решать проблему дефицита рабочей силы в этих секторах экономики за счет приема иммигрантов.

Освободившись от пространства, независимый капитал более не нуждается в мобильной рабочей силе, а его самый свободный, самый передовой и высокотехнологичный авангард практически не нуждается в рабочей силе вообще, как мобильной, так и неподвижной³⁶⁰. Капитал, некогда готовый задействовать трудовые ресурсы во все возрастающих масштабах, сегодня нервно реагирует на известия о сокращении безработицы; через своих биржевых «уполномоченных» он «вознаграждает» компании, сокращающие персонал и рабочие места³⁶¹.

На ежегодном заседании, проходившем в 1997 г. в Гонконге, руководство Международного валютного фонда и Всемирного банка подвергло жесткой критике проводимую во Франции и Германии политику, призванную вернуть к работе как можно больше людей. Они рассматривали эти усилия как препятствие «гибкости рынка труда». Чтобы добиться последней, отметили они, необходимо пересмотреть «слишком благожелательные» законы о защите

³⁶⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. С. 147.

³⁶¹ Там же. С. 157.

рабочих мест и зарплаты, устранить все «искажения», стоящие на пути «чистой» конкурентоспособности, и сломить сопротивление трудящихся об отмене завоеванных ими «привилегий»³⁶² – т.е. всего, что связано со стабильной занятостью и защитой их рабочих мест и доходов.

Глава 5

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Виды глобальной преступности

Закономерность или неизбежность глобализации не означает, что не следует обращать внимание на ее негативные последствия. Одним из таких последствий стала глобализация преступности. Она не просто сопровождает «мировую экономическую интеграцию», а является ее прямым и неизбежным следствием. Интернационализация современной жизни людей сопровождается интернационализацией преступности и распространением ее типичных закономерностей, тенденций и форм на другие регионы и страны.

Глобализация напрямую стимулировала появление «мафиозного мира». Ныне итальянцы продают в Европе колумбийские наркотики, российские группировки покупают у якудза краденые автомобили, албанские банды перевозят азиатский героин для турецких наркокартелей. Транснационализация преступности особенно заметно проявляется в таких ее формах, как нелегальная миграция и торговля людьми, терроризм, торговля оружием, наркобизнес, коррупция и отмывание грязных денег.

При всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах первой и определяющей тенденцией в мире является ее абсолютный и относительный рост в соотношении с численностью населения, показателями экономического развития, культуры и т.д. Есть основания утверждать, что за последнюю четверть века преступность в мире в расчете на население возросла

³⁶² Репортаж С. Марти с гонконгского заседания: «Le FMI critique methodes anti-chomage de Bonn et Paris» // Le monde. 1997. 19 Septembre.

примерно в пять раз. А за последнее столетие человечество вообще загнало себя в криминальный капкан, из которого выхода пока не найдено.

Число заключенных или ожидающих приговора к тюремному заключению быстро растет во всех странах. Почти повсеместно строятся все новые тюрьмы. Государственные расходы на «силы правопорядка», прежде всего на полицию и тюремную систему, увеличиваются по всему миру. А главное, в процентном отношении ко всему населению число людей, вступивших в прямой конфликт с законом и подлежащих тюремному заключению, растет такими темпами, что речь идет уже не просто о количественных изменениях³⁶³.

Каждый год преступные синдикаты и нечистоплотные бизнесмены отмывают от одного триллиона «грязных» денег. Из этой суммы от 300 до 500 миллиардов долларов получены ими от контрабанды наркотиков. Таким образом, через разного рода «прачечные» прокручивается от двух до пяти процентов совокупного валового продукта всех государств мира. Цифры, приведенные только что в докладе исполнительного директора агентства ООН по борьбе с наркотиками и предотвращению преступлений П. Арлачи, говорят о печальной тенденции: криминализация бизнеса и распространение неортодоксальных способов «нечестного отъема денег у граждан» набирает те же темпы, что и глобализация.

Глобализация создает благоприятные условия для интернационализации преступного мира, который не медлит с использованием предоставляющихся возможностей. В условиях глобализации складывается своеобразное разделение труда и не только между организованными преступными сообществами, но и целыми странами. Не будет преувеличением сказать, что для многих из них криминальная экономика стала основой жизнеобеспечения³⁶⁴.

В криминальный рынок в широком смысле включены теневая экономика (ее «черная» часть), экономическая преступность, неза-

³⁶³ Mathiesen. Prison on Trial: A Critical Assessment. London: Sage, 1990. P. 70.

³⁶⁴ Об активизации интереса к проблеме глобализации преступности свидетельствует практически одновременный выход сразу нескольких книг, посвященных транснациональной организованной преступности: *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. М., 2001; Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток, 2001; *Репецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001; Россия в фокусе криминальной глобализации. – http://sartraccc.sgap.ru/Book/russia_crim.htm

конный оборот оружия, наркотиков, контрабанда, торговля людьми и коррупция. Имеют место случаи фактической торговли людьми, обращения их в рабство. Известно множество фактов продажи женщин для проституции. Торговля живым товаром и нелегальная миграция стали новой нишей для мошенников: каждый год из бедных регионов тайными каналами ввозят в преуспевающие страны женщин и детей – либо для каторжного труда за гроши на подпольных фабриках, либо для «сексплуатации»³⁶⁵. По крайней мере, восемь тысяч женщин из России и бывших республик Советского Союза работают в ночных клубах Гонконга и на всем побережье между Зухай, Макао и Гонконгом³⁶⁶. Совместная деятельность русской и китайской мафии приводит к тому, что женщины с Дальнего Востока, особенно из регионов Владивостока и Хабаровска, заполняют бордели побережья между Макао и Гонконгом.

Открытие границ, глобализация привели к тому, что в Западную Европу, в том числе Францию, хлынул поток девушек легкого поведения с Востока. Особенно это стало заметно в последние годы. В Париже совсем молоденькие албанки, молдаванки, украинки, словачки и прочие постепенно оккупируют районы, где раньше проституток никогда и не было³⁶⁷.

Глобализация связана с ростом преступности двумя обстоятельствами. Во-первых, это выгодность организованной преступности в широких масштабах, так как это дает огромные доходы. Во-вторых, это возникновение новых широких возможностей, которые ранее не существовали. Так, например, торговля наркотиками существует с очень давних времен. Но если раньше надо было снаряжать караван верблюдов, потом переключивать эти наркотики на ослов в Средней Азии, а потом пробираться тайными тропами в Европу, то сейчас все это упростилось. Поэтому можно сказать, что глобализация преступности, в том числе организованной, есть следствие глобализации всех международных, мировых отношений в принципе, как экономических, финансовых, так и интеллектуальных и технологических.

Современный транспорт существенно упростил и ускорил пересечение национальных границ и расширил возможности перемещения людей и товаров по всему миру. Еще один процесс, ока-

³⁶⁵ Михеев В. В мире воруют все больше // Труд, 6.02.01.

³⁶⁶ Продвинутые мафиози // Вечерняя Москва, 19.04.02.

³⁶⁷ Прокофьев В. «Ночные бабочки» слетелись в Лимож. Французские проститутки недовольны нашествием зарубежных конкуренток // Труд, 8.08.02.

завший влияние на процессы глобализации организованной преступности – увеличение миграционных потоков людей. Этому способствуют такие факторы, как безработица, бедность, вооруженные конфликты и пр. Соответственно, эти факторы облегчают вербовку людей преступными транснациональными организациями для их последующей криминальной эксплуатации. Кроме того, миграция ведет к образованию этнических диаспор, которые используются преступными транснациональными организациями. Этнические диаспоры служат базой для пополнения существующих сетевых преступных структур.

Совещание «Группы восьми» 2000 г. в качестве основных сфер деятельности транснациональной организованной преступности указало торговлю и незаконное использование наркотиков, финансовые преступления, в том числе отмывание денег, коррупцию. Особо подчеркивается необходимость борьбы с преступлениями в области высоких технологий, такими как «киберпреступления». Помимо этих существует множество иных сфер преступной деятельности: торговля оружием, отравляющими и ядерными материалами, изготовление и продажа различного рода фальшивых документов, торговля человеческими органами, находящимися под охраной животными и птицами, похищенными произведениями искусства и антиквариата, информационное пиратство и др.

Преступная деятельность приносит колоссальные доходы. Ежегодный доход от торговли только натуральными наркотиками в среднем составляет 400 млрд долл., от информационного пиратства – 200 млрд долл., от фальсификации документов – 100 млрд долл. Только одна криминальная деятельность транснациональной организованной преступности приносит свыше одного трлн долл. А ведь кроме этого она получает еще и огромные прибыли от капиталов, вложенных в легальные предприятия.

Классификация транснациональной преступности

Для тех случаев, когда преступные действия, сделки или схемы нарушают законы более чем одной страны, специалисты и ввели термин «транснациональная преступность». ООН разделила все транснациональные преступления на 17 групп³⁶⁸. Рассмотрим их кратко.

³⁶⁸ *Мюллер Г.* Семнадцать ликов мафии // Московские новости, 13.05.1997.

1. *Отмывание денег* нацелено на то, чтобы нелегально полученные капиталы представить как законные. Значительная часть денежных расходов добывается нечестным путем за счет взяточничества, коррупции, деятельности на черном рынке, нарушений налогового законодательства, особенно за счет контрабанды оружия, сбыта краденого, предметов искусства и наркотиков.

Установлено, что ежегодно на мировом рынке нелегально продается наркотиков на сумму 300–500 млрд долл. Что же наркобароны делают с таким колоссальным богатством? В самой Америке – ничего, потому что это «грязные» деньги. Но если их «отмыть» за рубежом, то они могут вернуться в США и на них можно купить целые отрасли промышленности, недвижимость и политическое влияние.

Стандартным способом отмывания денег остается перемещение «нала» за пределы страны (самолетом, парходом или в грузовике с двойным дном), вложение наличных средств на банковские счета за рубежом при помощи многократных международных переводов, в результате чего источник происхождения денег уже невозможно отследить. В итоге деньги кажутся «чистыми» и легально вкладываются в экономику, хотя и находятся под контролем организованной преступности³⁶⁹.

2. *Терроризм*. Это метод, посредством которого организованная радикальная (асоциальная) группа стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия.

Понятия «терроризм» и «террорист» появились еще в конце XVIII в. Французские якобинцы часто употребляли это понятие устно и письменно по отношению к себе – и всегда с положительным оттенком. Однако позднее, в ходе Великой французской революции, слово «террорист» приобрело негативный смысл, превратившись в синоним преступника. Впоследствии этот термин получил расширенное толкование и стал означать всякую систему правления, основанную на страхе. Затем слово «терроризм» стало употребляться очень широко и означало весь спектр различных оттенков насилия. К 70-м годам XX в. термин «терроризм» приобрел универсальное значение и ныне используется для обозначения мотивированного насилия с политическими целями.

³⁶⁹ Глинкина С.П. Глобализация теневой экономики // ЧиновникЪ. Иара.ги. Вып. № 201 (12).

В конце 1960-х гг. возник международный терроризм, охвативший одну за другой почти все страны Запада³⁷⁰. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества ООН определяет «международный терроризм», как «совершение, организацию, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства актов против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют цель вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом»³⁷¹. Современный терроризм не знает никаких границ в пространственном отношении, а имеет только политико-психологические границы.

Одна из главных целей террористического акта – психологическое воздействие на индивидов, не являющихся непосредственно жертвами данного преступного действия. Значительная часть актов террора совершается ради извлечения материальных выгод (например захват заложников с целью получения выкупа), хотя они и могут прикрываться иными целями. Акты терроризма ныне являются преступлениями, т.е. запрещены национальным и международным правом. Таким образом, группы, совершающие их, не могут претендовать на название «освободительной организации», представляющей нацию (народ), борющуюся за свое освобождение.

Современный терроризм самым тесным образом связан со средствами массовой информации. Средства массовой информации существенно усиливают косвенное воздействие террористических акций. Без средств массовой информации не было бы современного терроризма. Именно средства массовой информации создают терроризму «виртуальное пространство», через которое можно осуществлять политические и психологические воздействия на окружающий мир³⁷².

Еще недавно большинство американцев очень мало знали о размахе международного терроризма, так как это явление практически не затрагивало их страну. Но после террористического акта

³⁷⁰ *Нетаньяху Б.* Война с терроризмом: как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2002.

³⁷¹ Европейская конвенция о борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г.

³⁷² *Вершинин М.* Психологические особенности членов деструктивных и террористических (радикальных) групп. [Электронный ресурс] URL //www.follow.ru/article/339

в Международном торговом центре Нью-Йорка, взрыва в Атланте, гибели самолетов, эта наивность сменилась осознанием того, что американцы и американские интересы становятся мишенью для международного терроризма.

Правительства всех стран, кроме тех, которые поддерживают международный терроризм, долгое время надеялись, что раз проблема в принципе может быть разрешена путем переговоров и договоренностей, то это явление пойдет на спад. Однако каждый отдельный случай урегулирования оставлял чувство неудовлетворенности: террористические акты продолжались, а с помощью современных средств передвижения и связи совершать их стало гораздо легче.

Наконец в 1986 г. США созвали конференцию лидеров стран Запада в Токио, на которой были приняты радикальные резолюции о решительных мерах для защиты от международного терроризма. Одной из таких мер явился принятый в 1987 г. конгрессом США небывало жесткий закон о борьбе с терроризмом.

Закон Российской Федерации о борьбе с терроризмом 1998 г. определяет террористическую группу как «группу лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности», а террористическую организацию как «организацию, созданную в целях осуществления террористической деятельности или признающих возможность использования в своей деятельности терроризма». Террористические группы могут быть частью преступных общеуголовных объединений, занимающихся незаконной экономической деятельностью; освободительных и псевдоосвободительных левых и правых движений, а также частью религиозных и псевдорелигиозных культов³⁷³.

Тенденции интенсификации терроризма в целом в текущем столетии тесно связаны с общемировыми процессами глобализации мира³⁷⁴.

3. *Кражи произведений искусства и предметов культуры.* Эти преступления потенциально угрожают культурному наследию всех народов. Конечно, гробницы и памятники разорялись еще со времен египетских фараонов. Но теперь совершенствование орудий преступления и высокий спрос на предметы культуры, а также

³⁷³ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»

³⁷⁴ Лунев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // СОЦИС, 2002, № 5.

простота их транспортировки позволили международным ворами и грабителям разработать систему, которая дает возможность лишиться целый регион и даже страну ценного культурного наследия.

Международная организация уголовной полиции – Интерпол – не располагает мировой статистикой преступлений в сфере искусства, однако, судя по докладам из входящих в нее стран, четыре первых места занимают Франция, Италия, Россия и Германия. Установлено, что ежегодно похищается произведений искусства на сумму 4,5 млрд долл. для продажи их на мировом рынке. Сейчас в розыске находятся 45 тыс. произведений искусства, причем ежемесячно этот список пополняют 2 тыс. новых предметов.

В мире искусства известно, что лишь 2% работ, которыми владеют музеи, выставлены на всеобщее обозрение. Остальные обычно находятся в укрепленных хранилищах с особым климатическим режимом, например таких, как находящаяся на Лонг-Айленде «Крепость» – национальная корпорация, специализирующаяся на хранении и сохранении предметов искусства и старины. В странах с менее выраженной культурой покровительства искусству ценные предметы зачастую хранятся в менее безопасных местах. Поступившие из России сообщения о краже сотен произведений из Санкт-Петербургского Государственного Эрмитажа и из Российского государственного архива литературы и искусства подчеркивают недостатки, имеющиеся у организаций по всему миру, в том числе и у некоторых ведущих американских институтов, отмечают наблюдатели. В 2004 г. из 55 музеев и 236 религиозных учреждений России были украдены 1855 предметов. Во Франции были утрачены 5543 произведения искусства³⁷⁵.

Наблюдатели сообщают, что после кражи произведение искусства часто направляется за границу. В таких странах, как Россия, нет того подкрепленного «толстыми кошельками» спроса на произведения искусства, какой имеется в Лондоне или Нью-Йорке.

Джеймс Джексон, глава Jackson International – галереи, занимающейся не крупными произведениями искусства из России, говорит, что для вывоза украденных ценностей из России существует мощный финансовый стимул. «Вы можете выставить одну из таких вещей в галерее в Москве или Санкт-Петербурге, и она не принесет столько денег, сколько могла бы принести на аукци-

³⁷⁵ Big Thefts of Art Have New York On the Lookout. By Bradley Hope, Staff Reporter of the Sun // The New York Sun, US August 15, 2006.

оне “Сотбис” в Лондоне или Нью-Йорке», – заявил он. Как только предмет попадает на рынок Лондона или Нью-Йорка, его происхождение гораздо легче скрыть или изменить. «Примерно раз в месяц кто-нибудь предлагает ему посмотреть на “ценное” произведение искусства из России, однако его галерея отказывается от предметов, не имеющих подробных документов», – сказал Джексон³⁷⁶.

Рост числа преступлений, совершаемых в сфере искусства в последние годы, объясняет возникновение параллельных рынков. С ростом цен на произведения искусства растут и стимулы у преступников. Так, например, в 1990 г. картина В. Ван Гога «Портрет доктора Гаше» была продана в Нью-Йорке на аукционе «Кристис» за 82,5 млн долл. США. Картина Пикассо размером 90x81 см «Мальчик с трубкой» была продана за 104 млн в 2004 г. В июне этого года рекорд был снова побит, когда картина Густава Климта была продана за 135 млн долл.³⁷⁷

По словам П. Шеффера, совладельца нью-йоркской галереи «A la Vielle Russie», занимающейся произведениями искусства из России, на сотни рисунков Я. Чернихова, украденных из Российского государственного архива литературы и искусства, в Америке будет огромный спрос.

«Путь украденного произведения искусства может меняться, однако оно всегда будет перемещаться очень быстро, – говорит исполнительный директор Международного фонда исследований в области искусства Ш. Флешер. – Чаще всего оно пройдет от преступника к скупщику краденого и потом к покупателю, который не задает слишком много вопросов. Когда дело касается кражи произведений искусства, международные границы становятся очень пористыми. И произведения искусства, особенно небольшие, могут перемещаться очень быстро»³⁷⁸.

Однако международная реакция на кражу произведений искусства, особенно хорошо известных, за последние полвека существенно изменилась. Теперь предметы искусства сразу же заносятся в специальные списки, крупнейшими из которых является Реестр утерянных произведений искусства, а Интерпол рассылает международные уведомления о пропавших работах.

³⁷⁶ Big Thefts of Art Have New York On the Lookout. By Bradley Hope, Staff Reporter of the Sun // The New York Sun, US August 15, 2006.

³⁷⁷ Ibid.

³⁷⁸ Ibid.

Для воров рынок – даже черный рынок с его ежегодным оборотом в размере 6 млрд долл. – является слишком опасным местом для продажи украденных произведений искусства. Единственным вариантом, советуют наблюдатели, остается спрятать эти работы на неопределенный срок. И «они будут спрятаны, – говорит директор нью-йоркского офиса компании *Altermann Galleries & Auctioneers* П. Фолк. – Шумиха заставит упрятать их на какое-то время. Возможно, они тихо найдут свое место на стенах домов некоторых российских олигархов»³⁷⁹.

4. *Кража интеллектуальной собственности.* Понятие «кражи интеллектуальной собственности» включает нарушение прав авторов и исполнителей, а также незаконное использование знаков охраны авторского права и торговых марок. Искушение незаконно воспроизвести защищенные произведения и продать их дешевле или за ту же цену велико, особенно в странах с неразвитой экономикой. Масштабы ущерба стран-производителей трудно поддаются измерению в денежном выражении. Только от нелегального использования программного обеспечения, как подсчитала Ассоциация американских издателей программного обеспечения, ущерб составляет 7,5 млрд долл. в год. Подделку знаков охраны авторского права не могут осуществить мелкие предприятия или предприниматели-одиночки. Здесь необходима умелая координация и налаженная система сбыта, что часто требует сговора на правительственном уровне.

5. *Незаконная торговля оружием.* Вооруженные конфликты в различных точках земного шара невозможно представить без международной сети производителей и поставщиков оружия. Масштаб их деятельности – вне статистических оценок. В этом теневом мире совсем немного действующих лиц, но участники этих «опасных игр» придумывают немало хитроумных комбинаций, действуя в союзе с правительственными органами. Точная информация о незаконной торговле оружием отсутствует, несмотря на то, что происхождение оружия и военного снаряжения в принципе поддается отслеживанию.

Самым опасным аспектом этих преступлений стала нелегальная переброска радиоактивных материалов. К счастью, пока что ни одна из подобных попыток не увенчалась успехом – радиоактивные материалы не дошли до адресата. В ряде случаев сами похитители, перевозчики и окружающие их люди подверга-

³⁷⁹ Big Thefts of Art Have New York On the Lookout. By Bradley Hope, Staff Reporter of the Sun // The New York Sun, US August 15, 2006.

лись воздействию радиации. По рекомендации международных организаций многие страны уже приняли ответные меры, установив межправительственный контроль за источниками радиоактивных материалов.

6. *Угон самолетов.* Авиация страдала от угонов самолетов еще в 1970–1980-е гг. Только в редких случаях действовали одиночки, требовавшие выкупа, в большинстве же инцидентов преступники выдвигали политические требования, типичные для террористов. Они стремились демонстрировать силу, заявлять о своих организациях и пропагандировать свою идеологию.

Но реакция на захваты самолетов повсеместно была быстрой и результативной. Хотя возможность захвата самолетов существует и сегодня, но частота этих акций заметно уменьшилась.

7. *Морское пиратство.* Это давно забытое явление возродилось в середине 1970-х гг. и проявляется ныне при нелегальной перевозке наркотиков из Южной и Центральной Америки в США на яхтах и рыболовных судах, которые преступники захватывают в открытом море или в порту, уничтожая их владельцев и экипажи. Пострадало уже несколько тысяч судов.

Пиратство распространено также в узких судоходных каналах. Тысячи выходцев из Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки не упускают возможность поживиться находящимися на борту кораблей ценностями и грузами, пользуясь тем, что суда стоят на якоре или идут на малой скорости.

Но сейчас этот вид преступлений пошел на спад благодаря действиям полиции, Международного морского бюро Международной торговой палаты и Международной морской организации ООН.

Есть версии, что пиратство в Юго-Восточной Азии контролируется организованными преступными группами, связанными с вооруженными силами некоторых стран. Специалисты склоняются к выводу, что одновременные пиратские нападения в разных частях мира вовсе не случайны, их следы ведут к единому центру.

8. *Захват наземного транспорта.* Включение этого вида преступлений в классификацию ООН может, на первый взгляд, вызвать удивление. В рамках одной страны угон грузовика определялся бы как кража. Но мировая экономика меняется, и следование краденых грузовиков на огромные расстояния из Восточной Европы в Западную или из республик Средней Азии в страны Балтии стало повседневной реальностью. При этом число случаев исчезновения грузовиков растет пропорционально росту товарооборота.

Точные масштабы этого вида преступлений неизвестны. Только четыре государства ответили на анкету ООН, посвященную данной теме. Предполагается, что в будущем эта проблема станет еще более острой из-за возрастающей прозрачности границ и роста организованной преступности, особенно в странах Восточной Европы.

9. *Мошенничество со страховкой.* Страховая индустрия становится международной, а потому мошенничество с ней в любой стране теперь затрагивает всех. Глобальный ущерб от этого вида преступлений не подсчитан. Однако известно, например, что потери Австралии от страховых мошенничеств ежегодно достигают 1,7 млрд австралийских долл., а в США ежегодные убытки равняются 100 млрд долл.

Организованная преступность стремится к участию в страховом мошенничестве путем объединения мелких предпринимателей в отдельных отраслях (например страхование морских перевозок), или же проникая в саму страховую индустрию.

10. *Компьютерная преступность.* Как только легальные коммерческие и правительственные организации перешли на компьютерное обслуживание, к нему протянула руки и мафия. Интернет стал доступен для организованной преступности, которая активно пользуется всеми его возможностями.

Пока специалисты исследовали только индивидуальные преступления, совершенные при злоупотреблении возможностями Интернета с целью личного обогащения. Потери от компьютерной преступности ежегодно достигают 8 млрд долл.

11. *Экологическая преступность.* Жертвой экологических преступлений становится население всего мира. В качестве преступников по большей части выступают предприятия, игнорирующие экологические нормы и вступающие в сговор с представителями системы контроля за производством. Это стало особенно очевидным, когда производство стали в массовом порядке переносить в развивающиеся страны. Там механизм контроля практически отсутствует или действует так, как удобно иностранным производителям, которые не скупятся на взятки и подкуп чиновников. Бедные нации предпочитают индустриализацию, обеспечивающую им занятость и рост национального продукта, чистоте окружающей среды. Организованная преступность уже нашла свою нишу в этой сфере, особенно в перевозке и захоронении опасных продуктов.

12. *Торговля людьми* набирает силу и включает в себя перевозку иммигрантов-нелегалов, женщин для занятия проституцией, наемной силы для работы в рабских условиях, домашней прислуги из развивающихся стран, детей для незаконного усыновления за огромные суммы. Имеют место случаи фактической торговли людьми, обращения их в рабство. Известно множество фактов продажи женщин для проституции³⁸⁰.

Между тем правовая база для пресечения этого вида преступлений вполне достаточна. В условиях все большей прозрачности границ такие законы становятся все более жесткими. И, тем не менее, проблема выходит на новый виток, так как жители «третьего мира» стремятся к переселению в относительно благополучные страны.

Поток нелегалов большей частью контролируется организованной преступностью. Те, кто прибывает в развитые страны, как правило, не имеют работы и вливаются в маргинальный слой, эксплуатируемый и участвующий в преступлениях и беспорядках.

13. *Торговля человеческими органами*. Первая пересадка почки была сделана в 1954 г., легкого – в 1963-м, сердца – в 1967-м. На сегодня проведено почти полмиллиона операций по пересадке почек. Трансплантология стала отраслью медицины и породила индустрию по снабжению донорскими органами. Для этих целей в США создано 69 специализированных агентств, контроля за деятельностью которых добиваются местные и государственные органы.

Количество потенциальных доноров в США насчитывает примерно 12 тыс. Поэтому нелегальный бизнес по поставке органов для пересадок приносит огромные деньги и переместился в страны «третьего мира». «Доноров» часто убивают ради органов или же ими становятся дети бедняков, продающих этот товар за чудовищно низкую плату.

После появившихся в мировой прессе первых разоблачений нелегальной торговли человеческими органами в ряде стран были созданы специальные комиссии по разработке законодательных актов, регулирующих этот процесс. Есть немало доказательств того, что нелегальная поставка органов из стран «третьего мира» контролируется организованной преступностью, действующей из стран Западной Европы.

14. *Незаконная торговля наркотиками*. Торговля наркотиками существует с очень давних времен. Но теперь возникли новые возможности, которых ранее не было. Если прежде надо было снаря-

³⁸⁰ Прокофьев В. «Ночные бабочки» слетелись в Лимож. Французские проститутки недовольны нашествием зарубежных конкуренток // Труд, 8.08.02.

жать караван верблюдов, затем переключивать эти наркотики на ослов в Средней Азии, а потом пробираться тайными тропами в Европу, то сейчас все это упростилось.

Оборот наркоторговли в мировом масштабе оценивается в 300–500 млрд долл. Такие важные документы, как Всеобщая Конвенция о наркотиках 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и Конвенция ООН против нелегальной торговли наркотиками и психотропными веществами 1988 г. создали базу для международного контроля. Однако все эти усилия не увенчались успехом по следующим причинам:

- из-за отсутствия необходимых средств ООН не может осуществлять наблюдение за действенностью этих мер и выполнять Международную программу по борьбе с наркотиками; точно так же не профинансированы национальные и региональные программы;

- страны сильно различаются в подходах к проблеме (одни настаивают на запретах, другие – за контроль и терпимость);

- некоторые из наиболее крупных стран-производителей наркотиков поражены коррупцией, что мешает им применять существующие законы;

- многие развивающиеся страны и новые демократические государства не имеют законодательной и технической базы, необходимой для выполнения международных соглашений.

15. *Ложное банкротство.* Интернационализация торговли превратила ложные банкротства из локальных преступлений в международные. Реальный размах этого явления не поддается учету. Выборочные проверки показывают: мафия, купив предприятие, доводит его до банкротства, хотя доходы его велики. В этой области необходимо объединить международные усилия по сотрудничеству.

16. *Проникновение в легальный бизнес.* Наркокартели и другие криминальные организации владеют большим числом предприятий. Размер их инвестиций в легальный рынок, полученных только от одной торговли наркотиками, по самым приблизительным подсчетам, колеблется от 200 до 500 млрд долл. Криминальный бизнес растет прямо пропорционально законному. При таком размахе можно опасаться того, что вскоре мировая экономика окажется под контролем организованной преступности. Очень трудно установить, имеет ли менеджер фирмы связи с наркобаронами и не куплено ли предприятие, чтобы скрыть криминальные деньги. Считают, что половина денег, которые каждый день проходят через

международные границы, «отмывается» в офшорных зонах или налоговых оазисах.

Как сказано выше, важная роль в обслуживании международной криминальной деятельности принадлежит так называемым офшорам, число которых измеряется сотнями. Они открывают неограниченные возможности для отмывания грязных денег правительствами, банками, ТНК и мафией. Таким путем безнаказанно расхищаются национальные достояния. В каждом офшоре осуществляются все необходимые операции – отмывание грязных денег, размещение их в легальных банках и других финансовых организациях. В этих целях используются самые современные средства, в частности, система «Свифт» – межбанковская международная телекоммуникационная сеть. Она охватывает 4 тыс. банков, находящихся в сотне стран мира.

Офшоры располагают самым современным оборудованием, средствами глобальной связи. Они обеспечивают квалифицированное юридическое обслуживание, а также арбитраж. Но главное – они предоставляют безопасность. В них практически отсутствуют наказания за финансовые преступления. Что же касается международных норм, то они там либо вообще не признаются, либо фактически не применяются.

Примерно 95% офшоров – это страны, которые в прошлом были колониальными или зависимыми территориями Великобритании, Франции, Голландии, Испании, США. Их зависимость от бывших метрополий вовсе не ушла в прошлое. Однако эта зависимость не используется для ограничения деятельности офшоров³⁸¹.

17. *Коррупция и подкуп общественных и партийных деятелей, выборных лиц.* Пока в ряде стран подкуп должностных лиц не подлежит наказанию, хотя остальные виды взяток включены в уголовные кодексы. Маскируясь под «комиссионные», «консультирование», плату за посреднические или юридические услуги, взятки во всем мире стали неизбежной платой за деловую активность.

Торговцы и инвесторы часто заявляют, что не могли бы заниматься бизнесом, не нарушая деловой и политической этики в тех странах, где им приходится работать. Недавно созданная международная организация Transparency International поставила перед со-

³⁸¹ Лукашук И.И. Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы Круглого стола), Москва, ИГПРАН, 16 марта 2001 г.

бой задачу выработать основополагающие принципы международной этики бизнеса:

- обнародование размера взяток и рейтинга коррумпированности политиков и бизнесменов в каждой из стран по оценкам иностранных партнеров;

- оказание давления на национальные правоохранительные органы с целью избавления от взяточничества;

- поиск путей международного сотрудничества в борьбе с взяточничеством должностных лиц, в том числе через законы стран-взяткодателей;

- усиление международного сотрудничества неправительственных организаций, таких как Международная Торговая палата и других.

Приведенная выше классификация транснациональной преступности, разработанная ООН, показывает, насколько сильно влияние преступности на жизнь частных лиц, на отдельные отрасли экономики и мировое хозяйство в целом. Ее бремя огромно и в будущем может стать для человечества невыносимым.

Транснациональная преступность отравляет атмосферу предпринимательства, коррумпировает политических лидеров и превращает в ничто права человека. Мафия наносит ущерб демократии и никакое общество, где она властвует, ничем не приукрасить. Победить зло можно только совместными действиями политиков, бизнесменов, ученых и журналистов.

Экономические глобальные преступления

Особенности структурной организации преступных транснациональных организаций позволяют им иметь сетевые структуры в разных странах мира, держать под контролем рынки сбыта. Современное банковское дело облегчает осуществление различных транснациональных преступных сделок, и, соответственно, развитие коммуникационных технологий дает дополнительную возможность без осложнений легализовать огромные получаемые доходы.

Это обусловлено, в первую очередь, глобализацией мировой политики и экономики. Увеличение взаимозависимости государств, достаточно прозрачные национальные границы и формирование мировых финансовых систем привели к возникновению огромных рынков сбыта как законной, так и незаконной продукции.

Глобализация преступности создает угрозу всему мировому сообществу, в том числе странам с процветающей экономикой, что требует координации и совершенствования международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью, бросающей новый вызов интересам национальной и мировой безопасности человеческого общества в XXI в.

Нельзя сбрасывать со счетов и такую проблему, как заинтересованность финансовых кругов наиболее развитых стран в пополнении своих банковских активов за счет денег, полученных от реализации криминальных товаров и услуг и отмываемых в офшорах. По оценкам экспертов, примерно половина всех отмываемых ежегодно в мире грязных денег – от 500 млрд до 1 трлн долл. – проходит через американские банки. Лишь незначительная часть наркоденег остается в странах-производителях.

Самый яркий пример в этом отношении – автомобильный бизнес. Например, машины из Соединенных Штатов переправляются в Европу, там на них перебивают номера, потом эти автомобили потоком поступают в Россию и страны Востока. Такая же картина со спиртными напитками, которые производятся подпольно. Оказывается, это выгодней и дешевле, чем реализовывать спиртную продукцию через официальную торговую сеть.

Известен обширный набор теневого, асоциального и просто преступных видов деятельности, быстро приобретающих глобальный характер. Разнообразные виды незаконного промысла позволяют мафиозным группировкам, действующим поверх границ, собирать астрономическую дань – 1,5 трлн долл. в год. С такими деньгами они могут прибирать к рукам политиков, чиновников, бизнесменов, журналистов, создавая преступные империи – глобальное зазеркалье³⁸². Обозреватель французской газеты «Монд дипломатик» Кр. Де Бри делает следующий вывод: «Финансовый криминалитет стал неотделимой частью глобализированных рынков, руководимых Соединенными Штатами – наиболее коррумпированной страной планеты»³⁸³.

Теневая экономика – явление глобальное по своим масштабам, имеющее место во всех странах мира. Официальный общемировой ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, в 1999 г. составил 39 трлн долл. А теневой экономикой в этом же

³⁸² Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? // Независимая газета, 11.10.2000.

³⁸³ Международное право, 2000, № 3. С. 180.

году как минимум было создано еще 8 трлн долл. неучтенных товаров и услуг. Таким образом, по своим размерам глобальная теневая экономика сопоставима с экономикой США – страны, имеющей самый крупный ВВП в мире.

В последние два-три десятилетия по мере развития глобализации в мировом хозяйстве стремительно увеличивался удельный вес теневой экономики. Если ограничиться тремя немецкоязычными странами – Австрией, Германией и Швейцарией, известными своим умением хозяйствовать и уважением к закону, то вырисовывается тревожная картина. С 1975 по 2002 г. удельный вес теневой экономики вырос в этих странах в несколько раз – с 2–6% до 10–16%³⁸⁴.

В других государствах ситуация еще хуже. В 1990-е гг. нелегальный бизнес практически повсеместно достиг внушительных масштабов. По данным профессора Ф. Шнейдера из Линца (Австрия), в 2000–2001 гг. в теневой экономике стран Организации экономического сотрудничества и развития было занято 15,3% рабочей силы и производилось 16,7% «официального» ВВП. В постсоветских государствах, странах Центральной и Восточной Европы эти показатели, разумеется, были намного выше – соответственно, 30,2% и 38%³⁸⁵.

Особое значение этот факт получает в связи с развернувшимися в последние годы процессами глобализации экономики, которые предполагают общее снижение роли национальных границ и постепенное слияние отдельных национальных рынков в единое мировое рыночное пространство. Происходит своеобразный вывод экономики или, по крайней мере, значительных ее составляющих из-под национальной юрисдикции.

В коммюнике совещания «Группы восьми» на Окинаве (2000) преступности был посвящен особый раздел. В нем, в частности, говорится, что глобализация создала «новую почву для криминальной деятельности, которая бросает вызов основополагающим нормам наших социальных, экономических и политических систем»³⁸⁶.

³⁸⁴ The Size and Development of the Shadow Economies and Shadow Economy Labor Force of 22 Transition and 21 OECD Countries: What do we really know? Invited paper prepared for the Round Table Conference: «On the formal Economy». Sofia, Bulgaria, April 18-20, 2002. P. 20.

³⁸⁵ Ibid. P. 43.

³⁸⁶ Дипломатический вестник, 2000, № 8. С. 46.

Отмывание «грязных» денег

Процесс глобализации, происходящий в современном мире, значительно облегчил преступникам операции по отмыванию «грязных» денег – на этот вид преступлений приходится сейчас около 5% общемирового ВВП. Такие данные привели эксперты Всемирного банка и Международного валютного фонда на семинаре, который проходил в столице Аргентины. Участники этой международной встречи обсуждали пути борьбы с отмыванием преступно нажитых денег и возможности противодействия финансированию терроризма. На семинаре подчеркивалось, что еще в начале 1980-х гг. власти многих стран намеревались начать эффективную борьбу с этими нарушениями, однако своевременно не были приняты меры по обеспечению прозрачности финансовых рынков. Теперь же глобализация значительно облегчила совершение организованных финансовых преступлений³⁸⁷.

Выступая в гватемальской столице на XI Межамериканском конгрессе прокуроров, Генеральный прокурор Испании Х. Карденаль отметил, что профессиональных преступников в области отмывания денег теперь все чаще можно встретить среди людей таких профессий, как банкиры, бухгалтеры и адвокаты. Это, как и нарастающая глобализация международной финансовой системы, «очень сильно затрудняет» выявление и замораживание «грязных» денег. По словам испанского генпрокурора, серьезным препятствием в работе правоохранительных органов в этой области служит широкое использование американского доллара на черных рынках, тенденция к финансовому дерегулированию и рост числа офшорных зон, «где жестко хранится банковская тайна»³⁸⁸.

Министр финансов в администрации президента Б. Клинтона Л. Саммерс заявил: «Все... знают, что отмывание денег превращается во все более серьезную проблему, с которой сталкиваются все страны мира... В условиях современного мира, где деньги могут быть незаметно переведены в любой пункт простым нажатием клавиши компьютера, доходы криминального происхождения могут перемещаться так же быстро и незаметно. Это, конечно, усложняет задачу борьбы с отмыванием денег... Бывший директор-распорядитель МВФ Камдессю говорил, что, по его оценкам, объем

³⁸⁷ Аргентина: глобализация затрудняет борьбу с отмыванием «грязных» денег. [Электронный ресурс] URL //news.battery.ru

³⁸⁸ Интерфакс Украина, 28.11.00.

отмываемых денежных средств составляет от двух до пяти процентов общемирового валового внутреннего продукта, т.е. примерно 600 млрд долл. как минимум. Хочу внести ясность: сегодня отмывание денег не является чем-то новым ни для Нью-Йорка, ни для Лондона, ни для Гонконга, ни для других современных финансовых центров. Не приходится сомневаться в том, что большая часть “грязных” денег со всего мира проводится через эти финансовые центры... Деньги, начинающие свою жизнь в виде выручки от наркобизнеса или подпольной продажи оружия, зачастую отправляются для отмывания в один из офшорных центров, которых в мире насчитывается свыше 50. Эти “тихие гавани” применяют строгие правила банковской тайны и практикуют “экономическое гражданство”, что дает возможность преступникам, заплатив определенную цену, укрыться от законного преследования со стороны властей своей собственной страны. Кроме того, во многих таких зонах не взимаются налоги и пошлины, а также имеются возможности для создания “офшорных” нефтяных компаний, за вывеской которых прячутся настоящие владельцы отмываемых денег».

Действительно, важная роль в обслуживании международной криминальной деятельности принадлежит так называемым офшорам, число которых измеряется сотнями. Они открывают неограниченные возможности для отмывания грязных денег правительствами, банками, ТНК и мафией. Таким путем безнаказанно расхищаются национальные достояния. В каждом офшоре осуществляются все необходимые операции – отмывание грязных денег, размещение их в легальных банках и других финансовых организациях и т.д. В этих целях используются самые современные средства, в частности, система «Свифт» – межбанковская международная телекоммуникационная сеть. Она охватывает 4 тыс. банков, находящихся в сотне стран мира.

Недавно подкомиссия по расследованию при Конгрессе США провела расследование офшоров и некоторых банков. В ходе этого расследования буквально в деталях была рассмотрена деятельность одного банка в офшорной зоне. В результате было установлено, что огромное количество капиталов в офшорных зонах, в частности, в Карибском регионе, это – деньги криминальных структур Латинской Америки, а также американских граждан, которые уклоняются от уплаты налогов.

«Международный режим ухода от налогов» сложился и эффективно действует. Сегодняшняя офшорная индустрия развилась

в глобальный бизнес, проникший во все уголки мира, охватывающий, так или иначе, примерно половину объема мировых финансовых сделок.

Корпоративные преступления

Разграбление ресурсов целых стран ныне называется «развитием свободной торговли», лишение целых семей или сообществ средств к существованию – «сокращением» или просто «рационализацией». Ни то, ни другое никогда не фигурировало в списке преступных и наказуемых деяний³⁸⁹. Более того, незаконные действия «верхов» чрезвычайно трудно отделить от хитросплетения повседневных, «обычных» сделок, совершаемых фирмами. Когда речь идет о деятельности, открыто преследующей цель личного обогащения за счет других, граница между дозволенными и недозволенными действиями по определению является размытой и спорной – несравнимой с однозначностью таких преступлений, как взлом сейфа или замка. Поэтому ничуть не удивляет, что тюрьмы заполнены прежде всего выходцами из низших слоев рабочего класса, совершившими кражу или другое «традиционное» преступление. Помимо того что они плохо поддаются точному определению, преступления «верхушки» невероятно трудно выявить. Они совершаются внутри немногочисленной группы людей, объединенных круговой порукой, лояльностью по отношению к своей организации и корпоративным духом, теми, кто принимает эффективные меры, чтобы вычислить, принудить к молчанию или ликвидировать потенциальных «стукачей».

Эти преступления связаны с финансовыми и юридическими тонкостями, практически недоступными непосвященному и не имеющему соответствующей подготовки. К тому же они «бестелесны», лишены физического содержания; они в буквальном смысле невидимы – необходимо обладать столь же богатым воображением, как и сам преступник, чтобы отыскать содержание за этой неуловимой формой. Руководствуясь интуицией и здравым смыслом, общественность может сколько угодно подозревать, что при сколачивании крупных состояний дело не обошлось без воровства, но «указать пальцем» на виновного – задача по-прежнему почти невыполнимая.

³⁸⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 173.

Лишь в очень редких и вопиющих случаях «корпоративные преступления» заканчиваются судом и становятся достоянием общности. У людей, совершивших растрату или уклоняющихся от налогов, неизмеримо больше шансов на «сделку» с властями без суда, чем у карманника или взломщика. Более того, бдительность общества в отношении преступлений «верхушки» проявляется в лучшем случае в виде спорадических, бессистемных «вспышек», а в худшем – не проявляется вовсе. Лишь по-настоящему эффективное мошенничество, затрагивающее «конкретных людей», где жертв – пенсионеров или мелких вкладчиков – можно назвать поименно, способно возбудить общественное внимание и удерживать его больше одного-двух дней. Но даже при этом требуется еще и мобилизация воображения и таланта целой армии популярных журналистов. Перипетии судебных процессов над высокопоставленными мошенниками превосходят интеллектуальные возможности обычного читателя газет и к тому же полностью лишены драматизма, превращающего суд над простыми ворами и убийцами в такой увлекательный спектакль³⁹⁰.

Новая глобальная элита изначально имеет огромное преимущество, сталкиваясь со стражами порядка: порядок носит местный характер, а элита и законы свободного рынка, которым она подчиняется, действуют повсеместно. Если защитники местного порядка становятся чересчур несговорчивыми и несносными, всегда существует возможность для «апелляции» к глобальным законам, чтобы изменить местные концепции порядка и местные правила игры. И, конечно, всегда существует возможность покинуть место, где становится чересчур «жарко» для комфортного существования: «глобальность» элиты означает ее мобильность, а мобильность означает способность избегать ответственности и уклоняться от нее. Существует много мест, где стражи порядка с радостью и готовностью «закроют глаза» в случае столкновения интересов³⁹¹.

Международный терроризм

Стало очевидным, что процессы глобализации могут провоцировать воинственный национализм, политическую нестабильность, волнения и терроризм.

³⁹⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2003. С. 173–175.

³⁹¹ Там же. С. 176.

Насилие подпитывается, хотя и косвенно, неравенством и дискриминацией, усиливающимися в условиях глобализации, более того, приобретающими новые формы. Насилию способствуют тенденции развития, делающие глобальный обмен более важным, чем производство, и ставящие под сомнение труд не только как основное содержание, смысл человеческой деятельности, но и как фактор экономического развития.

Возрастающая неспособность многих стран догнать высоко развитый мир, усиливающееся социальное неравенство внутри этих стран и несбывшиеся ожидания масс в эру, когда средства массовой информации демонстрируют стандарты благосостояния и потребления высокоразвитых стран всему миру, становятся источником социального напряжения. Эти явления, конечно, не новы, но при стихийном ходе глобализации они могут выйти из-под контроля, дестабилизировать правительства и страны и даже вылиться в гражданские войны.

Атмосфера насилия и опасности господствует во многих городах вполне глобализованных Соединенных Штатов, а не только в странах «третьего мира». Значительный размах приобрело насилие на основе расизма и ксенофобии в Германии и Великобритании. Можно утверждать, что глобализация экономики и сопутствующая ей культурная и социальная фрагментация способствует глобализации насилия.

Нередко почвой для терроризма становится сепаратизм (баскские сепаратисты в Испании, Косово, Чечня, Кашмир). Глобализация насилия проявляется и в действиях экстремистских групп исламистов, активность которых распространяется на многие страны – от Алжира до Индонезии и Филиппин. В то же время различные виды насилия не унифицированы, они имеют свои региональные отличительные черты.

По мнению влиятельного французского журнала *Le Monde Diplomatique*, на смену циклу, начало которому положило падение Берлинской стены, в роковой вторник 11 сентября, когда было открыто новое оружие – рейсовый самолет с полными баками топлива, несомненно, пришла новая историческая эпоха. Удар был настолько силен, что мир содрогнулся.

Моментально был назван виновный в диких терактах – Усама бен Ладен, который якобы скрывается в стане афганских талибов. Об этом было сразу сказано нации, пресса была проинформирована о разработке планов операции мести. Всему миру сообщено,

что президент Джордж Буш и конгресс одобрили план расходов стоимостью в 40 млрд долл., который включает в себя и возможную военную акцию, всему миру было сказано, что американские разведывательные спутники ищут ставку бен Ладена. Талибскому руководству был выдвинут трехдневный ультиматум, после окончания действия которого было объявлено о военной операции «Безграничная справедливость».

Однако если даже американское общество действительно готово поддержать войну, враг неизвестен. Его можно описать только абстрактно – международный терроризм. Изменилось само восприятие терроризма. Отныне его определяют как «гипертерроризм». Были отодвинуты границы доселе казавшегося предельным насилия, и назад дороги нет.

Нередко с терроризмом расширительно связывают всякое проявление жестокого или чрезмерного насилия. Иногда его сводят всего лишь к ограниченным актам политической дестабилизации в форме убийств, диверсий, захвата заложников и т. п., а также угроз осуществить подобные действия. Точнее и ближе к истине будет, вероятно, иной подход, предполагающий трактовку терроризма как навязывания своей воли путем незаконного применения принуждающего насилия или как самоценного подрыва монополии современного государства на принуждающее насилие – ключевого компонента суверенитета³⁹².

Можно было бы привести многочисленные примеры, когда насилие является реакцией, скажем, на жестокость государства, на диктаторскую власть или же на неокOLONиальное угнетение. Здесь, во-первых, вспоминаются русские террористы конца XIX – начала XX в., которые совсем не похожи на «зомби», на тех, кем кто-то манипулирует. Во-вторых, вопрос остается открытым: каковы цели террористического действия и как они соотносятся со средствами³⁹³. Можно было бы также показать хотя бы на примере Палестины, к чему приводит желание любой ценой построить государство, которое хотело бы иметь все атрибуты национального суверенитета. Однако преобладающая тенденция проявляется в значительно большем количестве случаев, когда насилие возни-

³⁹² Вевьорка М. Новая парадигма насилия // Макеев С. (ред.). Демоны мира и боги войны. Социальные конфликты в посткоммунистическом мире. Киев, 1997. С. 135.

³⁹³ Ремизов М. Либерализм в стиле «милитари» // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 272.

кает или набирает силу из-за беспечности либо несостоятельности государства³⁹⁴.

Терроризм многолик. Фактически единственным определяющим признаком терроризма в политическом сознании служит сегодня характер действия³⁹⁵. Обратим внимание на другое: если в качестве действия рассматривать то, что делает террорист, – нам нужно его понять, понять социальный смысл его действия в качестве мотива. Но кто из нормальных людей возьмется утверждать, что понимает террориста-смертника? Ярлыки типа «религиозный фанатик» или «садист-маньяк» свидетельствуют скорее о непонимании³⁹⁶.

Вспомним историю группы Баадера и Ульрики Майнхоф в Германии. Долгое время эта группа была в центре внимания прессы, всей общественности. Она совершила тяжкие преступления. Потом ее участники захватили самолет, требуя освобождения из тюрьмы попавшего туда все-таки Баадера и его сторонников. Самолет, приземлившийся в Африке, штурмовала группа израильского спецназа. После успеха этой операции узники застрелились. По поводу этой истории было много шума, потому что в ней оказалась бездна неясностей. Так вот, эти террористы объясняли свои жестокие действия тем, что с монополиями невозможно бороться политическими средствами, предоставляемыми современной демократией. Их можно заставить делать нечто ради людей только силой и устрашением. Этих террористов можно условно назвать «идейно-политическими» террористами.

Известны и факты просто уголовного терроризма, захвата заложников ради получения выкупа – слишком, к сожалению, распространенное явление, чтобы о нем говорить подробнее. Иногда это маскируется благородными целями вроде борьбы за независимость, не всегда просто отделить тут «зерна от плевел», но все же можно и нужно это делать.

Известен и терроризм, в корнях которого сплелись религиозные и политические мотивы. Достаточно примера Северной Ирландии. Известен также терроризм, имеющий в основе территориальные претензии и противостояние народов, тоже сплетающийся с многими другими причинами, как это наблюдается на Ближнем

³⁹⁴ *Delmas Ph.* Le bel avenir de la guerre. P., 1995. P. 9.

³⁹⁵ *Ремизов М.* Либерализм в стиле «милитари» С. 270.

³⁹⁶ Там же. С. 272.

Востоке. Можно вспомнить еще и басков в Испании, события в Индонезии, в Косово...

Терроризм не укладывается в привычные градации вооруженной борьбы. Партизанская война ведется народом в порядке массового сопротивления чужеземным захватчикам, причем на своей и только своей территории. Терроризм же – экстерриториален: территория, на которой он проводит свои акции, либо вообще чужая для него, либо ее реальная ценность в данном случае ему безразлична³⁹⁷.

Сходные вроде бы явления, но все же они разные, все эти «терроризмы». И средства борьбы с ними должны быть, очевидно, совершенно разными. Самое неподходящее и неэффективное, во всех случаях – ковровые бомбежки и даже якобы точечные удары по территориям и населению.

Организаторы нападения в США 11 сентября хотели произвести тройной эффект. Разрушения очевидным образом не являлись главной целью. В противном случае самолеты были бы направлены, скажем, на ядерную АЭС или плотину, что привело бы к апокалиптическим последствиям и десяткам тысяч жертв. Основная цель – потрясти воображение, растоптав главные символы экономического (ВТО), военного (Пентагон) и политического (Белый дом) величия Америки. Но имелась и еще одна, менее явная цель – «медиатизация». К ужасу американской администрации, Усама бен Ладен оккупировал телеэкраны США и всего мира, добившись, чтобы они показывали то, что хочет он. А именно – ужасающие сцены произведенных разрушений. Тем самым миру была явлена уязвимость Америки. Кроме того, мир открыл для себя самого бен Ладена, быстро превратившегося чуть ли не в самого популярного персонажа всех СМИ.

Главной же причиной этой трагедии стала сама система международных отношений, сложившаяся после Второй мировой войны. Эта система была построена на стабильности, в основу которой легла стратегия ядерного сдерживания, и основным элементом которой было «гарантированное взаимное уничтожение». Нараставшая ядерные мышцы, и Москва, и Вашингтон проводили в то же время в Латинской Америке, Африке, на Ближнем Востоке политику, которая не всегда имела что-то общее с моралью.

Почему-то сегодня мало кто вспоминает, кто финансировал и обеспечивал поддержку различных террористических организа-

³⁹⁷ Ремизов М. Либерализм в стиле «милитари». С. 284.

ций, сколько боевиков прошло подготовку в лагерях на территории якобы вполне пристойных стран, сколько бывших студентов пристойных вузов впоследствии стали лидерами радикальных организаций. Джинн терроризма был выращен еще тогда, и вопрос, когда он вырвется на свободу, должен был рано или поздно встать.

Американские бизнесмены и политики в XX в. также не стеснялись в выборе средств для достижения своих целей. Они вступали в союз с откровенными террористами и наркодельцами. Не без их участия в Афганистане 1980-х был «выращен» Усама бен Ладен – на сегодня главный подозреваемый в организации последних терактов в США. А еще можно вспомнить дело «Иран-контрас» в 1986 г. и Косово. Поддерживали сепаратистов и самых «пещерных» националистов, устраивали государственные перевороты.

Вообще, после того как технический прогресс сделал возможным в режиме реального времени транслировать съемку того или иного события на весь мир, все было готово к появлению «медиамессианства». Бен Ладен стал первым. Специалисты отмечают его хорошо сконструированный образ, включающий компоненты святого и аскетического воина. Поэтому США стараются не допускать распространения его обращений, придумав версию, что там могут содержаться закодированные послания для его сторонников.

В эпоху глобализации Бен Ладен изобрел терроризм нового типа – глобальный как с точки зрения организации, так и с точки зрения целей и воздействия. Он не выдвигает никаких конкретных целей, не требует независимости какой-либо территории, политических уступок или установления того или иного режима. Эта новая форма террора выступает своего рода карой за некое общее «неправильное поведение» Соединенных Штатов и, в более широком плане, Запада.

Именно на глобализацию возлагают ответственность за события 11 сентября, поскольку она углубила неравенство, несправедливость и нищету в мировом масштабе, а также горечь и отчаяние миллионов человек, которые теперь готовы взбунтоваться и присоединиться к террористам, прибегающим к крайнему насилию. С другой стороны, глобализация ослабила государства и породила массу организаций с аморфной структурой, например транснациональные корпорации и неправительственные организации. Но, пользуясь этими же условиями, на освободившемся пространстве

появилось и множество организаций-паразитов – террористических группировок, сект и разного рода преступных сообществ. С этой точки зрения «Аль-Каида» с ее ответвлениями, финансовой сетью, многочисленными филиалами, связями в медиа- и коммуникационной сферах прекрасно адаптирована к условиям глобализации³⁹⁸.

Свою трактовку проблемы международного терроризма дал известный философ А. Зиновьев. Терроризм, утверждает он, как его изображают в идеологии, и терроризм в реальности – не одно и то же. В реальности терроризм не есть нечто социально беспричинное или нечто коренящееся в дефектах биологической природы людей. Это явление прежде всего социальное, имеющее корни в условиях социального бытия людей, и лишь во вторую очередь это использование средств, осуждаемых морально и юридически. Терроризм не есть нечто одинаковое для всех времен и народов. Например, социальная сущность терроризма, объектом которого стала постсоветская Россия, качественно отличается от социальной сущности терроризма, объектом которого стали США. И в России, и в США взрывались дома и погибали невинные люди. Но происходило это по разным причинам.

В постсоветской России терроризм возник как следствие «холодной войны», когда Запад в качестве одного из «военных» средств использовал разжигание национальной розни и антирусских умонастроений у разных народов Советского Союза, как следствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы и как непосредственный результат деятельности постсоветской высшей власти. Он имел источник внутри России (в частности в Чечне), но при этом активно поддерживался из-за рубежа. На Западе стремление России защититься от него осуждалось как нарушение прав человека. Когда президент В. Путин заявил о том, что России приходится иметь дело с международным терроризмом, на Западе и в США его заявление игнорировали.

Иной является социальная характеристика терроризма в США и в отношении США. Здесь надо различать терроризм, имеющий источники внутри самих США, и терроризм, имеющий источники вне США. В первом случае он имеет уголовный характер или направлен против социального строя самих США (взрыв в Оклахоме, «унибомбер», распространение сибирской язвы).

³⁹⁸ Гипертерроризм и гиперглобализация // Монитор-неделя. (Н. Новгород). 17.12.01.

А как высшее явление он есть порождение той глобальной войны, которую США и страны НАТО ведут за свое господство над человечеством.

После терактов 11 сентября в США произошел радикальный перелом в отношении США и их союзников к терроризму. Его суть состоит в том, что мировая война, пройдя стадии «холодной» и «теплой», вступила в стадию «горячей». Попытка такого перехода была предпринята со стороны США и стран НАТО уже в войне против Сербии. Но для решительного шага в этом направлении не хватало ясной и действенной идеологии, всеобщего энтузиазма населения США и их союзников и одобрения или, по крайней мере, отсутствие серьезного сопротивления со стороны прочей активной части человечества.

Идеология антикоммунизма после разгрома Советского Союза утратила былую силу. А террористические акты 11 сентября произвели такое впечатление, что молниеносно оформилась идеология угрозы мирового организованного терроризма, якобы обьившего войну мировой цивилизации.

Не нашлось никого, кто подверг сомнению эту идеологию. В самих США наступил идейный подъем, какого не бывало даже в годы Второй мировой войны. Эта идеология дала неоспариваемое оправдание мировой агрессии США и развязала руки ее лидерам. С поразительной быстротой мощная армия США с участием их союзников и доброжелателей оказалась в Афганистане и под предлогом возмездия за теракты начала бомбить людей и разрушать средства их существования. Специальные службы США получили узаконенное разрешение расправляться с неугодными личностями за пределами США, то есть США узаконили свой государственный терроризм³⁹⁹.

Террористы не носят опознавательных знаков и знаков отличия. Поэтому, разыскивая террористов за границей, американские войска и войска НАТО столкнутся с проблемой распознавания их среди гражданского населения. Это означает, что западный солдат – по которому сразу видно, что он военный – не сможет легко определить людей, в которых он должен стрелять. Поэтому нельзя исключить случаи, когда он будет убивать гражданских лиц, добросовестно полагая, что они являются вооруженным противником.

³⁹⁹ *Зиновьев А.* Гибель утопии. Американская «Чечня» // Литературная газета, 14.11.01.

Гражданские лица таким образом попали в «нейтральную зону» между официальной, но неспособной защитить их силой и неофициальной, но смертельной угрозой. При отсутствии четких различий середина – островок безопасности для гражданских лиц – уже фактически не является безопасным местом⁴⁰⁰.

В последнее время произошла настоящая революция в оружии террористов: на смену АК-47, упрощенному, массово производимому, носимому в руках автомату, пришли носимые на плече ракеты земля-воздух и противотанковые ракеты. Эта революция напрямую связана с глобализацией: партизаны «имеют доступ к глобальной индустрии, контрабанде оружия, через которую глобализация, объединяя, фрагментирует и убивает». События 11 сентября показали новый вид применения «оружия слабых», когда «десяток террористов, вооруженных ножами и гражданскими самолетами, убили более трех тыс. человек и уничтожили ключевые символы экономической и военной мощи США», и обнажили уже наметившуюся «тенденцию в войнах XX века: растущий выбор гражданского населения в качестве мишени». Оружие для подобных акций («ножи, мобильные телефоны, Интернет» и т.п.) свободно продается на глобальных рынках; «требуются лишь добровольцы-самоубийцы»⁴⁰¹.

Война эта неотделима от процессов глобализации мира, поскольку по большому счету она – одно из проявлений кризиса индустриальной фазы развития.

Противодействие мирового сообщества глобальной преступности

В системе «преступность – борьба с ней» преступность первична. Борьба с ней является всего лишь ответом общества и государства на ее вызов, ответом не всегда своевременным, адекватным, целенаправленным и эффективным. Тенденция интенсивного роста преступности и тенденция «отставания» контроля над ее изменениями увязываются в некий порочный круг, разорвать который можно только на пути органичного сочетания контроля и предупреждения на национальном и транснациональном уровнях.

⁴⁰⁰ Флетчер Д.П. Антитеррор: война ли это? // День, 20.10.01.

⁴⁰¹ Лекция, прочитанной Майклом Манном в РГГУ (Москва) 24 сентября 2001. [Электронный ресурс] URL //www.politics.in.ua/modules.php?name=News&file=article&sid=20

В конце XX в. Генеральная Ассамблея ООН приняла конвенцию против транснациональной организованной преступности. В середине декабря эта конвенция была подписана и Россией. Данный документ подводит солидную правовую базу под борьбу с вышеназванным симбиозом. В нем определены признаки организованной преступной группы, транснациональной преступности, содержатся конкретные предложения по криминализации таких деяний, как участие в организованной преступной группе, отмывание доходов от преступлений, коррупция, воспрепятствование осуществлению правосудия. Конвенция регулирует также широкий круг вопросов, связанных с экстрадицией преступников, защитой свидетелей и потерпевших, международным сотрудничеством правоохранительных органов и др.

В этой конвенции названы следующие признаки транснационального преступления: оно совершено в более чем одном государстве; оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Обращает на себя внимание ключевое понятие конвенции – «организованная преступная группа». Последняя означает «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду».

В «Декларации тысячелетия» ООН, утвержденной резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года, говорится, что Генеральная Ассамблея ООН преисполнена решимости в новом тысячелетии предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и требует от государств-членов присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим международным конвенциям, удвоить усилия по осуществлению принятого ими обязательства поставить заслон всемирной проблеме наркотиков, а также активизировать усилия по

борьбе с транснациональной преступностью во всех ее аспектах, включая торговлю людьми и их контрабандный провоз и «отмывание» денег.

Вслед за принятием указанной декларации Организацией Объединенных Наций в г. Палермо, Италия 12–15 декабря 2000 г. была проведена политическая конференция высокого уровня, на которой была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Конвенцию подписали 130 государств, в том числе и Российская Федерация. Указанная Конвенция явилась ответным шагом мирового сообщества на глобализацию организованной преступности.

Конвенция ООН представляет собой целенаправленный международный правовой документ, который включает конкретные мероприятия по борьбе с организованной преступностью. Новшеством данного документа являются меры по предупреждению транснациональной организованной преступности. Кроме Конвенции ООН одновременно были подписаны два протокола к ней. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, которые дополнили Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Конвенцией предполагается развитие сотрудничества между правоохранительными органами государств-участников Конвенции ООН; впервые закреплены такие специальные методы расследования, как электронное наблюдение, контролируемые поставки и агентурные операции.

В мировом сообществе наметились активные действия по борьбе с транснациональной организованной преступностью и международным терроризмом на уровне неправительственных международных организаций. Так, 5 декабря 2000 года в Вене была создана международная неправительственная организация «Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум». Данный форум намерен кардинально изменить ситуацию, обеспечить консолидацию всех здоровых сил планеты на борьбу с криминальной угрозой, разрабатывать адекватные и универсальные меры реагирования на данный процесс.

Задачей и целями Форума является:

- 1) способствовать повышению уровня информированности мирового сообщества об опасности и масштабах транснациональ-

ной преступности и международного терроризма, а также о необходимости адекватного реагирования на глобальные угрозы и вызовы со стороны международного криминала;

2) способствовать совершенствованию международной и национальной правовой базы, направленной на повышение эффективности антикриминального и антитеррористического противодействия на национальном, региональном и мировом уровнях;

3) способствовать информационной, научной, организационной и материально-технической поддержке всех субъектов, участвующих в программах и проектах по борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом;

4) содействовать всемирному развитию сотрудничества всех слоев общества в борьбе с международной преступностью и терроризмом для обеспечения эффективности отпора этим угрозам.

На региональном уровне, в частности, на уровне Содружества Независимых Государств (СНГ), 2 апреля 1999 года в Москве Совет глав государств СНГ одобрил Концепцию взаимодействия государств – членов СНГ в борьбе с преступностью. В Концепции обращается особенное внимание на то, что преступность в государствах – участниках СНГ все более приобретает транснациональный характер и реально противоречит проводимым социально-экономическим реформам, посягает на безопасность государств, подрывает веру граждан в способность государственных структур обеспечить соблюдение их прав и свобод. Преступные сообщества консолидируются на территориальном, межрегиональном и международном уровнях, они активно используют территории государств – участников СНГ для наркобизнеса, легализации преступных доходов, разграбления национальных богатств, иной криминальной экспансии. В концепции говорится, что эффективная борьба с преступностью может быть обеспечена на основе тесного взаимодействия государств – участников СНГ. Целью настоящей Концепции является расширение и укрепление сотрудничества и взаимодействия государств – участников СНГ в борьбе с преступностью.

* * *

В заключение можно прийти к выводу, что глобализация преступности, как и глобализация экономики, является реальностью современного этапа развития цивилизации. Этому способствовали

такие важные этапы глобализации, как распад Советского Союза и образование ряда самостоятельных, но экономически очень слабых и незащищенных государств с прозрачными и фактически не охраняемыми границами; возникновение Европейского союза, которое привело к ослаблению таможенных процедур, паспортного и валютного контроля в Европе; изменения в политике Китая, которые дали толчок для активного роста экономических отношений в этой стране; создание Североамериканского соглашения о свободной торговле. Все эти факторы, как сейчас представляется, способствовали формированию и укреплению транснациональной организованной преступности.

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Глава 1

СРЕДСТВА И КАНАЛЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Что такое глобализация культуры?

Как поэтично выразился один исследователь, культура – всего лишь «рябь на водной глади экономической глобализации»¹.

Спору нет, экономическая глобализация всегда лежала, да и сейчас лежит в основании всех иных глобализационных процессов. Но эта «культурная рябь на водной глади» способна породить такую бурю, которая может похоронить всю экономическую глобализацию. Не существует глобальных опасностей как таковых. Они скорее перемешаны и до неузнаваемости нагружены культурными, социальными, этническими и национальными конфликтами, которые с особой силой обрушились на мир после завершения «холодной войны»².

Ф. Фукуяма в своей нашумевшей концепции «конца истории», на которой он, правда, уже не настаивает, довольно мрачно оценивал перспективы культуры. «В постисторическом периоде, – утверждал он на рубеже 1990-х гг., – не будет ни искусства, ни философии, мы будем лишь вечными зрителями музея человеческой истории»³.

Однако другие исследователи, напротив, отводят культуре главную роль в грядущих глобальных процессах. Так, С. Хантингтон полагает, что политика и экономика перестают быть главными

¹ *Stade R.* The Cultures of Globalization // *American Ethnologist*. Vol. 26. No 3. August 1999. P. 780.

² *Бек У.* Что такое глобализация? М., 2001. С. 39–55

³ *Fukuyama F.* The End of History? // *Globalization and the Challenges of a New Century*. P. 161–180.

источниками коллизий в современном мире. «Великие разделы между людьми и основные конфликты пройдут по линии культуры», а боевые рубежи будущего пролягут вдоль границ между цивилизациями⁴.

* * *

Глобализацией культуры принято считать процесс интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на основе развития транспортных средств, экономических связей и средств коммуникации. Она выражается в расширении культурных контактов, заимствовании культурных ценностей и миграции людей из одной культуры в другую.

Процесс глобализации культуры реализуется в настоящее время в разных формах во всех областях человеческой деятельности: экономике, политике, науке, искусстве, спорте, туризме, личных контактах и т.д. Ни одна культура, социальная группа или этническая общность не остаются в стороне от этого процесса.

Глобальные финансовые и товарные рынки, средства информации и миграционные потоки привели к бурному росту культурных обменов, которые выражаются в стремительно возрастающем количестве прямых контактов между государственными институтами, социальными группами и индивидами различных стран и культур. В ходе этих контактов исчезает множество традиционных форм жизни и способов мышления.

Современные технические достижения существенно расширили межкультурные контакты благодаря созданию новых транспортных средств и новых форм коммуникации. Резко возросла подвижность людей: сверхзвуковые самолеты могут доставить сегодня человека в любую точку планеты за считанные часы. Результатом этого стала доступность непосредственных контактов с культурами, которые ранее казались загадочными и странными. При прямом контакте с ними различия осознаются не только в одежде, пищевом рационе, кухонной утвари, но и в восприятии времени и пространства, в отношении к женщинам и старикам, в способах и средствах ведения дел и т.д.

Одновременно процесс глобализации ведет к возникновению новых форм культуры и образов жизни. Благодаря широкой доступности определенных товаров и идей локальные культуры ме-

⁴ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. 1993.

няются и вступают между собой в необычные комбинации. Эти изменения наблюдаются не только в жизни отдельных индивидов – они все более становятся характерной чертой целых обществ.

Глобализация создает предпосылки для выхода культуры за пределы общинно-племенных и локально-территориальных образований. Благодаря новым информационным технологиям идеи, символы, знания и умения, накопленные тем или иным этносом и т.д., получают широкое распространение в других культурных мирах, способствуя формированию у представителей иных наций и народов более точного представления о том, что собой представляет та или иная культура, какое место она занимает.

Новые формы культуры и идентичности не просто понять с точки зрения наших привычных представлений о том, что такое «культура». Культурные различия между людьми обычно детерминированы их самобытными историческими корнями. Однако современный технический прогресс и глобальные политические, экономические и культурные изменения привели к тому, что наша планета оказалась пронизана густой сетью коммуникаций, озабочена общими глобальными проблемами выживания, а государства и народы, ее составляющие, несмотря на противоречия и коренные различия между ними, ищут способы и средства взаимопонимания. Глобальными становятся структуры и идеи, например идеалы красоты, права человека или организационные принципы. Однако их практическое оформление или претворение в жизнь могут существенно различаться в каждом конкретном случае. Вполне естественно, что Организация Объединенных Наций провозгласила 2001 год Годом диалога между культурами.

Глобализация способствует формированию представления о взаимосвязанном мире, где существование различных народов и культур является возможным только тогда, когда они в качестве императива принимают принцип культурного плюрализма. Глобализация явно увеличивает плотность «информационного потока», дает шанс различным культурам вырваться за пределы своей этнической или национальной ограниченности, обрести динамику собственного развития.

Глобализация явно способствует ускорению динамики культуры: резко возрастают темпы производства, распространения и потребления культурных ценностей. Это приводит к увеличению объема информации, получаемой индивидом, к расширению его кругозора, повышению интеллектуального уровня.

Глобализация узаконила существование некоего культурного стандарта, в соответствии с которым человек «информационного общества» должен владеть несколькими иностранными языками, уметь пользоваться персональным компьютером, осуществлять процесс коммуникации с представителями иных культурных миров, понимать тенденции развития современного искусства, литературы, философии, науки т.д.

Глобализация усилила интенсивность культурных обменов. По сути, она сделала прозрачными границы для талантов, практически сняла ограничения на перемещение из страны в страну выдающихся исполнителей, дирижеров, художников, режиссеров, многие из которых ныне проводят за рубежом значительно больше времени, чем у себя на родине. Результаты творчества гениев в условиях глобализации перестают быть достоянием той или иной нации, а становятся достоянием всего человечества. Сегодня никого уже не удивляет, если на сцене Большого или Мариинского театров осуществляется постановка спектакля французским или американским балетмейстером; если на Красной площади поют величайшие тенора мира, а Д. Хворостовский исполняет сольные партии в спектаклях «Ла Скала» или «Метрополитен опера»; если С. Аверинцев читает лекции в Цюрихе, а Ю. Хабермас в Москве и т.д.

Современные информационные технологии как средства глобализации культуры

Исследователи отмечают, что воображение обретает все большую власть над повседневной жизнью людей. Главный источник этой перемены – средства массовой информации, которые постоянно поставляют пестрые картинки «возможной» жизни. Таким образом, создается впечатление виртуальной близости к символическим фигурам, насаждаемым средствами массовой информации. Люди видят и оценивают свою жизнь, свое положение, свои надежды и разочарования сквозь призму «возможных» жизней, которые беспрерывно тиражирует и пропагандирует телевидение⁵. Средствами, с помощью которых осуществляется культурная экспансия, выступают также кино, музыка и Интернет.

К глобализации потребления культурных благ ведет взрыв информационных технологий. Мир смотрит одни и те же фильмы,

⁵ Appadurai A. Globale Landschaften. Frankfurt, 1997.

подражает одним и тем же «звездам», копирует одни и те же модели потребления. Спутниковое телевидение ломает национальные границы: люди в разных странах мира, смотрящие MTV, знакомятся с новинками рок-музыки одновременно. Голливуд стал огромной фабрикой, показывающей всему миру, как надо жить, что и как потреблять. Открытие границ после окончания «холодной войны» еще более подтолкнуло процесс глобализации потребления. Английский язык становится языком межнационального общения в мировом масштабе, что облегчает сбыт самой разнообразной продукции без затрат на ее адаптацию к национальной культуре.

Как пишет известный американский обозреватель, «с концом “холодной войны” глобализация стала распространением англо-американского капитализма... Это глобализация американской культуры и символов. Это глобализация всего лучшего и худшего в Америке. Это глобализация американской революции и американских бензоколонок»⁶.

Глобализация культуры инициирована деятельностью могучих корпораций, производящих еду, одежду и развлечения, деятельностью рекламных агентств, совокупный годовой бюджет которых скоро достигнет 0,5 трлн долл., деятельностью массмедиа, использующих 500 спутников, висящих над нашей планетой⁷.

США с целью глобализации своей экономики бросили весь свой вес на чашу дерегулирования ради достижения того, чтобы как можно больше стран открыли свои границы для «свободного потока информации», т.е. для гигантов американской индустрии средств массовой коммуникации и развлечения»⁸. Сегодня в 22 наиболее развитых странах более 85% наиболее посещаемых фильмов являются американскими, а в таких странах, как Британия, Бразилия, Египет, Аргентина – все 100%.

Электронная почта и Всемирная паутина позволяют Соединенным Штатам доминировать в глобальном перемещении информации и идей. Спутники переносят американские телевизионные программы на все широты. Информационное агентство США (ЮСИА) использует все эти технологии подобно тому, как прежде использовало радио «Голос Америки» в «холодной войне». Получая доступ к информации, находящейся в Сети, каждый пользова-

⁶ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 358.

⁷ Бек У. К социологии глобализации // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 41–42.

⁸ Le Monde diplomatique, 11 April, 1997

тель Интернета знакомится прежде всего с точкой зрения, выработанной интеллектуальной и политической элитой Соединенных Штатов. Базирование CNN в г. Атланта (штат Джорджия) обеспечивает США благоприятное для них освещение основных мировых событий. Сами американские специалисты указывают, что, владея арабы в начале 1990-х гг. каналом CNN, события вокруг Кувейта и Ирака (как и многое другое) получили бы иной мировой резонанс. «Происходит культурная и социальная революция, являющаяся следствием экономической глобализации, – говорит диктор CNN. – Служащий в Америке затронут этим в той же мере, что и человек на улице Москвы или менеджер в Токио. Это означает: то, что мы делаем в Америке и для Америки, имеет силу повсюду в мире. Наши новости – это глобальные новости»⁹. Зато, как отмечает Э. Харт, оптимисты видят в глобализации эффективные «возможности для развития более открытого общества, более информированных граждан, более динамичной и инновационной культуры»¹⁰.

Космические спутники позволили людям получать информацию из всех регионов мира. О значении этой формы коммуникации свидетельствуют такие данные: в наши дни в мире насчитывается 1,2 млрд телевизоров и 180 млн персональных компьютеров. Интенсивно создается мировая телевизионная система ABC с круглосуточным вещанием, передачи которой будут первоначально принимать телезрители в 90 странах мира¹¹.

Глобальная информационная инфраструктура опутывает землю, словно паутина, использует достижения цифрового метода и содействует сведению в единую сеть всех коммуникационных услуг. Она помогает в первую очередь переплетению трех технологических сфер – компьютерной, телефонной и телевизионной, которые объединяются в мультимедиа и Интернете. В мире имеется 1,26 млрд телезрителей (из которых более 200 млн пользуются кабельным телевидением и около 60 млн имеют цифровые телеприемники), 690 млн владельцев телефонов, из которых 80 млн имеют радиотелефоны, и примерно 200 млн компьютеров, из которых 30 млн присоединены к Интернету.

⁹ Бек У. Что такое глобализация? С. 88.

¹⁰ Hart A. Introduction: Media Education in the Global Village // Hart A. (Ed.). Teaching the Media. International Perspectives. Mahwah, New Jersey – London: Lawrence Erlbaum Assoc. Publishers, 1998. P. 6.

¹¹ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов (Под ред. А.П. Садохина). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

Американские социологи подсчитали, что в среднем «цивилизованный человек», проживший до 75 лет, располагает примерно 50 годами активной, лишённой сна деятельности. И ровно девять лет из них он тратит на то, чтобы... смотреть телевизор¹². На рубеже XXI в. в 99% американских семей у детей и подростков до 18 лет был хотя бы один телевизор, у 97% – хотя бы по одному видеомаягнитофону и радиоприемнику. 74% семей пользовались кабельным или спутниковым ТВ, 69% – персональными компьютерами (из них 45% подключены к Интернету).

В среднем американский школьник тратит более шести часов в день на общение с медиа (42% этого времени уходит на просмотр телепередач и фильмов и лишь 12% - на чтение печатных текстов)¹³. В остальных странах эти цифры, быть может, не столь впечатляющие, однако в начале XXI в. без медиа немыслимо социокультурное развитие любой нации практически во всех областях, включая, разумеется, образование. Мир современного школьника, его увлечения сегодня во многом связаны с медиакультурой, будь это видео, DVD, компьютерные игры, телешоу, интернетные «чаты» и пр.

Утверждают, что даже безнадежные жизненные ситуации, которые заставляют людей жить в жесточайших, недостойных человека условиях (детский труд, бездомные, живущие на свалках больших городов), используются в игре фабрикуемых индустрией культуры воображаемых картин. Обнищание удваивается при столкновении со сверкающими формами возможных жизней, которые манит вездесущая и яркая реклама.

Но здесь есть и другая, более привлекательная сторона. Благодаря новым информационным технологиям человек глобального общества получил возможность познакомиться с целой совокупностью артефактов, которые были недоступны людям индустриального и постиндустриального общества в силу отсутствия у значительной их части возможности совершать экскурсионные поездки в различные страны, путешествовать по миру, пользоваться услугами, предоставляемыми знаменитыми хранилищами культурных ценностей, где сосредоточена значительная часть мирового культурного наследия. Виртуальные музеи, виртуальные библиотеки, виртуальные картинные галереи, виртуальные концертные залы, существующие в «мировой информационной паутине»,

¹² *Kubey R.* Obstacles to the Development of Media Education in the United States // *Journal of Communication* (Winter), 1998. P. 67.

¹³ *Dorr A.* Media Literacy // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol. 14 / Eds.N.J.Smelser & P.B. Baltes. Oxford, 2001. P. 9495.

дают возможность познакомиться со всем тем, что было создано гением того или иного художника, архитектора, композитора, независимо от того, где находятся те или иные шедевры: в Петербурге, Лондоне, Брюсселе или Вашингтоне. Для миллионов стали доступны хранилища крупнейших библиотек мира, в том числе библиотек Конгресса США, Британского музея, Российской государственной библиотеки и многих других библиотек, фондами которых на протяжении столетий пользовался узкий круг лиц, занимающихся законодательством, преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

Новые информационные технологии (прежде всего – в сфере медиа) позволили относительно небольшим группам творчески мыслящих личностей создавать разного рода международные, всемирные проекты в таких сферах, как торговля, искусство, образование и т.д. Сегодня два-три человека могут создавать разветвленные интернетные сайты дистанционного обучения на самых различных уровнях и по самым разным предметам и темам. Сегодня любая «малая творческая группа» может разработать библиотечные банки данных, грандиозные виртуальные энциклопедии и т.д.

Неравномерность в распределении средств глобализации культуры

Теоретики культурной глобализации чаще всего предлагают такую модель культурного обмена между «центром» и «периферией», которая означает признание отношений господства и подчинения в обмене культурными сообщениями¹⁴. Согласно этой модели, устойчивый «центр» – государства Западной и Северной Европы, Северной Америки и Японии, – как субъект культурного обмена противопоставляется разрозненной «периферии», выступающей объектом обмена. При этом «центр» описывается как доминирующий, саморефлексирующий и самодостаточный, а «периферия» как впитывающая, не осознающая и не помнящая себя.

Однако более пристальный взгляд обнаруживает, что процесс культурного обмена имеет более сложную структуру и для его понимания требуется переопределить «периферийный» объект в активного субъекта глобализации. Россия, например, издавна

¹⁴ *Howes D.* (ed.) *Cross-Cultural Consumption: Global Markets – Local Realities.* London; New York: Routledge, 1996. P. 7.

открыта культурной глобализации и имеет длительную историю сложнейших взаимоотношений, принятия и отторжения, с западными системами идей и способами мышления, в особенности с научными и философскими парадигмами¹⁵. Если на самом Западе влияние глобализации стали замечать относительно недавно, то для стран «периферии» Запад и физически, и символически уже давно был явью¹⁶.

В то же время нет никакого сомнения в том, что глобализация способствует стремительному углублению культурного неравенства между странами и народами. Сегодня по уровню образования, обеспеченности персональными компьютерами на душу населения, наличию личных библиотек, частоте посещения различных учреждений культуры, доле средств, выделяемых из бюджета на нужды культуры и т.д., страны «золотого миллиарда» на порядок опережают страны-аутсайдеры.

На это обстоятельство обращают внимание практически все исследователи феномена глобализации, а также ведущие эксперты ООН и других широко известных международных организаций. В частности, как указывается в докладе ЮНЕСКО по коммуникациям и информации, сегодня в странах ЕС на приобретение телевизоров, видеомагнитофонов и видеокамер населением тратится более 50% всех средств, используемых в мире на приобретение электронного оборудования. Немногом меньше (40%) тратится на приобретение персональных компьютеров и программного обеспечения. Оставшаяся доля средств идет на покупку бытовой техники (кухонных комбайнов, стиральных машин и т.д.). В странах же Азии и Латинской Америки, не говоря уже о странах Африки, соотношение долей средств, расходуемых на приобретение товаров культурного и бытового назначения, прямо противоположное¹⁷.

Если сегодня количество персональных компьютеров в США составляет более 100 млн, а активными пользователями Интернета в Северной Америке являются более 240 млн человек, то, скажем,

¹⁵ Более обобщенно об истории открытости России глобализующим силам сказано в: *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 328.

¹⁶ *King A.* (1995) The Times and Spaces of Modernity: or Who Needs Postmodernism? // *Global Modernities/ Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson.* London: Sage. P. 123; *Morley D., Robins K.* Spaces of Identity. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 217–218.

¹⁷ Доклад ЮНЕСКО о коммуникации и информации [Электронный ресурс] URL://www.bpress.ru/free/unesco/12.html. Глава X11. С. 6.

в России количество тех, кто пользуется услугами Интернета хотя бы раз в неделю, составляет всего 8,2 млн или 7% от общей численности населения. Тех же, кто входит в Сеть ежедневно, еще меньше – 3,2 млн человек, причем абсолютное большинство из них – это жители Москвы и Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие уровень дохода, намного превышающий средне-статистические показатели, обладающие высоким уровнем образования и высоким социальным статусом¹⁸.

В Африке же Интернет стал локально доступен в столицах африканских государств только в 1998 г. и сегодня им пользуется в лучшем случае один из 9 тысяч жителей, тогда как среднемировой показатель составляет 1:38. Большая часть населения данного региона не звонит по телефону в силу неразвитости телефонных сетей и высокой стоимости оплаты телефонных разговоров. Количество телевизоров, работающих в странах Африки, составляет только 2,5% от общего числа телевизоров, использующихся в мире, тогда как численность населения этого континента вполне может быть сравнима с численностью населения стран дальневосточного региона или Европы.

Практически ни одна из стран «третьего мира», кроме Индии, не имеет собственного национального кинематографа, собственного национального театра и т.д. В «индустрии развлечений» этих стран в основном используются технологии и продукция, производимые членами «глобального клуба».

Индустриализация глобальной культуры: дискуссии и мнения

Понятие, вынесенное в заголовок данного раздела, достаточно часто присутствует на страницах печатных изданий и звучит с экранов телевидения. «Рынок культурных товаров», «культурный продукт», «культура как объект потребления» – все эти понятия до недавнего времени казались несовместимыми с понятием «культура». Времена, однако, меняются, и рыночная экономика диктует сегодня рыночные правила игры даже для культуры¹⁹.

¹⁸ По данным исследований Фонда «Общественное мнение», проведенных зимой 2003–2004 года/ Более подробно см: Интернет в России. Вып. 6. [Электронный ресурс] URL //bd.fom.ru/report/map/projects/internet06/040322/printable/

¹⁹ Андрианова Т.В. Сайт: «Истина» Центр информатизации, социальных технологических исследований и науковедческого анализа [Электронный ресурс] URL istina.inion.ru/HTML/R_ANDR_SB.htm. Текст данного раздела излагается по указанной работе.

Эта тематика стала ведущей для исследователей глобализации культуры с 1982 г. Именно в этом году одновременно увидел свет целый ряд работ, анализирующих процессы индустриализации культуры. Насколько настороженным было недавнее отношение к этим процессам, показывает уже само название сборника, изданного в 1982 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО – «Культурные индустрии. Вызов для будущего культуры»²⁰. Известный специалист А. Джирард в статье «Культурная индустрия: препятствие или новая возможность» прямо указывал, что «культурные индустрии, возникшие в послевоенное время, принесли больше изменений в повседневную жизнь людей, чем все культурное наследие за столетия»²¹.

Ситуация в области культурного развития в современном обществе характеризуется следующими чертами:

- многократное увеличение затрат на культуру в количественном исчислении;
- стагнация в приобщении к традиционной культуре;
- возникновение культурной индустрии, приводящей к тому, что человек несколько часов в день тратит в окружении «культурных машин»;
- перенос интереса людей с традиционной культуры на производственно-индустриальную.

Последний вывод в свое время шокировал деятелей культуры. Население в массе предпочитает не «живое» действие, а технически сконструированное, утверждал А. Джирард. На первый взгляд, это выглядит как отрицание самого понятия «культура», этого высшего проявления возможностей человека.

Но Джирард верно подметил и другую сторону проблемы технизации культуры. «Деятели культуры должны понять, что в *современном мире* культурные товары *должны быть* технически опосредованы не потому, что только так можно экономически окупить затраты, но и потому, что технологическое фиксирование культурного продукта способствует дальнейшему культурному развитию. Появление культурной индустрии помогает поддерживать статус деятеля культуры более успешно, чем в предыдущие эпохи. Создается постоянная потребность в культурных товарах. Несмотря на конкуренцию, она растет, и, как это ни парадоксально, артист в

²⁰ Cultural industries: a challenge for the future of culture. P.: UNESCO, 1982.

²¹ Girard A. Cultural industries: a handicap or a new opportunity for cultural development? P. 24–40.

современном технологическом мире имеет значительно более высокий статус, чем в традиционном буржуазном обществе»²².

По существу, появление культурной индустрии сделало деятелей культуры равными деятелям общественного производства. Благодаря технологизации они становятся экономически независимыми от других секторов общественного производства. Если выделять в культурной индустрии, как в любой другой, две стороны – производство и маркетинг, – то следует отметить, что маркетинг, распространение культурных товаров, стал очень быстро технически обусловленным. Особенно это проявилось в книгопечатании.

Но процесс технологизации творческой работы стал активно происходить только в наше время. А. Джирард обращает внимание на то, что термин «культурная индустрия» не может рассматриваться как синоним «индустриализации культуры». А именно под этим углом зрения очень часто рассматривается вся сложившаяся ситуация. При этом автор выделяет 10 направлений индустрии культуры: книги, периодика, звукозапись, радио, ТВ, кино, новая аудио- и видеопродукция, фотография, живопись, реклама.

Более тщательно индустрия культуры была проанализирована в статье А. Бретона «Введение в экономику культуры»²³. Специфика «культурного продукта», согласно автору, заключается в потреблении. Его отличительные черты – многообразие и несхожесть. Если мы соглашаемся, что культурные продукты являются товаром, то следует установить, что это за товар. Есть товары «первой необходимости» или «повседневного спроса», есть товары «долгосрочного спроса» и, наконец, «предметы роскоши». По мнению автора, культурные товары, несомненно, являются предметами роскоши. А это означает, что даже небольшие колебания в доходах ведут к большим изменениям в потреблении продуктов культуры. Положение усугубляется тем, что эти товары редко требуются повторно, что создает дополнительные проблемы для рынка культурных товаров. С точки зрения бизнеса, это означает, что культурные товары являются «рисковыми».

Другой особенностью культурных товаров является система «звезд». Бретон считает, что она направлена на снижение риска при продаже культурных товаров. Голливуд просто разработал эту систему более тщательно, но в области культуры она существовала

²² Girard A. Cultural industries: a handicap or a new opportunity for cultural development? P. 26.

²³ Breton A. Introduction to an economic of culture: a liberal approach. P. 40–51.

всегда. Система «звезд» необходима, чтобы стабилизировать изменчивый спрос, столь характерный для продуктов культуры. В каком-то смысле это – тестирование вкусов потребителей.

В продуктах культуры огромную роль играют прототипы. Успех одного типа культурного продукта ведет к производству потока подобных. Прототипы культурных продуктов играют ту же роль, что и «звезды».

В статье «Культурные индустрии: происхождение идеи»²⁴, А. Маттеларт и Дж. Пьемм утверждали: развитие индустрии культуры свидетельствует о том, что культура деградирует и превращается в коммерцию, а если это и индустрия, то она производит массовую продукцию. Культура как аутентичный опыт прекратила свое существование. Развитие и увеличение влияния среднего класса приводит к развитию псевдоиндивидуальности. Индустриальный тип производства приводит к появлению следующих черт культурного продукта: сериализация, стандартизация, разделение труда. И именно здесь наиболее четко обнаруживается разрыв между старой и новой культурами.

Эти авторы показали, что именно кино своим индустриальным способом производства втянуло в орбиту индустриализации все другие искусства. Основной же чертой кино является его способность копироваться, репродуцироваться, что абсолютно противоречит критериям традиционного искусства. Вторжение технологии в искусство произошло именно через кино.

В кругу американских философов термин «индустрия культуры» не считали адекватными. Предлагался термин «индустрия знания» как более общее проявление процесса, или «индустрия сознания», подчеркивавший, что печатное слово не так деятельно влияет на сознание, как современные СМИ. Наконец, в настоящее время все иное поглотил термин «информационная индустрия». Он как нельзя лучше отвечал проблемам культурного развития в эпоху постиндустриального информационного общества.

А для Европы очень долго было характерно нежелание признать культуру товаром, в котором экономические характеристики столь же важны, как и эстетические. Дело в том, что европейской гуманистической культуре всегда было чуждо признание зависимости культуры как проявления «высот человеческого духа» от технологии и тем более – рынка. Однако индустриальное обще-

²⁴ *Mattelart A., Piemme J.-M.* Cultural industries: the origin of the idea // Cultural industries: a challenge for the future of culture. P.: UNESCO, 1982. P. 51–63.

ство не могло не создать присущей ему культуры и, следовательно, культурной реальности.

Если в середине 1980-х гг. специалисты еще могли обсуждать вопросы взаимодействия нарождающейся культурной индустрии и традиционной культуры, то в 1997 г. основной вопрос уже стоял иначе: возникло стремление регулировать лавинообразный поток технологизированных культурных товаров. Именно эти проблемы в социологическом аспекте получили отражение в сборнике «Культурная регуляция и средства массовой информации»²⁵.

В статье этого сборника «Регуляция, дерегуляция и ререгуляция»²⁶ К. Томпсон утверждал, что факторы, влияющие на культурную регуляцию, следует выводить из тезиса Маркса – «способ производства влияет на культуру». Раз капиталистический способ производства не остается неизменным, то, следовательно, меняются и способы регуляции, приспособления экономических и общественных структур. Капитализм при переходе от индустриального этапа к потребительскому сменил и тип культуры, и систему культурных институтов, таких как школы, СМИ, социальное обеспечение, которые есть способы регуляции общества.

«Усовершенствованный» капитализм, по мнению автора, требует создавать соответствующие политические и моральные рамки для поддержания морального и социального порядка. И именно государство является центральным регулирующим механизмом. Политика регуляции в различных областях культуры преследует цель контролировать виды проведения досуга членами общества, так как в современном обществе досуг превратился в четко выделенную категорию социальной активности населения. В обществах с рыночной экономикой появился рынок досуговой деятельности.

А в разделе «Наследие и предпринимательская культура» проблема индустриализации культуры рассматривалась К. Томпсоном в несколько ином аспекте – опасность, которую представляет индустриализация, усиленная технологизацией, для традиционной культуры.

За весьма короткий промежуток времени то, что когда-то являлось культурой, превратилось сначала в «традиционную культуру», а затем и в «культурное наследие». Авторы считали, что нос-

²⁵ Media and cultural regulation. L.: Open univ., 1997.

²⁶ *Tompson K.* Regulation, de-regulation and re-regulation // Media and cultural regulation. L.: Open univ., 1997. P. 9–69.

тальгию по «культурному наследию» в настоящее время используют как основной стимул туризма, который отражает экономические интересы имущих слоев и политические интересы правительства, так как ностальгия и консерватизм помогают сохранить национальную идентичность. По мнению авторов, настоящий подрыв значения «классической культуры» произошел в 1960-е г., а переосмысление понятия «культура» – в 1980-е с появлением электронных СМИ, которые дали потребителю продукты поп- и контркультуры. В настоящее время единственным значимым стал критерий «обменной стоимости», «конвертируемости», т.е. возможность продать данный продукт на рынке, а важность эстетических ценностей, характерная для традиционной культуры, отошла на второй план²⁷.

Авторы обращаются и к такому явлению культуры, как газеты, тесно связанному с процессом индустриализации с самого момента своего возникновения. Однако в настоящее время и этот вид индустриализированной культуры должен изменяться и отступать от своих традиций. Одна из важных проблем современных СМИ – «таблоидизация» прессы: слово «таблоид» в английском языке переводится и как таблетка, и как бульварная газета. Фактически в настоящее время процесс «таблоидизации» охватил и серьезную прессу. Это – важный показатель социально-культурных процессов.

В статье С. Холла «Центральность культуры»²⁸ отмечается, что в XX в. культура уже срослась с общественным производством настолько, что в настоящее время трудно провести ту четкую грань между базисом и надстройкой, которая была центральной в концепции Маркса. И базис, и надстройка стали интегральной схемой экономического обмена, от которого зависит движение информации, знания, капитала, инвестиций, производство товаров, торговля, маркетинг. С точки зрения эстетических стандартов, продукты такой «культурной революции» не могут сравниваться по ценности с достижениями других эпох. Вся предыдущая культура была элитарной, предназначенной для узкого круга людей определенной эпохи. Нынешние культурные изменения могут с небывалой мощью влиять на общественное сознание в глобальном масштабе. Однако одним из неизбежных следствий технологизации и глоба-

²⁷ Media and cultural regulation. P. 35.

²⁸ Hall S. The centrality of culture: notes on the cultural revolutions of our Time // Media and cultural regulation. P. 207–239.

лизации является гомогенизация культуры. Создание индустрии культуры привело к однородности взглядов и поведения.

Позиция авторов упомянутого сборника, представителей первой индустриальной державы, подкрепленная историческими аналогиями, позволяет оценить социологические и социально-психологические перспективы проблемы: индустриализация культуры неизбежна, культурный продукт будет увеличиваться многократно; вопрос лишь в том, какому типу регуляции должен подвергаться этот продукт – регуляции политической, индустриальной или идеологической.

Одна из важных проблем современной культуры заключается в различиях ее восприятия двумя поколениями. Современное поколение, для которого технологизированная культура является реальностью, а традиционная культура – далеким прошлым, не видит никаких противоречий или нестыковок в существующем состоянии дел. Старшее же поколение, на протяжении жизни которого произошла серьезная ломка, фактически крушение системы культурных ценностей, воспринимает проблему болезненно.

В английском журнале «Экономист» в 1997 г. была помещена статья «Поэтическая несправедливость» о перспективах «индустриализации поэзии». Подобное словосочетание на первый взгляд выглядит кощунственным. Но автор задается вопросом, а каким образом может вообще выжить поэзия, если она не технологизируется, не воспринимает новые технологические средства. На протяжении веков социальная значимость поэзии была очевидна, говорится в статье, поэты влияли на умы целых поколений. «Но это, однако, было очень давно. Сегодня современная поэзия больше сродни собиранию бабочек: хорошее занятие для энтузиастов, но малозначимое в социальном плане»²⁹. В тот момент, когда в стране перестают преследовать по политическим мотивам, поэзия теряет свое социальное значение. Примером, согласно статье, может служить Россия. «В Америке и Великобритании – двух странах с великой поэтической традицией и равновеликой политической свободой – поэзия стала не просто маргинальной, она вообще выпала из поля зрения. На нее редко появляются рецензии в газетах или популярных журналах. Отделы поэзии просто ликвидированы». И в заключение – вывод: «Поэзия стала иметь очень мало значения как культурная форма»³⁰.

²⁹ Poetic injustice // The Economist. L., 1997. Dec. P. 139.

³⁰ Ibid.

В современных условиях некоторые любители поэзии стараются модернизировать формы ее представления, приспособить к современным реалиям. Например, в США налажено производство «поэтических коробок», в которых помещены магнитные буквы. Из этих букв на дверце холодильника можно выкладывать незатейливые стишки, их можно также посылать в фирму, выпускающую эти «поэтические коробки», где они будут включены в ежегодное издание подобной поэзии. В США таких поэтических коробок продается до 50 тыс. в месяц, а общий объем продаж составляет 6,5 млн долл. в год. Были также изданы собрания поэтических произведений, подходящие для размещения в транспорте. Однако несмотря на все попытки оживить интерес к поэзии, приспособить ее к современным индустриальным формам представления культурных товаров, очевидно, что «поэты не станут более воплощением культуры, как это было во времена Мильтона, Попа и Теннисона»³¹.

В статье Р. Франка за 1998 г. «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес» утверждается, что в настоящее время дюжина транснациональных корпораций определяет культурные интересы 6 млрд землян. Эти корпорации конкурируют друг с другом и одновременно сотрудничают. Борьба идет на всех уровнях: кино, радиовещание, кабельные сети, спутниковое вещание, звукозапись, тематические парки, издательства. Она развернулась в 1990-е гг. «В конечном итоге каждый дом становится полем битвы», – говорит Г. Стрингер, президент корпорации «Сони» в США³².

В указанную дюжину компаний входят «Дженерал электрик», издательский дом «Пирсон», корпорация «Бертельсман». Однако шесть крупнейших в мире ТНК, доминирующих на рынках культурной индустрии, объединяет одно – все они являются владельцами крупнейших голливудских студий. И это не простое совпадение. Как официально объясняют сложившуюся ситуацию сами представители ТНК, голливудские студии выступают как «фабрики идей», направляющие деятельность других видов коммуникационных каналов и культурных индустрий. Все студии Голливуда стали объектами глобального значения. Переход от традиционной системы распространения кинопродукции к современной увеличил ее потребление. Принадлежность же этих студий глобальным

³¹ Poetic injustice // The Economist. L., 1997. Dec. P. 139.

³² Frank R. There is no business like show business // Fortune. N.Y., 1998. № 12. P. 46.

ТНК неамериканского происхождения вывела их из-под юрисдикции американского законодательства. Как заявил представитель одного из таких крупнейших гигантов «Виаком», «основная борьба идет тогда, когда вопрос касается получения доступа к 50–60 млн зрителей и слушателей»³³.

Развитие глобальных сетей в последнее десятилетие придало этой борьбе глобальный масштаб. Борются не только за каналы или сегменты рынка, но и за доминирование по типам программ: детские, новостные, спортивные. Круг интересов корпораций стал настолько разнообразен, что каждая из них, по существу, проводит свою культурную политику.

Таким образом, можно сравнить: пятимиллионный объем продаж «поэтических коробок» в год и миллиардные доходы крупнейших корпораций, использующих стихосложение лишь для рекламы или текстов песен. Нет сомнений относительно того, кто победит в этой борьбе.

Все это позволяет ясно увидеть пропасть, разделяющую традиционную культуру и культуру новой технологической эпохи. Изменившиеся технологические формы представления культуры уже не позволят вернуться к старым образцам. Если последние и сохранятся, то лишь на периферии культурной жизни мирового сообщества, как это и происходит в настоящее время с поэзией. Глобальные масштабы культурной индустрии не могут удовлетвориться мизерной аудиторией. Вопросы экономики и технологии стали играть слишком большую роль в проблемах создания и распространения культуры, проведения культурной политики. Они диктуют свои требования и изменяют творческие методы.

Английский исследователь С. Лэш в книге «Конец организованного капитализма» предлагает следующую схему³⁴. Он утверждает, что общество перешло к принципиально новому представлению культуры: оно строит творчество не на дискурсивном, а на образном представлении. Весь предыдущий этап формирования культуры покоился на следующих принципах: приоритет слов над образами, рационалистический подход к творчеству, акцент на формальных аспектах, приоритет смыслового содержания и, как итог сознательное превалирует над подсознательным. В современной же культуре ситуация выглядит следующим образом:

³³ *Frank R.* There is no business like show business // *Fortune*. N.Y., 1998. № 12. P. 46.

³⁴ *Lash S., Urry J.* The end of organized capitalism. Cambridge: Polity press, 1987.

а) визуальное превалирует над словесным;
б) формальное (набор непреходящих абстрактных ценностей) отступает перед повседневным;

в) отвергаются рационализм и дидактизм, главным вопросом становится не смысловое содержание культуры, а сфера ее воздействия;

г) подсознательное превалирует над сознательным, воздействие происходит через погружение потребителя, через стимулирование эмоциональной потребности в данном культурном продукте.

В качестве примера автор приводит прессу – этот столп, патриарха средств массовой коммуникации. Наблюдается «таблотидазация» прессы. Даже опытные читатели газет не хотят читать длинные аналитические рассуждения. Теперь словесная информация должна быть короткой с одновременным визуальным представлением и воздействием не на рациональную, а на эмоциональную сущность читателя. Эти выводы, возможно, не утешительны, но во многом справедливы.

Так, А. Джиард в упомянутой выше статье приводит жизненный цикл произведенного культурного продукта: творческая работа, производство авторского экземпляра, промышленное производство (тиражирование), реклама, оптовая торговля, розничная торговля, импорт, экспорт, архив³⁵. Как это ни прискорбно, но эту производственную схему (или технологическую цепочку) следует иметь в виду и творческим личностям, если они хотят получить должное вознаграждение за свои усилия. Ведь в реальности в процессе жизненного цикла культурного продукта его творческая часть составляет лишь немногим более 10%, а все остальное подчиняется обычным «товарным законам». Переход же на уровень глобализации данного культурного продукта требует выстраивания технологической цепочки с привлечением глобальных средств коммуникации, заинтересованных, как это было показано на примере глобальных индустриально-культурных корпораций, в привлекательности продукта для миллионов зрителей.

Все приведенные выше данные, теоретические позиции и мнения в конечном итоге оказывают непосредственное влияние на культурную политику национальных государств. Об этом свидетельствует хотя бы яростная полемика по поводу нового тарифного соглашения, развернувшаяся между США и странами ЕС,

³⁵ Girard A. Cultural industries: a handicap or a new opportunity for cultural development? P. 34.

прежде всего Францией. В ее центре стоял вопрос именно о том, следует ли рассматривать культурные товары в числе всех остальных и устанавливать на них аналогичные тарифы или исключить их из этого соглашения. В результате 13 декабря 1993 г. продукция аудиовизуальной культуры была исключена из нового соглашения ГАТТ. Таким образом «расширилась пропасть между защитниками непреходящей ценности культуры и теми, кто выступает за безоговорочное применение критерия товарности к любому виду продукции»³⁶.

Потребительство как канал глобализации культуры

Итак, основными субъектами мирового рынка культурной продукции становятся крупнейшие корпорации, которые по характеру своей деятельности делятся на многонациональные и глобальные. Многонациональные корпорации действуют в нескольких странах и приспособливают свое производство и сбыт к каждой из них. Глобальная корпорация работает на рынок всего мира, производя однотипную продукцию для всех стран, что позволяет существенно снизить издержки и повысить конкурентоспособность³⁷. Глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который и называют ныне «культурной глобализацией».

Успех глобальных корпораций в значительной мере зависит от признания их продукции потребителями разных стран. Известно множество примеров, когда даже в странах с высоким уровнем развития национализма продукция глобальных корпораций находит успешный сбыт. Причина – в ее относительной дешевизне и привлекательности. Кроме того, огромные прибыли глобальных корпораций позволяют вкладывать гигантские средства в рекламу, вбивающую в мозги потребителей, что это как раз именно то, что им нужно. Сейчас даже в дальних городах и селах России можно встретить рекламу и товары тех же компаний, вывески и продукция которых попадают в Англии, США, Индии и в десятках других стран: «Макдональдс», «Кока-кола», «Пепси-кола», «Сони»,

³⁶ *Mammelar A.* На разные голоса // Курьер ЮНЕСКО. П.: ЮНЕСКО, 1995. Апрель. С. 17.

³⁷ *Levitt Th.* The Globalization of Market // B. de Witt, R.Meyer (ed.). Strategy. Process, Content, Context. An International Perspective. Minneapolis, St. Paul, N.Y., Los Angeles, San Francisco, 1994. P. 500.

«Панасоник», «Мальборо» и т.д. Таким образом, взрыв информационных технологий также способствует глобализации потребления.

Механизмы глобализации потребления могут быть разными. В ряде случаев глобализация приобретает форму экспансии какой-то национальной культуры. Глобальный товар, принимаемый во всем мире, пользуется успехом потому, что ассоциируется с определенной страной, имеющей в данной области высокий престиж. Это ярко проявляется в области парфюмерии и моды. В других случаях в основе глобализации лежит высокое качество товаров и обслуживания – гамбургеры из «Макдональдса», компьютеры IBM, копировальная техника фирмы «Ксерокс» и т.п.³⁸

Куда бы ни поехал человек, увидев гостиницу «Хилтон» или ее упоминание в справочнике, он, если у него есть какой-то опыт проживания в одной из них, не заходя внутрь, уже представляет и характер обслуживания, и примерный уровень цен. Когда он едет по автострате и видит вдалеке букву «М», обозначающую «Макдональдс», он уже четко представляет, что его там ждет. Если ему понравился гамбургер «Макдональдса» в Москве, он смело может заходить в это заведение в любой стране мира. Везде его ждет примерно одинаковое качество продуктов, скорость обслуживания и уровень цен. Глобальное производство и сбыт формируют «глобального потребителя», гражданина мира, который во всех странах хочет одно и то же, наслаждается и огорчается одним и тем же.

Формирующаяся система глобальной информации формирует потребности и интересы, общие для жителей всех стран. В свою очередь «глобальные потребности ведут к появлению глобальных продуктов»³⁹. Это проявляется в стандартизации товаров и унификации торговых марок. К числу товаров, которые приобретают вид глобальных (стандартных), уже можно отнести мотоциклы, аудиокассеты, диски CD, стереоаппаратуру, компьютеры и ряд других.

Во многих странах стал развиваться специальный бизнес, связанный с культивированием у потребителей тяги к символам этнической принадлежности – национальной пищи, элементов тради-

³⁸ Douglas S., *Wind Y. The Myth of Globalization* // B. de Witt, R.Meyer (ed.). *Strategy. Process, Content, Context. An International Perspective*. Minneapolis, St.Paul, N.Y., Los Angeles, San Francisco, 1994. P. 495–504.

³⁹ Ильин В. Глобализация и фрагментация потребления. [Электронный ресурс] URL //<http://www.consumers.narod.ru/book/globaliz.html>,

ционной одежды, ремесленных изделий и т.п. Если эта тенденция будет усиливаться, то роль этнического фактора в потреблении также будет возрастать.

Голливуд же вообще стал «светочем» мировой культуры. Особенно активен он в разрушении традиционных нравственных норм. Он успешно внедряет все новые сексуальные свободы, борется за права сексуальных меньшинств, забывая при этом защищать семью, которая была и остается важнейшей ячейкой общества.

Молодежь смотрит американские боевики, подражает их героям, слушает американскую музыку. Америка создает и модели современных игрушек для детей. Американизация все более захлестывает повседневный быт миллиардов людей. В Японии открыто уже 3 800 «Макдональдсов». В небольшом государстве-городе Сингапуре, населенном в основном китайцами, их уже 113, во Франции – 780. А ведь китайская и французская кухня всегда считались лучшими в мире. Что случилось с французской кухней? Рынок оставил ее для элиты, в том числе и для американской. А массам простолюдинов только и доступны «макдосы»⁴⁰. В результате англо-американская популярная культура плотнее и плотнее сжимает тиски своего господства на мировом рынке.

Расширение мирового рынка, доказывает К. Робинс, имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни⁴¹. «Локальные культуры не могут противостоять напору глобальной цивилизации, – утверждает В. Гадомски, – поскольку она эффективнее их в своем распространении. Эффективной представляется сеть “Макдональдс”, или “Пицца-Хат” от национальной корчмы. Глобализация внедряется в национальный образ. Автострады с бензиновыми заправками выглядят одинаково во Франции, в Греции, в Польше. Под напором глобализации ... национальная культура не может вступать в конфронтацию с глобальной цивилизацией»⁴².

Бывший премьер-министр Индии И.К. Гуджрал подчеркивает обиду, которую испытывают некоторые люди оттого, что «амери-

⁴⁰ Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России // Наш современник, № 5, 2000.

⁴¹ Robins K. Tradition and Translation: National Culture and its Global Context // Comer J. and Harvey S. (Hg.), Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture, London, 1991, S. 28 ff.

⁴² Gadomski W. Polska w globalnej sieci // «Przegląd Polityczny», N 37/38, 1998. S. 60.

канизация-глобализация влезла» в их дома и семьи. «Сейчас я вижу, как то же самое происходит в Индии – перемена в манере одеваться, есть, – рассказал Гуджрал. – Моей внучке четыре года. Она все время говорит про жевательную резинку, а не про индийскую еду. Или заявляет: Я не люблю Pepsi, я хочу Coke. Она уже говорит по-английски больше, чем на хинди. Я однажды спросил ее, почему она не говорит со мной на хинди, после чего она пошла к маме и спросила у нее: “А дедушка что, не говорит по-английски?” Я продолжаю наблюдать за своими внуками, потому что это о многом говорит. Недавно моя внучка сказала, что хочет пиццы, и бабушка ответила, что приготовит ей пиццу на следующий день. Внучка отозвалась: “Нет, я хочу в Pizza Hut”»⁴³.

В Малайзии владелец американизированного ресторанчика так ответил на вопрос, чем он привлекателен для малайзийцев: «Им не только понравился вкус, им гораздо больше понравилось то, что это символизирует – современность, американизацию, модность. Люди здесь любят все западное, особенно – американское. Они хотят есть это и быть как бы западными. Люди в маленьких городках Малайзии стоят в очередях за нашими цыплятами – они приходят отовсюду, чтобы купить их. Они хотят приобщиться к Америке. Людям здесь нравится все, что современно. И они чувствуют себя современными, когда едят это»⁴⁴.

Сегодня в нижнебаварской деревне точно так же смотрят телесериал о жизни в Далласе, носят джинсы и курят сигареты «Мальборо» как знак «чистой, нетронутой природы», как и в Калькутте, Сингапуре или в «бидонвилях» под Рио-де-Жанейро.

Председатель «Евродиснейленда» говорит: «Характерные признаки Диснея имеют универсальное значение. Попробуйте как-нибудь убедить итальянского ребенка, что Тополино – итальянское имя Микки-Мауса – родом из Америки, и вы потерпите поражение»⁴⁵.

«Глобализация стала средством распространения по всему миру фантазий об Америке, – полагает американский обозреватель Т. Фридмен. – В современной глобальной деревне люди знают, что есть иной образ жизни, они знают, как живут американцы, и многие хотят для себя кусочек этой жизни – и чем больше, тем лучше,

⁴³ Цит. по: *Фридмен Т. Lexus и олива*. СПб., 2003. С. 371.

⁴⁴ Там же. С. 284.

⁴⁵ *Comer J. and Harvey S. (Hg.), Enterprise and Heritage: Crosscurrents of National Culture*. L., 1991. S.28.

причем с кремом. Одни идут для этого в Disney World, другие – в Kentucky Fried в Малайзии. Айви Джосайя (Ivy Josiah), молодая активистка борьбы за права человека в Малайзии, так объяснила мне однажды те смешанные чувства, которые ее поколение испытывает в связи с этим феноменом: “Я возмущаюсь в душе, когда думаю о том, что наши традиционные ларьки-рестораны окажутся проглоченными кентуккскими цыплятами и Макдональдсами, – сказала она. – Мы теряем свою идентичность. Мы выросли среди тех ларьков. Но для молодежи это не так. Сейчасходишь в эти ларьки – а там крысы и грязная вода. Сейчас для ребенка из Малайзии хорошая еда – это Pizza Hut. Глобализация – это американизация. Элита здесь говорит: “Вам не следует ходить в McDonald’s”, но для маленьких людей, которые не могут попасть в Америку, это возможность получить Америку у себя дома”».

По всем этим причинам наивно полагать, что мы как-то можем остановить глобальную лавину McDonald’s или Taco Bell, открывающую франшизы по всему миру. Они множатся, потому что предлагают людям нечто, что те хотят...⁴⁶

Есть, однако, и культуры, отвергающие монополию западной модели и умело с ней борющиеся. Они локализованы в странах со сложившейся экономикой незападного типа и с богатой традицией государственной поддержки собственной культуры – например в Японии, Индии и Бразилии. С другой стороны, эти «новые культуры современности», которыми могли бы стать модернизированные традиционные культуры, не расцветают в Бутане, Мозамбике, Гренландии, Парагвае, Бахрейне и прочих бедных странах. Не развиваются они и в странах с посткоммунистической экономикой: в Польше, бывшей Югославии и, в особенности, в России – странах, переживающих культурный спад и легко поддающихся неолиберальной западной интервенции. Здесь все еще очень сильны установки на копирование, а также стремление к культурной ассимиляции Западом. Социолог Л. Склер пишет, что «культур-идеология консьюмеризма, основанная на образах, символах, эстетизировании себя и стиля собственной жизни – распространилась по всему миру и несет очень важные последствия, включая стандартизацию вкусов и желаний, и даже падение Советского Союза»⁴⁷.

Не случайно некоторые социологи призывают делать различие между феноменом всемирного распространения товаров массово-

⁴⁶ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 284–285.

⁴⁷ Sklair L. Sociology of the global system. N.Y., 1991.

го потребления и тем, как они на самом деле воспринимаются потребителями – это восприятие, по их мнению, становится все более многообразным по мере нарастания глобализации. Так, антрополог А. Аппадурои считает, что потребление глобальных масс-медиа «порождает иронию, избирательность и, в целом, активное действие»⁴⁸. Другие подчеркивают, что необходимо тщательнее исследовать социальные аспекты потребления, т.е. то, как принимают, приобретают, трактуют и используют товары в разных обществах. Ибо ни одно культурное сообщение не пересекает национальных границ в культурном вакууме, а наталкивается на уже существующие у потребителей или получателей картины мира⁴⁹.

Впрочем, исследователи говорят и об ином процессе – возникновении мировой культуры, цементирующей общества, «рационализируя системы (несовершенно) эгалитарного правосудия и представительного правления, в экономике, политике, культуре и социальных взаимодействиях»⁵⁰. Наконец, социологи и историки отмечают также возникновение «партикуляристских» идентичностей, подрывающих концепцию глобальной культуры, а также рост этнической активности, начиная с 1960-х, который никак нельзя объяснить глобализацией⁵¹.

Таким образом, процессы глобализации культуры не столь прямолинейны и одномерны, как иногда представляется на первый взгляд. Они носят крайне противоречивый, сложный характер. И это обстоятельство следует иметь в виду при анализе этих явлений.

Потребительство в постсоветской России

В свое время в России «флирт с потребительством» в 1920-е гг. сначала «помог сформировать потребительскую ментальность, схожую с западноевропейской и американской», после чего большевики призвали народ к рациональным, упорядоченным формам

⁴⁸ Appadurai A. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. Minneapolis, 1996.

⁴⁹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford: Stanford University Press. 1999.

⁵⁰ Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. World society and the nation-state // *American Journal of Sociology*. 1997. № 130 (1). P. 144–181;

⁵¹ Mazlish B. *An introduction to global history* // Mazlish B., Buultens R. (eds.) *Conceptualizing global history*. Boulder, CO, 1993; Portes A. *Globalization from below: The rise of transnational communities*. Princeton, 1997.

досуга и, в конце концов, резко ограничили поток товаров западной культуры⁵².

Эта тема вновь возникла в послевоенном советском дискурсе, когда зазвучали настойчивые призывы к разграничению допустимого и даже требуемого потребления духовных благ и форм досуга (кино, концерты, театры, мода) и «потребительства», порожденно-го дисгармонией между материальными и духовными потребностями. Последнее воспринималось однозначно отрицательно, поскольку считалось, что чрезмерное увлечение потребительством превращает людей в «рабов вещей»⁵³.

Можно было ожидать, что в постсоветской России, как, например, и в послевоенной Германии освобождение от авторитарного правления приведет к тому, что свободное потребление войдет в культуру как основное и неотъемлемое право⁵⁴. Однако постсоветское пространство, освободившись от коммунистической идеологии, оказалось незащищенным от глобальных потоков материальных и культурных благ, которые хлынули не только с Запада, в его традиционном понимании. Глобализация привела к анонимности стран-производителей потребительских товаров и тем самым подорвала доверие к товарам западного качества. Большая часть провинциальной российской молодежи все время опасалась, что в поисках «символов модерна» им достанется «что-нибудь китайское»⁵⁵.

В постсоветской России «рождение» потребителя постоянно сдерживалось как экономическими, так и культурными условиями. Постоянное сокращение внутреннего производства привело к дисбалансу потребления: большинство непривычных, «деликатесных» продуктов питания в то время импортировалось с Запада, стоило дорого, а их качество вызывало все больше нареканий, тогда как обычные продукты российского производства купить становилось все труднее, поэтому многие начали решать проблему их дефицита за счет дач и подсобных хозяйств⁵⁶.

⁵² *Gorsuch A.* Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana University Press. 2000. P. 131–138.

⁵³ *Pilkington H.* Young women and subcultural lifestyles: a case of «irrational needs»? // R. Marsh (ed.) Women in Russia and Ukraine, Cambridge; Cambridge University Press. 1996. P. 174.

⁵⁴ *Poiger U.* Jazz, Rock, and Rebels. Cold War Politics and American Culture in a Divided Germany. Berkeley: University of California Press. 2000. P. 113.

⁵⁵ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 243.

⁵⁶ *Humphrey C.* Creating a Culture of Disillusionment: Consumption in Moscow: a Chronicle of Changing Times // Worlds Apart: Modernity Through the Prism of the Local / Ed. by D. Miller. L.: Routledge. 1995. P. 43–68.

Этот неожиданный возврат дефицита лишил рекламу всякого смысла и нанес ущерб идентичности потребителя. Поскольку у большинства российской молодежи почти не было собственного потребительского опыта, в молодежной среде произошло отождествление субъектов потребления с «новыми русскими». Достаток последних описывался молодежью (прежде всего – подростками) в старых советских терминах богатства (машина, квартира, золото, деньги), размеры которого явно преувеличивались.⁵⁷

Молодежные СМИ как инструмент глобализации в России

*Коммунизм – это молодость мира,
и его возводит молодым.*

Молодым везде у нас дорога...

Лозунги советского времени

Молодежь стала одним из главных идиологов нашего времени. Появилось множество молодежных изданий, радио- и телепередач, молодежных концертов и фестивалей, молодежных клубов, музыки. СМИ твердят о тенденциях молодежной моды. На щитах рекламы в большом городе помещены в основном молодые лица. Множество чиновников, ученых и деятелей культуры занято проведением «особой молодежной политики».

Да и реклама обращена прежде всего к молодежи: сотовые телефоны, компьютерные игры, курение, пиво, наркотики, татуировки, пирсинг, гормональные контрацептивы, экстремальные виды спорта, рок-музыка, порнография, педерастия, «свободная любовь», магия, оккультизм. В основе рекламных «слоганов» – особые ценности: доблесть – нахамить, «нажраться и отрубиться», «забить (в смысле, наплевать) на все», уметь выигрывать в азартные игры, быть расчетливым, ловкачом, использовать людей в своих интересах. Подвиги в основном в постели. Ну и порой в прыжке с парашютом, полете на дельтаплане⁵⁸.

По мнению психологов, именно в подростковом возрасте человек начинает соотносить свою личность с системой оценок

⁵⁷ Oushakine S. The quantity of style. Imaginary consumption in the New Russia // Theory, Culture and Society, 2000. № 17/ Vol. 5. P. 97–120.

⁵⁸ Медведева И., Шишова Т. Поколение цветов: три этюда о современной молодежи. – [Электронный ресурс] URL //www.pravoslavie.ru

окружающего мира. Известный этолог К. Лоренц указывал: если изменения в нормах поведения, передаваемых от отца к сыну, больше некоторого критического значения, возникает сильное искушение просто отбросить «отцовскую культуру» и на ее месте построить совершенно новую⁵⁹.

Поскольку школа, утратив педагогическую функцию, не фиксирует внимание подростка на положительных примерах, а семья нередко не дает жизненных установок, молодой человек начинает искать ориентиры для самоопределения в обществе своих сверстников и в молодежной прессе. Из СМИ ребенок черпает информацию, создающую стереотипы и модели его поведения, жизненные ценности и приоритеты. Подростковые СМИ можно рассматривать как канал опосредованного общения со взрослыми. Поэтому подросток нередко воспринимает преподносимые прессой сведения как достоверные, неоспоримые и доказательные.

Молодежные издания стараются позиционировать себя как партнеров по общению, тем самым привлекая подростковую аудиторию. Это отражается и на языке изданий. В частности, используется подростковый сленг, авторы берут себе псевдонимы, имитирующие детские клички.

Анализ молодежных СМИ в России позволяет утверждать, что сегодняшняя молодежная пресса, распространяемая в России, является наиболее активным проводником глобализации. Она формирует определенные стереотипы общения, отношение к старшему поколению, к социуму, к основополагающим вопросам свободы, вероисповедания, культуры и т.д. Российские молодежные медиа, особенно такие, как журналы «Ом» и «Птюч», произвели коренную ломку представлений о Западе. При этом они демонстрировали довольно циничное отношение к общепринятым ценностям⁶⁰.

К концу 1990-х гг. молодежные медиа перестали изображать Запад в качестве идеологического врага, а стали писать о западной молодежной культуре, музыке, фильмах и стилях, «приобщая» российскую молодежь к глобальной культуре⁶¹.

На просторах России стали свободно продаваться журналы «Браво» (Издательство «Бауэр Россия»), «Хулиган» («Гейм Лэнд»),

⁵⁹ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии, 1992, № 3. С. 48.

⁶⁰ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 83.

⁶¹ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 241.

«YES!» («Юнайтед Пресс»), «Cool», «Ровесник», «Факел» и еще с десяток аналогичных журналов, эксплуатирующих подростковую и юношескую гиперсексуальность. «Cosmopolitan» – американский журнал в России выходил в собственной версии, а не в виде перевода американского варианта. Компания «Кока-Кола» выделяла стипендии российским студентам (журнал «Собеседник»), а «Procter'n Gamble» инвестировал в российскую молодежную прессу (журнал «Я-молодой») ⁶².

Все это давало хорошую прибыль: ведь секс, во многом благодаря таким изданиям, стал важным элементом молодежной культуры. Волна эротики захлестнула и российское телевидение, плодились клубы «свободной любви», на подростков буквально обрушивается поток эротических SMS-чатов, предложений секса по телефону и эротических картинок для мобильных телефонов.

Например, одна из статей в журнале «Bravo» (издательства «Бауэр Россия») называлась – «Мечтаю стать геем». Молодые читатели с помощью журнала и своего мобильного телефона могли посмотреть на лесбийские игры четырех подруг или на любовь двух парней, поиграть в маньяков-гомосексуалистов, получить инструкцию с картинкой от Камасутры. Это далеко не полный перечень секс-услуг, предлагавшихся в журнале. Журнал «Хулиган» пошел еще дальше. Здесь читателей ожидали элементы порно с грубым садизмом или мазохизмом, фотографии ванной комнаты, забрызганной кровью, списки памятников в Москве, где собираются геи, трансвеститы и лесбиянки, садо-мазохисты, педофилы и зоофилы.

А в журнале «Cool» долгое время существовала рубрика под названием «Когда родителей нет дома», где рассказывалось, как лучше проводить время, свободное от родительского контроля и надзора: «Родителей не будет дома до позднего вечера, вы с любимым человеком уединяетесь и собираетесь заняться самым главным...».

В журнале «YES!» внешне материал подавался более или менее пристойно. Зато на сайте журнала детей учили заниматься сексом в городском фонтане, на детской площадке, на городском пляже в кабине для переодевания, а страничка знакомств предлагала геям и лесбиянкам простор не только для виртуального общения ⁶³.

⁶² Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 82–83.

⁶³ *Толоконцева К.* Займемся любовью! Почему некоторые молодежные журналы ударились в порнографию? // Трибуна.ру общественно-политическое интернет-издание. 19 декабря 2006.

В журнале «Хулиган» содержалась рубрика, рассказывающая читателям о новых порносайтах, раздел писем читателей, обсуждающих свои сексуальные проблемы, и, конечно, масса статей с яркими названиями: «Группен секс», «Она+она. Любовь без конца», «Секс повсюду», «Секс втроем: тактика и стратегия».

В популярном печатном издании «Факел», которое представляло себя как «журнал для думающей молодежи», содержался целый каталог статей на тему секса: «Папа, мама, я – веселая семья», «Наши руки не для скуки», «Семейный секс» и т.п.

В журнале «Молоток» на откровенные вопросы читателей отвечал доктор-сексолог, которому можно было написать в редакцию или по электронной почте. Основной контингент читателей данного издания составляли школьники от 11 до 16 лет, которым специалист под именем Флакс давал конкретные советы: как часто можно заниматься сексом, что делать, если порвался презерватив, какие средства контрацепции лучше применять. «Запретных тем и стыдных вопросов не бывает», – заверяли издатели.

Стоит упомянуть и еженедельные журналы «Cool» и «Cool girl», которые выходили тиражами по 300 тыс. каждый. Они беспрепятственно распространялись в России и в ряде бывших ее союзных республик издательским домом «Бурда». В отношении этих журналов даже было возбуждено уголовное дело, однако вскоре закрытое под предлогом отсутствия цензуры на территории Российской Федерации⁶⁴.

Не обходили СМИ стороной и актуальную тему наркотического бизнеса. В них давалась подробная информация о различных видах и свойствах психотропных и наркотических веществ, о местах их приобретения и сбыта. Так, в № 9 журнала «Факел» за 2003 г. приводился список 15 наркосодержащих препаратов, которые продаются без рецепта либо без соблюдения норм рецептурного отпуска. А в № 9 за 2002 г. был напечатан материал «Сказки белого порошка», в котором говорилось, что кокаин – самый богатый и элитарный наркотик, который в начале его употребления дает ощущение «легкой искрящейся эйфории», вызывает желание общаться со всеми вокруг и делиться самым сокровенным.

⁶⁴ Цит. по: *Сандалова К.* Воспитание «хулигана» «молотком». Чему учат молодежные журналы? Из Папки Комиссии по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации «Общественной палаты». – [Электронный ресурс] URL Сайт «Нет – Наркотикам», Москва, 2006 г. http://www.narkotiki.ru/mir_6339.html.

В журнале «Cool» можно было найти статьи, повествующие об экстази: о тенденциях потребления его в мире, об отличиях настоящего наркотика от ненастоящего и т.д. На доступном, понятном для несовершеннолетних языке авторы излагали, что существует так называемый GHB – «Жидкий экстази», который «пользуется огромной популярностью среди подростков» и «обладает успокаивающим действием, в отличие от экстази, вызывающего стимулирующий эффект»⁶⁵.

В журнале «Молоток» (№10 за 2004 г.) были опубликованы материалы, где приводились рекомендации по безопасному употреблению так называемых «тяжелых» наркотиков (опиатов). В этом же номере журнала давались ссылки на высказывания знаменитых людей, употреблявших или употребляющих наркотики для более полной реализации своих талантов и способностей.

А в журнале «Хулиган» присутствовала специальная рубрика «Дестрой», где читателям давались подробные советы, как уличные вывески превращать в нецензурные слова, как досадить прохожему, как измазать краской дверь соседки-старушки.

В конце концов в это дело вмешалась главная прокуратура страны, и указанные журналы были тщательно изучены прокурорами и специалистами в области информационной безопасности детей. По словам сотрудников прокуратуры, «в результате были вскрыты факты нарушения издателями и редакциями этих журналов требований ряда федеральных законов, в том числе и “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации”, и “О наркотических средствах и психотропных веществах”»⁶⁶.

Что касается пропаганды потребительства, то в описаниях современной моды, стилевых идей, модельеров, кутюрье, массового производства модных вещей всецело доминировал Запад, а Россия представлялась в этих журналах почти исключительно в качестве потребителя⁶⁷. И хотя это относится почти ко всем указанным

⁶⁵ Цит. по: *Сандалова К.* Воспитание «хулигана» «молотком». Чему учат молодежные журналы? Из Папки Комиссии по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации «Общественной палаты». [Электронный ресурс] URL Сайт «Нет – Наркотикам», Москва, 2006 г. http://www.narkotiki.ru/mir_6339.html.

⁶⁶ *Козлова Н.* Многотиражная эротика. Генпрокуратура требует закрыть молодежные журналы за пропаганду секса. Дата публикации 29 июня 2006. [Электронный ресурс] URL [//www.rg.ru/2006/06/29/propaganda.html](http://www.rg.ru/2006/06/29/propaganda.html),

⁶⁷ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 73.

журналам, каждое издание по-своему преподносило эту зависимость. Если «Cosmopolitan» делал акцент на потреблении модной одежды, косметики и т.п., то «ОМ» и «Птюч» – на обозначении культурного статуса молодежи. Последние два журнала конструировали деление на «массовые» и «элитные» стили и фокусировались, в первую очередь, на одежде, знакомя читателей с новинками дорогих западных бутиков, открывшихся в Москве и Питере. При этом «ОМ» и «Птюч», ориентируясь на приобщение читателей к «глобальной культуре», стремились создать впечатление доступности современных модных западных стилей для российской молодежи и показать, что «продвинутые» слои россиян активно включились в «глобальную» моду. «Попсовые» журналы предлагали своим читателям просто заимствовать модные тенденции Запада⁶⁸.

Западные модельеры и кутюрье представляли прежде всего европейские страны – Францию, Англию и Италию. Во многих публикациях «центром мировой моды» признавался Париж, а Лондон фигурировал как родоначальник современного молодежного дизайна⁶⁹.

Футболка и джинсы преподносились в этих журналах как символы американской цивилизации, распространившейся по всему миру, как особый, «чисто» западный (т.е. демократичный) стиль в одежде, которого совсем не было в России. Американская мода характеризовалась как демократичная и стандартизированная мода массового производства, а европейская – как авторская, элитарная, стоящая ближе к искусству. Часто упоминались недели «высокой моды», в которых помимо российских участвовали и западные модельеры. Причем во всех журналах количество рекламируемой западной продукции значительно превосходило рекламу российских товаров (соотношение в среднем 67% к 15%). В «Птюче» этот дисбаланс был особенно заметен: 88 % рекламы посвящалось западной одежде и только 6% – российской. Журнал «COOL!» (германского издательского дома Burda) был переполнен топ-моделями в фирменной одежде и советами о том, как хорошо выглядеть⁷⁰.

Таким образом, «власть» в области моды в молодежных журналах целиком и полностью принадлежала Западу, который и опре-

⁶⁸ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 73.

⁶⁹ Я – молодой, 1998, № 23. С. 14

⁷⁰ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 74.

делял внешний вид российской молодежи. Несмотря на заявления об одинаковости подростковой моды во всех странах, утверждалось, что именно европейцы задают тон и формируют моду («Последний писк моды в Европе») ⁷¹. Среди популярных стилей были «милитари» и «унисекс», зародившиеся на Западе.

Молодежные журналы и телепрограммы ориентировались на определенные группы молодежи. Например, журнал «COOL!» адресовался широкой, в основном, подростковой аудитории и публиковал материалы о коммерческой поп-музыке и звездах. Журнал «Я – молодой» был рассчитан на молодежную аудиторию более широкого возрастного диапазона, чем «COOL!», и поэтому освещал темы самого общего плана – музыка, кино ⁷². Журнал «Ровесник» много писал о музыке и, в первую очередь, ориентировался на мужскую молодежную аудиторию. «Штучка» публиковала информацию и советы, адресованные девочкам-подросткам. Иная целевая аудитория была у молодежного журнала «Айда»: стилистика и выбор тем были ориентированы на «традиционную» российскую молодежь ⁷³.

«Альтернативные» молодежные журналы, такие как «ОМ» и «Птюч», уделяли гораздо больше внимания истории и современной жизни различных молодежных культур в разных национальных и культурных средах. Так, «ОМ» детально описывал различные молодежные субкультуры, обращаясь прежде всего к «элитной», богатой молодежи столицы. Российская молодежь помещалась в контекст альтернативной общемировой культуры.

Журнал «Птюч» много писал о танцевальной и клубной культуре, электронной музыке глобального, национального и локального масштаба, публиковал материалы о «рейве», о танцевальных сценах и клубах не только в России, но и в ряде европейских городов (Цюрих, Берлин, Париж, Лондон), подробно характеризуя их музыку, стили и публику. Таким образом, журнал способствовал включению своих читателей в глобальное пространство клубной и рейв-культур. «Птюч» ориентировался на молодежь, включенную в танцевальную и клубную культуру, что высоко оценивалось не только активными «тусовщиками» крупных российских городов, но и провинциальной молодежью, для которой этот журнал слу-

⁷¹ Штучка, 1997, № 10. С. 29.

⁷² Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 77.

⁷³ Там же. С. 77–78.

жил важным источником информации о новейших тенденциях в мире музыки. «Птюч» формировал образ глобальной клубной культуры, целостности которой постоянно угрожали так называемые «быки» – посетители клубов «с деньгами» и неразвитым вкусом⁷⁴.

На страницах «Ома» и «Птюча» регулярно появлялась информация о новейших «глобальных» культурных группах, например о «поколении X» (так назвал Д. Купланд свою книгу о молодежи, опубликованную в 1991 г.). Это новое, «неизвестное» поколение отличалось отсутствием всякого интереса к проблемам общества, и его появление стали связывать с развитием «гранжа» на западном побережье Америки в начале 1990-х, быстро завоевавшего популярность во всем мире. Писали также о «яппи»⁷⁵.

Еще одним посредником в развитии «глобальных» молодежных культур стало киберпространство. Интернет с открывшимися возможностями для коммуникации преподносился как важное место культурного обмена между членами глобальных молодежных сцен (в частности, «Птюч» писал о «хип-хоп культуре»).

Среди материалов о музыке доля статей о Западе доходила до 48%, о моде – до 39% (о России, соответственно 38% и 18%). О восточной музыке не писали совсем, и только в 3% статей о моде речь заходила о Востоке⁷⁶.

В презентации Востока отражались представления Запада. Так, «ОМ» и «Птюч» старались подчеркнуть не локальные «тонкости» Востока, а его сходство с остальным миром. Восток в лице Японии и Гонконга представлялся «глобальным Востоком», производителем «новой» культуры, отличной от западной, однако не выходящим за пределы общемирового культурного пространства.

Другой аспект был связан с высокими технологиями XXI века; здесь о Японии говорилось как о стране, производящей на мировом рынке суперсовременные товары и способной удовлетворить самые требовательные запросы своего населения – новейшее цифровое оборудование для дома, современные транспортные системы, футуристические парки отдыха, видео и компьютерные игры (журнал «Птюч»). Этот аспект доминировал и в рекламе.

Журналы, активно обсуждавшие поставки японских товаров в Россию и на Запад, также признавали за Японией технологическое

⁷⁴ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 78.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 87–88.

лидерство и существенное влияние на мировую экономику. Сходным образом описывался Гонконг – как страна, шагнувшая в XXI век с дорогими машинами и высокоразвитой, суперсовременной транспортной системой. О Китае писали только в связи с его коммунистическим режимом.

Москва представлялась молодежи не как столица России, а как место новых западных ресторанов, кафе и бутиков, центр притяжения западных деятелей культуры и музыки, включенное в глобальную среду. Таким образом, Россию конструировали как раннюю версию Европы⁷⁷.

Употребление наркотиков подавалось как «нормальная» часть западной культуры прошлого и настоящего (журналы «ОМ», «Я – молодой», «Ровесник»). Согласно этим журналам, терпимое отношение к наркотикам, их потребление и открытое обсуждение возникающих в связи с ним проблем, что в России осуждалось, составляли неотъемлемую черту Запада (журналы «Птюч», «ОМ», «Ровесник»). В описаниях современной наркоситуации в Европе и Америке говорилось о центральной роли наркотиков в клубной и танцевальной сценах («ОМ», «Птюч»), об употреблении марихуаны для расслабления, развлечения и в медицинских целях, о кампаниях за ее легализацию («Птюч», «Ровесник», «ОМ»)⁷⁸.

«Птюч» и, в меньшей степени, «ОМ» указывали на Запад как на наиболее авторитетный источник плюрализма мнений о наркотиках и о проблемах наркомании. Так, «Птюч» подробно описывал варианты употребления наркотиков внутри западных молодежных культур и недвусмысленно намекал, что поскольку рекреационное использование наркотиков стало нормой на Западе, то и Россия как часть глобального мира молодежной культуры может и должна принять эту норму. А в одном из номеров было помещено прямое руководство к действию; утверждалось, что «этикет» курения марихуаны требует никогда не отказываться, если тебе предлагают попробовать⁷⁹.

Все молодежные издания признавали отставание России от Запада в развитии сексуальных отношений и в отношении к сексуальности, которое объяснялось главным образом отсутствием «сексуальной революции» 1960-х в России («ОМ»)⁸⁰.

⁷⁷ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 89–90.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Птюч, 1996, № 9. С. 32.

⁸⁰ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные

В «Спид-Инфо» и «Собеседнике» публиковались материалы, вообще шокирующие массового читателя. Журналы представляли сексуальность как важнейшую часть молодежной культурной практики, которую Россия якобы постепенно осваивала. «ОМ» и «Птюч» писали о гомосексуальности, андрогинности, бисексуальности, садо-мазохизме и трансвестизме как об источниках вдохновения современного западного искусства, кино, моды и музыки. Глобальная секс-индустрия рассматривалась как один из краеугольных камней культурной глобализации⁸¹.

Таким образом, из приведенного анализа следует, что молодежные СМИ, особенно в 1990-е гг. выступали как действенный инструмент глобализации в России, включения молодежи в современные глобальные процессы. При этом происходило постепенное разрушение традиционного менталитета российской молодежи, выросшей в системе социальных запретов, внедрение в него таких «ценностей» западной культуры, как наркомания, сексуальная свобода, пренебрежение семейными отношениями и т.п. Формировалось пренебрежительное отношение ко всему отечественному и пиетет по отношению ко всему евро-американскому.

Глобализация и языковые проблемы культуры

Не в тенденции к языковой унификации, а в путанице языков и идентичностей бьется вавилонское сердце мирового сообщества.

Ульрих Бек

Глобализация: угроза языкам?

В процессах глобализации особую остроту приобретает проблема языка.

Ожидание «победы» глобализации сопровождается страхами по поводу будущего мультилингвизма. Так, Х. Хаарман выделяет два наиболее распространенных опасения: 1) глобализация – это процесс, который сильно меняет коммуникативные условия нашего мира; 2) в процессе глобализации языковое многообразие сильно уменьшится, грядет эпоха массового вымирания языков⁸². Воз-

культуры. С. 91.

⁸¹ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. С. 91.

⁸² Haarmann H. Babylonische Welt. Frankfurt: Campus Verlag, 2001. S. 11–12; Hannerz U. Transnational Connections. London: Routledge, 1996.

никновение этих опасений оправдано многими факторами, в том числе и конфликтами, вызванными как межкультурными контактами на всех уровнях, так и языковой политикой разных стран.

Как заметил журнал National Geographic в специальном выпуске по глобальной культуре в августе 1999 г., нет лучшего средства измерения для кризиса, чем гибель языков. В течение истории существовало около 10 000 языков. Сейчас из примерно 6 000 существующих языков многие не передаются детям – т.е. они, по сути, уже мертвы. И только на трехстах языках говорят более миллиона человек. В следующем столетии половина языков, на которых сейчас говорят в мире, может быть потеряна.

Языки, подобно культурам и биологическим видам, всегда появлялись и умирали, но теперь языки гибнут с угрожающей скоростью, в пределах одного-двух поколений. «Когда мы теряем язык, это подобно падению бомбы на Лувр», – жалуется К. Хэйл из Массачусетского технологического института. Исчезают языки – и умирает культура. Мир по определению становится все менее интересным местом, но мы также жертвуем знаниями, интеллектуальными достижениями тысячелетий»⁸³.

Оценки темпов гибели языков малочисленных народов и племен различны. Наиболее пессимистические из них сводятся к тому, что из примерно 6 тыс. языков, существовавших в мире на рубеже XX–XXI вв., через одно поколение – то есть через 25–30 лет – их останется всего 600. Дальнейшая перспектива – в мире останется сначала две-три сотни, а потом несколько десятков языков.

Характерна динамика исчезновения индейских языков в США. По оценкам специалистов, из 200 языков, еще недавно существовавших на североамериканском континенте, через пару десятилетий останется около 20. Независимо от точности этих оценок, очевидно, что никакие меры по сохранению языков слабо-развитых малочисленных народов не могут быть по-настоящему эффективными, и поэтому максимум, на что может рассчитывать любая «языковая политика», – это закрепление в лингвистической науке исчезающих языков и диалектов путем их подробного описания⁸⁴.

⁸³ Цит. по: Фридмен Т. Lexus и олива. С. 292–293.

⁸⁴ Палажченко П. Диалог культур в языковом пространстве мира // Свободная мысль-XXI, № 6, 2004.

Да и сама по себе задача сохранения различных языковых картин мира является очень дорогостоящей и требует большого энтузиазма. К тому же такая «этнолингвистическая экология», имея большое научное и нравственное значение, никак не влияет на тенденцию, итогом которой, как это ни печально, станет через несколько десятилетий сохранение всего лишь нескольких десятков языков и закреплённых в них «культурных миров». Языковое разнообразие, в отличие от биологического, хотя бы частичное сохранение которого возможно в случае выполнения соответствующих международных конвенций, останется только на бумаге. Вместе с языками умрут целые миры культур, разнообразие мироощущений, способов общения и выражения мыслей.

Но даже для сохранившихся языков существует угроза: глобализация ведёт к понижению статуса национальных языков, к утверждению в качестве единственного средства межкультурного взаимодействия английского языка, хотя он и является родным языком лишь для 380 млн жителей планеты. Сегодня на английском языке издаётся львиная доля книг, газет и журналов. Более 80% материалов, размещённых в Интернете, представляют собой англоязычные тексты. То же можно сказать и об аудиовизуальной продукции, находящейся в Сети, которая практически вся создана англоязычными авторами.

«Единый всемирный язык». Мечты и действительность

Многие столетия человечество мечтало о едином всемирном языке. Можно отметить и идеи английских конструкторов логических языков XVII в., среди которых был и Исаак Ньютон, и опыты создателей эсперанто и других международных искусственных языков конца XIX – начала XX века⁸⁵.

Единого мирового языка не было никогда, но на определенном этапе развития человечества существовали единые языки для целых культурных ареалов: шумерский (как дипломатический – для всей Месопотамии и части Малой Азии), древнегреческий (его «вульгарный» вариант – «койне», для всего эллинистического мира), латинский («вульгата» – для всей средневековой Европы), церковнославянский, классический арабский, санскрит, «пали», классический тибетский, древнекитайский («вэньянь») и др. Они

⁸⁵ В основу данного раздела положены материалы статьи: *Алпатов В.М.* Глобализация и развитие языков. [Электронный ресурс] URL //www.anti-glob.narod.ru/st/alpatov.htm

имели международный и межгосударственный характер, противопоставляясь непрестижным и не имевшим официального статуса языкам бытового общения. Лишь в редких случаях язык такого типа обслуживал одну страну («бунго» в островной Японии). Некоторые из этих языков (классический арабский, отчасти санскрит) еще сохраняют свою роль, но в целом мировое развитие идет в ином направлении.

Это развитие определилось в Европе, начиная, по крайней мере, с Вестфальского мира 1648 г., завершившего Тридцатилетнюю войну. После него Европа разделилась на суверенные государства, признававшие существование друг друга и не вмешивавшиеся во внутренние дела друг друга. Одним из атрибутов такого государства является государственный язык, обычно язык господствующего этноса. Между государствами и языками нет взаимно однозначного соответствия: есть государственные языки, используемые более чем в одной стране – английский, немецкий, испанский. В некоторых странах, как, например, в Швейцарии используется несколько государственных языков. Однако количество национальных языков увеличивалось, и ни один язык не мог стать в мире господствующим. Данная система из Европы постепенно распространялась на другие континенты, охватив Америку в XIX в., а Азию и Африку – в основном в XX в.

Одновременно шло вытеснение многих малых языков, которые либо были обречены на вымирание, либо оттеснялись на периферию, либо в конечном итоге сумели после изменения государственных границ стать государственными языками, как, к примеру, чешский, финский и латышский. Обратная ситуация – полная утеря каким-то языком официального статуса – почти не встречалась; в XX в., пожалуй, можно привести лишь два примера – идиш в СССР и маньчжурский язык в Китае.

Бывало и так, что государство ставило своей целью развивать тот или иной язык, доводя его до уровня национального; например, «языковое строительство» в бывшем СССР. В целом же языковое разнообразие в культурных сферах, начиная от административно-деловой и кончая сферой художественной литературы, в течение последних столетий в мире росло, достигнув максимума в XX в. Одновременно языки вымирали и продолжают вымирать, но почти всегда это происходило лишь с языками, употреблявшимися только в бытовой сфере. Даже в последние десятилетия указанный выше процесс не прекратился: еще недавно единый сербохорватский язык распался на три: сербский, хорватский и боснийский.

Однако впервые наглядно проявился и обратный процесс, связанный с глобализацией. В ее основе лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его экономики, политики и культуры. Такая модель общества и культуры тесно связана с английским языком, который претендует на роль первого в истории человечества всемирного языка.

И в Великобритании, и в США всегда господствовала концепция единого языка для всей страны. В Великобритании языки меньшинств до второй половины XX в. не признавались и жестко вытеснялись. В XIX в. в Ирландии, Шотландии, Уэльсе школьников били за любое слово на родном языке. Даже в независимой Ирландии оказалось невозможным восстановить ирландский язык как полноценное средство коммуникации; он может играть лишь роль национального символа, а во всех сферах жизни (кроме богослужения: ирландцы – католики, а английский язык ассоциируется с протестантством) господствует английский.

В США до недавнего времени отсутствовали специальные юридические меры по обеспечению господствующей роли английского языка. Лишь в 1980-е гг. он был закреплен как государственный для 12 штатов, но в федеральном законодательстве и сейчас нет ничего аналогичного⁸⁶. Зато эти меры эффективно заменяла идеология «плавильного котла», согласно которой человек любого происхождения может стать американцем при условии овладения общей для всех культурой, включая английский язык. А потому и сейчас, когда в США популярна политика защиты любых меньшинств, такое меньшинство как люди, не владеющие английским языком, не пользуется никакой поддержкой.

В эпоху глобализации такая политика постепенно начинает становиться мировой. Характерно, что именно в США, в отличие от Европы, широко распространено представление об одноязычии, разумеется, английском, как свойстве культурных и зажиточных людей и связи двуязычия с бедностью и отсталостью⁸⁷.

Английский язык – современный эсперанто?

Вторая половина XX столетия стала временем «триумфально-го шествия» английского языка в глобальном масштабе. Этот язык сложился из диалектов, на которых говорили переселившиеся в

⁸⁶ *Donahue Th.S.* American Language Policy and Compensatory Opinion // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.

⁸⁷ *Skutnabb-Kangas T.* Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevendon, 1983; *Tollefson J.W.* Planning Language, Planning Inequality. N.Y., 1991.

раннее Средневековье в Британию германские племена. Пожалуй, еще в середине XIX в. мало кто мог бы предположить, что он через несколько десятилетий станет доминирующим в мировой экономике, науке и технике, дипломатии, носителем культурного влияния, распространяющегося практически на все страны мира.

Сегодня английский язык считают родным примерно 400 миллионов человек, живущих в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Но гораздо больше людей (более одного млрд, а по некоторым оценкам, и 1,5 млрд человек) пользуются английским языком в качестве второго или третьего языка в работе и жизни⁸⁸.

Английский язык стал безраздельно господствующим в сфере науки, особенно в точных и естественных науках. Организаторы международных научных конгрессов фактически отказались от услуг синхронных переводчиков.

Аналогичный процесс происходит и в международном бизнесе: английский становится не только языком общения бизнесменов из разных стран, но и внутренним языком подавляющего большинства транснациональных корпораций. Все труднее представить себе дипломата, не владеющего английским языком.

Знание английского языка стало непременным требованием, которое ставится перед теми, кто рассчитывает получить работу в крупных фирмах, банках, страховых компаниях и т.д. Английский язык является средством общения между дипломатами, авиационными диспетчерами, работниками правоохранительных органов, таможенных служб и т.д.

Как показывает практика, другие языки, в том числе и те, которые являются официальными языками ООН, и среди них русский, постепенно теряют свою значимость, ареал их распространения сужается, число носителей данных языков уменьшается, активно используемый словарный запас становится все более и более скудным. Разговорная речь и письменные тексты стремительно насыщаются чужеродными заимствованиями, представляющими, образно говоря, кальку с английского и бессмысленными, с точки зрения норм русского литературного языка, наподобие выражений «Любовь с первой ложки», «Двойная свежесть», «Моделируйте ваши волосы», «Бесконечно свежее дыхание», «Свежий взгляд на майонез», «Фейерверк из других вкусов». Этот процесс нарастает год от года, и если сохранятся эти тенденции, то недалек тот день,

⁸⁸ Палажченко П. Диалог культур в языковом пространстве мира.

когда большинство жителей прежде всего развитых стран будут говорить на английском, а не на языке своих предков.

Бесспорно, большинство населения планеты предпочитает телепередачи на родном языке⁸⁹, однако очень часто эта весьма популярная продукция (к примеру, на русском языке и с русской «командой») практически является лицензионной адаптацией оригинальных англоязычных или франкофонных программ («Последний герой», «Форд Байярд», «Кто хочет стать миллионером?», «Фабрика звезд», «Поле чудес» и др.). Поэтому трудно согласиться с мнением П. Ли, который утверждает, что в силу предпочтений зрителями «национальной» продукции глобальное телевидение якобы оказывает слабое влияние на их мировоззрение. Просто глобальное телевидение (как, впрочем, и радио, реклама и т.д.) приходит к аудитории в национальной упаковке.

Как отмечает Э. Хобсбаум, «во-первых, мы больше не живем исключительно в культуре чтения и письма. Во-вторых, мы больше не живем в мире, где идея единого всеобщего национального языка вообще выполнима, то есть мы живем в неизбежно многоязычном мире. И, в-третьих, мы живем в эпоху, когда, по крайней мере, в настоящее время существует только один язык всеобщего глобального общения, а именно – определенная разновидность английского»⁹⁰.

Действительно, английский язык, причем с американским акцентом, стал мировым языком⁹¹. Существует, конечно, перевод, но, во-первых, он не всегда адекватен (не говоря уж, что художественно выполнен или адекватен оригиналу), а во-вторых, надо еще найти переводчика, вернее, потенциального издателя. На каком языке должен писать писатель, чтобы его узнал мир? В современной культуре этот вопрос часто решается в пользу английского или одного из европейских языков. Ведь напиши автор на родном – кто бы его прочитал за пределами в лучшем случае родной страны, а то и какой-то одной ее части, пользующейся этим же языком⁹².

⁸⁹ Lee P.S. Television and Global Culture. Assessing the Role of Television in Globalization // Wang, G., Servaes, J. and Goonasekera, A. (Eds.). The New Communications Landscape. L., N.Y.: Rutledge, 2000. P. 188.

⁹⁰ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность.

⁹¹ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 362–363.

⁹² Высоцкая Н. Транскультура или культура в трансе? // Вопросы литературы, 2004, № 2.

Все более мы сталкиваемся с ситуацией, когда современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка, на международных научных конференциях все доклады читаются и публикуются по-английски, а международные переговоры ведутся не через переводчика, а на английском языке с обеих сторон. В то же время международная роль таких языков, как русский, немецкий, в меньшей степени французский, падает.

Плюсы и минусы глобализации языка

Безусловно, приобретение английским языком роли международного нельзя рассматривать однозначно. Положительная сторона данного процесса очевидна: всеобщее владение английским языком обеспечивает естественную человеческую потребность взаимопонимания «в мировом масштабе»; то, о чем давно мечтали, начинает осуществляться. Кроме того, могут быть ситуации, когда именно английский язык оказывается наиболее нейтральным, менее отягощенным сопутствующими факторами. Например, в ЮАР борьба коренного населения за свои права не могла быть основана ни на языке «африкаанс» – он ассоциировался с господством белого населения, ни на местных языках – все они не были общепонятны и разъединяли разные африканские народы. Английский же язык рассматривался как общий и в то же время «ничей»⁹³.

Сходную роль английский язык может играть и в Индии, где он, если не считать совсем мало известного санскрита, оказывается единственным языком, объединяющим всю страну.

И все же распространение «второго родного языка» нарушает другую естественную человеческую потребность – потребность идентичности, то есть стремление во всех ситуациях пользоваться своим родным языком, освоенным в раннем детстве. Людям приходится принудительно учить чужой язык, но ведь далеко не все люди способны к сознательному изучению языков. Причем эта способность слабо связана с другими человеческими способностями.

А навязывание английского языка добавляет еще две проблемы, которых не существовало в случае таких международных языков, как латынь или эсперанто. Во-первых, английский язык – родной язык для многих людей, которые оказываются при глобализа-

⁹³ Pennycook A. English in the World / The World in English // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.

ции в более выгодном положении: им дополнительно не надо учить еще какой-либо язык. Недаром из развитых стран мира в США меньше всего интересуются иностранными языками. Во-вторых, английский язык не может не ассоциироваться с политикой США и навязываемой этим государством системой ценностей, что вызывает у миллионов людей чувство отторжения. «Поскольку американский английский уже превратился в такой правящий жаргон, опасность реальна», – полагает Э. Хобсбаум⁹⁴.

По сути, глобализация распространяет на мировой уровень ситуацию, уже наблюдающуюся во многих многоязычных государствах. В них существует объективное неравенство. В наиболее выгодном положении оказываются носители господствующего – официально или фактически государственного – языка, которым внутри страны не нужно знание других языков. Среднее положение занимают люди, которые вынуждены, помимо своего родного языка, выучивать господствующий язык. Внизу оказываются одноязычные носители языков меньшинств, вообще лишенные возможности делать карьеру. Примером может служить, например, СССР, но также и современная Россия. Та же ситуация наблюдается уже более двух столетий и в США.

За ведение своих дел на английском языке Индии приходится платить тем, что людям, не имеющим за плечами нескольких лет специального обучения, которые позволяют человеку овладеть письменным иностранным языком, никогда не удастся подняться выше довольно скромного уровня на государственной службе или – сегодня – в бизнесе⁹⁵.

Студентам приходится учить международный язык, чтобы читать научную литературу – определенную разновидность английского, ставшего для сегодняшних интеллектуалов тем, чем была латынь в средневековье. Вполне реально вести сегодня обучение в университетах по некоторым предметам на английском языке, что отчасти и происходит в таких странах, как Нидерланды и Финляндия.

В связи с глобализацией «ограниченный суверенитет» стран – членов НАТО или ЕЭС начинает проявляться и в области языка. Помимо английского как «второго родного языка» это выражается также и в количестве заимствований из английского языка, обычно

⁹⁴ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность.

⁹⁵ Там же.

из его американского варианта. Например, в связи с особо тесными связями между Японией и США с 1940-х гг. практически все заимствования приходят из американского варианта английского языка.

Конечно, отношение к экспансии английского языка различно. Кому-то кажется весьма престижным вписываться в глобализацию, а кто-то справедливо видит в этом угрозу национальным культуре и традициям. Различия проявляются и в государственной политике, и в общественном мнении разных стран. В Европе, безусловно, Франция более других старается ограничить проникновение английского языка и американской культуры, тогда как в Германии американизация, в том числе в языковой области, идет более активно. Иногда это объясняют тем, что Германия все еще страдает комплексами исторической вины за нацизм, поэтому там до сих пор кажутся одиозными идеи, связанные с национальной культурой и мировым значением немецкого языка, а это обстоятельство способствует американизации.

Неравномерность глобализации языка

Разумеется, до всемирного одноязычия на английском языке пока еще далеко. Да и в разных странах глобализация языков происходит довольно противоречиво.

Чем крупнее страна, чем мощнее ее «культурный слой», тем менее вероятно освоение английского языка как массовое явление. На улицах Осло или Копенгагена первый встречный почти наверняка ответит вам на вопрос, заданный по-английски. В Париже или Мюнхене это гораздо менее вероятно. И если во Франции это может быть объяснено известным «культурно-лингвистическим национализмом» французов, то в Германии причина, видимо, в ином. В Бельгии, где, казалось бы, коммуникативная ценность английского должна быть примерно одинаковой независимо от региона, английский хорошо понимают во Фландрии (примыкающей во всех отношениях к Голландии), но не во франкоязычной Валлонии⁹⁶.

В то же время нельзя не отметить начавшегося «органичного» противодействия языковому и культурному нивелированию. Так, практически все население Люксембурга (около 340 тыс. человек)

⁹⁶ *Палажченко П.* Диалог культур в языковом пространстве мира // Свободная мысль-XXI, № 6, 2004.

говорит на «люксембургском» языке – диалекте немецкого, сильно отличающегося от него. И это несмотря на то, что в стране, живущей за счет так называемых финансовых услуг и «естественно многоязычной» (английским, французским, немецким владеют буквально все), в этом нет на первый взгляд никакой практической необходимости. Аналогичным образом мальтийцы, в большинстве своем владеющие английским и итальянским, в быту пользуются «мальтийским» языком – сложным синтезом североафриканского варианта арабского языка и сицилийского диалекта итальянского. В Эльзасе, неоднократно переходившем из рук в руки в ходе многочисленных войн между Францией и Германией, господствует французский язык при почти всеобщем понимании немецкого и сохранении местного диалекта, изучаемого во многих школах. В Барселоне, едва ли не самом культурном и космополитичном городе Испании, прекрасно чувствует себя «каталонский», а в Швейцарии сохранился «ретороманский» язык. Весьма успешными оказались усилия по восстановлению некоторых европейских языков почти из небытия⁹⁷.

Однако то, что относительно легко происходит в Европе, где в таких странах, как Голландия и Швеция, в политическом классе и бизнесе владение английским стало практически всеобщим, или то, что выглядит достаточно органично в Индии или Пакистане, невозможно представить себе в Китае. Японцы легко заимствуют английские слова, но средний японский инженер или бизнесмен, в отличие от европейского, по-английски не говорит, в лучшем случае «читает со словарем».

Япония – одна из первых стран, столкнувшихся с процессами, аналогичными глобализации, еще тогда, когда эти процессы еще не получили всемирные масштабы. Американская оккупация в 1945–1952 гг. и последующая зависимость от США в политической и военной областях обусловили постоянную экспансию американской массовой культуры, что отразилось и в языке.

Количество американизмов в современном японском языке очень велико и не поддается точному учету, поскольку чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано хотя бы в составе сочетаний. Существует немало сложных слов и словосочетаний, которые созданы из английских корней в самой Японии и не имеют английских параллелей: «wan-man-basu» или «wan-man» – «автобус без кондуктора» (один+человек+автобус), «no-airon –

⁹⁷ Палажченко П. Диалог культур в языковом пространстве мира // Свободная мысль-XXI, № 6, 2004.

«изделие, которое нельзя гладить» («нет+утюг»), «no-mai-kaa-dee» – «день, когда рекомендуется воздерживаться от пользования личными автомобилями» («нет+мой+автомобиль+день»). Заимствования в японском языке пишутся особой азбукой – «катаканой», и можно встретить целые тексты, почти целиком написанные этой азбукой, лишь с небольшими вкраплениями иероглифов и другой азбуки – «хираганы». Такие тексты состоят из американизмов с добавлением лишь грамматических элементов, минимума необходимых глаголов и японских собственных имен.

Ряд сфер почти целиком отдан американизмам, которые составляют 53% терминов менеджмента, 75% терминов маркетинга, 80% торговых терминов и даже 99% компьютерной терминологии⁹⁸. Их очень много и в сферах спорта, туризма, эстрадной музыки, кулинарии, моды, потребления бытовой техники и пр. Перечисленные сферы в основном сводятся к двум: высоким технологиям и престижному потреблению. Именно здесь глобализация происходит быстрее всего и более всего затрагивает повседневную жизнь людей. В Японии есть даже термин «катаканские профессии». Это – престижные профессии вроде дизайнера интерьера, модельера высокой моды; терминология этих профессий состоит из американизмов и пишется «катаканой»⁹⁹.

Тем не менее в Японии знание английского языка и тем более других иностранных языков невысоко. Конечно, в школе все изучают английский язык, но этот предмет – один из самых нелюбимых. И потом, если японец не связан с английским языком профессионально, то забывает даже то, что знал. Один из американских японистов опросил 461 информанта. Все они когда-то учили английский язык, но лишь 0,4% сказали, что пользуются им дома, 5% – что говорят на нем со знакомыми (включая иностранцев), 9% – что пользуются им в профессиональной сфере, а 54% заявили, что не знают его вообще¹⁰⁰.

По-видимому, область языка здесь демонстрирует некоторую общую японскую модель поведения. В Японии, стране всегда отличавшейся замкнутостью и обособленностью от мира, стихийно

⁹⁸ *Loveday L.* Language Contact in Japan. A social-Linguistic History. Oxford, 1996. P. 101–103.

⁹⁹ *Tanaka K.* «Intelligent Elegance». Women in Japanese Advertising // Unwrapping Japan. Society and Culture in Anthropological Perspective. Manchester, 1990. P. 90.

¹⁰⁰ *Loveday L.* Language Contact in Japan. A social-Linguistic History. Oxford, 1996. P. 175–176.

выработалась такая модель поведения, которая позволяет одновременно и вписываться в глобализацию, и сохранять свои традиции и свою культуру. Образцом здесь послужило освоение Японией в прошлом китайской культуры, никогда не бывшее связанным с активным знанием китайского языка. Приведенные выше примеры американизмов, придуманных в самой Японии, образованы не столько по правилам английского словообразования, сколько по правилам образования в японском языке сложных слов из китайских корней. Конечно, трудно сказать, насколько долго в условиях развития глобализации Япония сможет выдержать избранный ею путь.

Данные о столь низком знании английского языка в Японии могут вызвать удивление. Но Япония здесь не одинока. Например, в Венгрии обнаружилось, что лишь 19% населения и 20% молодежи могут общаться на каком-либо из языков ЕЭС¹⁰¹. При этом знание английского языка в Венгрии пока что уступает знанию других языков, активно распространявшихся в этой стране в прошлом: немецкого и русского. Даже в сфере научного общения господство английского языка проявляется не всегда. На коллоквиуме по истории лингвистики в Гумбольдтовском университете в Берлине (март 2004) более половины докладов (не только хозяев, но и ряда гостей) произносились по-немецки, около 10% – по-французски и лишь менее трети – на английском языке. До английского языка как «второго родного» далеко даже в Европе.

Россия всерьез лишь начинает сталкиваться с данной проблемой, пока еще не выработав четкой точки зрения на нее. Ясно только, что до превращения английского языка во «второй родной» России гораздо дальше, чем Венгрии или Японии. Гораздо больше заметна постепенная американизация самого русского языка. Сопоставление в этом плане русского языка с японским показывает, что хотя количество американизмов в русском языке меньше, но нет границ, за пределами которых американизмы не допускаются. Заимствования могут проникнуть куда угодно, в том числе в ядро языка, прежде всего, через средства массовой информации¹⁰². А мнения по поводу возможной американизации русского языка существуют самые разные. Как и в других странах, этот процесс часто мифологизируется.

¹⁰¹ Компас, 2003, № 17. С. 39.

¹⁰² Аллатов В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. М., 2001.

Таким образом, процесс глобализации языка очевиден. Столь же очевидны и его плюсы и его весьма явные минусы. Однако перспективы этого процесса вызывают споры. Одни считают, что господству США нет внешних препятствий, а это означает, что английский язык со временем станет «вторым родным языком», а затем, возможно, и первым. И если не для всего человечества (это вряд ли реально), то для его наиболее культурной и социально активной части. Другие ставят реальность таких перспектив под сомнение. Осуществится ли таким образом мечта о всемирном языке, пока можно лишь гадать.

Языковые проблемы российской молодежи

Английский язык преподается в подавляющем большинстве российских школ. Практически во всех СМИ, транслирующих продукты молодежной культуры – кино- и видеопродукции, MTV, компакт-дисках и Интернет, – используется именно английский язык¹⁰³.

В начале XXI в. был опубликован коллективный труд британских и российских социологов, который был посвящен современному видению разнообразных культурных практик российской молодежи в фокусе их восприятия или сопротивления образам Запада¹⁰⁴. Исследование показало, в частности, что современные молодежные журналы России, которые стремятся включить свою аудиторию в глобальную молодежную культуру, активно используют английский язык, например, в статьях о музыке, сексуальности, гендере, моде и медиа. При этом набор английской лексики является однотипным. Наибольшее количество иностранных заимствований относится к музыке: «поп», «рок», «ди-джей», «ди-джействовать», «ди-джейский», «рок-н-ролл», «рейвер», «рейв»¹⁰⁵. Английские заимствования активно используются также в материалах, посвященных шоу-бизнесу, моде и политике. Заимствования чаще встречались в описаниях моды, внешнего вида, работы, карьеры и бизнеса. Кроме того, английские слова появлялись в контекстах массмедиа, спорта, досуга, молодежных культурных движений и групп.

При этом заимствованные слова очень редко писались латиницей. Латиница использовалась в основном в публикациях, посвященных узким музыкальным направлениям, например «grange»,

¹⁰³ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. С. 79.

«punk», «thrash», «heavy», «hardcorefan». Однако в целом латиница встречалась значительно реже, чем кириллица.

В журнале «Я – молодой» английский язык использовался, в основном, в контекстах бизнеса, молодежных культур, сексуальности, гендера и спорта, а также при описании Интернета и компьютеров: «интерфейс», «сайт», «ноутбук». Последнее было характерно также для «Ровесника» и альтернативных журналов «Ом» и «Птюч». Кроме того, встречались случаи смешения английского и русского: «намбараз» и «супер нужно». Кириллицей писали наиболее распространенные выражения, в частности «гуд бай», «сорри», «ю финиш», «фул контакт», «о'кей».

«ОМ» и «Птюч» демонстрировали более сложное и осмысленное использование английского языка. В «ОМ» большинство английских слов относились к музыкальной сфере, в частности к контексту электронной музыки («техно», «минимал техно», «хаус», «прогрессив-хаус», «хардкор», «трип-хоп»). В ходу было слово рейв и его производные: «рейв-музыка», «рейв-клуб», «рейв-культура», «рейв-одежда», «рейв-пати», «рейверский», «рейвер». Заимствованные слова часто использовались в описаниях клубной культуры, например «чил-аут», «клубный саунд», «флаеры». От наиболее часто употребляемого слова «ди-джей» образовывались производные – «ди-джейский», «ди-джейство».

Английский язык использовался в этих журналах и для различения альтернативной и «мейнстримовской» культуры и музыки. В статьях о гендере и сексуальности английских слов больше, чем в других публикациях – «бой френд», «мат-агрессия (мачиш)», «гей», «лесбиянка», «трансвестит». Большое количество английских заимствований можно было обнаружить в описаниях наркокультуры, ее моды и стиля, а также в публикациях об Интернете и компьютере¹⁰⁶.

Но настоящим чемпионом по использованию английских слов и выражений был «Птюч». Большинство слов употреблялось в контексте музыки, данс- и клубной культуры. Количество и разнообразие заимствований было на порядок выше, чем в «ОМ», более своеобразно использовались кириллица и латиница.

В «Птюче» много английских слов относилось к терминологии компьютеров, Интернета и киберкультуры. Насыщенными английскими словами были контексты сексуальности и ген-

¹⁰⁶ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 80.

дера, а также наркотиков и наркокультуры. Также встречались случаи одновременного использования и русских, и английских слов¹⁰⁷.

Информационно-психологические войны в эпоху глобализации

*Третья мировая война уже идет,
и победа будет одержана на поле идей.*

Корейский проповедник
и миллиардер Мун

Как уже говорилось выше, в процессе глобализации помимо других составляющих – идеологической, политической, социально-экономической, этнокультурной – можно выделить еще и информационную.

Что собой представляет информационная глобализация? И есть ли это только лишь распространение информационных технологий по всему миру, их объединение и активное использование в разных сферах жизни, или же тут имеется качественно новое явление, новый этап? Оказывается, в это понятие входит еще и информационно-психологическое воздействие на население – обработка общественного мнения, управление динамикой формирования менталитета, искажение индивидуального и общественного сознания. Цель информационно-психологической войны состоит в разрушении сложившегося восприятия базовых ценностей, на которых формируется культурная идентичность нации, ее духовные основы, традиции, обычаи – то, что составляет особость, самобытность народов¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004.

¹⁰⁸ См. об этом подробнее: *Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия – Телеком, 2003; *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М.: Изд. МИФИ, 2003. С. 388; *Грачев Г.В.* Информационно-психологические операции во внутривнутриполитической борьбе в России в современных условиях, М., 1999; *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-Бук, 2000; *Фролов Д.Б., Воронцова Л.В.* Информационное противоборство: история и современное состояние. М.: Горячая линия – Телеком, 2004; Директива МО США TS3600.I «Информационная война» от 21 декабря 1992 г.; Директива председателя КНШ МО США № 30 «Борьба с системами управления», 1993 г.; *Libicki M.C.* What

Иными словами, в современном мире возникла новая форма геополитического противоборства – информационно-психологические войны, которые наравне с геоэкономическими войнами претендуют на роль основных механизмов решения конфликтов в третьем тысячелетии. «Процесс глобализации мира, – пишет один из авторов, – неизбежно, видимо, будет сопровождаться информационно-психологическими войнами»¹⁰⁹.

Сам термин «информационно-психологическая война» был перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США. Дословный перевод этого термина (*information and psychological warfare*) с английского может звучать и как «информационное противоборство», и как «информационная война».

Понятие «информационное противоборство» появилось в середине 1980-х гг. в связи с новыми задачами вооруженных сил США после окончания «холодной войны». Оно стало особенно часто упоминаться в прессе после проведения военной операции в Ираке – «Буря в пустыне» в 1991 г., где новые информационные технологии впервые были использованы как средство ведения боевых действий. Официально же этот термин впервые был введен в директиве министра обороны США от 21 декабря 1992 года и в директиве Комитета начальников штабов вооруженных сил США (Т9. 3600.1. декабрь 1992). Использование данного термина подчеркивает, что современные технологии психологической войны способны нанести противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью, чем современные системы высокоточного оружия.

Основная задача современной «информационно-психологической войны» – искусственно удержать доминирующие позиции западнцентричного мира путем насильственного внедрения единых унифицированных моделей в политику, экономику, социаль-

is Information Warfare? *Washington D.C.* National Defense University Press, 1995; *Stein G.H.* Information Warfare // *Airpower Journal*. Spring 1995; *Szafranski R.A.* Theory of Information Warfare: Preparing for 2020 // *Airpower Journal*. Spring 1995; *Harley I.A.* Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996; Information Warfare, complex organisations and the power of disruption. University of Arisona, 1997; Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998.

¹⁰⁹ *Володенков С.В.* Информационно-психологические войны и массовое сознание. [Электронный ресурс] URL //www.it2b.ru/it2b2.view3.page202.html,

ную сферу, науку, образование и другие сферы общественного развития, распространяя идеологию западной культуры в глобальном масштабе. Кроме того, это еще и информационная война с противниками глобализации.

С середины 1990-х гг. этой теме в зарубежных исследованиях стало уделяться особое внимание¹¹⁰. Исследованиями в области тех или иных направлений деятельности по обеспечению информационной безопасности занимались, в частности, американские ученые А. Кодевилл, П. Лайнбарджер, Б. Пейдж, Э. Тоффлер и др.¹¹¹. Наиболее тщательно взгляды на сущность и содержание информационно-психологической войны были рассмотрены в монографии П. Лайнбарджера «Психологическая война».

Под «информационно-психологической войной» чаще всего понимается «открытое и скрытое целенаправленное информационное воздействие систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере». Иногда под информационно-психологической войной ошибочно понимают любые процессы по заимствованию культурно-ценностных аспектов иных сообществ и внедрения их на почву национальной культуры. Но это всего лишь естественный процесс взаимовыгодного культурного обмена. Однако существует и другая крайность, когда явная информационно-психологическая агрессия оправдывается необходимостью присоединения к общему вектору развития мировой цивилизации.

¹¹⁰ *Anderson K.E.*, Intelligence-Based Threat Assessments for Information Networks and Infrastructures: A White Paper, Global Technology Research, Inc., March 11, 1998. [Электронный ресурс] URL //www.aracnet.com/~kea/Papers/threat_white_paper.shtml); *Adams J.* Big Problem - Bad Solution: The Crisis in Critical Infrastructure and the Federal Solution, Speech Given at Online News Summit'98, *Washington D.C.* May 18, 1998. – [Электронный ресурс] URL //206.132.10.154/idmarketsite/jadocs/Online.doc); *Arquilla J.J.* and *Ronfeldt D.F.*, Cyberwar and Netwar: New Modes, Old Concepts, of Conflict, *Rand Research Review*. Fall. Vol.19 N 2, 1995. [Электронный ресурс] URL //www.rand.org/publications/RRR/RRR.fall95.cyber/cyberwar.html); *Closer L.* Paradigms in conflict: The strategist, the conflict researcher and the peace research // *Conflict: Readings in management and resolution*. L., 1990; *Alberts D.S.*, The Unintended Consequences of Information Age Technologies. National Defense University. April. 1996. [Электронный ресурс] URL //www.ndu.edu/ndu/inss/books/uc/uchome.html; *Alberts D.S.* Defensive Information Warfar. NDU Press Book. National Defense University, August, 1996. [Электронный ресурс] URL //www.ndu.edu/ndu/inss/books/diw/index.html.

¹¹¹ *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М., 1962; *Тоффлер Э.* Третья волна // США: экономика, политика, идеология. 1982, № 8–11; см.: *Page B.*, *Shapiro R.*, *Dempsey G.* What Moves Public Opinion? // *American Political Science Review*. 1987, March.

Каков же механизм ведения информационной войны?

Распознать начало информационно-психологической войны довольно сложно, так как она разворачивается в виртуальном мире и ведется средствами косвенного, манипулятивного характера.

Для того чтобы запустить или инициировать тот или иной боевой механизм информационно-психологического воздействия на сознание или подсознание, необходим мощный толчок, или стресс, способный вывести устойчивую систему психики человека из равновесного состояния¹¹². Такое воздействие на психику человека способна оказать внезапно возникшая угроза для его жизни – например, доселе неизвестная медицине эпидемия, стихийное бедствие или угроза войны. При этом если наступление первых двух событий предсказать достаточно сложно¹¹³, то войну или локальный вооруженный конфликт можно специально развязать практически в любой точке земного шара и в тот самый момент, когда это предусмотрено сценарием психологической операции¹¹⁴. Кроме того, угроза войны – идеальный инициирующий повод для психологического стресса: угроза войны одновременно направлена и на крупные страты – государства, нации, народности, и непосредственно на каждую личность в отдельности. Наибольшая эффективность информационно-психологической обработки общественного сознания достигается в том случае, если в обществе возникают настроения растерянности и неуверенности в завтрашнем дне.

В этой ситуации резко активизируется поиск новых защитных механизмов, адекватных стрессовой ситуации. И вот тут-то «военные психотехнологи» готовы предложить свою идеологию, мировоззрение, систему ценностей, замещающие в человеке прежние психологические механизмы защиты. Что в конечном итоге и обеспечивает достижение главной цели любой современной психологической операции – добровольную подчиняемость личности.

Подобная ситуация наблюдалась, например, в российском обществе в начале 1990-х гг., когда 80% населения переживало состояние шока или депрессии. Именно тогда был нанесен мощный информационно-психологический удар по социокультурным уста-

¹¹² *Грачев Г.В.* Информационно-психологические операции во внутривнутриполитической борьбе в России в современных условиях. М., 1999.

¹¹³ *Почепцов Г.* Информационные войны. М., 2000.

¹¹⁴ *Фролов Д.Б., Воронцова Л.В.* Информационное противоборство: история и современное состояние. М., 2004.

новкам, на которых базировалась и формировалась ментальная идентичность нации¹¹⁵.

Наличие большого количества разнообразных печатных и электронных СМИ, развитая инфраструктура для передачи информации, экспоненциальный рост числа пользователей сети Интернет и другие подобные факторы делают наиболее эффективным для осуществления психологического воздействия на массовое сознание именно канал информационный. Некоторые примеры из практики использования «психотехнологий» звучали в начале декабря 1999 года на пресс-конференции известных ученых из состава комиссии «Врачи за права человека» по изучению скрытных информационных воздействий на людей и международной организации. Было установлено, в частности, что, находясь в виртуальной среде, радиослушатели, телезрители, пользователи Интернет-услуг, мультимедийной продукции подвергаются нескольким видам воздействий.

Во-первых, это воздействия, связанные с использованием манипулятивных «психотехнологий», сознательно или неосознанно применяемых ведущими и участниками телевизионных и радиопередач, относимые к психологическим воздействиям. Эффективность «психотехнологий» повышается графическим и цветовым оформлением студий, музыкальным сопровождением, видео- и аудиоэффектами, приводящими к изменению состояния сознания зрителей и слушателей. Последствиями такого воздействия становятся формирование общественного мнения и навязывание поведенческих установок. Конечно, их результативность во многом зависит от общего уровня знаний и культуры аудитории. В принципе они подконтрольны сознанию, вплоть до возможности полной нейтрализации влияния самими зрителями и слушателями при определенном уровне их знаний.

Во-вторых, это воздействия видео- и аудиорядов, даже не несущих семантической нагрузки, арсенал которых расширяется с каждым новым специальным эффектом или анимационной технологией. Такие воздействия сознанием аудитории практически не контролируются, попадая прямо через зрение и слух в подсознание и запуская различные нейрофизиологические процессы. Человек реагирует на них, но с опозданием, обычно лишь тогда, когда начинают проявляться физиологические напряжения или нарушения, ухудшается самочувствие. Эффект провоцирования психо-

¹¹⁵ *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. М., 2001.

соматических явлений может наступить в течение нескольких секунд воздействий.

Многие ощущают при просмотре некоторых телепередач и в особенности рекламных роликов и музыкальных клипов легкое головокружение и тошноту. Яркий широко известный пример – массовая вспышка фотосенситивной эпилепсии разной степени тяжести у обратившихся за медицинской помощью более 12 тыс. японцев в возрасте от 5 до 58 лет после просмотра анимационного фильма «Покемон». Это было первое зафиксированное эпидемическое воздействие телепередачи. После этого исследованиями в данной области стали заниматься сразу в нескольких странах – Японии, Италии и Великобритании. Результаты исследований ученых из пяти учреждений Великобритании привели к изменению в середине 2001 года в составе руководства Независимой телевизионной комиссии (ITC) Великобритании.

Запрещенные скрытные вставки или замаскированные видео- и аудиообразы в телевизионных или радиопередачах могут появляться и в процессе производства телерадиопередач или при создании сайтов сети Интернет. Они могут присутствовать в исходном материале, получаемом из компьютерных сетей, интегрированных с электронными СМИ в интерактивные вещательные системы. Но они легко могут быть введены и в огромном числе точек распределительной сети на пути сигнала к потребителям, особенно при ретрансляции через радиорелейные и кабельные сооружения. Это введение может осуществляться целенаправленно для управления массовым поведением и общественным мнением отдельных регионов, муниципальных образований и даже жителей отдельных домов¹¹⁶.

Со временем выяснилось, что информационно-психологические войны могут стать мощным дестабилизирующим фактором, способным существенно ослаблять любое не готовое к защите государство и оказывать негативное воздействие на массовое сознание. Осознание данного факта вынудило российские власти изменить отношение к «четвертой власти». Стало ясно, что одним из важнейших аспектов государственной политики в культурной и информационной сферах является налаживание механизма контроля над СМИ в тех случаях, когда становится очевидной угроза

¹¹⁶ Севастьянов В.А. Информационная глобализация: проблемы выживания и пути их решения. [Электронный ресурс] URL //insi.org.ua/reprint/InfoGlobal-ProbVSevastianov.htm,

развязывания информационно-психологической войны. Ярким примером отсутствия элементарных механизмов государственного воздействия на деятельность СМИ является ситуация первого чеченского конфликта, когда сепаратисты по существу выиграли информационную войну с российским государством.

Исследователи пришли к выводу, что «средства массовой информации и массовой коммуникации и выдаваемая ими информация, особенно при отсутствии государственной идеологии, могут быть возбудителем потенциальной толпы, а необходимо, чтобы они были и средством предотвращения всплеск толпы, людских войн и тушения безудержного гнева, страстей, залегающих в толще человеческого бессознательного»¹¹⁷. Следовательно, возможность регулирования СМИ в ситуациях информационно-психологической угрозы является не нарушением демократических принципов свободы слова и свободы информации, а насущной необходимостью отстаивания национальных интересов на поле геополитической конкуренции.

Опыт последних десятилетий позволяет сделать очень важный вывод: как таковые войны в их прежнем понимании сейчас не так уж нужны. Если к военным действиям и прибегают, то совсем с другими целями, чем прежде. Те результаты, к которым раньше приводили войны, сейчас эффективно достигаются разрушением систем ценностей противника, и последний при этом может даже превратиться в союзника.

Религия и культура глобализации

Еще одна сфера человеческого бытия, которая наименее подвержена унифицирующему влиянию глобальных процессов, – религия. Глобализация бессильна «привести к общему знаменателю» – объединить мировые религии. Например, догматические, канонические основания ислама и христианства настолько различны, что какое-либо совмещение этих религий невозможно в принципе. Можно говорить об общих гуманистических настроениях ислама и христианства, об их общей проповеди любви к ближнему, о личной ответственности человека за свою жизнь, но утверждать, что на этой общей основе и под влиянием глобализации, скажем, ислам и христианство могут сделать шаг к слиянию, на наш взгляд, нереально.

¹¹⁷ *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика.

Не случайно ряд глобалистов-теоретиков (С. Хантингтон и др.) именно религию сделали ответственной за «цивилизационный разлом» современности. Они полагают, что этот разлом, проходящий по линии ислам – христианство, ставит некий предел экспансии глобализации, причем предел неодолимый. Это, конечно же, вовсе не означает, что противостояние ислама и христианства неизбежно. Скорее наоборот: если внешние исламу и христианству силы в своих отнюдь не религиозных целях не спровоцируют такого противостояния или конфликта, то их и не будет. Требования к верующим, как мусульманам, так и христианам, касательно их прямого долга – духовного развития – не оставляют верующим ни сил, ни времени на иные, внешние веро действия.

Однако глобализация ведет к нарастанию в религии светских элементов и светского содержания. И вот эти-то, светские аспекты религии вполне могут быть использованы силами, заинтересованными в обострении исламо-христианских отношений. Тогда, действительно, возможны нарастание религиозной истерии и конфликты на религиозной почве. К сожалению, светские власти крупных мировых держав, либо плохо ориентируясь в этой ситуации, либо осознанно делают опасные заявления и практические шаги, способные привести к самым тяжелым последствиям. Во всяком случае, исламский мир уже накален, и крайне опасно его провоцировать.

Глобализация сделала реальными процессы, которые в ее отсутствие были бы «погашены» на локальном уровне. Сама возможность крупных международных терактов возникла с развитием глобальных процессов, с прозрачностью границ, свободным движением капиталов, товаров, ресурсов. Критически анализируя угрозы, ставшие следствием глобализации, ее идеологи и практики все еще не выработали конкретных механизмов позитивного разрешения проблем, ею порожденных, а потому мир обречен балансировать на грани уничтожения.

Б. Гройс полагает, что «вместо деидеологизации политики произошла тотальная “теологизация” политики, причем она происходит везде – не только в исламских странах, но и в Европе, и в Америке. Те же европейские проекты глобализации при ближайшем рассмотрении оказываются насквозь католическими, имеющими давние исторические корни католического универсалистского проекта, который реализуется католическими партиями или партиями, близкими к католицизму, включившими в свои программы новые, социальные, компоненты»¹¹⁸.

¹¹⁸ Гройс Б. Глобализация и теологизация политики // Художественный журнал, 2004, № 4.

Да и американский проект воплотил свою теологическую – протестантскую идеологию. Весь мир отметил сдвиг в религиозной структуре американского общества – евангелические церкви, возникшие после Второй мировой войны, сейчас охватывают более 60% населения и, несомненно, оказывают влияние на политику США. Ведь и президентам – Дж. Картеру и Бушу-старшему – основную поддержку оказывали протестантские сообщества США. Оказалось, что «проекты глобализации приводят к ретелогизации, рефундаментализации, радикализации традиционных религиозных течений, в то время как секулярные политические проекты постепенно слабеют. Таким образом, получается нечто совершенно отличное от того, что все ожидали»¹¹⁹.

Глава 2

СУЩНОСТЬ И ПРОЯВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Дискуссии о глобализации культуры

Многообразие позиций и точек зрения отражает противоречивость и разнонаправленность происходящих процессов глобализации культуры. В научной литературе нередко признается возможность различных вариантов дальнейшего культурного развития, находят отражение как его разрушительные, так и конструктивные последствия и перспективы.

Некоторые авторы считают возможным говорить о формировании новой глобальной культуры или даже культур, имея, очевидно, в виду именно те эталоны культуры, которые наиболее интенсивно распространяются по всему миру. Другие утверждают, что идея «глобальной культуры» выражает сегодня скорее утопический проект, чем какую-либо реальность¹²⁰.

Исследователь этой проблематики У. Ханнерз, шведский социолог, считает возможными разные варианты культурного развития.

¹¹⁹ *Гройс Б.* Глобализация и телогизация политики // Художественный журнал, 2004, № 4.

¹²⁰ *Smith A.* Towards a global Culture? In: *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity.* Ed. by M. Featherstone. L. – Thousand Oaks (Calif.) – New Delhi, 1997. P. 188.

Среди них:

– во-первых, сценарий глобальной культурной гомогенизации, в рамках которого весь мир становится слепком западного образа жизни;

– во-вторых, сценарий «периферийной коррупции», в ходе которого «периферийные» общества, воспринимая западную культуру, искажают ее, адаптируя к своему образу жизни; в результате происходит деградация и местных, и западных культур;

– в-третьих, позитивный сценарий диалога и обмена культур: при нем все культуры приобретают синтетический характер, соединяя привнесенную извне глобальную форму (стиль, технику, «культурный язык») с местным смысловым содержанием¹²¹.

Большинство исследователей процесса глобализации культуры взирают на него с пессимизмом. Но среди них есть и те, у кого на этот счет иная точка зрения. Так, например, известный культуролог Ш. Айзенштадт полагает, что культурная глобализация раскрывает перед всеми обществами широкие возможности выбора и трансформации культурных символов и институтов. Конкретные результаты зависят в каждом случае от ряда исследуемых Айзенштадтом факторов, но в целом данный процесс, считает он, несет в себе значительный потенциал для развития¹²².

Дж. Томлинсон, директор Ноттингемского института проблем культуры при университете Ноттингем-Трент (Великобритания), также является активным сторонником глобализации культуры. «...Культурные особенности, присущие каждой общности людей, – утверждает ученый, – тормозят развитие мирового прогресса в сторону глобальной инклюзивной культуры, фундаментом которой станет всеобщий консенсус по таким проблемам, как соблюдение прав человека, бережное отношение к окружающей среде, терпимость, мирное сосуществование и справедливость».

Поэтому он отстаивает точку зрения космополитов: «Космополитизм сегодня имеет в виду нечто большее, чем просто культурную ориентацию. В наиболее привлекательной форме – в его буквальном смысле (мирового гражданства) – космополитизм пропагандирует идею всемирного государства, обладающего юриди-

¹²¹ Hannerz U. Notes on the global ecumene // Public culture, 1989, 1, 2; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 128–130.

¹²² Eisenstadt S. A reappraisal of theories of social change and modernization. In: Haferkamp H. and Smelser N.J. (eds.). Social Change and Modernity. Berkley, 1992. P. 412–430.

ческими и политическими полномочиями, способными обеспечить соблюдение прав человека и упрочить солидарность между людьми во всем мире»¹²³.

Томлинсон, конечно, признает и наличие негативных сторон глобализма. «Существует широко распространенное мнение, – пишет профессор, – что глобализация приведет к образованию единой и однородной мировой культуры с западными идеалами, ценностями и вкусами, культуры, в которой будет доминировать потребительское отношение к жизни. Для такой точки зрения действительно есть основания – особенно если рассматривать культуру сквозь призму потребительских предпочтений. Идет ли речь об одежде, продуктах питания, музыке, фильмах, телевидении или архитектуре, невозможно игнорировать тот факт, что определенные стили, бренды, вкусы и привычки сегодня можно встретить почти в любой точке мира».

«Однако, – подчеркивает он далее, – такое понимание тенденций в культуре довольно поверхностное». Дело в том, что культуре свойственно быть выразителем разнообразия, присущего географическим и этническим общностям, и поэтому она сопротивляется появлению одного на всех образа жизни и единого представления о том, как должна выглядеть правильная жизнь. Сама природа культуры оказывает противодействие тем экономическим структурам и силам, которые могли бы навязать нам единую глобальную культуру».

К сожалению, «доверие к космополитизму подрывает либо подозрение, что за ним кроется стремление западных государств расширить свой геополитический контроль (проекты “нового мирового порядка” американских неоконсерваторов этого и не скрывают), либо опасение, что любая всемирная власть однажды неизбежно вступит в конфликт с местными ценностями, традициями и другими культурными особенностями». Однако «несмотря на то, что “вживление” идей космополитизма в повседневную культурную жизнь сообществ, проживающих на различных территориях, может показаться трудновыполнимой задачей, есть основания полагать, что это все-таки возможно»¹²⁴.

Надежды Томлинсона связаны с тем, что он называет «самым важным результатом глобализации» в культурной сфере: с процессом «детерриториализации» – ослаблении традиционных связей

¹²³ Томлинсон Дж. Глобализация и культура. [Электронный ресурс] URL // www.optimistmag.ru/rus/issue/index.php?id=126

¹²⁴ Там же.

между территорией и культурными ценностями проживающих на ней людей. «Детерриториализация» – это не просто разрушение локальной культуры, не внезапное и полное исчезновение местных особенностей и отличий. Это относится не только к отдаленным («экзотическим») и глухим уголкам мира, не тронутым современной цивилизацией, но и к столицам и мегаполисам – местам, где наблюдается самая высокая концентрация глобальных связей.

«Детерриториализация» потенциально предлагает людям более широкий культурный выбор. Различными способами – через рост туризма и переездов на новое место жительства, через использование новых коммуникационных технологий и благодаря глобальным средствам массовой информации – люди без труда интегрируют локальную и «глобальную» культурную информацию в свое сознание.

«Позитивный потенциал детерриториализации», – считает Дж. Томлинсон, – заключается в том, что, «изменяя привычный образ жизни, она способствует развитию взаимозависимости между людьми и глобальной моральной ответственности».

В этой связи профессор вводит следующее понятие – «*медиа-тизации*» культуры – возрастающую зависимость от электронных средств массовой информации и коммуникационных технологий и систем. Медиа-тизация сознания – просмотр телепрограмм, набор текстов, «щелканье» мышью и просмотр информации на мониторе компьютера, разговор по мобильному телефону, набор SMS-сообщений, отправка или прием картинок при его помощи. К этому надо добавить инновации в СМИ – например, вещание телеканалов по 24 часа в сутки, службы новостей в режиме реального времени, получение мультимедийной информации через домашнюю широкополосную сеть.

Все это означает возрастающую «скорость доступа» к современной глобальной культуре. Наиболее непосредственным образом это ощущается при покупках товаров (через телемагазины или Интернет), в сфере досуга (скачивание и воспроизведение музыки через устройства, использующие формат MP3) или просто в возможности связаться с другими людьми быстро – разговоры по мобильному телефону или переписка при помощи SMS-сообщений. «Все это должно рассматриваться, – по мнению профессора, – как уникальные способы культурной деятельности и культурного восприятия»¹²⁵.

¹²⁵ Томлинсон Дж. Глобализация и культура. [Электронный ресурс] URL // www.optimistmag.ru/rus/issue/index.php?id=126

Итак, «детерриториализация» и «медиатизация» – эти два измерения культурной глобализации. Но что же в этом случае происходит с национальной культурой, с идентичностью людей?

Глобализация и взаимодействия культур

Общая слава в прошлом, общая воля в настоящем, стремление, совершив вместе великие дела, творить их в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом.

Э. Ренан

Идентичность и глобализация

Глобализация резко обострила проблему национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших проблем, тревожащих не только культурологов, но и политиков, общественных и религиозных деятелей, да и многих представителей естественно-научного знания. Как подчеркивает ряд исследователей, ныне «даже экономические проблемы отходят на второй план в сравнении с невозможностью для представителей основных этнических групп найти приемлемый для себя ответ на вопрос “Кто мы такие?” и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути»¹²⁶.

Конечно же, этническая идентичность человека вполне может быть не единственной. Об этом говорит целый ряд примеров. Исторически даже в основе национальной однородности лежит такая множественная идентичность. К примеру, каждый немец в прошлом и даже сегодня, хотя и все реже, обладал одновременно двумя или тремя идентичностями. Он мог быть представителем «племенного» – саксонского, швабского, франкского – немецкого княжества или государства и лингвистической культуры, сочетавшей единый для всех немцев стандарт письменного языка с множеством разговорных диалектов, причем некоторые из них также начали создавать письменную литературу. Э. Хобсбаум пишет в этой связи: «Представление об одной единственной, исключительной и неизменной этнической, культурной или иной идентичности связано с опасным заблуждением. Ментальные идентичности

¹²⁶ Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек, 2003, №6.

человека – это не ботинки, которые мы можем носить за раз только одну пару. Мы многомерные личности»¹²⁷.

Известно, однако, и другое. Человек, не идентифицирующий себя ни с цивилизацией, в рамках которой разворачивается его деятельность, ни с культурой той нации, к которой он принадлежит по факту своего рождения, ни с той точкой географического пространства, которая называется «малой родиной», ни с тем периодом времени, который обозначается как определенная историческая эпоха – оказывается вне системы сложившихся связей и отношений, сформировавшихся в данном социуме в процессе его исторического развития.

Как известно, личностная идентичность формируется и утверждается на основе идентичности социальной: лишь осознав свое «мы», свою общность с той или иной группой, человек может выделить себя из этой общности в качестве автономного «я». Индивид становится личностью в процессе реализации своих отношений с другими людьми¹²⁸.

Культурная идентичность опирается как на объективные факторы – историческое наследие, политические условия, этнические корни, традиции, язык, религию, так и на субъективные, которые коренятся в сознании членов одной общности. Она существует прежде всего в форме «социальных репрезентаций», позволяющих обществу самоопределиться. Эти репрезентации формируются из картин, символов, стереотипов, мифов, истории, которые в коллективном сознании создают образ «личности» и единства. Исторически сложившиеся культуры национальных и социальных общностей представляют собой главный источник, из которого личность черпает жизненные смыслы, образующие основу ее самосознания, выстраивающие иерархию ее ценностей и норм, духовное содержание ее бытия. Человеку, утратившему свои культурные корни, грозит психологическая дезориентация, утрата внутренних правил, регулирующих и упорядочивающих его стремления и цели.

В свое время глава Индии Индира Ганди ясно выразила современное ей состояние индийской интеллектуальной элиты, при котором, по ее выражению, эта элита живет в шизофреническом раздвоении, стремясь удержать древнейшие традиционные индийские

¹²⁷ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, 2006, Май 15.

¹²⁸ Бенхабиб С. Притязание культуры. М., 2004. С. 63.

ценности, совмещая их с современной западной культурой. Возникающая при этом ценностная дезориентация личности не позволяет человеку быть «ни там, ни там», что, конечно же, не способствует активной жизненной позиции, продуцируя апатию и социальную фрустрацию.

Ряд исследователей полагает, что глобализация создает угрозу человеческой идентичности или, по меньшей мере, резко меняет условия ее формирования. При этом они ссылаются на целый ряд порожденных ею феноменов¹²⁹.

Во-первых, «глобальные массмедиа, или “глобальные фабрики грез”, постоянно предлагают людям целый веер возможных жизней, статусов и судеб, из-за чего их «собственная жизнь и возможные жизни впадают в противоречие»¹³⁰.

Во-вторых, группы, непосредственно втянутые в процесс глобализации, как элитарные, так и массовые (например мигранты), становятся носителями не какой-либо одной, а двух или еще большего числа культур.

В-третьих, сферы потребления, досуга и развлечений, так называемая массовая культура приобретают во всем мире все более гомогенный характер, мало отличаясь по своему «наполнению» в обществах, принадлежащих к различным цивилизациям. Эти аспекты глобализации имеют наиболее очевидный, повседневно наблюдаемый характер и создают почву для универсальной вестернизации мира, «макдональдизации» – совершенно одинаковые по меню и дизайну закусочные Макдональдса можно встретить по всему миру.

Независимо от масштаба, многообразия и противоречивости связанных с глобализацией перемен, воздействующих на социальную идентичность людей, очевидно одно: угроза этой идентичности ощущается повсеместно и становится самостоятельным социально-психологическим фактором.

Когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации – ощущения себя как личности. В традиционных условиях ощущение себя как личности поддерживалось за счет стабильности социального положения индивида в рамках сообщества. А когда традиции теряют

¹²⁹ В этой части работы использованы материалы из книги: Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003.

¹³⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 101.

силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть ощущение человеком себя как личности. В этих условиях он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность.

Не случайно психотерапия во всех ее разновидностях пользуется такой популярностью на Западе. Закладывая основы современного психоанализа, Фрейд полагал, что создает научную методику лечения неврозов. На самом же деле он, по сути, выработывал метод обновления идентичности на ранней стадии процесса детрадиционализации. Грубо говоря, психоанализ состоит в том, что человек возвращается в собственное прошлое, чтобы приобрести большую самостоятельность в будущем. Сходным образом действуют и группы «самопомощи», ставшие обыденным явлением в западном обществе.

Появление значительного числа людей, утративших представление о своей национально-культурной принадлежности, приводит к дестабилизации общества, повышает уровень социальной напряженности, ставит под вопрос способность той или иной страны сохранять свой суверенитет и территориальную целостность, противостоять давлению как извне, так и изнутри, находить необходимые ресурсы и эффективно их использовать в конфликтных ситуациях, которые сплошь и рядом возникают между различными странами, народами и государствами.

Культурные заимствования и культурная диффузия

За многие тысячелетия своего развития человеческая культура никогда не оставалась неподвижной: зародившись, она развивалась и распространялась из одного региона в другой, передавалась от прошлых поколений настоящим и будущим, все время пополнялась новыми материальными и духовными продуктами. Многочисленные и разнообразные виды культурных изменений получили в культурной антропологии название «*культурная динамика*», которое подразумевает все виды изменений, происходящие в культуре и человеке под воздействием внешних и внутренних причин.¹³¹

Значительную роль в культурной динамике играют «*культурные заимствования*» – использование предметов, норм поведения,

¹³¹ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

ценностей, созданных и апробированных в других культурах. Данный вид культурной динамики имеет место в тех случаях, когда одна культура подвергается влиянию другой. Однако при этом большинство людей, несмотря на заимствование элементов другой культуры, сохраняют многие обычаи, нормы и ценности, присущие их родной культуре. Иными словами, в процессе заимствования народ-реципиент заимствует не все подряд, а лишь то, что является близким его собственной культуре, что может принести явную или скрытую выгоду, даст преимущество перед другими народами, отвечает внутренним потребностям данного этноса.

Культурные заимствования – это наиболее распространенные источники культурных изменений. Этот источник культурной динамики может носить как прямой – через межкультурные контакты индивидов, так и косвенный характер – через СМИ, потребляемые товары, образовательные учреждения. Характер, степень и эффективность культурных заимствований определяют, в основном, следующие факторы:

- интенсивность контактов – частое взаимодействие культур ведет к быстрому усвоению инокультурных элементов;
- условия межкультурных контактов – насильственные контакты порождают реакцию отторжения;
- степень дифференциации общества – наличие социокультурных групп, готовых принять нововведения;
- восприимчивость к чужой культуре – способность менять свое поведение в зависимости от изменения культурного контекста.

Наиболее распространенным примером культурных заимствований может служить мода.

К числу источников культурной динамики относится также «синтез культур», представляющий собой взаимодействие и соединение разнородных культурных элементов. В результате синтеза возникает новая культура, отличающаяся от обоих составляющих его компонентов.

Синтез является важным источником культурных преобразований во многих развивающихся странах. В качестве наиболее яркого примера плодотворного соединения собственных национальных и инокультурных элементов обычно приводится Япония, а также ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии – Южная Корея, Тайвань и Сингапур. В процессе глобализации культурное влияние проходит сквозь фильтры государственной идеологии, а также воспоминаний, представлений и фантазий, аккумулированных коллективным и индивидуальным опытом.

В качестве отдельного источника культурной динамики следует выделить «культурную диффузию» – взаимное проникновение отдельных явлений культуры или целых ее комплексов из одной культуры в другую при их взаимодействии. Культурное взаимодействие – это культурный контакт, который может пройти бесследно, а может закончиться либо сильным влиянием взаимодействующих культур друг на друга, либо односторонним влиянием. По своей сути диффузия также означает «заимствование» каких-либо достижений одной культуры у другой.

По сравнению с другими видами культурных изменений «диффузионные процессы» являются исторически наиболее ранними. Это – одна из наиболее естественных форм существования и развития культуры, отражающая неравномерность природных и исторических условий отдельных народов. Благодаря этим процессам происходит проникновение и распространение необходимых культурных новаций среди тех народов и культур, где эти новации по объективным причинам сами появиться не могут. Даже в регионе обитания одного народа, как правило, полезные новации не создаются параллельно и одновременно, они обычно возникают в каком-то одном месте, а затем быстро распространяются по всей близлежащей территории и зачастую заимствуются всеми соседями. Это и есть диффузия культуры в ее реальном проявлении. Именно таким образом сложилось цивилизационное единообразие Западной Европы.

Каналами культурной диффузии служат миграция, туризм, деятельность миссионеров, торговля, война, научные конференции, ярмарки, обмен специалистами и др. Все эти формы культурной диффузии могут распространяться как в вертикальном, так и горизонтальном направлениях.

«Горизонтальная диффузия» происходит между культурами нескольких этносов, социокультурных групп или между отдельными индивидами. Поэтому данное направление можно также назвать «межгрупповой» диффузией. Примером диффузии подобного рода может служить заимствование сотрудниками милиции жаргона, манер поведения и общения криминального мира в результате их частых контактов с преступниками.

«Вертикальная диффузия» развивается между культурами с неравным статусом, поэтому ее можно назвать также «стратификационной» культурной диффузией. Тип стратификационной диффузии можно проследить на примере одежды, которая зачастую символизирует статусные различия людей. В современном обществе

она превращается в канал диффузии культурных ценностей из одной социальной группы в другую. Финансовые возможности среднего класса сегодня позволяют ему покупать модную одежду, которую прежде носил только высший класс. Современные высококвалифицированные рабочие на Западе являются на работу в костюмах, которые раньше служили отличительным символом высшего класса.

Современная миссия культурной диффузии свидетельствует, что она не утратила своего значения в культурной жизни народов, поскольку, как правило, имеет положительные социальные последствия для любого общества. Передача культурных ценностей от одного народа к другому, а также из одного социокультурного слоя в другие ведет одновременно и к демократизации общества, и к просвещению населения. При этом сама культура становится более демократичной.

Культурная диффузия, т.е. стихийное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей, имеет как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, она позволяет народам больше общаться между собой и узнавать друг о друге. Общение и познание способствует сближению народов. С другой стороны, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности. Именно распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение впервые заставили ученых говорить о процессе глобализации современной культуры¹³².

Таким образом, глобализация культуры имеет как позитивные, так и негативные стороны. Негативные моменты глобализации кроются в возможности утраты своей культурной самобытности.

Происходит это в результате аккультурации и ассимиляции.

Аккультурация и ассимиляция

Взаимодействие культур и его возможные последствия начали изучать лишь во второй половине XIX в. Выяснилось, что все культуры мира можно разделить на «донорские» и «реципиентные» и предсказать с большей или меньшей точностью возможные последствия межкультурного взаимодействия. Обнаружилось, в част-

¹³² *Кравченко А.И.* Культурология: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. М., 2001.

ности, что в случае взаимодействия равносильных культур происходит *«аккультурация»*, когда обе стороны в равной мере усваивают элементы культуры друг друга. И тогда картины мира обоих взаимодействующих этносов пусть и изменяются, но не исчезают – их ядро сохраняет своеобразие. Каналами, по которым происходит культурная аккультурация, служат миграция, туризм, деятельность миссионеров, торговля, научные конференции, ярмарки, обмен специалистами и др., т.е., в сущности, это – все те же механизмы диффузии, о которой говорилось выше.

Аккультурация представляет собой адаптацию человека к чужой культуре без отказа от собственной. Она предполагает овладение человеком ценностями еще одной культуры без ущерба для ценностей своей культуры. При культурном плюрализме ни одна культура не теряет своей самобытности и не растворяется в общей культуре. Аккультурация подразумевает добровольное овладение представителями одной культуры привычками и традициями другой, обогащающее собственную культуру.

Но хотя ни одна культура не способна динамично развиваться без взаимодействия с иными, непохожими на нее культурами, у межкультурного взаимодействия есть и обратная сторона. Она состоит в том, что всегда может найтись более сильная, более агрессивная (*«доминантная»*) культура, которая в случае непосредственного межэтнического контакта путем прямого или косвенного давления вызовет в другой культуре радикальное изменение. В этом случае картина мира этой последней культуры полностью или частично замещается картиной мира этноса доминантного. Такой культурный контакт может привести к полной *«ассимиляции»* одной нации другой, слиянию одного народа с другим с полной утратой одним из них своей картины мира, а следовательно, своего национального самосознания, ценностных ориентаций, традиций, обычаев, религии и языка. Подобные процессы сегодня происходят, например, с уэльсцами в Великобритании и каталонцами в Испании. Но аналогичную угрозу ощущают сегодня и некоторые более крупные этносы, в том числе имеющие собственную государственность, – такие как, например, Франция, Италия, Нидерланды, Дания и др.

Взаимовлияние культур в процессе глобализации

Сказанное вовсе не означает, что концепция глобальной культурной унификации бессмысленна, – напротив. Но она явно недостаточна. Она упускает из виду противоположные тенденции –

влияние незападных культур на Запад, – например, усвоение и перестройку западных элементов местными культурами. Она упускает из виду и взаимное влияние незападных культур. Она не знакома, например, со «смешанными» культурами, с развитием «третьих культур» на международной музыкальной сцене. Она придает слишком большое значение гомогенности западной культуры и не видит, что многие стереотипы, насаждаемые Западом и его культурной индустрией, если проследить их происхождение, оказываются на поверку сплавом различных культурных течений.

Длившееся веками взаимопроникновение культур Юга и Севера привело к возникновению межконтинентальной «смешанной культуры». В сущности, вся европейская, да и вся западная культура является лишь составной частью этой глобальной смеси. Ведь Европа до XIV в. постоянно находилась под влиянием культурных воздействий «Ориента» – «Востока». Западная гегемония относительно молода, она возникла лишь около 1800 г., а точнее – с началом индустриализации¹³³.

Поэтому культурная глобализация не является исключительно и только распространением западной массовой культуры. Помимо него, имеет место взаимопроникновение и соревнование культур. Навязывание стандартов западной культуры в тех национальных государствах, где особенно сильны историко-культурные традиции, приводит к противоположному результату – к этнокультурному подъему, который выражается в усилении национально окрашенных общественных идеологий. Взаимодействие локальной и глобальной культуры в конечном итоге происходит по пути переработки культурных инноваций и приспособление их «под себя», при этом порог восприятия новаций локальной культурой определяется традиционализмом данного общества¹³⁴.

Примеров тому множество. Например, римляне искренне любили греческую культуру, более того – открыто признавали ее превосходство над культурой собственной. «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый искусства внеся», – писал римлянин Гораций. И дело не ограничивалось искусством: римляне перенимали у греков все, что им нравилось, начиная от кухни и кончая культурами.

¹³³ Pieterse J.N. Der Melange-Effekt // Beck U. (Hg.), Perspektiven der Weltgesellschaft, Frankfurt/M., 1977.

¹³⁴ Хоц А.Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ставрополь, 2001.

Аналогичный случай произошел и со славянской культурой, оказавшейся на пути воинов болгарского хана Аспаруха, когда болгары-победители переняли язык и культуру побежденных.

То же самое происходило и с религиями. Так, например, ислам, как и все мировые религии, черпал идеи из невообразимого множества культурных источников. Это относится и к Османской империи: за долгие годы она испытала влияние арабской, персидской, греческой, римской, берберской, турецкой, индийской и других культур.

Греческая наука и философия дошли до европейцев через мусульманских посредников. Иначе говоря, духовное наследие эллинов было воспринято Европой лишь после того, как его серьезнейшим образом изучили и усвоили на Ближнем Востоке. Не будь исламских ученых и философов, европейцы еще долго пребывали бы в полном незнании этого наследия, а может быть, так никогда и не познакомились бы с ним.

Мусульманское влияние на Западе заключается в заимствовании арабских терминов и корней, которые вошли почти во все европейские языки и используются вплоть до теперешнего дня. Обширное влияние исламской цивилизации явственно ощущалось во всех областях жизни, в науке, в искусствах, философии и т.д. В свое время важнейшим оплотом и основным центром распространения этой цивилизации была Испания. Некоторые из естественных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила свое арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту.

Труды античных астрономов, таких как Птолемей Александрийский, стали известны в Европе только благодаря арабским переводам и сочинениям их мусульманских последователей. Большинство географических знаний, касающихся наиболее отдаленных краев Азии или Африки, долгое время добывалось исключительно арабскими путешественниками, посещавшими эти края. Подобные факты можно умножать до бесконечности¹³⁵.

Японцы, как и римляне, унаследовав более древнее и богатое искусство своих учителей, первыми передали его миру «в упаковке» своей культуры. На рубеже XIX и XX вв. увлечение японским искусством привело в Европе к рождению первого оригинального стиля XX века – «ар нуво» («новое искусство») и к становлению эстетики модернизма в целом. В 1895 г. антиквар из Гамбурга

¹³⁵ *Генон Р.* Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии, 1991, № 4.

С. Бинг открыл в Париже магазин «Maison de L'Art Nouveau» (франц. «Дом Нового Искусства»), где показывались произведения традиционного искусства Китая, Японии, а также работы молодых парижских художников А. Ван де Велде, Э. Галле, П. Боннара, Ф. Брэнгвина, О. Родена, Л.К. Тиффани, выполненные в «новом стиле», напоминающем восточный.

А на рубеже XXI в произошло «смещение и сближение современных культур Запада и Востока, Севера и Юга, Европы, Азии, Африки, Латинской Америки». Вот почему современная личность «существует, сознает и мыслит в промежутке многих культур»¹³⁶.

Влияние арабского мира и сегодня ощущается в Европе. Так, в феврале 1997 года на французский олимп поп-музыки была вознесена и названа лучшей песней года «Айша» – новейший хит иммигранта из Алжира Халеда, называемого также «королем райи». Примечательно уже то, что этот гимн арабской девушке передается всеми крупнейшими французскими радиостанциями, а не только малоизвестными арабоязычными. Это указывает на приход во французскую национальную культуру мигрантов из стран Магриба. В глазах иностранцев Халед даже представляет всю Францию. Его музыку с восхищением слушают в таких непохожих странах, как Египет, Израиль и даже консервативная Саудовская Аравия. Существуют локальные версии на древнееврейском, турецком языках, на хинди. Своей музыкой Халед доказывает, что глобализация не обязательно движется в одном направлении, что она может предоставлять и региональным музыкальным культурам мировую сцену.

Можно также вспомнить, что восточный мир «подарил» Европе и США Фредди Меркьюри (Freddy Mercury, группа «Queen»), чье настоящее имя Фарух Бульсара.

Многое сегодня заимствуется также из культурного и идейного резервуара под названием «Африка» в самых разных местах мира – на Карибских островах, в гетто Манхэттена, в южных штатах США, в нищенских кварталах больших городов Бразилии, а также и во время крупнейшего европейского бала-маскарада на улицах Лондона.

«Мы встречаем людей с экзотически звучащими именами, непривычной для нас внешностью, с иным цветом волос и кожи, – пишет Дж. Арджуни, – все это вызывает у нас массу ассоциаций

¹³⁶ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. С. 373.

с дальними странами, с Востоком; но вдруг они отвечают нам на баварском или швабском диалекте, и тут выясняется, что выросли они в Кройцберге под Берлином или в Дуйсбурге; короче, они ставят нас в тупик и переворачивают наши представления о нормальности»¹³⁷.

«Как быть, – спрашивает Дж. Питерс, – если марокканские девушки устраивают в Амстердаме состязания по кик-боксингу, азиаты в Лондоне играют рэп, пекут ирландские бейгл (бублики), китайские тако (блинчики с начинкой), индейцы в Нью-Йорке празднуют последний день карнавала перед Великим постом, а мексиканские ученицы танцуют в греческих тогах, подражая Айседоре Дункан? Как относиться к тому, что Питер Брук ставит на сцене “Махабхарату”, а Ариана Мнушкин инсценирует пьесу Шекспира в стиле театра кабуки в парижском “Театр солей”?»¹³⁸

Конечно, когда мы видим на экране китайского юношу с крашеными волосами и прической «ирокез» или – американского яппи, ловко пользующегося японскими палочками во время ланча, – то было бы слишком смело называть это «взаимопроникновением культурных стандартов». В повседневности всегда происходила миграция мелких «поведенческих стандартов», не оказывающая влияния на культуру в целом.

Другое дело, что сегодня все чаще возникают гибридные формы культуры, играющие большую роль в конструировании гетерогенных, транслокальных молодежных идентичностей. Так, Д. Паркер показал, как в современной Англии молодые китайцы из Гонконга основали «Канто-поп» для выражения особой культурной идентичности¹³⁹. В Америке фанаты японской анимации («аниме отаку») выбрали конкретный продукт японской индустрии культуры (испытывавший сильное влияние голливудской анимации), чтобы выделяться из основной массы¹⁴⁰.

Правда, возникают и вопросы, на которые нет ответа. Скажем, фильм английского режиссера, финансируемый Голливудом, является продуктом американской или британской культуры? А рэп в

¹³⁷ *Arjouni J.* Ein Mann, ein Morel. Zurich, 1991.

¹³⁸ *Pieterse J.N.* Der Melange-Effekt, in: Beck U. (Hg.), Perspektiven der Weltgesellschaft, Frankfurt/M., 1977.

¹³⁹ *Parker D.* Rethinking British Chinese Identities // T. Skelton and G. Valentine (eds) Cool Places: Geographies of Youth Cultures. L. and N.Y.: Routledge, 1998. P. 66–82.

¹⁴⁰ *Newitz A.* Anime Otaku: Japanese Animation Fans outside Japan // Bad Subjects. 1994, № 13, April.

исполнении MC Solaar оказывает американское или сенегальское влияние на Францию?

Как заметил Д. Хелд, «крайне сложно аккуратно проинтерпретировать влияние новой формы культурной глобализации на политические идентичности, национальные солидарности и культурные ценности»¹⁴¹. Для исполнителей французского рэпа принципиальное значение имеет сама «презентация рэпа французским, а не американским»¹⁴². А в Японии некоторые продукты американской культуры были сначала «одомашнены», а потом, в качестве продуктов японской культуры (мультифильмы и комиксы), экспортировались назад в Америку¹⁴³.

Подобные факты дают эмпирические основания теориям «синкретизма», «креолизации» и «гибридизации» и составляют противовес тем теориям, в которых глобализация сводится, в основном, к «местному» переписыванию глобальных форм культуры¹⁴⁴.

Шведский ученый У. Ханнерз выделяет явление «креолизации» в качестве одного из основных процессов глобализации. «Креолизация», по Ханнерзу, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях¹⁴⁵. В «креолизации» заключается возникновение новых форм идентичности, которые не имеют исторического образца, исторических

¹⁴¹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford: Stanford University Press. 1999. P. 328.

¹⁴² Huq R. *Living in France: the Parallel Universe of Hexagonal Pop // Living Through Pop* / Ed. by A. Blake. L.; N.Y.: Routledge. 1999. P. 140.

¹⁴³ Fehrenbach K., Poiger U. Introduction: Americanization reconsidered. // Fehrenbach H., Poiger U. (eds.) *Transactions, Transgressions, Transformations. American Culture in Western Europe and Japan*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2000.

¹⁴⁴ См. напр.: *Robinson D., Buck E., Cuthbert M.* Music at the Margins: Popular Music and Global Cultural Diversity London: Sage. 1991; *Bennett A.* Hip hop am Main: The Localisation of Rap Music and Hip Hop Culture.– Media, Culture and Society. 1999. Vol. 21. № 1. P. 77–91; *Bennett A.* Popular Music and Youth Culture. Basingstoke: Macmillan. 2000; Mitchell T. «Doin' Damage in My Native Language»: The Use of Resistance Vernaculars in Hip Hop in France, Italy and Aotearoa. – New Zealand: Paper Abstract for Conference «Protesting Globalization»: Prospects for Transnational Solidarity. 1999. December 10–11; *Huq R.* Living in France: the Parallel Universe of Hexagonal Pop // *Living Through Pop*. Ed. by A. Blake. L.; N.Y.: Routledge. 1999. P. 131–145; *Condry I.* The Social Production of Difference: Imitation and Authenticity in Japanese Rap Music // *Fehrenbach H., Poiger U.* (eds.) *Transactions, Transgressions, Transformations // American Culture in Western Europe and Japan*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2000. P. 166–186.

¹⁴⁵ *Haarmann H.* Babylonische Welt. Frankfurt: Campus Verlag, 2001. S. 11–12; *Hannerz U.* *Transnational Connections*. London: Routledge, 1996.

корней. Благодаря тенденции к «креолизации» культурное многообразие может принимать новые формы, зачастую при этом интегрируя предшествующие.

Вкрапления глобальных «заимствований» и «гибридных культур» не обязательно оказывают сильное влияние на господствующие национальные культуры и национальные идентичности¹⁴⁶. Так, З. Бауман полагает, что «гибридизация» культур затрагивает только «глобализованную верхушку», тогда как в опыте людей, находящихся «на принимающей стороне» глобализации, отражаются и озвучиваются «неопервобытные и фундаменталистские тенденции»¹⁴⁷.

«Незападные» общества открывают двери культурному влиянию с Запада в стремлении к более высоким стандартам жизни, ассоциируемых с достижениями «модерна»¹⁴⁸. Однако знакомство с Западом вовсе не обязательно ведет к его принятию – адаптация экономических и технических достижений западной модернизации вполне может сопровождаться неодобрением вестернизации местных ценностей и культур¹⁴⁹. Таким образом, принятие западных товаров и сообщений «незападными» обществами не придает им ни глобальности (универсальности), ни соблазнительной (символической, технологической или эстетической) силы, способной преодолеть локальные различия.

Западные товары могут трактоваться просто как западные товары, и не включаться в местные ценности¹⁵⁰. Этот парадокс, или «культурная амбивалентность», показывает, что глобализация может позитивно восприниматься на одном уровне, а на другом ей могут из всех сил сопротивляться. Так, например, российская молодежь приветствовала глобализацию в той степени, в какой она способствовала искоренению прежней изоляции и открывала возможности для достижения существующего на Западе уровня мате-

¹⁴⁶ См.: Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford: Stanford University Press. 1999.

¹⁴⁷ Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. Buckingham; Open University Press. 1998. P. 3.

¹⁴⁸ Lee R. *Globalisation and Cultural Change // Current Sociology*. 1994. Vol. 42. № 2. P. 26–33; Liechty M. *Modernization, Media and Markets: Youth Identities and the Experience of Modernity in Kathmandu, Nepal // Youth Cultures: A Cross-Cultural Perspective*. Ed. by V Amit-Talai and H. Wulff. London: Routledge. 1995. P. 166–201.

¹⁴⁹ Roniger L. *Public Life and Globalization as Cultural Vision // Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1995. Vol. 32. № 3. P. 274.

¹⁵⁰ Howes D. (ed.) *Cross-Cultural Consumption: Global Markets – Local Realities*. London; New York: Routledge, 1996. P. 182.

риального комфорта. Стремясь к западным стандартам качества жизни, молодые россияне вместе с тем не спешили перенимать западные стандарты «бытия» и в духовной жизни оставались глубоко укорененными в местные традиции¹⁵¹.

Однако сегодняшние потоки культурной продукции текут отнюдь не в одном направлении. Более того, если говорить о США как об одном из главных участников глобального рынка культуры, то они, как это ни странно выглядит в свете стереотипных тезисов об американской культурной экспансии, играют на этом рынке роль не столько производителей, сколько потребителей. Согласно данным ЮНЕСКО, общая ценностная стоимость продуктов культуры, импортированных, например, в 1998 г. в США (включая печатную продукцию, произведения музыкальной культуры, изобразительного искусства, кинематографии, фотографии, радио и телевидения) составила 60 млрд долл., что почти в три раза превысило стоимость экспорта соответствующей культурной продукции из США (22 млрд долл.).

В то же время преувеличенными выглядят и жалобы антиглобалистов по поводу «печальной участи» слаборазвитых стран, неспособных якобы противостоять натиску культурной продукции западного мира. Данные того же ЮНЕСКО говорят о том, что доля развивающихся стран в мировом экспорте продуктов культуры выросла с 1980 по 1998 г. с 12 до 30%, а стоимость экспорта произведенной здесь в 1998 г. культурной продукции составила 52 млрд долларов, превысив стоимость соответствующего импорта (44 млрд долл.).

В ходе проведенного несколько лет назад международного исследования только 19% опрошенных в Италии, 24% в Германии и 27% в Великобритании согласились с тем, что американская массовая культура (музыка, телевидение, кино) представляет собой серьезную угрозу культурам других стран мира. Только во Франции этот показатель достиг 33% опрошенных. Однако особая чувствительность французов в этом вопросе имеет свою историю и свои причины. Она объясняется скорее всего их болезненной реакцией на утрату былого культурного и интеллектуального лидерства в Европе и мире, связанную не столько с усилением американских позиций, сколько с культурным спадом, переживаемым самой Францией¹⁵².

¹⁵¹ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. СПб., 2004. С. 38.

¹⁵² *Вайнштейн Г.* Неяркий мир, или глобализация и «повреждение» культуры. [Электронный ресурс] URL //miresperanto.narod.ru/aliaj_lingvoj/nejarkij_mir.htm

Культурная политика

Сохранение культурного своеобразия в современном обществе стало оцениваться как высшее достижение цивилизации. Раньше на это не обращали внимания, поэтому одна нация поглощала другую, растворяя в себе без остатка культуру покоренного народа. Так было, например, во времена европейской колонизации в странах Латинской Америки и Африки.

Теперь же ситуация стала меняться. По крайней мере, с середины XX в. выражения «социальная политика» и «культурная политика» для большинства людей цивилизованных стран стали привычными. Именно тогда начался плановый, целенаправленный подход к сохранению культурного генофонда всего человечества и каждой отдельной страны в рамках ООН.

Культурная политика – система практических мероприятий, финансируемых, регулируемых и в значительной мере осуществляемых государством (наряду с частными лицами), направленных на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия нации.

В области культурной политики чаще всего возникают следующие вопросы: как сохраняется культурное наследие нации и доступно ли оно всем этническим и социальным группам? Все ли используемые языки имеют равный статус, и нет ли в данной стране культурной и языковой дискриминации? Является ли официальный государственный язык языком предков, или это наследие колониального господства? В какой степени «не основные» языки поддерживаются государством, а в какой они являются заботой семьи и общины? В какой степени эти языки используются для сохранения культурных и социальных различий в обществе, расширения и сокращения антагонизма среди языковых групп?

Культурная политика во многих странах сегодня переориентируется с модели ассимиляции, в которой меньшинства отказываются от своих культурных традиций и ценностей, заменяя их теми традициями, которых придерживается большинство, на *мультiculturalную модель*, где индивид адаптируется и к доминирующей, и к этнической культурам. Так, например, в США миллионы людей разговаривают на английском и на своем этническом языках, отмечают общенациональные и этнические праздники, изучают историю страны и своей нации.

Обезличивание и унификация культур

Есть два способа сделать человека бездомным: один – это разрушить его дом, другой – сделать так, чтобы его дом был совершенно таким же, как у всех остальных.

Ярон Эзрахи, политолог (Израиль)

Превращение современного мира людей в единую глобальную систему с небывало высоким уровнем органической целостности – момент, безусловно, положительный. В ситуации, когда государственные границы утрачивают истари присущую им жесткость и становятся не столь уж непреодолимым барьером, возможности взаимопонимания, технологического и духовного взаимообогащения народов мира велики как никогда¹⁵³. Но у глобализации есть и оборотная сторона.

Процессы глобализации культуры чаще всего оборачиваются утратой национальными культурами своеобразия, на смену которому приходят одинаковые для всех (в основном по американскому образцу) потребительское поведение, образ жизни, музыка, обиходные выражения и т.п. Естественно, что многие страны стремятся избежать такой перспективы. Например, Франция осуществляет довольно жесткую политику, пытаясь преградить путь на свои экраны хотя бы части заокеанской кинопродукции, а Канада при поддержке ООН и ряда других стран, борется за ограничение свободной торговли «продуктами культуры» из США, справедливо видя в них угрозу собственной культуре¹⁵⁴.

Для такой культурной политики есть серьезные основания. Опыт показывает, что результатами глобализации оказываются и такие явления, как унификация этнических общностей, нивелировка культурного разнообразия, эгоистическое доминирование во взаимоотношениях государств и народов. Все это неизбежно порождает противодействие – идеологию и общественное движение *антиглобализма*, где акцент делается уже не на единении человечества, а на способах реального преодоления процесса глобализации, отрицательных его последствий.

¹⁵³ В этом разделе использованы материалы А.И. Шендрика: Глобализация в системе культурологических координат // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. М., 2005.

¹⁵⁴ *Высоцкая Н.* Транскультура или культура в трансе? // Вопросы литературы, № 2, 2004.

Известный специалист в области глобализации У. Бек утверждает: «Уже сейчас мы находимся в процессе, который может кончиться тем, что на планете Земля окажется одно-единственное общество – планетарно-интегрированное человечество. Пока мы в начале этого процесса, и этносоциальные образования до сих пор сохраняют статус общества, поскольку, утратив актуальную самодостаточность, они сохраняют самодостаточность потенциальную. Что будет, когда этносоциальные группы окончательно “разучатся” быть обществами, никто сказать не может»¹⁵⁵.

Стандартизация образовательных систем разных стран, подкрепленная внедрением новых информационных технологий, резким увеличением «онлайновых» школ и вузов, мобильности преподавателей и студентов, все больше подчиняется требованиям глобального рынка и конкуренции. Характерный пример этого – современная образовательная политика Европейского Союза и его «Болонская конвенция»¹⁵⁶.

В 1999 г. страны ЕЭС договорились о создании «единого образовательного пространства», и эта договоренность была зафиксирована в виде Болонской декларации, согласно которой к 2010 г. вся Западная Европа должна иметь единую систему высшей школы. Болонское соглашение подписали 33 из 45 стран Европы.

Известно, что в самой Европе оценка Болонского процесса до сих пор крайне неоднозначна: основные претензии к нему заключаются в том, что «болонизация» высшего образования есть инструмент признания его товаром по правилам игры, определенным ВТО, поскольку цель ВТО – превратить образование в рынок. Студенты усматривают в Болонском процессе угрозу бесплатному образованию; администраторы образования и преподаватели вполне резонно рассуждают, что процесс чреват снижением качества образования. А такие элитарные европейские вузы, как Кембридж и Парижский институт политических наук вообще отказались участвовать в Болонском процессе¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Бек У. К социологии глобализации // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М., 2004. С. 44.

¹⁵⁶ Green A. Education, Globalization and the Nation State. London: MacMillan Press. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 170–171; Teichler U. The Role of the European Union in the Internationalization of Higher Education // A Commonwealth Perspective on the Globalization of Higher Education // Scott P. (Ed.). The Globalization of Higher Education. Buckingham: The Society for Research into Higher Education & Open University Press, 1998. P. 88–99.

¹⁵⁷ Митрофанов С. Плюсы и минусы «болонского процесса» – Интернет: http://www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html, 09.10.03.

Потеря культурного своеобразия – очевидность, и ее, без сомнения, следует рассматривать как свидетельство той драмы, которую сегодня переживают как национальные культуры, так и мировая культура в целом.

Глобализация углубила различие в темпах культурного развития стран, принадлежащих как к кругу лидеров, так и кругу аутсайдеров. Если ранее их показатели постепенно сближались, что рождало определенный оптимизм у тех, кто принадлежал к «третьему миру», то теперь надежда на то, что страны-аутсайдеры в обозримой исторической перспективе смогут сблизиться со странами-лидерами, практически угасла. Расхождение в темпах их культурного развития становится с каждым годом все явственнее. А это порождает практически неразрешимые противоречия, провоцирует рост национализма, шовинизма и ксенофобии, создает предпосылки для возникновения радикального экстремизма. В основе последнего, как показывает практика, зачастую лежит чувство оскорбленного национального достоинства, представление о былом величии и ведущей роли в культурном развитии, утраченной в результате культурной экспансии, осуществляемой другими странами.

Глобализация привела к коренным изменениям в системе взаимоотношений. Одновременно она возвеличила массовую культуру, превратив ее в ведущий элемент системы культуры постиндустриального общества. Отличительной чертой массовой культуры является то, что ее влияние распространяется на все континенты, не признает границ и не нуждается в визах.

Французский профессор политолог Ф. Балль пессимистически характеризует сложившуюся ситуацию. Конечно, говорит он, международная паутина Интернета – это прекрасно. В принципе. Ну а кино – с его блокбастерами? А телесериалы, «вызывающие отвращение у каждого, кто не утратил иммунитет от этой заразы»? А книжные бестселлеры – одни и те же на всех континентах? «Перед нами выбор: или победно наступательный марш американизации, или многоцветье культур, создающих гармонию мира? Оглянитесь вокруг, – предлагает профессор, – не кажется ли вам, что мы живем в каком-то едином мегаполисе, где все заводы китайские, все СМИ – американские, все продукты изготовлены на гигантском комбинате синтетики и доставлены откуда-то с Марса? Для кого-то предпочтительней эта неутомительная и унылая однотонность, для кого-то куда желанней лоскутная пестрота земного про-

странства. Совместить и то и другое, скорее всего, невозможно. Стало быть, вопрос стоит так: кто победит?»

Больших иллюзий на этот счет Балль, как кажется, не питает. Индустриальная цивилизация, это «детище научно-технической культуры, является колыбелью современного мира. Она заморозила значительную часть наших современников – космополитическую элиту, ученых, влиятельных политиков, принимающих решения или направляющих тех, кто их принимает, руководителей наднациональных предприятий... Не может остаться не подверженным их влиянию и мир культуры».

Было бы ошибкой, однако, полагать, пишет Балль, что культурная глобализация (читай: унификация) навязывается «сверху», преодолевая сопротивление «низов». Напротив, «она охотно принимается этими “низами”, подпитываемая универсализацией туризма, единообразием отпускной развлекаловки, она логически следует за стремлением угодить примитивным культурным запросам, потакать неразвитым вкусам толпы. Она неизбежный результат воздействия рекламы, которая по определению адресована не личности, а массе, призывая смотреть то, что смотрят все, читать то, что читают все, одеваться так, как одеваются все, – вот он, животворный бульон глобалистов...». Высокое искусство, напоминает Балль, дорого и нерентабельно, попса дешева и приносит огромный доход. Развлекательная индустрия поставлена на поток, подчиняя себе едва ли не все виды искусства, музыку прежде всего. Моду диктуют «отнюдь не мудрецы и художники, а те, кто озачинены ее максимальной коммерциализацией»¹⁵⁸.

Сторонник глобализации – американский обозреватель Т. Фридмен пишет: «Поскольку глобализация как культурно-гомогенизирующая и уничтожающая среду сила действует очень быстро, существует реальная опасность, что через несколько десятилетий она сметет экологическое и культурное разнообразие, произведенное миллионами лет человеческой и биологической эволюции». «Я бывал в деревушках Северного Китая, – рассказывает он, – и видел, как выглядит мир далеко от фронта глобализации, где девочки носят ботинки go-go. Я прошелся по сингапурскому аэропорту и увидел только двух пожилых женщин в национальных одеждах, которые сидели в зале, замороженно уставившись в телевизор, где по Sky TV Руперта Мердока (Rupert

¹⁵⁸ Цит. по: *Ваксберг А.* (Париж) Всемирный театр абсурда. Глобализация глазами Франсиса Балля // *Культура*, № 31 (7541), 2006, 10–16 августа.

Murdoch) показывали американский рестлинг. Они смотрели на этих тяжелых борцов в одежде Тарзана, пихающих друг друга, а я гадал, что они обо всем этом думают».

И далее: «Если страны не справятся с этим, особенно развивающиеся, мы все обеднеем. Все везде начнет выглядеть так же, как и в остальных местах, с теми же Тасо Bell, KFC и Marriott, с одинаковыми универмагами, MTV, персонажами Диснея, с теми же фильмами, музыкой, с одинаковыми ободранными лесами и бетонными долинами. Путешествие по миру превратится в хождение по зоопарку, где в каждой клетке сидит одно и то же животное – причем в виде чучела... Единственная надежда – и это всего лишь надежда – это что страны научатся делать фильтры, защищающие их культуры от истребления однородностью глобального капитализма. Потому что *при нынешней скорости и силе глобализации культуры, которые недостаточно упрямы, будут истреблены, как любой вид, неспособный адаптироваться к переменам в окружающей среде*»¹⁵⁹.

Действительно, повсюду надевают, едят, пьют, поют одно и то же, везде Диснейленд и Макдональдс. Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать стало бы совершенно бессмысленно – человек в любой стране неизбежно попадает в окружение совершенно одинаковых автомобилей и зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций.

Людей повсюду увлекают быстрой музыкой, быстрыми компьютерами и быстрой едой («фастфуд») – все эти MTV, «Макинтош» и «Макдональдс». Самобытные страны впиливают в гомогенную мировую культуру, в «Мак-мир» (McWorld), живущий благодаря коммуникации, информации, развлечениям и коммерции. «Зажатая между Диснейлендом и Вавилоном, планета внезапно распадается и одновременно соединяется, пусть и с неохотой»¹⁶⁰.

Суть унификации может быть передана словами «повсюду одно и то же». Она представляет собой реальную стандартизацию национальных культур. Проявления такой унификации многочисленны – во всех или почти во всех странах мира мы найдем бары,

¹⁵⁹ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 283–285. (Курсив наш. – Авт.)

¹⁶⁰ Barber Benjamin R. Dschihad versus McWorld – Globalisierung, Ziviigesellschaft und die Grenwn des Marktes // Leitre international. Heft 36/1997. S. 4.

в которых мужчины, одетые в джинсы, пьют виски, обсуждают размеры бюста Памелы Андерсон, слушают песни Майкла Джексона, смотрят по телевизору кубок чемпионов по футболу или какой-нибудь голливудский блокбастер. Стандарты одежды, музыкальных и гастрономических предпочтений, характер развлечений и пр. универсализируются на наших глазах.

В одной из своих лекций о глобализации британский социолог Э. Гидденс рассказывает любопытную историю, случившуюся с его приятельницей-этнографом, изучающей культуру деревенской жизни в Центральной Африке. Десять лет назад она впервые оказалась в отдаленной африканской деревне для проведения полевых исследований и в первый же вечер была приглашена в гости к одному из ее обитателей. Она отправилась к нему в предвкушении долгожданного знакомства с традиционными для жителей африканской глубинки формами досуга. Увы, ее постигло горькое разочарование. Она оказалась свидетельницей коллективного просмотра на видео нового фильма Пола Верховена «Основной инстинкт» с Майклом Дугласом и Шэрон Стоун, который к тому времени еще не успел выйти даже на экраны лондонских кинотеатров.

Ж. Бодрийяр приводил в своей книге пример, когда в какую-то африканскую страну привозят видеомэгнитофоны, чтобы показать, как возделывать определенную сельскохозяйственную культуру – сорго. В итоге «видики» арендует местная мафия, и все предпочитают смотреть порнографию, а кассеты с сельскохозяйственными инструкциями никого не волнуют¹⁶¹.

Таким образом, глобализация, вместо того чтобы быть средством обогащения каждой культуры всеми иными в процессе их равноправного диалога, превратилась в форму обезличивания практически всех культур. Это представлялось бы вовсе парадоксальным при развитых современных средствах коммуникации, если бы не очевидное использование этих средств в прямо противоположном направлении – в целях не взаимного обогащения культур, а их обезличивания и унификации.

Страдают при этом все культуры, и культуры экономически развитых стран не исключение. В силу сложности и многомерности культур разрушающее воздействие на них осуществляется столь же многообразно. Если, например, индийская культура не поддается разрушению на уровне ее смысла и глубочайшей мировоззрен-

¹⁶¹ См: *Аверьянов В.* Отчаяние инквизиторов // *Эксперт*, 2002, № 1–2.

ческой укорененности, то унижается она утверждениями об ее устарелости, древности, несовременности, чуждости человеку Запада. Если русская культура довольно глубока, и отнять у нее этого нельзя, то следуют утверждения относительно ее болезненности, неоправданного утрирования духовного, патологического стремлению к обретению смысла жизни, в то время как смысл жизни известен – он в обществе потребления.

Но самое опасное во всех этих процессах заключается в построении такой глобальной культуры, по отношению к которой никто не может сказать: «Это моя культура». Тем самым строится «ничья культура», у нее нет субъекта, за нее никто не несет ответственности. Поэтому она может быть какой угодно: бездуховной, низкой, разрушающей. А коль скоро эта культура «ничья», то никто и не обязан овладевать ею, развивать ее, улучшать ее. Тем самым культура перестает выполнять свою сущностную функцию: вписывание человека в мир, придание смысла жизни человека.

Могут ли в таких условиях сохраниться традиционные культуры народов? Пожалуй, нет. Разве что, замкнувшись на себе, впав в изоляцию и стагнацию. Но изоляция и стагнация культуры – смерть для нее; культура жива творческой ее трансляцией. Поэтому, если реакцией культуры на унификацию глобализации станет попытка сохранить себя в изоляции, это приведет к самоубийству данной культуры. Другим следствием самоизоляции культуры является ее архаизация, что делает культуру бессильной перед любым вызовом современности.

В результате сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как критическую. Господствуя в процессах глобализации, экономически развитые страны, в основном западные, средствами силового и экономического давления навязали практически всему миру свои ценностные установки, которые к моменту победоносной их экспансии демонстрируют распад и разложение в «метрополии». Страны «третьего мира» утрачивают свои национальные ценности и устои, внешним образом принимают вместе с рыночной идеологией либеральные ценности, часто доведенные до абсурда и выхолощенные. Эти страны посредством открытости информационных потоков оказались втянутыми в жесткую систему отношений, оставляющую им немного возможностей для маневра, систему, в которой эти страны остаются без ценностных, нравственных и духовных ориентиров и даже без сколько-нибудь ясной государственной идеологии.

В результате мы являемся свидетелями многочисленных этнорелигиозных конфликтов, националистических настроений в политике, региональных фундаменталистских движений. Это в большой степени относится к традиционным культурам Кавказа, к исламской культуре, архаичным культурам Африки, некоторых стран Латинской Америки и Азии.

Существуют, правда, и иные мнения на этот счет. Некоторые авторы полагают, что культурная глобализация не может привести ни к культурной гомогенизации, ни к искоренению разнообразия. Например, Р. Уилк считает что глобализация может организовать это разнообразие таким образом, что разные культуры будут развиваться, но в едином направлении¹⁶².

А кое-кто даже радостно отмечает вездесущие приметы культурной глобализации, понимаемой как унификация. По мнению таких оптимистов, нивелирование культурных различий приведет к лучшему взаимопониманию и в других сферах жизни, то есть снизит вероятность социальных и межгосударственных конфликтов. К примеру, Д. Роткопф полагает, что глобализация уничтожит не только культурные барьеры, но и многие негативные аспекты культуры, став важным шагом на пути к «большей стабильности на планете и к повышению качества жизни населяющих ее людей»¹⁶³. Д. Эрвьё-Леже говорит о становлении своеобразного «экуменизма прав человека». П. Бергер высказывает надежду, что «мир, в котором будет больше согласия в отношении прав человека, будет также более мирным». Однако он же выражает опасение по поводу сведения мировой культурной сокровищницы до уровня примитивной «культуры аэропортов», где «богатое разнообразие человеческих цивилизаций будет гомогенизировано и вульгаризировано»¹⁶⁴.

¹⁶² *Wilk R.* Learning to Be Local in Belize: Global Systems of Common Difference. / Miller D. (ed.) *Worlds Apart: Modernity through the Prism of the Local*. L.; N.Y.: Routledge. 1995. P. 166.

¹⁶³ *Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism? // *Globalization and the Challenges of a New Century*. / Patrick O'Meara, Howard D. Mehlinger, and Matthew Krain (Eds). Bloomington and Indianapolis, 2000. P. 444.

¹⁶⁴ *Berger Peter L.* Four Faces of Globalization // *Globalization and the Challenges of a New Century* / Patrick O'Meara, Howard D. Mehlinger, and Matthew Krain (Eds). Bloomington and Indianapolis, 2000. P. 419.

Субкультуры, формируемые глобализацией

Глобализация расшатывает культуры традиционных обществ не только «снаружи», но и изнутри – через процессы субкультурные. Единой национальной культуре, воспринимаемой сегодня многими как «тотализирующая, патриархальная, подавляющая», противопоставляются культурные практики отдельных субкультур, конституирующих себя на основе самых различных признаков.

Само отношение к глобализации – восприятие ее как реальной угрозы или, напротив, принятие новых транснациональных культурных образцов – становится фактором социально-культурной дифференциации. У. Ханнерз определяет формирующиеся на этой основе типы личностной культурной ориентации: «космополитическая» и «локалистская».

– Космополиты (или транснационалы) – бизнесмены, интеллектуалы, журналисты, дипломаты, политики – по его словам, чувствуют себя так же «дома» в рамках культур других народов, как в своей собственной.

– В качестве примера локалистской ориентации Ханнерз приводит поведение мигрантов, которые, живя в чужих странах, отказываются ассимилироваться в их культуру и стремятся сохранить собственную национально-культурную идентичность¹⁶⁵.

В этой связи интерес представляет и предложенная П. Бергером структура субкультурной стратификации, складывающаяся в ходе культурной глобализации¹⁶⁶.

Первая субкультура представлена так называемой «культурой Давоса» – по названию швейцарского курорта, где проходят ежегодные Всемирные экономические встречи на высшем уровне. Это культура мировой деловой элиты, включающая в себя манеру поведения, стиль одежды, вкусы. Ее сфера не ограничивается международными аэропортами и залами заседаний; она «переливается» за края чисто делового общения, начиная определять собой образ жизни и систему ценностей своих членов. Похоже, что такая субкультура понемногу начинает формироваться и в России. Это «яппизированные» (от «уирри» – моло-

¹⁶⁵ Hannerz U. Cosmopolitians and Locals in World Culture. // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. P. 237–244.

¹⁶⁶ Berger Peter L. Four Faces of Globalization // Globalization and the Challenges of a New Century... Bloomington and Indianapolis, 2000.

дые представители городского среднего класса) – вежливые и компетентные молодые люди в стандартных костюмах и с дежурными улыбками, встречающиеся все чаще в банках, магазинах и фирмах.

Вторая субкультура – «международный клуб профессуры». Речь идет о все более расширяющемся поле взаимодействия западной интеллигенции, о проникновении ее мировоззрения, убеждений и ценностей в самые отдаленные уголки земного шара, о формировании – с помощью многочисленных всевозможных фондов, неправительственных организаций, сети научных и университетских связей – своего рода «сообщества интеллектуалов», говорящих на одном понятийном языке. С падением «железного занавеса» в этот «клуб» стало легче попадать ученым из бывшего Союза.

В силу разных причин различия в «языке» были ранее разительными, особенно в гуманитарных сферах. Представители же следующего поколения – историков, литературоведов, филологов – имеющие доступ к любым текстам и считающие поездку в Европу или Америку чем-то обычным, могут чувствовать себя в этом «клубе» законными членами.

Третья субкультура – постоянные потребители и поклонники массовой культуры. Для них характерна стандартизация вкусов – в пище, одежде, в языке, во вкусах; принятие, по крайней мере внешне, массовой культуры американского образца; почти полное «переселение» значительной части молодежи в виртуальное пространство домашнего компьютера. Именно такую глобальную культуру в первую очередь обозначают словом «вестернизация» (иногда конкретнее – «американизация»), «макдоналдизация», «рэмбификация» (от имени популярного американского киногероя Рэмбо). При этом дело не ограничивается унификацией внешних признаков поведения. Массовая культура незаметно и неуклонно внедряет определенный комплекс идей и представлений о жизни в целом, а не только о том, под какую музыку танцевать и какие джинсы носить.

Соотношение массовой и традиционной культур варьируется в разных регионах в зависимости от особенностей последней. Причем линия раздела чаще проходит именно между возрастами. Например, в России старшее поколение больше всего удручает установка на стандартизацию желаний и рефлексов, влекущая за собой неизбежный конформизм. А также – демонстративное пренебрежение к «высокой» культуре, уважение к которой советская интеллигенция считала своей отличительной чертой.

Наконец, *четвертая субкультура* (по Бергеру) – активно расширяющаяся паства евангелического протестантизма, причем даже в тех регионах, где он всегда был чужим, – в Латинской Америке, Восточной Азии, южной части Африки. Неся с собой элементы веберовской «протестантской этики», эта субкультура таким образом распространяет в первую очередь североамериканские ценности.

В России эта субкультура тоже знакома. В первые же годы после распада Союза во все его бывшие республики хлынул поток всевозможных миссионеров, привлекавших потенциальную паству разнообразными методами, от новизны повернувшегося иной стороной христианства до демонстрации фильмов и организации концертов рок-музыки. И определенная часть населения приняла ценности, предложенные этой субкультурой, – ведь это происходило в обстановке распада СССР, сопровождаемого религиозным всплеском. А какая именно религия дарует душевный покой, зависит не только от исторической традиции, но и от активности и способностей ее миссионеров. Правда, опомнившись от первоначального замешательства, православие воспротивилось вторжению на его исконную территорию, и экспансия протестантизма несколько затормозилась.

Конечно же, все названные выше субкультуры, порожденные культурной глобализацией (на самом деле их, конечно, больше), складываются одновременно, но скорость их расширения зависит от местных условий. Очевидно только одно – все четыре субкультуры объединяет между собой их явно западное происхождение¹⁶⁷.

Субъекты и объекты глобализации культуры

Принципиальная новизна глобализации заключается не столько в ее масштабе и сфере воздействия, сколько в явно сознательной направленности глобализации. Она только на первый взгляд кажется процессом свободно сложившимся, естественным и не зависящим от воли и намерения людей. Процессы такого рода случайными, возникшими сами собой и в этом смысле естественными не бывают. Такие процессы, как правило, имеют своих инициаторов, своего субъекта. Кто, для чего, с какой целью, каким образом иницирует, поддерживает, направляет процессы культурной глобализации – можно только предполагать.

¹⁶⁷ *Высоцкая Н.* Транскультура или культура в транс?

Ряд ученых определяет сегодня глобализацию как общемировую экономическую, образовательную, информационную и культурную тенденцию, нивелирующую национальную самобытность исторических культур народов мира, отвечающую интересам крупных монополий и экономически сильных стран, прежде всего – США¹⁶⁸.

По мнению этих исследователей, глобализация – в узком смысле этого слова – представляет собой «голографическую развертку» американской культуры и американского типа цивилизации, осуществляемую в глобальных масштабах, вовне. «Глобализация», «вестернизация», «американизация» – все эти понятия являются для них до известной степени семантически близкими и взаимозаменяемыми.

В рамках американской экономики и американского общества в течение, скажем, последних 50–60 лет начали формироваться структуры, которые в «эмбриональном состоянии» развивались в пределах национальных границ США. Но затем им стало «тесно» в пределах национальных границ, и тогда они постепенно превратились в транснациональные, глобальные. Теперь Америка «экспортирует» структуры, технологии, управленческие методы, которые прошли апробацию в США и, следовательно, – так во всяком случае считают в Америке, – пригодны к использованию во всем мире. В результате, как надеются многие в США, в конечном счете весь мир будет одним большим «Рах Americana». Ну, а кто в него «не впишется», тот будет жить в неких «глобальных резервациях», и по этой части у Америки много наработок и практических решений.

Американский обозреватель пишет: «В большинстве обществ люди уже не делают различия между американской мощью, американским экспортом, американским культурным давлением, американским культурным экспортом и собственно глобализацией. Они для них слились воедино»¹⁶⁹.

Очевидно, что глобализация приносит ощутимые выгоды одним странам и является бедствием для других. Для многих ясно

¹⁶⁸ *Spring, J.* Globalization and Educational Rights. Mahwah, NJ–London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. 2001. P. 19; *Панарин А.* Опасности и риски глобализации // Наш современник, 2001, № 1. С. 166–190; *Стрелкова И.* Глобализация образования: место и роль России // Наш современник, 2001, № 4. С.226–240.

¹⁶⁹ *Фридмен Т.* Lexus и олива. СПб., 2003. С. 360.

также, что за анонимностью глобализации кто-то стоит. Но реконструировать субъект глобализации, исходя из принципа «кому выгодно, кто заинтересован» – дело предельно сложное. Тем более, что всемирная история сегодня вообще носит анонимный характер: практически все люди во всех странах отстранены от реальной возможности влиять на ход событий. При их кажущейся внешней активности они фактически являются объектами управления и манипулирования.

Поведение масс и отдельных индивидов планируется и программируется. Причем реальная пассивность современного человека (при предельной внешней активности) практически не зависит от типа государственного устройства и форм организации общества: как тоталитарные формы, так и формы демократического устройства, каждая по-своему, отстраняют людей от реального влияния на общие процессы в обществе. Причем демократические режимы отличаются не меньшей изощренностью способов отстранения человека от управления ситуацией.

При всем том следует еще раз подчеркнуть, что глобализация несет в себе очень много если не позитивных следствий, то, по крайней мере, позитивных возможностей. Основная из них – возможность максимально выгодного для той или иной страны интегрирования в мировое сообщество. Насколько такая интеграция реально возможна – вопрос отдельный и чрезвычайно болезненный для большинства стран. Его обычно предпочитают не задавать и не обсуждать, но сама возможность вынуждает присоединяться к сторонникам глобализации, что усиливает ее. А конкуренция за «теплое» место в глобальных процессах дает глобализации энергию для роста и углубления.

Как различные культуры относятся к процессу глобализации

Выше уже говорилось о том, что разные культуры могут неодинаковым образом реагировать на процессы глобализации: одни культурные пласты могут содействовать глобализации, другие – активно ей противостоять. В ходе глобализации одни культуры становятся более сильными и укрепляют свои позиции, другие – как бы замыкаются в себе, реализуя функцию «нейтральности» по отношению к глобализационным процессам, а третьи – деградируют и гибнут.

Пожалуй, самым активным противником глобализационных процессов ныне является *мусульманская* культура. В сознании

народов-носителей этой культуры глобализационные процессы воспринимаются как триумф их традиционных противников – христиан. Каждая политическая, экономическая, культурная и, тем более, военная акция, направленная в их сторону, воспринимается как новый крестовый поход. Историческая память этой культуры на протяжении веков формировалась в основном в противостоянии с христианами, определило внесение такого радикального пункта в их священную книгу – Коран, который выражается в существовании религиозной войны – джихада: каждый из мусульман, кто отдал жизнь за веру, гарантированно получает место в раю. Мусульманская культура не подвергала модернизации свою религию, и она поныне является главной составной ее частью, осью культуры, и, следовательно, оценка событий определяется именно религиозным сознанием.

В последнее время в культуре многих стран *исламского мира* стали происходить процессы радикализации, которые можно трактовать и как форму специфической реакции этого культурного пласта на глобализацию, и как «первую ласточку» могучей мировой волны последующей радикализации всех без исключения культур: рано или поздно глобализация «всех достанет».

Своеобразный характер сопротивления проявляют и представители *православной* – славянской культуры, и их страна-лидер – Россия. Отношение России как уже бывшей сверхдержавы к глобализационным процессам весьма своеобразно. Ведь Россия на протяжении веков обосновывала панславистскую идею, мечтая стать Третьим Римом. Но в целом политика России явно антиглобалистская.

Это можно объяснить тем, что, несмотря на декларируемую «универсальность и вселенскую соборность» русского культурного слоя, последний находится в достаточно критическом состоянии, по существу не выдерживая натиска достаточно чужеродной ему американской (или западной) культуры.

Что касается стран *Западной Европы*, то их положение в процессах глобализации довольно драматично. На первый взгляд, они выглядят партнерами США в глобализационных процессах, но очевидно, что их национальное достоинство также подвергается уничтожению. Реабилитировать его европейцы пытаются путем защиты своего языка и художественной культуры. Это особенно заметно при рассмотрении французской, немецкой и итальянской культур. Да и создание новой единой европейской валюты может быть интерпретировано таким же образом. Что же

касается Англии, то она удовлетворяет свои амбиции уже тем, что языком мира в результате глобализации становится английский. Однако в целом культура романского мира (и, может быть, немецкая культура и культура скандинавских народов) демонстрирует определенную «глобальную нейтральность» по отношению к глобализации.

Более сдержанное противостояние глобализации проявляют представители китайской культуры. Они, если можно так выразиться, стараются возвести Великую китайскую стену на современный манер. Глобальные изменения китайская культура переживает трагически. Поэтому китайцы стараются не поддаваться тому влиянию, которое отодвинет на задний план национальные ценности. Китайцы, например, избегают разговора о правах человека, благодаря чему, как им представляется, сохраняют самобытность. Явное же противостояние было бы для них «лишними хлопотами», да и США пока еще не вызывают их на явную конфронтацию.

Индийская культура и сегодня не изменяет принципам буддистского мировоззрения и вроде бы находится в стороне от мировых процессов. Она «ни за, ни против» да и США старается без нужды не беспокоить ее, словно спящего ребенка.

Япония же, на основании своего уникального опыта, который выражается в своеобразном синтезе традиции и европейских ценностей, считает, что глобализация не сможет подточить основы ее культуры и старается использовать глобализационные процессы для укрепления собственных традиций. Таким образом, японская культура в целом достаточно успешно справилась с глобализационными вызовами.

А вот культура африканских стран, «черной Африки» обнаруживает явную тенденцию к гибели.

И здесь мы подходим еще к одному важнейшему различию культур: культуры бывают «экстравертными» и «интравертными», и именно это обстоятельство во многом предопределяет роль культурного фактора в процессах глобализации. Западная, особенно американская, культура – экстравертна по своей сути: она может реализовать себя, только завоевывая «внешнее» – как в социуме, так и в человеке. Ей нечего делать во «внутреннем» человека, да она им, по большому счету, и не интересуется. И, наоборот, русская культура в своей основе интравертна, она обращена к «внутреннему» в человеке, к «его душе». С этой точки зрения можно сказать, что русской культуре нечего делать во «внешнем» про-

странстве – там она заведомо обречена на поражение, что до известной степени и стало происходить на больших евразийских просторах после распада СССР в начале 1990-х г. В этом плане культуры Востока скорее интравертны, нежели экстравертны, в то время как культуры Запада – скорее экстравертны, нежели интравертны.

С этих позиций кризис европейской культуры, начавшийся в конце XIX в. и продолжавшийся всю первую половину XX в., – результат краха интравертного начала в европейской культуре, происшедшего под влиянием американской культуры. Это в период после Второй мировой войны привело к тому, что европейская культура стала более экстравертной. По существу, нечто подобное происходит сейчас и в российской культуре: глобализация (или американизация) докатилась и до России.

Традиции и глобализация

Слово «традиция» имеет давнее лингвистическое происхождение. Его корни лежат в латинском понятии «tradere», что означает «передавать», отдать что-то другому на хранение. Первоначально слово «tradere» употреблялось в римском праве применительно к законодательству о наследстве. Собственность, переходившая от одного поколения к другому, как бы «сдавалась на хранение» – наследник обязан был ее беречь и лелеять.

Отсюда может показаться, что понятие «традиция» существует уже много столетий. Но это не так. Слово «традиция» в его сегодняшнем понимании возникло в Европе в последние двести лет. В Средние века общего понятия традиции не существовало. Оно было просто ненужным именно потому, что традиции и обычаи и без того окружали людей повсюду.

Европейские просветители намеревались покончить с властью традиций. Но это удалось лишь отчасти. В большинстве стран Европы влияние традиций и в новое время еще долго оставалось сильным, а во многих других регионах мира – еще более укрепились. Многие традиции были «изобретены заново», наряду с ними возникли новые. Отдельные группы общества прилагали усилия по сохранению и адаптации прежних традиций.

Возьмем, к примеру, науку. Каждый ученый работает в рамках традиций. Даже целые научные дисциплины, вроде экономики, социологии или философии, обладают собственными традициями.

Без интеллектуальных традиций идеи утратили бы четкость и направление.

Причина устойчивости традиций в промышленно развитых странах заключалась в том, что институциональные изменения, связанные с модернизацией, коснулись в основном общественных структур – особенно управленческих и экономических. Во многих других сферах жизни, включая и повседневность, традиционный образ действий либо сохранился, либо утвердился заново. Так, в большинстве стран все, что было связано с семьей, сексуальностью и различием между полами, по-прежнему оставалось под преобладающим воздействием традиций и обычаев.

Сегодня же под влиянием глобализации и в этой сфере происходят изменения, состоящие из двух главных элементов. В западных странах не только общественные институты, но и повседневная жизнь постепенно освобождается от влияния традиций. В других, более традиционных обществах, идет процесс «детрадиционализации».

Однако вытеснение традиций вовсе не означает их исчезновения, о котором мечтали мыслители эпохи Просвещения. Напротив, они по-прежнему пышным цветом цветут повсюду, пусть и в измененных формах. Но, если можно так выразиться, этим традициям следуют все менее традиционным способом. Традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в «китч» – безделушку из сувенирного магазина в аэропорту. В исполнении туристской индустрии наследие – это традиция, превращенная в спектакль. Возможно, восстановленные, заново отделанные здания, посещаемые туристами, и выглядят великолепно. Возможно даже, что они до мельчайших деталей соответствуют первоначальному облику. Но сохраненные таким образом исторические памятники лишаются традиций, связи с опытом повседневной жизни.

Различия в ценностных ориентациях культур

Перед глобалистской современностью возникает и ряд вопросов этического характера. Главный из них таков: способны ли мы жить в мире, где нет ничего святого? Ведь терпимость и диалог как таковые могут основываться только на ценностях, разделяемых всеми.

Э. Гидденс пишет по этому поводу: «Всем нам необходимы нравственные убеждения, которые выше мелких забот и дрызг

повседневности. Мы должны быть готовы активно отстаивать эти ценности, если они плохо приживаются или оказываются под угрозой. Сама космополитическая мораль должна вдохновляться страстью. Нам всем было бы незачем жить, если бы у нас не было того, за что стоит умереть»¹⁷⁰.

Действительно, в истории человечества не было народа, этноса, нации без ценностных ориентаций, то есть без собственного характера и нравов, жизненных устоев и общественных привычек, которые помогли им выстоять, сохранить свою самобытность и культуру.

Однако «ценностное ядро» на нашей планете является далеко не однородным и не гомогенным. Именно различия в ценностном ядре разных культур – главная причина различий в реакции на глобализацию. Так, например, западная нормативная культура экономического поведения ориентирована на ценности индивидуализма, рациональности и прагматизма. В фокусе западной традиции, сложившейся на основе христианства, всегда была личность, отдельный индивид с его тяготением к свободе и самовыражению.

Это предполагает, что люди действуют, руководствуясь принципом полезности и личной выгоды, опираясь на расчет. Все его члены – разумные эгоисты, механизм их взаимосвязи – эквивалентный обмен услугами. Это целерациональное регулирование жизни. Дж. Оруэлл писал о складывающемся механизме его развития: «Будущее представляется все более ускоряющимся маршем технического прогресса: машины, избавляющие от физического труда, машины, избавляющие от размышлений, машины, избавляющие от боли, гигиена, высокая производительность труда, четкая организация производства, больше гигиены, рост производительности труда, лучшая организация производства, – пока вы не окажетесь в знакомой уэллсовской утопии, тонко спародированной в романе “О прекрасный новый мир”, рае маленьких толстяков»¹⁷¹.

Азиатские же, латиноамериканские и ряд других неевропейских культур ориентированы на семейные, клановые ценности, вне-рациональную логику и нематериальные формы развития и достижений. Даже в том, что касается прав человека, культурные различия между Востоком и Западом налицо.

¹⁷⁰ Гидденс Э.М. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Глава 3. Традиции. 2004.

¹⁷¹ Orwell G. Wells, Hitler and the World State. L., 1970. P. 170.

Например, в рамках конголезской культуры основой идентичности и достоинства индивида является сила, источник которой находится вне самого индивида – ее сообщают ему боги, обожаемые предки, фетиши. Запад воспринимается как источник силы, поэтому западная одежда или, например, поездка в Париж становятся таким же способом утверждения личной идентичности, силы личности, как сохраняющийся в тех же слоях традиционный фетишизм.

А для всех цивилизаций Востока столь же традиционен приоритет некоего сообщества – семьи, касты, клана, государства, в современных условиях – корпорации, как в Японии. Там человек, подчиняя свои интересы групповым, вовсе не чувствует себя уязвленным, каким чувствовал бы себя европеец. Все это при выработке некоторых международных документов не учитывается.

Известны существенные межнациональные различия в ценностной иерархии отношения к труду. Если для американцев и канадцев важны вертикальная мобильность, материальный успех и престиж, то японцы не придают большого значения этим ценностям и ставят выше творчество и эстетические аспекты жизни, а бельгийцы, итальянцы, поляки, португальцы и хорваты – взаимопонимание между людьми, автономный жизненный стиль и свобода от подчинения власти.

Еще одна важная причина различий в реакции разных культур на глобализацию заключается в различном отношении мировых культур к науке, технике и материальному прогрессу. Именно это отношение издавна отличало «цивилизованный» Запад от колонизуемых им стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Так, во многих культурах изначально существовало и сохранилось до сих пор отрицательное отношение к современной западной науке и до известной степени – к технике, не говоря уже о материальном прогрессе как таковом. Это отношение также окрашено в религиозные тона. Особенно сильно эти мотивы присутствуют в исламе. Но и индийская культура, основанная на буддизме, также не чужда этих мотивов. Да и христианство не столь однозначно относится к материальному прогрессу в его «рыночных формах».

Далее. Права человека нельзя приписывать исключительно изобретенной на Западе форме и утверждать, что только Запад утверждает и защищает неотъемлемые права для всех людей. Как известно, эта идея в самых разных вариантах встречается и в других культурах, традициях и религиях. Например, существует «Афри-

канская хартия в защиту прав человека и народов». «Она отражает в первую очередь характерную для африканцев концепцию прав человека, которая развилась из норм традиционных африканских обществ и опирается на два принципа – на коммунитаризм, отвергающий западный индивидуализм, и на принятие решения путем консенсуса, которое делает ненужным конкуренцию в предвыборной борьбе. Эти принципы... имеют во всей Африке большое значение»¹⁷².

В глобальных процессах современности сталкиваются две системы ценностей человека: система ценностей, имеющая исток в традиционной культуре, и система ценностей, построенная вокруг либеральных и демократических ориентаций. Речь идет совсем не о преемственности ценностей в их историческом развитии, а о противостоянии, доходящем иногда до политических, религиозных и военных конфликтов. При этом сторонники обеих систем часто пользуются ими для идеологического прикрытия и обоснования своих политических действий.

Практически это можно видеть повсюду, как на Западе, так и на Востоке. Например, террористы, апеллируя к системе религиозных ценностей, оправдывающей их действия, сознательно или бессознательно совершают подмену религиозных ценностей актуально-политическими целями и действуют уже исходя из содержания последних. Или, скажем, лидеры западных стран, находясь на вершине властной пирамиды, построенной средствами и формами демократии, принимают самые ответственные, судьбоносные для мира решения келейно, кланово, в узком кругу, совсем не демократическими методами и часто не в интересах избравшего их демократического большинства.

Глобализация сделала эти процессы повсеместными и всеобщими. Под ее влиянием современный мир утрачивает ценностные основания своей жизнедеятельности. Отсюда фрагментарность и непоследовательность, условность союзов и региональных объединений, волонтаризм, отсутствие стабильности и критериев в политике, абсолютная манипулируемость гигантскими массами людей, чрезвычайная и неоправданная власть СМИ и т.д.

Традиционные ценности оказываются бессильны перед вызовами современности, что в принципе понятно: они складывались в совершенно иной мировоззренческой, культурной, социально-

¹⁷² *Bretherton Ch. Allgemeine Menschenrechte // Beck U. (Hg.). Perspektiven der Weltgesellschaft. Frankfurt/M. 1998, S. 256–292.*

политической и экономической атмосфере. Однако даже ценности, порожденные более близкой нам эпохой, ценности, концентрирующиеся вокруг либеральных и демократических концептов и идей, – и эти ценности бессильны, что и демонстрирует новейшая история. Западный мир, якобы живущий в соответствии с этими ценностями, реально живет совсем иначе, сведя немного позитивное содержание этих ценностей до голого эгоизма, граничащего с животными инстинктами. Либеральные ценности, будучи доведены до предельного их практического воплощения, превратились в средство разрушения общества, их же и породившего.

Тем не менее либеральные ценности адептами глобализации представляются как «общечеловеческие». Вспомним сильнейший довод Н.Я. Данилевского против существования «общечеловеческих» интересов: примат «общечеловеческого» на деле всегда означает господство какой-то группы народов над другими народами. Интересы сильнейших объявляются «общечеловеческими», а интересы слабых просто не признаются в качестве значимых и релевантных¹⁷³. И ныне мы наблюдаем, как так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» – результат ее развития, а несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгои». Под броским лозунгом «глобализация – объективный процесс» человечество все более разделяется на меньшинство «передовых и демократических», воспитывающих, и большинство воспитуемых (перевоспитуемых), причем к особенно упорствующим в своей «особости» применяются различные виды принуждения – от экономических до силовых.

Положение же народа в качестве воспитуемого и перевоспитуемого перечеркивает основные посыпки демократии – равные права и достоинство людей и народов, и проявляет в новом мировом гегемоне (США) расизм и стремление к реколонизации мира. Вместо универсалий прогресса возникает новая сегрегация (элитные школы, вузы, медицинские учреждения), а вместо гуманистической идеи единого человечества – новый социальный расизм (народы-неудачники, народы-отсталые, «совки»), психологическим основанием которого является унижение достоинства «не своих» в собственных глазах «новыми расистами».

¹⁷³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. шестое. СПб., 1995.

Относительное меньшинство мира – европейцев, которым «всего ничего» по историческому времени, ставят в пример таким гигантам, как Индия и Китай, со всей их культурой, насчитывающей несколько тысяч лет, и с населением в «несколько Западов».

И делается это с помощью старого метода из арсенала европоцентризма: все, что мешает или не соответствует вестернизации и американизации (а это и есть реальное воплощение глобализации), объявляется архаикой, причем часто являющейся якобы причиной тоталитаризма, с которым «призван» самоотверженно бороться передовой западный «белый человек». Под эту экспансию и подведена идейная база неолиберализма, «конца истории» и «объективности глобализации».

Глобализация и «глокализация»

Некоторые исследователи исходят из неверного допущения о неререфлексивном впитывании западных массмедиа и поп-культуры «периферией». На деле же парадоксальность культурной глобализации заключается в синхронном протекании двух современных и взаимосвязанных процессов, имеющих разнонаправленный характер: глобализация и индивидуализация.

С одной стороны, происходит утверждение глобального менталитета за счет повсеместного, универсального распространения сходных черт, стандартов и норм образа жизни. С другой стороны, набирает обороты тенденция, в ходе которой народы стремятся к утверждению своей идентичности за счет сохранения и культивирования самобытности, что порой приводит к обособлению или даже изоляции. Из этого следует, что глобализация одновременно порождает и обратную тенденцию – к индивидуализации¹⁷⁴.

Поскольку процесс глобализации имеет ярко выраженную тенденцию к унификации культур, это вызывает у некоторых наций потребность в культурном самоутверждении и желание сохранить собственные культурные и индивидуальные ценности. При этом целый ряд государств и культур демонстрирует активное, нередко агрессивное и взрывное по форме самоопределение, освобождение от патерналистского влияния со стороны традиционно доминировавших государств и культур, категорическое неприятие глобальных культурных изменений. Всеобщему процессу откры-

¹⁷⁴ Хоц А.Ю. Информационная революция и этнические аспекты культуры современного общества. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. философ. н.

тия различных границ они противопоставляют растущую непроницаемость своих собственных и гипертрофированное чувство гордости своей культурной самобытностью. Все это обостряется нерешенными историческими проблемами, ведущими к изменению границ политико-экономических пространств, появлению «горячих точек», превращению границ между культурами в военные рубежи.

Подобные процессы получили в специальной литературе название «глокализация» («глобализация плюс локализация»). Это – синтезирующий термин, сама неуклюжесть которого, как полагает Р.Э. Ливингстон, спасет его от неизбежного «заговаривания»¹⁷⁵. Под «глокализацией» понимается способность локальной культуры при столкновении с другими сильными культурами поглощать влияния, которые естественно входят в нее и могут ее обогатить, и сопротивляться вещам, которые действительно чужды, отделять те явления, которые, будучи чуждыми, все же можно ценить как особенные¹⁷⁶. Главная цель «глокализации» – это способность ассимилировать аспекты глобализации в стране и культуре таким образом, чтобы усилить свой рост и своеобразие, а не подавить последнюю.

Вообще говоря, «глокализм» – очень древний процесс, восходящий к античным временам, когда, к примеру, местные культуры сталкивались с распространением эллинизма и пытались усвоить все лучшее, не будучи задавленными им. Иудаизм – классический пример того, как религиозная культура поглощала влияния многих различных стран в течение поколений, не потеряв при этом своей особой идентичности. Когда евреи впервые столкнулись с греками в IV в. до н.э., в еврейское мышление прочно вошла греческая логика, которая в ту эпоху была включена в библейское и раввинское учения¹⁷⁷.

Это принятие греческой логики прошло довольно легко, потому что она органически подходила к тому, что делали раввины и все изучавшие Библию в то время, т.е. к поиску истины. Признак «здоровой глокализации» – когда общество может взять что-то извне, принять это как свое, приспособить к своим рамкам и забыть, что это когда-то было чуждым. Это происходит в том случае, когда внешняя культура касается чего-то, скрытого в собственной куль-

¹⁷⁵ *Livingston R.E.* Glocal Knowledges: Agency and Place in Literary Studies // PMLA Journal. Vol. 116. 2001, No 1. January. P. 147.

¹⁷⁶ *Фридмен Т.* Lexus и олива. СПб., 2003. С. 285.

¹⁷⁷ Там же.

туре, только не вполне развитого. И тогда столкновение с внешним стимулом обогащает это скрытое и позволяет ему расцвести. Так развиваются почти все «нормальные» культуры.

В тот же период, когда евреи познакомились с греческой логикой, они познакомились также и с греческим отношением к телу, не говоря уж о греческом увлечении эросом и политеизме. Но евреи не восприняли этого влияния. Они рассматривали его как чуждое и оставались чужими для него. Греки любили смотреть на обнаженных гимнастов. Евреи – нет, и они не восприняли эту часть греческой культуры. А те, кто воспринял, оказались ассимилированными и потеряли прежнее чувство идентичности. Наконец, у греков были и своя еда, и свои стили в одежде, и евреи в ту эпоху выборочно принимали их, и им они нравились именно потому, что отличались. Но «своими» они так никогда и не сделались¹⁷⁸.

У. Бек выделяет четыре основных способа восприятия людьми в локальных культурах глобального культурного содержания: восстание; параллельное сосуществование; пассивная интеграция; аутентичное усвоение¹⁷⁹. Таким образом, процесс культурной глобализации оказывает противоречивое воздействие на мир в целом: с одной стороны, мир становится все более однородным, с другой стороны – все более разнородным. «Новая глобальная культурная система производит и усиливает различия, вместо того, чтобы подавлять их...»¹⁸⁰ В книге о культурных измерениях глобализации американский социолог и антрополог индийского происхождения А. Аппадурай посвятил целую главу проблеме возможности «производства локальности» в «мире, ставшем детерриториализованным»¹⁸¹.

Однако многие другие культуры – явно плохие «глокализаторы», и глобализация поэтому для них очень опасна. Когда страны или культуры оказываются слабы в деле глокализации, возникает реакция талибов, исламских фундаменталистов (в Афганистане). Люди начинают терять свою культурную идентичность и становятся ассимилированы чужими в своей собственной стране¹⁸².

¹⁷⁸ Фридмен Т. Lexus и олива. СПб., 2003. С. 286.

¹⁷⁹ Beck U. Politik der Globalisierung. Frankfurt: Suhrkamp, 1998. S. 57–58.

¹⁸⁰ Wilk R. Learning the Lokal in Belize: Global Systems of Common Difference // Worlds Apart — Modernity Through the Prisma of the Local. London: Routledge, 1996. P. 118.

¹⁸¹ Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, L., 1996. P. 178–201.

¹⁸² Фридмен Т. Lexus и олива. С. 286.

Есть и иная опасность. Некоторые культуры могут считать, что они эффективно локализируются, но на деле они ассимилируются и теряют свою идентичность, медленно и незаметно. Типичный, но очевидный пример – это то, как в Японии McDonald's был поглощен японской культурой и архитектурой. Япония имеет две тысячи ресторанов McDonald's под названием «Makudonarudo» и является крупнейшим «франчайзингом»¹⁸³ компании McDonald's за пределами США. McDonald's так успешно интегрировался в Японию, что рассказывают историю об одной маленькой японской девочке, которая приехала в США, огляделась, увидела там McDonald's, схватила маму за рукав и воскликнула: «Мама, смотри, у них здесь тоже есть McDonald's!». Она удивилась, обнаружив, что McDonald's – американская компания, а не японская¹⁸⁴.

Таким образом, «нездоровая глокализация» – это когда поглощается нечто, что не является частью собственной культуры, не связано ни с чем, заложенным в этой культуре, но люди настолько потеряли ощущение своей культуры, что им кажется, что оно прекрасно ей подходит¹⁸⁵.

Глобализация и мультикультурализм

Глобализация утвердила в качестве базового принципа сосуществования различных культурных миров принцип «мультикультурализма» («поликультурности»), который ее идеологами рассматривается как главное направление государственной культурной политики, осуществляемой в информационном обществе.

Толковый словарь английского языка предлагает следующее объяснение этого термина: «политика поддержания разнообразия этнических культур в рамках общины, общества»¹⁸⁶. Но даже такое объяснение оставляет сомнения относительно некоторых важнейших моментов. Впрочем, неуклюжее слово «мультикультурализм» и не задумывалось как точное определение. Похоже, его широкая

¹⁸³ Франчайзинг – система договорных отношений между предприятиями, при которой одна сторона – франчайзер – предоставляет другой стороне – франчайзи – право на производство и/или реализацию определенного вида продукции (товаров), оказание определенных услуг от имени и под товарным знаком франчайзера, а также право на получение технической и организационной помощи.

¹⁸⁴ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 286.

¹⁸⁵ Там же. С. 287.

¹⁸⁶ Collins English Dictionary. 8th Edition first published in 2006. HarperCollins Publishers, 2006.

трактовка предполагалась изначально. Мультикультурализм до сих пор отождествляется многими с «культурным плюрализмом».

Концепция «мультикультурализма» была создана по социальному заказу – для «объяснения – понимания – излечения»¹⁸⁷ сложной национальной проблемы в Канаде. Прежде всего она должна была снять опасения франкоязычного населения, никогда не подвергавшегося угнетению, но основательно возмущенного неудобствами, связанными с положением меньшинства. Вслед за ним аналогичные опасения выражали и представители других общин – например, влиятельных эмигрантов (в том числе русских и украинцев), канадских аборигенов (индейцев).

В дальнейшем «мультикультурализм» оказался востребованным и в Германии – по причинам весьма специфического свойства (пресловутая «немецкая вина», формулируемая именно в этноцентристских терминах – как вина немцев перед евреями). Кроме того, там возникли проблемы с т.н. *Fremdenhass* – «ненавистью к чужим». Этот термин применяется прежде всего по поводу напряжения, существующего между коренными немцами и иммигрантами.

«Идеальный» же мультикультурализм предполагает правовое равенство представителей доминантной культуры и мигрантов. Один из прототипов мультикультурной идентичности – идентичность европейская, формирующаяся в том числе и с целью создания своего рода культурного отграничения от влияния США.

Как можно в целом оценить опыт мультикультурализма в мире? Безусловно, в ряде стран – Канаде, Австралии и США – он дал позитивные результаты и по этой причине пользуется поддержкой многих правительств, политических партий, международных организаций. Особое внимание к проблеме в целом и к изучению положительного опыта мультикультурализма наблюдается со стороны ЮНЕСКО. Но есть и страны, где эта политика не дала никаких особых результатов, хотя и не нанесла ущерба. Зато появился целый ряд вопросов как к данной доктрине, так и к самой политике, которые пока остаются без ответа¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Это – классическая триада, через которую проходят любые утверждения о «социальном», особенно же о «социальном неблагополучии»: объяснение предлагают эксперты (социологи, этнологи и прочие обладатели дипломов), понимание (т.е. согласие с некоторыми объяснениями) демонстрирует общество (в лице влиятельных общественных организаций и СМИ), действовать («принимать меры») предоставляется государству.

¹⁸⁸ *Тишков В.А.* Политика мультикультурализма: теория и практика. [Электронный ресурс] URL //www.bashedu.ru/evrazia/r_s/R_Tishkov.rtf.

Концепции мультикультурализма обсуждаются на протяжении уже более трех десятилетий, и все это время дискуссии сопровождаются ожесточенной полемикой. В последние годы мультикультурализм часто подвергается острой критике, что, однако, не уменьшает интерес ученых и политиков к этому явлению. Ведь глобализация обостряет существующие проблемы мультикультурных обществ, провоцируя возникновение все новых конфликтных ситуаций.

Существуют различные, порой диаметрально противоположные точки зрения на роль и перспективы мультикультурализма. Для одних мультикультурализм – это необходимое условие, фундамент мирного межкультурного сосуществования. По мнению других, чрезмерное увлечение идеями мультикультурализма может привести к потере самобытности культур. В понимании третьих, настроенных наиболее критично, мультикультурализм в современном мире представляет собой новый тип «модернизированного расизма»¹⁸⁹.

Даже в странах, где идеи мультикультурализма, казалось бы, уже прочно заняли свою нишу в социальной и политической сферах жизни, наблюдаются разногласия в трактовке их роли и значения. Конкретным примером этого служит ситуация в современной Германии, которая за последние десятилетия превратилась в мультикультурное общество с его типичными проблемами. Однако в самой Германии высказываются сомнения, действительно ли немецкое общество является мультикультурным.

Мультикультурализм в Германии также воспринимается с трех основных позиций: радикальной, умеренной и «антимльтикультурной», причем границы между ними довольно условны. Как и в большинстве европейских стран, в Германии идеи мультикультурализма актуальны в первую очередь из-за большого количества мигрантов, проживающих в стране. Несмотря на определенное единство в понимании мультикультурализма, левые и правые в Германии используют эти идеи в своих целях.

Левые используют их в своих выступлениях против требований к мигрантам ассимилироваться в принимающую их культуру. Консерваторам же он служит, прежде всего, для обоснования права и обязанности сохранения «немецкой национальной культуры»¹⁹⁰. Позиция консерваторов по отношению к «культурному смешению» выглядит весьма противоречивой. Они прежде всего – противники так называемого «плавильного котла», так как настаивают

¹⁸⁹ Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник новгородского государственного университета. 2004, № 27.

¹⁹⁰ Schneider J. Deutsch sein. Frankfurt: Campus Verlag. 2001. S. 273.

на «различимости» отличий. Одновременно они признают присутствие иностранцев как составной части немецкого общества и требуют от них ассимиляции в немецкую культуру, дабы предотвратить распад общества.

Таким образом, применительно к большинству мигрантов в Германии мультикультурализм производит амбивалентный эффект: с одной стороны, к числу его основных функций относится противодействие доминированию одной культуры: с помощью идей мультикультурализма отвергается необходимость ассимиляции мигрантов. С другой стороны, установление принципа происхождения не позволяет мигрантам быть полностью принятыми в доминирующую культуру и общество.

Логично было бы ожидать, что антиглобалисты изберут мультикультурализм своим главным оружием. Однако уже сегодня становится понятно, что и в рядах антиглобалистов сформировалось неоднозначное отношение к мультикультурализму.

В Германии показательной является позиция представителей общественной инициативы «Канак Агтак», которая за последние два года приобрела широкую известность в кругах антиглобалистов. Мультикультурализм левых, с точки зрения «канаков», – не что иное, как своеобразная «позитивная дискриминация», которая представляет собой скрытую форму расизма. По их мнению, мультикультурализм служит лишь тому, чтобы подчеркивать различия и оправдывать неравноправие. «Канаки» выступают против превосходства любой культуры, будь то культура немецкая или глобальная, против навязывания им определенной культурной идентичности и языка. Даже современные требования интеграции мигрантов рассматриваются ими как посягательство на свободу, так как в современных условиях они больше напоминают требования к ассимиляции.

Как показано в трудах ряда западных исследователей, реализация на практике идеи мультикультурализма оборачивается целым рядом негативных последствий, которые усугубляют и без того сложную социокультурную ситуацию, сложившуюся практически во всех развитых странах Запада.

Во-первых, обоснование того или иного отношения к индивиду специфическими особенностями группы, членом которой он состоит, радикально расходится с принципами либерализма и тем самым отрицает важную черту культуры, сформировавшейся в западных либеральных демократиях¹⁹¹.

¹⁹¹ Бенхабиб С. Притязание культуры. М., 2004. С. 63.

Во-вторых, практика предоставления тех или иных прав и привилегий на основе групповой принадлежности противоречит фундаментальному демократическому принципу равного отношения ко всем членам общества и подрывает равенство как в экономическом, так и в политико-правовом аспекте.

Критика мультикультурализма в Германии заключается, прежде всего, в отрицании мультикультурализма как идеологии. А. Минтцель даже называет эту позицию «левым анти-мультикультурализмом»¹⁹². Главным недостатком – и в этом солидарны большинство немецких критиков – считается то, что в концепциях мультикультурализма не учитываются реальные экономические и политические условия.

Подобная критика справедлива и по отношению к мультикультурализму вообще. Так, российский ученый В. Малахов в своей статье «Культурный плюрализм versus мультикультурализм» высказывает мнение, что «идеология мультикультурализма – скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирования... Мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом “культурных сообществ”»¹⁹³.

Действительно, мультикультурализм исходит из неявной предпосылки существования культур, способных играть роль лидера, и культур, периферийных по своему значению, которым судьбой предназначено быть ведомыми. Тем самым мультикультурализм не принимает идею о равенстве культурных миров.

Концепции, выступающие под именем мультикультурализма, весьма неоднородны. Несколько переиначивая известную типологию Ф.-О. Радтке, В. Малахов выделяет три формы этой теории: «моралистическую», «постмодернистскую» и «реактивную», или «фундаменталистскую»¹⁹⁴.

¹⁹² Mintzel A. *Multikulturelle Gesellschaften in Europa und Nordamerika – Konzepte, Analysen, Streitfragen*, Be-funde. Passau, 1997.

¹⁹³ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, № 5/6. 2000. С. 4–8.

¹⁹⁴ Немецкий социолог Франц-Олаф Радтке предложил различать четыре типа мультикультуралистского дискурса: социально-педагогический, кулинарно-цинический, реактивно-фундаменталистский и прагматически-хозяйственный. Последний из названных подходов вряд ли можно считать самостоятельным типом дискурса. Речь в данном случае идет о представителях крупного капитала и менеджмента, которые отдают себе отчет в экономической необходимости иммиграции.

Агентами мультикультурализма «моралистического» типа в западных странах выступают работники социальной сферы. Для людей, занятых в образовательных и филантропических организациях, а также для значительной части либеральной общественности мультикультурализм представляет собой идеальную модель мирного общежития. Под мультикультурализмом они понимают мирное сосуществование различных этнических и религиозных сообществ, каждое из которых мыслится как носитель особой культуры. (Этот тип Радтке называет «социально-педагогическим мультикультурализмом».)

«Кулинарно-циническую» (в классификации Радтке) форму мультикультурализма поддерживают преуспевающие интеллектуалы из университетской среды и массмедиа. Они как бы говорят: «мы приветствуем вашу “инаковость”, но при условии, что вы останетесь там, где вы находитесь сейчас, и что наше благополучие не претерпит ущерба. Проявляйте свои особенности в китайских ресторанах и на фольклорных фестивалях».

«Фундаменталистскую» форму мультикультурализма представляют активисты этнических меньшинств. Они предлагают порвать с ценностями и нормами, сложившимися в рамках современной либеральной демократии. Принципы либеральной демократии для этих людей суть не более чем завуалированное насилие, прикрытие господства одной группы над всеми остальными. Следовательно, необходим реванш. Это – переворачивание властной иерархии, при которой «те, кто был ничем, станут всем»¹⁹⁵. Таким образом, очевидно, что мультикультурализм в интерпретации консервативно настроенного профессора литературы и в истолковании политического активиста из числа этнических меньшинств – разные вещи.

Мультикультуралисты исходят из посылки, что иммигранты, населяющие большие города индустриально развитых стран, образуют особые этнические и культурные группы, или «меньшинства». Однако противоречия между иммигрантами и местными жителями далеко не являются по своему содержанию «этническими» или «культурными». Гораздо чаще это – противоречия социального свойства, связанные с борьбой за рабочие места, за достойное и приемлемое по цене жилье, за доступ к образованию. Культурная составляющая – то, что обусловлено происхождением иммигран-

¹⁹⁵См.: Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, № 5/6. 2000. С. 4–8.

тов, не играет здесь определяющей роли. Решающее значение в реальном существовании реальных иммигрантов, будь они поляки или китайцы, имеют такие факторы, как наличие или отсутствие родственных связей на новом месте, материальное состояние переселенцев, профессиональная квалификация, уровень образования, правовой статус, т.е. то, что обусловлено ситуацией переезда в другую страну на постоянное жительство.

Например, переселенцы из Индии, живущие в Европе, никоим образом не образуют «этнического сообщества», поскольку сами принадлежат к разным языковым, конфессиональным (а то и кастовым) группам. «Индийцами», т.е. представителями одной этнической группы, их делает, во-первых, внешний вид, а во-вторых, мероприятия государства, нацеленные на их поддержку в качестве таковой группы. Иммигрантам, по некоторым признакам приписываемым к определенной группе, не остается иного выбора, как идентифицироваться с этой группой, поскольку лишь в качестве членов такой группы они получают доступ к определенным общественным благам или даже привилегиям.

Но чем более активно муссируется тема культурной чуждости, цивилизационной совместимости, «столкновения» и «диалога» цивилизаций, тем глубже участники этих дискуссий начинают верить в определяющую роль «культурных» факторов собственного поведения. В конце концов, их социальное поведение действительно начинает строиться так, как если бы его доминантой была культурная (или этническая) принадлежность. Так управление различием оказывается инструментом его организации¹⁹⁶.

При формировании мультикультурной идентичности возникает и другая проблема: с одной стороны, право на культурные различия должно сохраняться, т.е. не может быть и речи об унификации. А с другой стороны, для мультикультурной идентичности необходимо существование неких мультикультурных ценностей. И здесь возникает вопрос: а какие именно ценности считать мультикультурными? Тем более, что процесс глобализации вызывает у людей потребность в культурном самоутверждении и желание сохранить собственные культурные ценности.

Самое удивительное в развитии американской цивилизации состоит в том, что ее культурная составляющая также сформировалась как результат работы «плавильного тигля». Он успешно рабо-

¹⁹⁶ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, 2000, № 5/6. С. 4–8.

тал примерно до 1970-х гг. Причины его успешной работы на протяжении полутора веков коренились в экономике: национально-этнические меньшинства, пополняемые за счет иммигрантов, функционировали по принципу «входных ворот» в основной поток американской культуры. Дети и внуки иммигрантов постепенно полностью «американизовались», утрачивали связь со своей этнической родиной, язык, многие другие признаки. И это было выгодно экономически: ведь в условиях индустриальной культуры первой половины XX в. принадлежность и самоидентификация в рамках национально-этнического меньшинства нередко означали потерю и социального статуса, и доступа к высокооплачиваемым рабочим местам и должностям как в государственном, так и частном секторах экономики, а также многих других «благ и привилегий».

Американские правящие круги охотно шли на национально-этническую диверсификацию США, потому что считали «тигель» способным «переплавить» внутри США все национальные различия «иностранный происхождения». Неявно считалось, что экспорт американизованных технико-экономических и управленческих структур в другие страны породит и в них такой же эффект американизованного «плавильного тигля». Эта концепция в той или иной форме присутствует ныне в большом числе западных работ по глобалистике.

Однако с 1970-х гг. в рамках американской культуры «плавильный тигель», по существу, перестал функционировать. С этих пор национально-этнические меньшинства стремятся подчеркнуть свои национальные корни и не пытаются влиться в главный культурный поток Америки.

Но еще раньше, примерно с 1960-х гг., в США стали появляться теоретические работы, в которых ставилась под сомнение однозначность тенденции к ассимиляции этнических групп в Америке¹⁹⁷. Да и эмпирические исследования показывали, что наряду с тенденцией к ассимиляции в США четко проявляется и противоположная тенденция – к сохранению, возрождению этнической культуры далекой родины. Движение негров за гражданские права в 1960-е гг. вызвало всплеск интереса к африканской культуре, который не угас и по сей день. Во многих странах Европы также стала заметна активизация национальных движений.

¹⁹⁷ *Glazer N., Moynihan D.P. Beyond the Melting Pot. Cambridge: MIT Press & Harvard University Press, 1963.*

И сейчас США все чаще описываются уже не как «плавильный котел», а как «многослойный пирог» или «культурная мозаика». По мнению ряда исследователей, этничность, а не ассимиляция и интеграция будут в дальнейшем доминирующим процессом в социальной истории¹⁹⁸.

Как полагает Д. Кон-Бендит, «мультикультурное общество: это лишь другое слово для многообразия и неоднородности всех современных обществ, которые хотят быть открытыми. Тенденция – необратима... Вавилон: это означает также, что мультикультурное общество есть и будет обществом конфликтным... Ошибается тот, кто думает, что мультикультурное общество должно быть обществом гармоничным»¹⁹⁹.

Столь же скептически относится к этому и Э. Гидденс. «Мультикультурализм, – говорит он, – предполагает – в том смысле, в каком его преимущественно употребляют – бесконечное размножение местных культур, или местной автономии, или культурных идентичностей. И внутри отдельного общества, и в международном плане нужно иметь систему общих принципов, без которых невозможно примирить общность интересов и культурные различия. Я уже упоминал в качестве примера международное право как одну из структур, строящихся на таких общих принципах, которые в определенных обстоятельствах должны быть поставлены выше культурной идентичности. Так, например, в некоей культуре может существовать обычай, определенно наносящий вред детям; к этому нельзя относиться спокойно только потому, что это часть этой культуры; должны существовать более широкие, универсальные правила для преодоления этого»²⁰⁰.

Идеология мультикультурализма – скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирования. Кто бы ее ни отстаивал, – благонамеренные правозащитники, педагоги и социальные работники, или руководимые конъюнктурными соображениями этнические предприниматели, – мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демок-

¹⁹⁸ Glazer N., Moynihan D.P. (Eds.) *Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.

¹⁹⁹ Цит. по: Ушанова И.А. Глобализация и мультикультурализм: пути развития // Вестник новгородского государственного университета. 2004, № 27, С. 1.

²⁰⁰ Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность. Энтони Гидденс, директор Лондонской школы экономики (London School of Economics), отвечает на вопросы социологов Светланы Баньковской и Александра Филиппова // Отечественные записки, 2003, № 1.

ратический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом «культурных сообществ»²⁰¹.

Особенности мультикультурализма в России

Применительно к России концепции мультикультурализма имеют свои особенности. Это хорошо показано, в частности, в работах В. Малахова²⁰² и В. Тишкова²⁰³.

Многокультурность была изначально присуща российскому государству с момента его возникновения, хотя она не всегда осознавалась и артикулировалась как современниками, так и позднейшими исследователями. Ее особенность состояла в том, что Россия – это единственная в мире страна, где никогда за всю ее историю не было национального в полном смысле этого слова государства. Правящий слой страны практически всегда был носителем иной культуры, чем основная часть населения страны, а в отдельные исторические периоды даже говорил на языке, не понятном для этого населения, и плохо понимал по-русски²⁰⁴.

Общая идентичность жителей страны обеспечивалась подданством царю, православием, а позднее – советским патриотизмом. Поэтому вопрос о признании самого факта многокультурности населения в России не стоял, как это было, например, в Германии или во Франции. В СССР «многонациональность» и «дружба народов» были одними из визитных карточек страны, а в реальной политике советского времени «национальная форма социалистической культуры» была по существу той же самой политикой мультикультурализма, только называлось это по-другому. Наиболее известной формой устранения «национального гнета» и «культурной отсталости» среди «негосподствующих наций» была политика «коренизации» конца 1920-х гг. и политика культурной революции в СССР.

СССР тратил огромные материальные, эмоциональные и пропагандистские усилия на развитие культуры и образования. При

²⁰¹ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, № 5/6. 2000. С. 4–8.

²⁰² Там же.

²⁰³ Тишков В.А. Политика мультикультурализма: теория и практика. [Электронный ресурс] URL //www.bashedu.ru/evrazia/r_s/R_Tishkov.rtf.

²⁰⁴ Делягин М.Г. За ширмой политкорректности: глобальное отторжение // «Русский Мирь», № 5, 2002.

всех деформациях, которые здесь существовали, нельзя отрицать, что это были огромные достижения, которые во многом сохранились и сегодня. Нет такого региона мира, где бы в течение XX в., как это было в Советском Союзе, не исчезла ни одна малая культура, и фактически сохранилась вся культурная мозаика страны – огромного государства, в то время как сотни малых культур в других регионах мира исчезли²⁰⁵.

Можно вспомнить и советские практики – «национальные квоты» при поступлении в вузы или при партийных «наборах», издание книг и журналов (как правило, «планово-убыточных») на «национальных языках», этнографические привилегии (право «сохранять свою культуру») и прочие бенефиции и преференции. Их получателями были все «советские народы», кроме русских, назначенных «большинством», с обычными правами и обязанностями донора, и нескольких «плохих наций», подозреваемых в нелояльности. Впрочем, здесь существовала своя система «обмена правами»: например, «еврейская квота» в вузах была оборотной стороной эксклюзивного еврейского права на эмиграцию, что заявлялось почти официально: «евреев не берут учиться, потому что они все равно уедут». Таким образом, советскую практику проще всего описывать как «мультикультурализм de facto»²⁰⁶.

Но есть и серьезное отличие российского мультикультурализма от западного. Если иммигранты в странах Запада во многих случаях действительно глубоко отличны от местного населения – они являются гражданами других государств, не владеют языком принимающей страны, имеют навыки поведения, противоречащие правилам и нормам принимающей страны, то иммигранты в современной России в массе своей – по крайней мере, взрослая их часть – бывшие «советские люди».

Они прошли социализацию в той же школе и сформировали свои ментальные и поведенческие привычки в тех же общественных институтах (армия, профсоюзы, комсомол), что и остальные россияне. Они в большинстве своем свободно владеют русским языком. Наконец, огромная их доля (выходцы с Северного Кавказа, более половины азербайджанцев, значительная часть армян и грузин, некоторая часть таджиков) – такие же граждане РФ, как и жители тех мест, куда иммигранты прибывают.

²⁰⁵ *Тишков В.А.* Политика мультикультурализма: теория и практика. – Интернет//http://www.bashedu.ru/evrazia/r_s/R_Tishkov.rtf.

²⁰⁶ *Чернышевский И.* За кулисами // Отечественные записки, 2003, № 1.

То, что во всем мире эмигрантов из республик бывшего СССР зовут «русскими», – не только признак нежелания вдаваться в этногеографические нюансы. Это еще и инстинктивное выражение осознания культурной общности, проявившееся через советскую культуру, выросшей из русской²⁰⁷. Таким образом, те, кого предлагают считать «другими», в России «другими» в строгом смысле слова не являются, хотя известная культурная дистанция между иммигрантами и основным населением, конечно же, имеет место. «Другими» их делают прежде всего полиция и региональные чиновники, которые специальными мероприятиями, нацеленными на сдерживание экспансии «черных», добиваются увеличения социальной и культурной дистанции между иммигрантами и обществом.

В глазах москвичей и петербуржцев выходцы с Северного Кавказа начинают выглядеть приблизительно так, как выглядят выходцы из Индокитая в Нью-Йорке или в Гамбурге. Вопрос о социальной интеграции подменяется в итоге вопросом о культурной совместимости.

Понятно, что в сегодняшней России мигрантов с Кавказа или из Средней Азии привилегии не ждут. Но мероприятия, осуществляемые властями по отношению к мигрантам, не могут не способствовать самоизоляции последних, а значит – их консолидации по принципу происхождения.

Чем опасна глобализация для культуры?

Чего опасаются страны, противящиеся глобализации? Ведь глобализация в ее «идеальном варианте» (как утверждают ее апологеты) – это искоренение нищеты, всемирный порядок, вечный мир и материальное благополучие. Какая сила заставляет человека, народы и страны отказываться от вышеуказанных благ?

Дело в том, что представители самобытных культур осознают или чувствуют, что за экономической, политической, правовой и технологической гомогенизациями следуют и иные «плоды», требующие изменения их традиций, культуры и жизненного уклада.

Одной из существенных потребностей человека является собственная принадлежность к чему-либо, будь то социальная группа, религия, политическая или сексуальная ориентация, гео-

²⁰⁷ *Деягин М.Г.* За ширмой политкорректности: глобальное отторжение // *Русский Мир*, № 5, 2002.

графический ареал и др. Среди всех этих форм идентичности культурная идентичность является главной и всеобъемлющей: она в значительной мере определяет человеческую ментальность, психологию и жизненный уклад в целом. Между тем явления, которые сопутствуют глобализации, неизбежно вызывают эрозию национальных культур.

В первую очередь это относится к национальному языку, к умалению его значения. Успешная экономическая деятельность требует осуществления своевременного информационного обмена на одном языке; и таким языком в случае глобализационных процессов является английский. Конкретный индивид, общество, этнос первым делом самоидентифицируется с языком, как со столпом национальной культуры; поэтому пренебрежение им, даже уменьшение ареала его распространения воспринимается болезненно.

С ценностной позиции язык не только является средством передачи сообщения, т.е. средством коммуникации, но и мировоззрением и мироощущением народа – носителя этого языка, в нем зафиксирована биография нации, на нем говорили предки и он является моделью мира. Язык суть неотъемлемый признак нации: нет национальности без языка. Национальным сознанием язык воспринимается как живой организм, который требует бережного отношения и заботы.

За потерей языка следует разрушение исторической наследственности, связи времен, памяти. Язык – ось национальной культуры, объект уважения, а потому национальный язык является важнейшим феноменом культуры. Нет культуры без языка; языком пронизаны все феномены культуры. Это означает, что язык является определяющим не только для какой-либо конкретной, отдельно существующей культурной среды, но, если что-либо существует в культуре, то это имеет свое оформление в языке. Иными словами, культура существует в языке, а язык является способом существования культуры.

Кроме того, процессы глобализации ведут к разрушению памяти народа. Культура – суть форма исторической памяти; она – коллективная память, в которой происходит фиксация, сохранение и запоминание уклада жизни, социального и духовного опыта данного общества. Культура как память сохраняет не все, что было создано народом, носителем этой культуры, а то, что объективно оказалось ценным для нее. Человек, теряя память, теряет

и собственную биографию, собственное «Я» и индивидуальную целостность; он существует физически, но не имеет прошлого, настоящего и будущего. Он не знает, кто он, для чего существует, чего хочет и т.д.

Человек настолько определен культурой, что изменение даже в такой незначительной сфере, какой является кулинария, кухня, стол, воспринимается весьма болезненно. Не случайно «макдональдизация» употребляется как синоним «глобализации», не говоря уже о тех изменениях в традициях, религии, морали, искусстве, структуре повседневной жизни, к которым она приводит.

Принадлежность к той или иной национальной культуре является основой психического равновесия индивида. Ведь стоит человеку попасть в ситуацию, когда в его повседневности участвуют различные культурные системы и когда социальная среда требует от него действий, прямо противоположных нормам его культуры, а часто даже и исключаящих ее, человек изо всех сил старается сохранить свою культурную идентичность.

В условиях же глобализации возникает ситуация, в которой человек или группа людей вынуждены исполнять требования различных культурных систем, которые часто противостоят друг другу и даже друг друга исключают. Все это обуславливает разрушение целостности сознания и приводит к внутреннему дискомфорту личности или социальной группы, что, в свою очередь, отражается в поведении, которое становится агрессивным и выражается в националистических, криминальных, антиконфессиональных действиях личности, а также в депрессивном и меланхолическом состояниях.

И вполне естественно, что многие традиционные общества сопротивляются процессам глобализации.

Постмодернизм – новая парадигма культуры эпохи глобализма

Сегодня постмодернизм претендует на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, науки, политики.

Постмодернизм является в целом продуктом и проводником западного информационно-потребительского общества. А информационная революция в свою очередь обуславливает такие процессы, как глобализация и вестернизация. Информационные ресурсы безграничны, а пользование ими обусловлено правом

собственности лишь условно. Поэтому в реальности информация распространяется, преодолевая почти любые границы – государственные, авторского права, изначально заложенного в сообщениях смысла.

Споры о постмодернизме начались с момента его возникновения и продолжают до сих пор. Постмодернизм – явление сложное, неоднозначное и непредсказуемое. Термин широко растиражирован, но его определение весьма туманно и размыто.

Сложность и неоднозначность этого феномена порождает весьма широкий спектр его оценок – от признания постмодернизма самой актуальной и «продвинутой» частью современной культуры до его полного неприятия и интерпретации как вируса, разлагающего современную культуру.

В действительности корни постмодернизма в западной культуре очень глубоки и уходят в кризис естествознания на рубеже XIX–XX вв., породивший сомнения в познавательных возможностях человека, отказ от рационализма, «логоцентризма» европейского мышления.

Кризис модерна, культурным индикатором которого стал кризис западных ценностей, претендовавших на универсальность, придал этому процессу характер общего кризиса буржуазного сознания. Глубинная культурная трансформация, связанная с развитием средств массовой коммуникации, которая в принципе изменяет социокультурную ситуацию в современном обществе, механизмы культурного производства и социального контроля, окончательно разрушила основы мировосприятия, характерные для западного буржуазного сознания.

Это в первую очередь касается сознания западных интеллектуалов, «историческое падение» которых, вместе с их критериями единого знания, истины и морали, по мнению З. Баумана, и является той социальной основой, на которой возникает постмодернизм с его плюрализмом культур, местных традиций, форм жизни и языковых игр.

Именно поэтому, по общему мнению всех исследователей постмодернизма, его главная функция и сильная сторона состоит в критике западной культуры, западного сознания, в разрушении его наиболее стойких мифологем и тем самым в расчистке теоретического пространства для иных идей и концепций.

Лозунг радикального плюрализма лишает человека объективных критериев оценки и выбора, уравнивая «высокое» и «низкое»,

тормозит возведение новой вертикали в культуре, способствует сохранению и углублению ценностного кризиса.

В обыденной жизни проекцией постмодернистской деятельности является, например, так называемый «зэппинг» – быстрое переключение телеканалов зрителем, скольжение по нарисованным реальностям, безусловно, особое психическое состояние личности, о котором жители доинформационных эпох даже не подозревали.

Постмодерн – это эпоха, когда стираются вертикальные границы не только между массовым и элитарным, но стираются горизонтальные границы между родами деятельности и видами искусства. И потому, говоря о каком-то конкретном произведении, мы уже не знаем, что это – произведение искусства, бизнеса, пиара, политики или информационных технологий. Чаще всего – все вместе²⁰⁸.

Постмодернизм – особый тип современного сознания, где все уравнивается, все равнозначно: Евангелие и Махабхарата, мифические сказания племен острова Фиджи и притчи Достоевского. Все одновременно и варится в общем котле. Этакое «ничто, выдаваемое за нечто». Игра сущностями, коллаж, компиляция, стирание грани между искусством и кичем.

«Модерном» или «Новым временем» назвали свою эпоху интеллектуалы XVI–XVII вв. У немецкого историка Кристофора Целлария можно встретить банальное по своей структуре, но оригинальное по содержанию деление европейской истории на три этапа – «Античность – Средневековье – Новое время». Таким образом, именно авторы XVI–XVII вв. назвали свое время «Новым», и в этом плане они уже знали, что живут в «новое время» в противоположность людям эпохи Античности или Средних веков, которые совсем иначе именовали свои времена. Эпоха модерна просуществовала примерно с конца XIX в. до начала 1970-х гг.

Новизна Нового времени, вся сущность модерна сводилась в конечном счете к тому, что в наше время наиболее точно выражено формулой «освобождение («эмансипация») человека от комплексов сакрально-традиционного сознания» или одним термином «секуляризация». Собственно, никаких иных смыслов модерн в себе не несет, а одного этого смысла настолько достаточно, что с XVII в. возникает не просто новая эпоха, а новая глобальная парадигма че-

²⁰⁸ Гордеев И.В. Постмодернизм как лицо современной культуры. [Электронный ресурс] URRL// <http://www.frip.ru/newfrip/cnt/analitic/sel?cid=1033>

ловеческой цивилизации. Она отличается по сути от всей предыдущей истории, которая автоматически укладывается в так называемую парадигму «традиции». Конечно, очень сложно дать общее, бесспорное как для сторонников, так и для противников модерна определение традиции, чтобы столь же точно определить, от чего же на самом деле отказался модерн.

Во внутреннем расколе новейших гуманистов коренилось главное противоречие всего проекта модерна – внутреннее противоречие конечного идеала – самого Человека. Человек как таковой, абстрактный человек не может быть идеалом всего человечества, потому что любая конвенция по вопросу о его природе, то есть о его естественных потребностях и его сверхъестественном назначении, никогда не будет удовлетворять абсолютное большинство самих людей. У человечества очень разное представление о самом себе: будучи существом относительным и переменчивым, человек не может быть общепризнанной точкой отсчета, той самой «мерой всех вещей». Следовательно, никакой антропоцентризм как единое универсальное мировоззрение невозможен.

Основное антропологическое противоречие модерна как проекта глобальной человеческой эмансипации развернулось в бесконечном ряду самых неожиданных конфликтов: реформистов и революционеров, рыночников и социалистов, расистов и космополитов, правых и левых либералов. А когда власть во Франции захватили якобинцы и по улицам Парижа потекла кровь от непрерывно работающей «гильотины революции», а на центральной площади воинствующий атеист Робеспьер водрузил статую «религии Разумного существа», тогда уже многим стало ясно, что в модерне вызревает серьезный кризис, давший себя знать в феномене Наполеона и его первой секулярной империи.

После трагедии Второй мировой войны историк А. Тойнби окончательно понял, что эра модерна как самодовлеющего и тотального проекта кончилась, и в 1947 г. ввел понятие «постмодерн». А после комедии «студенческих революций» 1968 г. журналист Л. Фидлер вновь провозгласил рождение этого понятия на страницах журнала «Плейбой», что весьма символично.

Но в свою интенсивную фазу постмодерн вступил лишь с начала 1980-х гг. Его основным свойством в культуре стало обращение к массам. Постмодернизм пластичен и мобилен, он бежит от всех форм единства и унификации в пользу множественности, соединения стилей и игры различий. Все споры о постмодерне в ко-

нечном счете сводятся к вопросу о его отношении к модерну, и по этому поводу существует две прямо противоположные позиции.

Первая из них утверждает, что постмодерн – это определенная, исторически обусловленная мутация самого модерна. Эту позицию разделяет, например, теоретик «постистории» Жан Бодрийяр, а также многие левые и оптимистически настроенные либералы типа идеолога «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы.

Вторая позиция утверждает, что постмодерн – уже не модерн хотя бы потому, что частица «пост» несет в себе определенное отрицание. Следовательно, постмодерн – это именно отрицание модерна, которое начинается с критики его тоталитарной категоричности, а может закончиться восстанием против его сущностных основ – самого секулярного проекта. Таким образом, постмодерн – это неявная, но набирающая силу консервативная революция, революция традиции против модерна. Именно так понимают постмодерн сами противники модерна – идеолог европейских «новых правых» А. Мелер и российский философ-неоевразиец А. Дугин.

Наконец, можно представить себе и некую *третью* позицию, утверждающую, что постмодерн – это автономная, замкнутая историческая парадигма, являющая собой абсолютно новый, «третий путь», равно альтернативный как традиции, так и модерну.

Можно констатировать тот факт, что традиция, модерн и постмодерн, образуют на сегодняшний момент три различающиеся парадигмы человеческого мировоззрения, и можно найти более или менее сознательных выразителей каждой из этих трех парадигм.

Бесконечная гибкость постмодернистского мышления позволяет ему использовать язык традиции и модерна в несравнимо большей степени, чем самим традиционалистами и прогрессистам изучать друг друга. Собственно, освоение любых альтернативных интеллектуальных практик и сознательная мимикрия составляют основу постмодернистского поведения как такового.

В сущности, постмодерн – это мутация модернистского проекта, вызванная потрясениями XX в., мировыми войнами, антиколониальной революцией в «третьем мире» и великим противостоянием супердержав. Постмодерн – это не просто стиль эпохи, это исторически конкретная попытка Запада построить приемлемый для всего человечества порядок, в котором Запад доминировал бы. Постмодерн – мягкая подгонка разных этнокультурных и цивилизационных традиций в рамки великого проекта Нового времени.

Постмодерн – это союз сломленных традиций, сборище подавленных идентичностей под эгидой глобальной постиндустриальной цивилизации. Признаки конца постмодерна – это своего рода крушение иллюзий западных идеологов.

Ограниченность заложена в самом постмодерне, в нем заложена угроза нового тоталитаризма, осуществляемого, однако, уже не в качестве средства эффективной модернизации, но в качестве «коллегиальной диктатуры» – такой плюралистической неоязыческой империи. Представляется, что сущность постмодерна в пределе может быть описана как откат через критику идеологии к состоянию сверхидеологизации. Общество, к которому он нас готовит, будет неким подобием позднего имперского Рима.

Можно назвать еще несколько признаков конца постмодерна. На передний план перемещаются теории, которые постмодерн ранее считал «маргинальными». Например «теория заговора».

Постмодерн тщательно скрывает свою определяющую возможность – построения нового кастового порядка, выстраивания полного и всеобъемлющего контроля над индивидуальностью. Глобализм ведет к империи нового типа²⁰⁹.

Постмодерн строит стену между человеком и его прошлым, между народом и его почвой, его родной культурой. Причем делает это деликатно и как будто ненавязчиво.

Подлинная альтернатива модернизму требует, несомненно, чего-то большего, чем просто «радикальный плюрализм». В первую очередь – основополагающего, базисного консенсуса в отношении основных человеческих ценностей, определенной системы ценностных приоритетов. Однако такая альтернатива, способная стать и альтернативой постмодернизму, пока еще не просматривается, и постмодернизм все еще остается «новейшим» течением в культуре, втягивающим в поле своего воздействия все новые и новые сферы общественной мысли и общественной жизни. Он несет в себе ощущение исчерпанности старого и непредсказуемости нового, грядущие контуры которого не ясны и не обещают ничего определенного и надежного.

Тяжелый урок, который получил Запад, должен привести в том числе и к разочарованию в господствующем мировоззрении, а именно в постмодернизме, который можно было бы, мягко выражаясь, назвать философией упадка. К счастью, в России его семена дали куда меньшие всходы, чем на Западе. В ней все еще

²⁰⁹ *Аверьянов В.* Отчаяние инквизиторов // Эксперт, 2002, № 1–2.

большинство интеллектуалов «по старинке» исповедует представление об объективной истине и испытывает раздражение при рассуждениях о науке как форме идеологии.

Между тем постмодернизм распространился далеко за пределы философии. «То, что именуется постмодернизмом – чрезвычайно многоплановое образование, проросшее почти во все слои современной культуры»²¹⁰. Это – интеллектуальная мода, и она не требует ни эмпирических, ни теоретических оправданий.

Необходимо уяснить, что в силу установленного К. Поппером тождества теории познания и социальной теории, философия постмодернизма, основные интенции которой – «сокрушающая критика традиционных ценностей, рационализма, гуманизма, историзма, радикальное неприятие современной социальной самоорганизации, отрицание возможностей отдельной личности быть ответственной за свои решения и действия, ее способности противостоять могуществу надличностных структур (социально-политических, идеологических и пр.)»²¹¹ – совершенно не пригодна для общества, ведущего долгую, трудную и кровопролитную борьбу с хорошо вооруженным противником.

Общая ситуация мировой культуры в эпоху глобализма

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если в необходимости защиты природы многие отдают себе отчет и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узко эмпирическом смысле как бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности от чего или, кого ее надо защищать, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Не разрабатывается, следовательно, и модель желательного состояния. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской идеологии «стираются», подавляются даже его контуры, которые в таком случае надо было бы подчеркивать и пропагандировать.

С конца 1980-х гг. большинство авторов предполагало, что существует только один проект глобализации – на базе коммерческой

²¹⁰ Дубровский Д.И. Постмодернистская мода // Вопросы философии. 2001. С.8.

²¹¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона; Т. II. Время лжепророков: Гегель. Маркс и другие оракулы. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», Soros Foundation (USA). 1992.

массовой культуры, международного медиального рынка, современных систем коммуникации, в конечном счете – экономики глобального капитализма. Было представление о том, что произошла тотальная деидеологизация.

Но, по убеждению Б. Гройса – философа, теоретика и критика современного искусства (ФРГ), постепенно становилось ясным, что единого проекта глобализации просто быть не может: существует американский проект глобализации, исламский проект глобализации, европейский и другие проекты. Оказалось, что разные страны понимают под глобализацией совершенно разные вещи. И вместо деидеологизации политики произошла тотальная «теологизация» политики, причем она происходит везде – не только в исламских странах, но и в Европе и в Америке.

Европейские проекты глобализации при ближайшем рассмотрении оказываются католическими, имеющими давние исторические корни католического универсалистского проекта, который реализуется католическими партиями или партиями, близкими к католицизму, включившими в свои программы новые, социальные, компоненты.

Американский же проект воплотил протестантскую идеологию. Весь мир отметил сдвиг в религиозной структуре американского общества – евангелические церкви, возникшие после Второй мировой войны, сейчас охватывают более 60% населения и, несомненно, оказывают влияние на политику США. И Дж. Картеру, и Бушу-старшему основную поддержку оказывали протестантские сообщества США.

Выясняется, что еще до коммунистического проекта глобализации существовали мощные религиозные проекты. Оказалось, что проекты глобализации приводят к радикализации традиционных религиозных течений, в то время как секулярные политические проекты постепенно слабеют. Таким образом, возникает нечто противоположное тому, чего все ожидали²¹².

Вопреки всем глобалистским устремлениям на сегодняшний день нет ни одного художественного учреждения, которое носило бы транснациональный характер. Все музеи, выставочные центры и центры современного искусства в конечном счете национальны. Даже Венецианская биеннале, которая формально является самым транснациональным художественным институтом и имеет статус

²¹² Гройс Б. Глобализация и теологизация политики // Художественный журнал, 2004, № 4.

независимого фонда, сейчас национализируется, превращаясь в государственное предприятие.

«Высокое» искусство осталось в рамках национального государства, но сейчас переживает кризис. Под искусством сейчас начинают понимать MTV, голливудское кино и прочие коммерческие и одновременно интернациональные проекты. Все это дает повод серьезно задуматься над перспективами глобализации искусства.

По-видимому, культурная политика все же должна быть направлена на защиту традиционных, специфических для данного общества форм искусства, образа жизни, быта – всего того, что делает их интересными друг для друга, создает основу для взаимного диалогического и дружеского существования. Когда говорят, что ради мира между людьми надо прекратить их делить на «мы» и «они», это напоминает рецепт «избавления от головной боли путем отрубания головы». Поддержание культурной идентичности этносов служит не только их сохранению самих по себе, но «человека со свойствами», человека как такового. Политические образования, этносы и культуры интенсивно взаимодействуют, но сознательной целью при этом должно быть культивирование ими своей идентичности – «выживание». Аналогичная цель встает перед человечеством в целом. Эти проблемы взаимообусловлены²¹³.

Борьба за сохранение «Культурного разнообразия». Международная конвенция

На 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже состоялось обсуждение Международной конвенции по культурному разнообразию. Само понятие «культурного разнообразия» впервые появилось в выступлении Президента Франции Жака Ширака на предыдущей, 31-й сессии ЮНЕСКО в октябре 2001 года.

В Париже министры, заместители министров, культурные советники, дипломаты, чиновники и просто представители творческой интеллигенции уверяли членов международной журналистской делегации в том, что культура Франции находится под угрозой уничтожения. Они говорили, что Америка «наступает по всем фронтам», тесня европейцев на рынке культурных продуктов.

²¹³ *Кутырев В.А.* Культурологический смысл глобализма. [Электронный ресурс] URL //www.philosophy.ru/library/kutyrev/globalism.html.

Утверждали, что засилье «недоброкачественных» заокеанских музыки, кино- и телепередач пагубно влияет на эстетические вкусы европейцев. Что национальный «культурный бизнес» просто умирает, не в силах конкурировать с миллионными бюджетами американцев. Что универсальные мондиалистские ценности США подавляют европейские культурные традиции. И что Европа, а с ней вместе и все просвещенное человечество должны оказывать сопротивление либерализации и глобализации во имя сохранения «культурного разнообразия».

«We have to fight» («Мы обязаны бороться») – убежденно повторял П. Рогар – глава Ассоциации авторов, дистрибьюторов и продюсеров (ARP), (аналога российского Агентства по защите авторских прав). А бывший министр культуры Ж. Ланг заявил: «Я против терроризма, я буквально рыдал, когда услышал про события 11 сентября. Но я против доминирования одной страны над другой. А Америка сегодня – оплот культурного терроризма».

В Министерстве экономики, финансов и промышленности Супплиссон из «Бюро интеллектуальной собственности» сказал: «Да, государственное вмешательство в вопросы культуры, к несчастью, логическое следствие осуществления идеи “культурного разнообразия”. А разве США не вмешиваются в культурную политику всего мира?»

Французы предложили странам, подписавшим «Конвенцию по культурному разнообразию», ввести обязательное квотирование (в некотором смысле даже цензуру) фильмов, дисков, книг, телепрограмм для того, чтобы на экранах и прилавках присутствовало не менее 40–50% местной продукции. Предлагали также обеспечить обязательную поддержку «отечественного производителя» путем сокращения налогов и предоставления бесплатной рекламы.

Именно защита «культурного разнообразия» продуцирует попытку вывести культурные продукты из-под юрисдикции Всемирного торгового общества. Трудные переговоры с его представителями и побудили Францию и Канаду выступить с идеей специальной конвенции.

Конвенцию большинством голосов одобрила Специальная комиссия по культуре ЮНЕСКО²¹⁴.

²¹⁴ Панов А. Куртуазные антиглобалисты // Еж. журнал № 092, 21.10.2003. [Электронный ресурс] URL.

Управляемая глобализация культуры: проекты

Когда пала Берлинская стена и распался СССР, казалось, что глобализация включает в себе радостное торжество открытости – некий символ «конца истории». Тут же были отброшены понятия «культурного империализма». Но когда в постсоветский период стали возникать трудности в поддержании стабильности, возник вопрос: а может ли национальное государство выжить в мире, в котором нет границ культуры, веры и этики.

Как известно, культура служит одним из сильнейших средств добровольного самоограничения человеческого поведения. Она дает жизни структуру и смысл. Она санкционирует целый набор привычек, ограничений поведения, ожиданий и традиций, которые определяют жизнь и служат укреплению единства общества. И когда неограниченная глобализация с корнем вырывает культуру, она уничтожает саму основу жизни общества.

Конечно, нельзя сохранить каждую культуру в мире такой, как она есть, и ожидать, что культура сохранится сама собой. Как и в случае с видами животных, культуры появляются, развиваются и умирают в процессе эволюции. Но то, что происходит сейчас благодаря глобализации, – это искусственный процесс ликвидации и унификации культур.

Это обстоятельство возвращает нас к вопросу об управлении глобализацией. Нельзя построить развивающееся общество, если при этом уничтожается культурная основа, которая цементирует общество и дает ему уверенность в себе, позволяющую должным образом взаимодействовать с миром. Вот почему вызывают беспокойство развивающиеся страны, по которым пронесится глобализация²¹⁵.

М. Юдоф так сформулировал роль правительства в этих процессах: «Демократические правительства... не могут отказаться учить, руководить или убеждать; они демократичны в той степени, в какой выражают демократические ценности. Другими словами, не следует бояться правительственной рекламы, правительственных публикаций и правительственных программ, стремящихся осознанно укрепить понятия терпимости, участия избирателей, правительства согласия и т.п.»²¹⁶.

²¹⁵ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 291.

²¹⁶ Yudof M. When Government Speaks: Politics, Law and Government Expression in America. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1983. P. 112.

Упомянутого выше «глокализма», даже в здоровой его форме, недостаточно для того, чтобы защитить самобытные культуры от глобализации. Здесь требуются и жесткие фильтры: специальные законы, защищающие местное законодательство и образовательные программы, направленные на сохранение уникальных регионов и культурного наследия. Это не означает, что всем ресторанам McDonald's надо сказать «нет», но это означает, что в некоторых местах таких ресторанов быть не должно. Это требует разумного планирования со стороны тех бюрократов, которых не столь легко подкупить, и тех политиков, которые действительно придают значение сохранению культуры²¹⁷.

В этом деле мотив выгоды, порой необходимый, недостаточен: он слишком часто приводит к коммерциализации²¹⁸. Здесь необходимо участие среднего класса и элит, которые должны быть активными в финансировании защиты культурных символов, даже если это невыгодно – или даже именно потому, что это невыгодно. Когда речь идет о сохранении некоммерческих аспектов жизни, нельзя многого требовать от рынка.

«В конечном счете это заблуждение – считать, что рынок и выгода сами смогут защитить культуру или природу страны, – говорит Ф. Закария, главный редактор *«Foreign Affairs»*, индус по происхождению. – Так не получится. Потому что глобализация дает силу в руки обычному человеку. Она дает возможность обычным людям делать выбор, и когда они его делают, это неизбежно оказывается выбор самого привлекательного, самого модного, броского, удобного и выгодного. Люди могут захотеть стриптиз-бары на каждой улице и мексиканские рестораны на каждом углу – хотя в конечном счете это приведет к разрушению их национальной и местной культуры. Вот почему недостаточно просто оседлать рынок, надо еще и регулировать его. Но чтобы его регулировать, нужна элита, которая готова что-то защищать от рынка, – создавать пространство, где рынок не будет править или куда он не будет вторгаться и таким образом защищать совершенно иррациональные, неэкономические аспекты национального характера страны. Обычно только элита, не обеспокоенная материальными проблемами, заботится о таких вещах. Рокфеллеры помогли создать систему национальных парков в Америке. Музей Метрополитен был основан крупными капиталистами, которые сказали, что им нужен музей,

²¹⁷ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 287.

²¹⁸ Там же. С. 288–289.

не имеющий ничего общего с рынком»²¹⁹. Даже некоторые довольно сильные культуры просто не могут выстоять против натиска глобализации. Им нужна помощь, чтобы выжить, иначе они будут уничтожены гораздо быстрее, чем эволюция сможет их восстанавливать.

Так, Всемирный банк поддерживает восстановление Национального музея Бразилии, реставрацию мечетей в Самарканде, сохранение культурных достопримечательностей в Вифлееме, создание национального словаря в Уганде, проекты развития «живой культуры» туземцев в Перу и Боливии, поддерживает традиционных художников и ремесленников в Марокко. Жаль только, что каждый год Д. Вулфенсону, девятому президенту Всемирного банка, приходилось бороться с Советом директоров банка, состоящим из министров финансов, для того, чтобы можно было продолжать финансирование указанных программ.

Лучшее в программе Всемирного банка – это то, что страны, получающие культурную помощь, должны использовать хотя бы 15% из нее на поддержание современных художников, поэтов и мастеров, так что банк не просто помещает культуры в музей – он бережет их как живую реальность²²⁰.

Свои рецепты спасения от угроз глобализации предлагает также видный французский профессор – политолог Ф. Балль. Глобализацию культуры он называет «трагическим абсурдом, наступательная агрессия которого обретает характер антидуховного цунами». Его анализ специалисты называют «беспощадно точным, но лишенным сколько-нибудь конкретных предложений о путях спасения»²²¹.

Балль обращает внимание на совпадение во времени двух событий, вроде бы не имеющих между собой ничего общего: «цифровой революции» и окончания холодной войны. Создание международной сети информации, утверждает профессор, практически исключило возможность полного ограничения свободы слова. Свободный доступ к информации – вожденная мечта человечества и одна из базовых составляющих прав человека – утратил свой лозунговый пафос, превратившись в привычную норму жизни. Тоталитарные режимы в состоянии лишь чуть притормаживать этот

²¹⁹ Фридмен Т. Lexus и олива. С. 288–289.

²²⁰ Там же. С.293.

²²¹ Цит. по: Ваксберг А. Всемирный театр абсурда. Глобализация глазами Франсиса Балля // Культура, 2006, № 31 (7541), 10–16 августа.

процесс, но остановить его уже не могут. Международный обмен не только информацией, но и идеями стал необратимой реальностью. Таково одно из величайших завоеваний технической глобализации, которое неизбежно оказывает огромное влияние на мир политики и культуры.

Но любой позитив, напоминая профессор, таит в себе и негатив. К таковому он относит ту эйфорию, которую породил этот процесс в «незрелых умах: многие на Западе почему-то решили, что мир уже на пути к полной унификации благодаря созданию планетарного рынка на базе общечеловеческих ценностей. К чему это уже привело, мы видим».

Констатируя в общем-то довольно известное, профессор добивается наконец до того, что заслуживает, по его мнению, особого внимания. Уходя корнями в почву, основанная на языке, религии, многовековом историческом наследии, этносоциальная, национальная культура находится сейчас, как пишет Франсис Балль, «в глухой обороне, спасаясь от торжествующей глобализации. А это создает угрозу впасть в другую, столь же тупиковую крайность: фольклоризацию – лежащий на поверхности, легко доступный способ избежать экспансии глобализма». Но такой поединок обрекает антиглобалистов на заведомое поражение. Фольклоризация лишь дискредитирует любую попытку отстоять «высокое» искусство от его вульгаризации. Ратуя за неприкосновенность «золотого культурного фонда», сторонники такой формы защиты, в сущности, предлагают законсервировать старину, превращаемую ими в некую «священную корову». Спасаясь от суррогатов, они предлагают взамен такой же суррогат, только с обратным знаком, ибо застывшая в своей статике позавчерашняя подлинность сегодня выглядит столь же искусственной, сколь и космополитические подделки. Антагонисты глобализации ищут опору в ностальгии, в романтизации прошлого, давнего или недавнего, но это, считает профессор Балль, тоже не имеет никакой перспективы, ибо независимо от наших желаний жизнь пойдет вперед, а не назад, и новые поколения будут определять это движение.

Сдача позиций в угоду какой-то «средней» планетарной культуре – не выход из положения. Выход, по мнению Балля, в другом: в возможном и пока еще только воображаемом альянсе «модернистов» и «антимодернистов» против коммерсантов и купленных ими «на корню» законодателей моды, которые захватили власть над умами и душами людей. Балль категоричен: национальная ограниченность не способна создать барьеры американизации. Опасность

заключается в подчинении культуры вообще «не культуре» – тому, что не имеет с ней ничего общего: «бездумию, примитиву, пустоте и просто идиотизму, цель которого опустошить карманы одних и набить карманы других».

Цель автора благородна, отмечают комментаторы, страсть его неподдельна, выводы неопровержимы. Но вопрос в другом: как все эти хорошие идеи перевести на практические рельсы, не впадая в утопию и в то, что он сам называет «другой тупиковой крайностью»²²².

Историк культуры М. Берман в книге, показательно озаглавленной «Сумерки американской культуры» (2000), рисует угнетающую картину, предлагая свой вариант борьбы с общекультурным упадком. Хотя безобразное состояние культуры постулируется им лишь в отношении своей страны, многие его приметы, в частности, омассовление культуры и агрессивная наглость электронных медиа, вполне коррелируют с глобальными тенденциями. Предлагаемый им путь к спасению не нов: разочаровавшись в возможностях организованного, институционализированного противостояния неграмотности, бескультурью и китчу, он видит единственный выход в некоем современном эквиваленте монашества раннего Средневековья. Как отдельные избранные в условиях распада Римской империи и нашествия варваров уединились в монастырях и сумели сберечь, пусть фрагментарно, драгоценные сокровища греко-римской культуры, позволившие через много веков состояться Возрождению, так и современные «монахи» (разумеется, в метафорическом смысле) должны взять на себя миссию сохранения высокой культуры Запада. Их задача – «сопротивляться головокружительному коловращению и кричащей безвкусице глобального корпоративного мирового порядка; они знают разницу между реальностью и Диснейлендом, честностью и коммерческой рекламой»²²³.

Берман называет себя «оптимистом-реалистом», сохраняя веру в то, что его «монахам» обоюбого пола удастся пронести культурную эстафету через темные времена и передать ее потомкам.

Хотелось бы выразить надежду, что хотя бы какой-то из упомянутых выше проектов сохранения человеческой культуры во всем ее многообразии удалось реализовать, пока не стало слишком поздно.

²²² Цит. по: *Ваксберг А.* Указ. соч.

²²³ *Berman Morris.* The Twilight of American Culture. N.Y. & L., 2000. P. 10.

Глава 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА

Опасна ли гомогенизация искусства?

В современном искусстве победу глобализационных процессов принято датировать 1990-ми гг. и связывать с повсеместным распространением и приданием нормативного статуса художественному языку, генетически восходящему к западному модернизму²²⁴.

Унификация мировой экономики, ускоренная и умноженная после падения Берлинской стены в 1989 г., автоматически повлекла за собой унификацию культуры. В том же году состоялась выставка «Маги земли», которая считается началом глобализации в художественной сфере. Этот феномен знаменовал пришествие «мультикультурализма» и оказался прежде всего политическим: современное искусство постепенно входит в согласие с ритмом глобализации, которая стандартизирует экономические и финансовые структуры, создавая из разнообразия форм его прямую противоположность – единообразие.

Рынок «интернационального» современного искусства, построенный по евроамериканской модели, постепенно захватывает весь мир силами своих транснациональных агентов в галерейной системе, художественной прессы и коллекционеров, а также все растущего сообщества эмигрантов и «кочующих работников» этого рынка в среде художников, кураторов и критиков. Главными форумами международного сотрудничества и обмена остаются международные биеннале, где действуют политика, министерства культуры, национальное и националистское представление искусства, равно как и попытки всему этому противостоять.

Биеннале – возникшая более столетия назад форма арт-коммуникации, т.е. общения людей, художественных и культурных сообществ, различных народов. Биеннале (от лат. *bis* – дважды и *annus* – год) – художественная выставка, кинофестиваль или музыкальный конкурс, проходящие каждые два года.

Самой известной биеннале является выставка, проходящая в Венеции. Венецианская биеннале была учреждена в 1895 г. как

²²⁴ Гройс Б. Глобализация и теологизация политики // Художественный журнал, 2004, № 4.

«Международная художественная выставка города Венеции». На первой биеннале были представлены работы художников из 16 стран. Престиж биеннале вскоре достиг международного масштаба, а когда после Второй мировой войны, в 1948 г., ее регулярное проведение возобновилось, она стала площадкой общепризнанного международного авангарда. В 1930-х гг. в рамках биеннале основаны международные фестивали музыки, театра, кино, в 1975-м – Международная выставка архитектуры.

Московская биеннале современного искусства – единый проект целого ряда выставок-инсталляций современного искусства, проводившихся в Москве в 2004–2005 гг.

Международная стамбульская биеннале – выставка современного искусства, проходящая каждые два года в Стамбуле (Турция) начиная с 1987 г.

Южно-российская биеннале современного искусства – серия современных выставочных проектов, отражающих актуальные тенденции развития современного искусства, проходящих в галереях, музеях, выставочных залах, на улицах Ростова-на-Дону.

Хотя биеннале распространились во множестве городов «развивающихся» стран – в Кванчжу, Каире, Йоханнесбурге, Гаване, Стамбуле, Тайбэе – они по-прежнему воспроизводят евроамериканскую иерархию значимости для критики. Для критиков и кураторов из «развивающихся» и маргинальных стран участие в этих больших форумах скорее символическое, и они неизбежно сталкиваются с хотя бы потенциально неокOLONIALISTским подходом или разделением на Запад-Восток, Север-Юг.

Несмотря на интеллектуальную моду и интерес к «становящимся» меньшинствам, к постколониальной теме, критерии отбора произведений давно уже «шиты белыми нитками». Взять хоть «Документу-11» – крупнейшую выставку современного искусства, две трети участников которой, вне зависимости от гражданства и происхождения, живут в Нью-Йорке или Западной Европе ²²⁵.

И все же дискуссия об опасностях «гомогенизации» искусства продолжается, равно как и подавление или утрирование «национальных» традиций, характерных черт и различий. И все они проявляются в отборе художников из незападных стран или художников из западных стран, представляющих национальные

²²⁵ Динвелл К. Геополитика, женщины-художницы и глобализация в современном искусстве. [Электронный ресурс] URL // ncca-aliningrad.ru/index.php3?lang=ru&mode=projects&id_proj=17&id_art=32&ld=ok

меньшинства – отборе, проходящем под знаменем «глобального» («транснационального») искусства.

Миграция – обычный путь сегодняшнего художника. Этот термин включает в себя как «привилегированных жителей Запада», которые путешествуют, так и тех, кого обычно называют «иммигрантами» или «мигрантами», т.е. художников из крупнейших диаспор XX в., равно как и художников, живущих в добровольном или вынужденном изгнании. Далеко не многим художникам из «периферийных» стран удалось включиться в центральную систему современного искусства, продолжая при этом проживать у себя на родине. Такие замечательные художники, как Р. Тираванийя, К. Суджа или П.М. Тайю, преодолевая свою культурную детерминированность, оказываются способными успешно пользоваться знаками своей местной культуры, только находясь в экономическом «центре».

Ни биография, ни место жительства сами по себе не являются причинами отбора художников, будь они в политическом смысле левыми или правыми. Да и сама по себе их продукция может не иметь никакого отношения к месту, где работает художник. О художниках – «аборигенах», использующих «местную» специфику, вспоминают, когда их способность представлять определенный «регион» может в какой-то момент понадобиться той или иной международной выставке просто как маркер национальных различий в глобальном искусстве. «Местное» – это не только содержание работы или происхождение художника, это еще и вопрос «правильного» размещения современного искусства в галереях. Местные (национальные) галереи и рынки кардинально отличаются друг от друга по значимости и по экономическому статусу, по уровню получаемой ими государственной поддержки и по возможности самим оказывать финансовую поддержку художникам²²⁶.

Однако, по мнению российского куратора В. Мизиано, вопреки всем глобалистским устремлениям, на сегодняшний день нет ни одного художественного института, который носил бы транснациональный характер. Все институты – музеи, выставочные центры и центры современного искусства, кунстхалле, кунстфайрны и т.п. – в конечном счете национальны. Как уже говорилось выше, даже Венецианская биеннале, которая чисто

²²⁶ Динвелл К. Геополитика, женщины-художницы и глобализация в современном искусстве. [Электронный ресурс] URL //ncca-aliningrad.ru/index.php3?lang=ru&mode=projects&id_proj=17&id_art=32&ld=ok,

формально является самым транснациональным художественным институтом и имеет статус независимого фонда, сейчас национализируется, превращаясь в государственное предприятие²²⁷.

Во всех университетах мира курсы истории искусства делятся на историю искусства западного (евроамериканского) и восточного, или западного и национального, или западного и местного²²⁸.

Следует напомнить также, что США, оказывается, по кинопроизводству лишь на 4-м месте в мире (в среднем – 385 фильмов в год, каждый день – премьера). А впереди всех – Индия (839 лент), Китай с Гонконгом (469), Филиппины (456). Сразу после США идут Япония (238), Таиланд (194), Франция (183). Пока еще «не пал бастион» Ирана – здесь доля лент США в общем импорте – не более 7%.

Таким образом, США ежегодно производят всего лишь около 10% всех фильмов. Но при этом в общемировом кинопрокате они собирают 70% всех средств. А в Чили, Коста-Рике, на Кипре американские ленты занимают 95% показа²²⁹. Тем не менее то, что ценится в США, далеко не всегда ценится за их пределами.

При этом остается масса вопросов. Готовы ли, например, китайская или индийская культуры одобрить стремление своих меньшинств к культурной автономии? Как свести между собой признание значимости культур «периферийных» с кодами и ценностями современного искусства? Современное искусство исторически является западным конструктом, но означает ли этот несомненный факт, что оно навязывает другим свою, западную традицию?

Художественный мультикультурализм

Художественный мультикультурализм решает проблему, не решая ее. Он представляет собой идеологию, в которой универсальный язык Запада доминирует над национальными культурами.

В «мультикультурном» идеологическом пространстве хороший художник незападного происхождения чувствует себя обязанным предьявлять свою «культурную идентичность» как несводимую татуировку на теле. В результате, насколько бы полярными ни были позиции, художник из стран «периферии» страдает от навя-

²²⁷ Гройс Б. Глобализация и теологизация политики...

²²⁸ Динвелл К. Геополитика, женщины-художницы и глобализация в современном искусстве. [Электронный ресурс] URL //ncca-aliningrad.ru/index.php3?lang=ru&mode=projects&id_proj=17&id_art=32&ld=ok

²²⁹ Сычева Л. Космополиты и биороботы // День литературы. № 36 (616), 7 сентября 2005 г.

занного ему требования предъявлять свое «отличие», а художник «центра» обязан демонстрировать критическую дистанцию по отношению к принципам и форматам своей собственной глобализированной культуры. В результате они оба оказываются отчужденными от собственного контекста.

Согласно идеологии мультикультурализма, ганский или вьетнамский художник имплицитно обязан создавать художественные образы, исходя из собственного предполагаемого отличия и из истории своей страны, с одной стороны, и по возможности используя стандарты и коды Запада – с другой. Тем самым мультикультурализм является идеологией ассимиляции культуры «другого». Этот «другой» воспринимается носителем экзотических особенностей в противоположность американской культуре, которая воспринимается как «глобализированная», что есть синоним универсального. При этом современный художник отражает в своей практике в большей степени не свою национальную культуру, а мир экономического производства и, следовательно, политики, внутри которого она развивается.

Появление «современного искусства» в Южной Корее, Китае или Южной Африке отражает факт взаимодействия нации с явлениями экономической глобализации. Выход граждан этих стран на международную художественную сцену прямо следует из происходящих там политических потрясений. Однако этому «глобализированному» пониманию современного искусства находится альтернатива, которая утверждает, что существуют не «чистые» культурные особенности, а традиции и культурные особенности, пронизанные экономической глобализацией.

Этот, как называет его Н. Буррио, один из ведущих французских критиков и кураторов, «интеркультурализм» основывается на двойном диалоге, определяющем предмет сегодняшних международных дискуссий в художественной сфере. Первый из этих диалогов художник ведет со своей национальной традицией. Второй – ведется между национальной традицией и совокупностью эстетических ценностей, унаследованных от искусства модерна. Такие известные сегодня художники-«интеркультуралисты», как Р. Тираванийя, Н. Раванчайкул, П.М. Тайю, С. Гупта, Х. Доно и К. Суджа используют художественный язык, восходящий к модернизму. Качество работы художника зависит от богатства его связей с миром, которые в той или иной степени определяются экономической структурой, даже если каждый художник теоретически имеет возможность их избежать или порвать с ними.

Глобализация и музыка

Музыкальная культура также является одной из защитных оболочек нации, придающих ей устойчивость при негативных воздействиях. На протяжении эволюции национализма музыка являлась эффективным средством формирования и народностей из родов и племен, и исторических этносов из отдельных народностей, государств и, конечно, наций, зачастую служа фундаментом для формирования национальных сообществ.

Появление каждой нации можно идентифицировать по необыкновенному всплеску ее музыкальной культуры, которую уже современники расценивали как национальную. Так, Ф. Лист в Венгрии возвестил начальное появление венгерской нации, которая, только сформировавшись, начала жить в нераздельной паре вместе с австрийской, а Ф. Легар и И. Кальман – ее «второе» рождение, причем пик их творчества приходится именно на ключевые моменты в процессе образования этой нации – на 1860-е гг. – образование Австро-Венгрии, и начало XX в., предвоенную и военную эпоху – развал Австро-Венгрии. А Э. Григ одним-единственным «Пер Гюнтом» придал легитимацию понятия «норвежец» для мировой общественности. Ф. Шопен верил в то, что не выступления националистов-революционеров, а именно его музыка заставит русский царизм ретироваться из Польши.

Говоря о странах Азии и Африки, следует подчеркнуть, что новые течения музыки больше внимания уделяли проповеди чистого национализма, как, например, Новая Бенгальская школа или произведения Гулама Хайдара, такие как сценическая оратория «Непокоренный Пенджаб»²³⁰.

Начиная же с эпохи модерна роль музыки в развитии национальных сообществ сильно изменилась, хотя для большей части истории была характерна именно ее национально образующая роль. Из средства духовного формирования народностей, а также этнических и национальных сообществ, музыкальное искусство превратилось в инструмент разрушения их целостности и в серьезный фактор противодействия националистическим программам. Сегодня можно говорить о мировой музыкальной культуре как о явлении, пронизанном глобально ощутимыми тенденциями, общими для всех континентов.

²³⁰ Шаров К.С. Музыка как средство формирования национальных сообществ. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. канд. философ. н. М., 2005.

Под «глобализацией музыки» понимается предельная унификация ее технических средств и методов, социальных задач и импликаций. Это – всеобщее унифицирование формальных и содержательных ее аспектов, несмотря на существование огромного количества музыкальных направлений и течений. В результате из средства формирования наций музыка превратилась в средство стирания национальных различий.

«Глобальная музыка», наиболее ярким примером которой может быть рок, распространившийся по всей планете, отрицает не только национальные, но и «сверхэтнические» (в случае рока – общеевропейскую) культурные идентичности. Однако подобная глобализация музыки наталкивается на ряд преград, связанных с особенностями восприятия представителей различных «сверхэтнических» групп и обусловленных прошлым культурным развитием, например, разницей музыкального восприятия в азиатской и европейской культурах²³¹. «Глобальная музыкальная культура» – это, в основном, масскультура, что с неизбежностью приводит как к снижению уровня творчества, так и уровня восприятия музыки. Если модернистская музыка теряет свою связь с национальными проектами в силу дерационализации и усложнения (во многом, чтобы противостоять «восстанию масс»), то современная глобальная музыка становится вненациональной, как правило, в результате предельного упрощения.

Тем не менее не следует преувеличивать роль глобализации в современной культуре, в том числе музыкальной. Несмотря на то что тенденция унификации прослеживается наиболее отчетливо, это еще не означает, что она единственна в своем роде, и бесспорно и беспрепятственно приведет со временем к абсолютно космополитичной музыкальной культуре.

Возникает вопрос – возможна ли полная денационализация музыки? Это маловероятно: совокупность используемых ритмов и размеров совершенно специфична для каждой национальной (а иногда – и этнической) музыкальной традиции. Чувство ритма и связанное с этим определение размера будет обязательно зависеть от национальной культурной специфики.

Заметна тенденция, противоположная унификации – повышение внимания к национальным особенностям в музыкальной культуре. Так, Э. Гидденс замечает, что в некоторых регионах глобали-

²³¹ См., напр.: Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. С. 53–66.

зация с необходимостью приводит к противоположному результату²³². Как уже говорилось, реакцией на глобализацию часто становится повышенное внимание к этническим и национальным культурным традициям и особенностям, а также оживление этноцентристских и националистических сил. А потому нельзя говорить о том, что национальная музыкальная культура полностью ушла в прошлое и национализм элиминирован из музыки. Например, в сегодняшней России осуществляются попытки по-прежнему использовать музыку для укрепления национальной идентичности.

Но даже денационализированная современная музыка остается удивительно эффективным инструментом создания идентичностей. Сейчас возможности создания национальных групп с помощью постмодернистской музыки достаточно малы. В то же время, сегодняшнее музыкальное искусство формирует принципиально другие, отличные от национальных идентичности. Помимо идентичностей, имеющих социальную основу (политических, экономических, корпоративных, религиозных, гендерных, гибридных и т. д.), постмодернистская музыка создает и поддерживает также и другие группы, например социальные группы металлистов, рэперов, рэйверов, хип-хоповцев. Постмодернистская музыка перестает быть инструментом национализма, но ее интегрирующий социальный потенциал продолжает использоваться.

Раньше это было невозможно. Образ мировой музыкальной культуры представлялся прежде всего в виде фантастической мозаики этнокультур. На уровне обыденных представлений мировая музыкальная культура обычно свертывалась до значения европейской традиции, которая олицетворяла собой «мировую музыку» в равной мере и для европейца, и для американца, и для жителя России, и для жителя Китая или Японии.

XX в. обнаружил три тенденции, «скрепляющие» мировое музыкальное искусство.

Первая – огромный слой массовой культуры, самый активный, неотвратимо проникающий своими стереотипами в сознание представителей всех континентов, наций и рас.

Вторая – европейская традиция «высокого» искусства, выраженная и в совокупности творческого опыта, и в принципах организации, и в системе профессионального обучения.

²³² Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. С. 29 и сл.

Наконец, *третья* – внеевропейская традиция, искусство восточных регионов, поражающее многообразием вариаций и в то же время единством канона конкретных форм и определенного содержания²³³.

Эти тенденции являются следствием одного процесса, зародившегося в середине минувшего столетия и осознанного лишь сегодня, который получил название глобализации, затронувшей, безусловно, и музыкальную культуру. Внутренняя связь глобализации и ее последствий далеко не ясны современному человечеству. Очевидно только, что явление это несет в себе некое покушение на его духовное многообразие. В частности поэтому у глобализации есть не только свои сторонники и могущественные создатели, но есть и непримиримые противники (особенно в странах центрально-азиатского региона), тем более что на протяжении многих столетий европейская и «ориентальная» культуры развивались параллельно и независимо.

Ранее считалось, во-первых, что путь развития европейской музыки есть единственно возможный для музыки вообще. Во-вторых, что эстетические критерии европейской музыки есть критерии универсальные и тоже единственно допустимые. В-третьих, что эти эстетические критерии дают основание для установления единой иерархии в сфере музыкального искусства.

Подобные подходы и оценки сказались в XX столетии на музыкальной культуре практически всех народов, исторически связанных с Востоком. При всех этнорегиональных различиях общей чертой внеевропейских музыкальных культур является господство устно-профессиональной традиции, закрепленной в многовековой практике исполнительства, в ее особом (по сравнению с европейской) взаимодействии с поэзией, в роли и особенностях инструментария. Соприкосновение же ее с западной музыкальной системой в более позднее время вызвало в ряде восточных культур отход традиционной системы на второй план. Но это не могло стать причиной ее полного вытеснения, и для многих народов Востока она является основополагающей и по сей день.

Западноевропейское музыкальное востоковедение на протяжении столетий создало не только прочные традиции, но и глубоко продуманную концепцию «идеологической колонизации» народов Азии и Африки. Древнейшие и глубоко самобытные музыкальные

²³³ *Иванова Л.* Взаимодействие и взаимовлияние музыкальных культур Востока и Запада. [Электронный ресурс] URL //www.lib.csu.ru/vch/10/2002_01/023.pdf.

системы Востока провозглашались примитивными и отсталыми. Сущность этой европоцентристской концепции не менялась, хотя формы претерпели заметную эволюцию от полного отрицания художественной и эстетической ценности древних восточных цивилизаций в Новое время к оценке этого богатейшего наследия с позиций современной европейской культуры.

Но мир Востока – не особый мир, диаметрально противоположный Западу, как его нередко представляют. Конечно, духовно-эмоциональный строй его народов своеобразен и не всегда понятен и доступен европейцу. Но в процессе взаимодействия культур в разные исторические периоды инициатива принадлежала то Востоку, то Западу.

Новейшие научные взгляды и творческие тенденции XX в. заставляют пересмотреть некоторые «безоговорочные» истины европоцентристов. В бассейне Средиземного моря вступали во взаимодействие музыкальные культуры разных миров, разных континентов нашей планеты: Европы, Азии и Африки. Нет нужды доказывать, что великие рабовладельческие государства древности – Египет, Греция, Рим – развивались отнюдь не изолированно. А культура Византии – это вообще достижение Европы и Азии, синтез восточных эллинистических традиций и романского стиля.

В XX столетии вновь усилился интерес европейских стран к музыкальной культуре Востока. В его богатых, самобытных традициях европейские художники искали возможность для расширения выразительных средств своего искусства. Одним из путей в этих поисках явилось обращение к синтетическим видам восточного искусства, к древним жанрам восточного театра.

Напомним, что в Китае, например, опера появилась на четыре века раньше чем в Европе. Условность сценической драматургии, особые формы «общения» актера с аудиторией, роль пластического начала и музыки, место символов-масок – все это в различных модификациях присутствует в современном европейском театре благодаря взаимодействию с восточной культурой. Подключение звеньев смежных искусств происходит и в классическом европейском балете. Новые элементы «вторгаются» в оркестровую партитуру. Речь идет, прежде всего, о введении хора, нередко трактуемого в плане греческой трагедии. Тот же принцип отличал, как известно, мистерии Древнего Египта, а также культовые обряды Индии, Китая и других дальневосточных цивилизаций.

В XX в. процесс интенсивного взаимовлияния и взаимопроникновения художественного творчества Запада и Востока стал

реально существующим фактором. Причем он действует в разных направлениях. «Национальность» композитора определяется теперь не этнически, не по тому, где он живет и работает, а по его принадлежности к той или иной национальной традиции.

Все это имеет прямое отношение и к российской музыкальной культуре, которая все активнее интегрируется с общемировой. Русская музыка всегда тем и была сильна, что уходила от узости национальной. Русская музыка – отнюдь не географическое понятие, оно не отождествляется только с Россией, с ее собственным пространством. Она получила распространение и в дальнем зарубежье, и «зарубежье ближнем», и в восточных регионах²³⁴.

Кинематограф и глобализация

Глобализация кино – это прежде всего кинематограф США. Фильмы, производимые в этой стране, распространяются и потребляются практически во всем мире. Стремясь завоевать мировой кинорынок, Голливуд создал мощную инфраструктуру глобального кинопроизводства. Располагает он и инфраструктурой глобального распространения собственной продукции. Голливудская техника продаж заключается в том, что картина продается еще до того, как она сделана. К пакету картин прилагается весь пакет рекламы: ролики, афиши, буклеты. Идет активная, очень эффективная монополизация рынка. В результате Голливуд способен организовать премьеру своего очередного фильма в 58 странах мира в один и тот же день. (Для сравнения: Россия не может одновременно показать свой национальной фильм в 58 кинотеатрах даже в пределах собственных границ.) Голливудом найдены и умело эксплуатируются эстетические модели «глобального фильма», способного привлекать и удерживать внимание зрительских аудиторий не только в США, но и практически во всех странах мира²³⁵. Все это, естественно, приносит свои плоды далеко за пределами США. В 2000 г. Соединенным Штатам принадлежало 73% кинорынка 15 стран Евросоюза, в 2002 г. – 71%.

Начиная с 80-х г., американские кинокомпании – «Уорнер бразерс», «XX век», «Парамаунт» и др. – стали покупать кинотеатры:

²³⁴ *Иванова Л.* Взаимодействие и взаимовлияние музыкальных культур Востока и Запада. [Электронный ресурс] URL //www.lib.csu.ru/vch/10/2002_01/023.pdf.

²³⁵ В этом разделе использованы материалы статьи: *Жабский М.И.* Глобализм и функции кино в обществе // Вестник РФФИ № 4(42), июль–август 2005.

в Англии, Франции, Италии, потом – в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Кинозалы принадлежат производителям фильмов, и это уже в чистом виде монополия. К середине 80-х на экранах Франции было уже 70 процентов голливудской продукции. Среди этого потока иногда вдруг мелькнет какая-то небольшая картина, действительно художественная, но все остальное – внациональный голливудский продукт.

Национальные зрительские аудитории чуть ли не всего мира превратились, по существу, в «глобальную деревню», способную эффективно финансировать голливудское производство высокобюджетных фильмов. Характер и масштабы деятельности Голливуда таковы, что потребность смотреть глобальные фильмы голливудского производства весьма велика на всех пяти континентах.

Но и сама Америка стала первой жертвой глобализации. Зритель, который смотрел прежде «Крестного отца», исчез. Человек, спешащий в кино, чрезвычайно помолодел. Он мало читает, увлечен компьютерными играми и эффектами, именно это – «экшн» – он хочет увидеть на экране. Чем больше спецэффектов, чем больше ультрамодной графики – тем картина выгоднее и спрос на нее больше. Серьезные люди, которым за тридцать и которые задумываются о глобальных вещах, в кино ходить перестали. Им нечего там смотреть.

Голливуд с каждым годом ориентируется на все более молодого зрителя, делая элементарно простые по своему содержанию ленты. Прежде наравне с кинематографом коммерческим существовал кинематограф больших мастеров. Теперь кино как элитарное зрелище для думающей, читающей публики кончилось. Осталось только кино коммерческое.

На примере постсоветской России можно видеть, как кинематографическая жизнь огромной страны, по сути, оказалась лишь объектом глобализации. Роль субъекта досталась главным образом Соединенным Штатам.

Для России, исторически оказавшейся в числе трех стран (США, Германия, СССР), где кино впервые обрело достоинство «высокого» искусства, сегодняшние реалии глобализации означают преимущественно вызов существованию кинематографа как феномена национальной культуры, его самобытности, формированию национальной кинематографической картины мира на собственном идеологическом и культурном материале, сохранению культурной и – шире – национальной идентичности. В условиях рынка важным фактором глобализации является такая ситуация,

когда деньги выгоднее или даже просто выгодно вкладывать в импорт фильмов, а не в их производство в собственной стране.

Многие киноманы говорили о том, что российское кино сумеет составить Голливуду конкуренцию, и это могло бы быть правдой, если бы российское кино снимали в том же духе, что и раньше, т.е. на первое место ставили бы художественность картины, ее идейность и смысловую нагрузку. Но, к несчастью, чтобы хоть как-то заявить о себе в мировом масштабе, современные российские кинокартины становятся лишь копией голливудских, причем не самой дорогой. Взять хотя бы разрекламированную картину Т. Бекмамбетова, сделанную совместно с голливудскими сценаристами, с секс-символом Голливуда Анджелиной Джоли в главной роли. Ничего нового авторы не придумали: та же стрельба, убийства, погони. При просмотре таких картин зритель задается вопросом «кто кого убил?», а уж почему убил – это уже не важно. Другой пример: «Антикиллер» – фильм, сделанный по законам Голливуда. Плохие с хорошими бегают друг за другом. Там нет сложности мысли, которая свойственна лучшим образцам отечественного кинематографа.

Принято считать, что кино является зеркалом общества. В известном смысле так оно и есть. Ибо в любом случае кинематограф создает и распространяет определенную картину мира – пусть даже сильно искаженную. Если предлагаемая зрителю картина мира создана в его собственной стране, воссоздает ее реалии, словом, национальна по своему характеру, кинематограф может выступать средством трансляции от поколения к поколению социального опыта данного общества, средством познания народом своей истории и культурной самобытности. Если же кинематографическая картина мира в основном импортируется, формирование средствами кино социокультурной идентичности индивида и народа в целом утрачивает национальные корни, теряется национальный контроль над этим процессом. Он приобретает глобализированный характер, национальная картина мира вытесняется глобальной, несущей на себе печать кинематографического национализма, насыщенной, как показывает опыт, мотивами насилия, жестокости и сексуальности. Основу функционирующего кинорепертуара составляют фильмы развлекательного плана, идеологическая «начинка» которых определяется за пределами российского общества и работает на глобализацию художественных вкусов зрителя. Импортное кино осуществляет также глобализацию общих социокультурных ориентаций россиян.

Сегодня национальным культурам, являющимся самым трудным препятствием глобализационного процесса, брошен чрезвычайно серьезный вызов. И исходит он, в частности, от кинематографа в массовом американском варианте. Конечно, глобализационные процессы в культуре исторически объективны и неизбежны. Но это не означает, что в будущем национальным культурам нет иного места, как в специальных заповедных зонах, создаваемых и охраняемых государством.

Между тем существуют страны, которые пока еще недоступны для киноголобализации. Так, французская газета «Монд» с некоторой завистью рассказывает о том, что в Индии, несмотря на отсутствие каких-либо квот в кинопрокате, американская кинопродукция составляет лишь 5–6% рынка, все остальное – исключительно индийские фильмы. Причины этого явления многообразны, и среди индийских фильмов есть как «хорошие» (приверженность индийцев собственной «кинопарадигме» с обязательными песнями и танцами, опорой на местную мифологию и популярную культуру, театральностью игры), так и «плохие» (видеопиратство и цензура, вырезающая сцены откровенного секса и насилия). Речь идет, конечно, об уникальной и скорее всего не воспроизводимой в других условиях ситуации, но она заслуживает изучения²³⁶.

Благодаря высокоскоростному интернету у людей формируются общие культурные вкусы. Эта ситуация положительна для законодателей стиля этого мирового кинематографа – Голливуда, так как это значительно увеличивает их круг потребителей и, как следствие, ведет к увеличению прибыли. Но это же негативно сказывается на региональных местных кинематографистах. К ним теперь подходят с аналогичными критериями, а они благодаря меньшему обороту картин не могут позволить себе такого высокого уровня, в то время как в идейном плане нередко выходят на первые позиции. Таким образом гиганты кинематографа еще больше увеличивают количество своих почитателей. Правда, большая часть этих почитателей бесплатно копирует их фильм с какого-нибудь сайта и не платит ни копейки записывающей компании.

²³⁶ Палажченко П. Диалог культур в языковом пространстве мира // Свободная мысль–XXI, № 6, 2004.

Глобализация и телевидение

В 1951 г. телевидение удивило мир новым достижением – в этом году в США был осуществлен первый общенациональный выпуск новостей. С этого момента любой человек, имеющий доступ к телеэфиру, за считанные минуты мог узнать самые интересные новости, поступающие из самых отдаленных уголков планеты²³⁷. С этого события начался новый этап медиатизации и информатизации общественной жизни во многих странах мира.

Анализируя работы М. Маклюэна, можно предположить, что именно 1951 г. стал датой рождения общемировой «глобальной деревни» (global village)²³⁸. Потому что весь мир теперь стал похож на «большую деревню», где каждый житель узнает все сплетни и слухи о жителях этой деревни, причем эти слухи часто далеки от правды, поскольку телевидение умышленно или неумышленно искажает суть транслируемых сообщений.

Так, Ж. Мерме указал 10 пунктов, согласно которым современное телевидение, даже если оно стремится к объективному изложению событий, прямо или косвенно искажает информацию о реальном положении вещей:

1) события, освещаемые на ТВ, подбираются не по их реальной значимости, а по интересу, который они могут вызвать у публики;

2) простые доступные пониманию сюжеты получают преимущество перед сложной, требующей осмысления информацией;

3) ТВ редко отражает события адекватно действительности, так как эти события специально инсценируются, чтобы сделать их более привлекательными и яркими; при этом некоторые, необходимые для понимания аспекты информации опускаются, а связь между событиями, как правило, отсутствует;

4) ТВ быстро мобилизует и концентрирует внимание на каком-либо событии, что приводит к гипертрофированию данного события в сознании аудитории;

5) ТВ быстро теряет интерес к отдельно взятому событию, создавая порой ощущение, что его вообще не было;

6) значение некоторых органов информации неадекватно объему аудитории, поскольку ведущие телекомпании как лидеры мне-

²³⁷ Зыков В. Основы коммуникативной культуры. Тюмень, 1999. С. 14.

²³⁸ McLuhan M. The Gutenberg galaxy. L., 1962. P. 34.

ний заставляют реагировать и ориентироваться на них другие телекомпании;

7) профессионалы, работающие на ТВ, не представляют все слои населения: как правило, они имеют более высокое образование, более высокие доходы, проживают в больших городах, имеют возможность путешествовать;

8) наибольшее внимание уделяется редкому, сенсационному, негативному материалу;

9) для объяснения событий на ТВ приглашаются эксперты, мнение которых часто не отражает мнение большинства;

10) ТВ придает реальности модифицированный, гипертрофированный, деформированный имидж²³⁹.

Таким образом, ТВ не только создают «глобальную деревню», но и распространяют по этой «деревне» глобальные слухи и небывлицы. Тем не менее важнейшей чертой современного ТВ стал глобализм.

Глобализм ТВ, т.е. распространение информации на огромные территории и вовлечение в сферу телекоммуникативных актов самых разных людей, породил особую духовную культуру, которая превратила всех телезрителей в особую общность – глобальную телеаудиторию со схожими ценностями и установками в сознании.

Глобализации ТВ способствовали следующие факторы. В 1952 г. доходы от рекламы на ТВ превзошли доходы от рекламы на радио и создавать телерекламу стало особо эффективно с точки зрения коммерческой выгоды. Не случайно многие американские социологи назвали 1952 г. началом «эры телевидения».

С 18 декабря 1953 года возникло регулярное цветное телевидение, что, безусловно, сделало ТВ более эстетически привлекательным для зрителей, а уже 19 декабря 1953 года по американскому каналу NBC была показана опера «Амаль и ночные гости», написанная специально для цветного телевидения. Так началась эра телефильмов – особого искусства, определившего эстетические установки массовой аудитории на долгие годы вперед. Цветное ТВ наиболее ярко отразило идею соединения технической мысли (качество звука, изображения, цвета и др.) и идей художественного творчества (особый жанр телепередач – новости, публи-

²³⁹ *Mermet J.* Democratie: Comment les media transforment la democratie. P.: Grasset, 1987. P. 35.

цистика, телефильмы и др.) в единый социокультурный и эстетический комплекс²⁴⁰.

Телевизор стал доступным для большинства населения и за несколько лет практически все американское общество превратилось в массовую телеаудиторию. Таким образом, оно стало массовым, с характерным массовым сознанием и массовой культурой, базирующейся на телекультуре. О росте ее популярности свидетельствовали многие социологические опросы того времени. Так, по данным общенационального социологического исследования в США уже в 1963 г. ТВ было признано самым популярным СМИ большинством респондентов²⁴¹.

С этого момента начинается новый этап становления телевидения – превращение ТВ в главное СМИ и господство крупных программ, транслируемых на многие регионы. Процесс превращения ТВ в основное СМИ быстрыми темпами прошел также во многих странах мира.

Как отмечает Д. Томпсон, в современном обществе при помощи телекоммуникации происходит обмен знаковыми формами между производителями и получателями, в ходе которого осуществляется культурная трансмиссия²⁴². В 1950–1960-е гг. процесс телевизионной культурной трансмиссии резко усилился и охватил многие регионы планеты. Благодаря культурной трансмиссии массовая культура, созданная на телестудиях, распространяется по всему миру, и все жители Земли превращаются в общемировую телеаудиторию.

А примерно в середине 1970-х гг. телевидение вступило в новый этап своего развития – в эпоху «телеизобилия», которая характеризуется внедрением спутникового и кабельного телевидения, дробление телеаудитории «по интересам» и индивидуализацией зрительского набора²⁴³.

В это время телевидение стало активно использовать новые технические достижения. Так, в 1965 г. на орбиту Земли был выве-

²⁴⁰ Шеляпин Н.В. Основные тенденции формирования эстетических установок современного телевидения // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004. С. 241–252.

²⁴¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 15.

²⁴² Томпсон Д. Идеология и современная культура. Критическая социальная теория в эру массовой коммуникации. М., 1992. С. 7.

²⁴³ Кольцова Е. Массовая коммуникация и коммуникативное действие // Социологический журнал. М., 1999. № 1–2. С. 77–86.

ден американский спутник «Эрли берд» для осуществления международной телесвязи. Эта дата явилась началом эпохи спутниковой связи, ставшей глобальной «четвертой системой передачи информации» после телеграфа, телефона и радио²⁴⁴.

Видеоманитофоны способствовали «одомашниванию» телеискусства – теперь телепродукция стала частью домашнего обихода практически любого жителя.

Дальнейшая глобализация телеиндустрии была обусловлена следующими характерными чертами: экспортом телепродукции и развертыванием нового поколения технологий, обеспечивающих ее транснациональный поток.

Как подчеркивал немецкий социолог Ю. Хабермас, техника в современном мире является и культурой, и идеологией. Техника представляется современному человеку в виде идеи (особенности восприятия технического достижения с точки зрения его образа, смысла и целей, оказывающих серьезное воздействие на сознание и внутренний мир людей²⁴⁵). С точки зрения другого немецкого социолога П. Козловски, техника оказывает гораздо большее воздействие на человека нашего времени, чем искусство, религия, идеология или вся традиционная культура²⁴⁶.

К. Поппер, философ и поборник либерализма, как-то рассказал о споре, возникшем у него с одним важным руководителем немецкого телевидения, отстаивавшего «ужасные тезисы», среди которых следующий: «Мы должны дать людям то, чего они хотят». Поппер с возмущением замечает: «Как будто можно узнать, чего они хотят, из статистики популярности телепередач. Это только данные о предпочтении, оказанном тому или другому из предложенных товаров». Впоследствии он назвал этот спор «невероятным», поскольку собеседник был убежден, что «его тезисы подкреплялись принципами демократии».

На самом деле в этом нет ничего невероятного, поскольку именно подобные тезисы доминируют сейчас в журналистике и не только в ней. Но, говоря словами Поппера, «ничто в демократии не оправдывает теории этого телевизионного руководителя, согласно которой создание худших с воспитательной точки зрения программ

²⁴⁴ Голядкин Н.А. Краткий очерк становления и развития отечественного и зарубежного телевидения. М., 1996. С. 41.

²⁴⁵ Habermas J. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt-a.-M., 1974. P. 90.

²⁴⁶ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 230.

соответствует критериям демократии, по принципу “люди этого хотят”»²⁴⁷. «Демократия не может существовать, если она не возьмет под контроль телевидение»²⁴⁸.

Утверждают, что в сфере телевидения работает только «рынок», рыночная экономика, свободный рынок, рынок идей. Однако повсюду в мире правительства посредством субсидий, антитрестовского законодательства и установления государственной монополии распоряжаются условиями, в которых производится продукция СМИ. Через цензуру, относительно мягкую или довольно жесткую, правительство влияет на слово и изобразительный ряд. Исторические модели регулирования определяют методы доставки текста аудитории, включая как оформление программ, так и зрительский выбор²⁴⁹.

Соединенные Штаты и другие страны экспортируют не только свои телевизионные программы, но, в качестве необходимого приложения, и собственную идеологию. Об этой борьбе за души людей написано много статей и книг. В них подробно рассказано, как «Радио Свобода – Свободная Европа», «Голос Америки» и Би-би-си внесли определенную лепту в крушение неугодных режимов.

Многочисленные каналы ТВ становятся похожими на многочисленные ароматы жевательной резинки или модели автомобилей; они способны создать иллюзию выбора или подлинного разнообразия. Но их содержание может укрепить национальные идентичности или разрушить их. Их можно организовать для предоставления жизненно важных услуг для бедных и престарелых, а можно создать привилегированную систему доступа к информации и развлечениям, увеличивающую разрыв между бедными и богатыми.

Источники глобализации искусства (Современное американское и европейское искусство)

На протяжении 1980-х гг. и после них политика финансирования Национального фонда искусств США оставалась одной из главных тем дискуссий о роли права и государства в контролировании художественных процессов²⁵⁰.

²⁴⁷ Цит. по: «Телевидение – плохой учитель», серия Reset, Милан, 1996. С. 36.

²⁴⁸ Там же. С. 45.

²⁴⁹ *Monroe E. Price. Television, the Public Sphere and National Identity. Oxford: Clarendon Press, 1995.*

²⁵⁰ См.: *Bolton R. (ed.), Culture Wars: Documents from the Recent Controversies in the Arts. N.Y.: The New Press, 1992.*

Эти дискуссии вызывались обвинениями в непристойности или показом предметов, шокирующих сознание людей либо на местах, либо в масштабах всей страны. Один из поставленных вопросов звучал следующим образом: можно ли помешать Фонду финансировать «непристойные» материалы? После отчета комиссии, созданной под руководством бывшего конгрессмена Дж. Брейдмаса, власть Фонда была ограничена общим предписанием, призывающим к соблюдению принципов всеобщей благопристойности.

Но в начале 1990-х гг. Конгресс США прямо потребовал, чтобы высшие должностные лица Национального фонда искусств не просто утверждали решения наблюдательных комиссий, а несли за них персональную ответственность. (Наблюдательные комиссии старейшин принимают решения о том, кому быть получателями субсидий в области искусства.) Это решение было вызвано целым рядом обстоятельств: произошли громкие сражения из-за погруженного в мочу Распятая, каталога выставки, критикующей римско-католическую церковь, или художницы, измазавшей свое обнаженное тело шоколадом²⁵¹.

Еще в 1983 г. «Колледж Мэри Вашингтон» в Вирджинии допустил на выставку работ выпускников произведение Мэри Кейт Кэррол «Американская свобода вверх дном», выполненное с использованием нескольких видов художественной техники, содержащее «подлинные останки (в формальдегиде) человеческого выдыха – помещенного в банку крошечного зеленоватого утробного плода с хорошо сформировавшимися руками, ногами и головой»²⁵². Правда, еще до открытия выставки колледж попросил госпожу Кэррол убрать его из-за полученных или ожидаемых жалоб.

Когда-то можно было несколькими меткими фразами дать общую характеристику современным направлениям в американском искусстве. Иногда его характеризовали как «абстрактная, эпатажная живопись», иногда – «возврат к форме, орнаментации или аллегорическому изображению».

В настоящее время гораздо труднее точно определить основное направление развития художественной культуры. Дело в том, что изменилось не только само американское искусство, но изме-

²⁵¹ *Monroe E. Price. Television, the Public Sphere and National Identity. Oxford: Clarendon Press, 1995.*

²⁵² *Hentoff Nat. Free for Me –But Not for Thee: How the American Left and Right Relentlessly Censor Each Other. N.Y.: HarperCollins, 1992.*

нился и мир. Тем не менее очевиден ряд определенных тенденций, характерных для американского искусства сегодняшнего дня. Есть множество примеров такого изменения.

Однако прежде всего следует внимательнее подойти к самому понятию «американское искусство». Некогда незыблемым постулатом модернистского искусствоведения была убежденность в том, что существует такое явление, как «американский стиль» в живописи или скульптуре, который указывает на наличие некоей сугубо «американской» характерной особенности.

Однако в настоящее время понятие «американское искусство» отнюдь не ограничивается географическими рамками, национальным происхождением или точкой зрения. Вместо этого сочетание таких факторов, как глобализация рынков, легкость международного общения и кочевой образ жизни художников, которые часто переезжают из одной страны в другую, внесло свой вклад в искусство, размыв четкие представления о национальной принадлежности в этом мире. Для художников стало обычной практикой называть местом своего проживания сразу несколько стран и объявлять себя «американцем иностранного происхождения». Например, состоялась выставка, на которой были представлены художники самых разных стран – один приехал с Кубы, другой – из Нигерии, третий – из Китая. Однако оказалось, что все трое проживают в Нью-Йорке.

Подобная подвижность является важным элементом для характеристики сегодняшнего американского искусства. В сведении «на нет» границ между народами, по крайней мере, в области искусства находит отражение исчезновение и всевозможных иных границ. Американские художники сейчас, по образному выражению искусствоведа Э. Хартни, «прыгают» по всему земному шару, словно играют в «классики», они при создании своих произведений еще и безо всяких усилий «перескакивают» с одного технического средства на другое, «одновременно используя не только традиционные материалы, но и цифровую технологию, театральную инсталляцию, фотографии, перформанс, музыку, кинофильмы и видео»²⁵³.

Так, например, одним из самых знаменитых представителей мира искусства на сегодняшний день является М. Барни – одновременно художник и кинематографист, творчество которого стало

²⁵³ Хартни Э. Визуальные формы искусства: стирание границ. [Электронный ресурс] URL //usinfo.state.gov/journals/itsv/0403/ijsr/heartney.htm

темой одной из крупнейших ретроспективных выставок в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке. Барни соединяет в себе кинематографиста и художника-инсталлятора, несмотря на то, что его инсталляции в основном состоят из декораций, взятых со съемочных площадок его собственных фильмов. Его самое крупное и «выдающееся» произведение представляет собой состоящий из пяти частей семичасовой фильм под названием «Кремастер». Каждая его часть по длине и визуальной отделке напоминает художественный фильм, в котором содержится лишь 12 строк диалога, а сам фильм напичкан диковинными персонажами и существами: есть там и женщина-гепард, и отбивающий чечетку танцор-сатир, и играющий на волынке шотландец, и воссозданный образ Гарри Гудини, и печальная королева. Упомянутые пять частей затрагивают все – от танцевальных номеров в Голливуде тридцатых годов прошлого столетия до убийцы и масонского ритуала посвящения. Киноповествование отличается крайней двусмысленностью, и критики расходятся в его толковании. Нечто подобное происходит и в соединении изобразительного искусства с архитектурой, что имеет место в творчестве Элизабет Диллер и Рикардо Скофидио.

Все подобные художники придают новое звучание давней мечте авангардистов о стирании грани между искусством и жизнью. Выходя далеко за пределы понятия «поп-арта» (когда кусок сварной стали бросают посреди городской площади), многие художники, работающие сегодня в области общедоступного искусства, стараются превратить жителей того района, в котором появляются произведения этих художников, в активных участников своего творчества. Это также может привести к реализации художественных проектов, весьма мало напоминающих произведения искусства.

Вот коробка из-под воздушной кукурузы, горстка зубочисток, стиральный порошок, кусочки сахара. И это – только некоторые из материалов, которые использует при создании «произведений искусства» художник и скульптор Том Фридман. Его «творения» берут свое начало в школе поп-арта Энди Уорхола и в минимализме. Применяя уже использованную жевательную резинку, цветные пенопластовые стаканчики, бумажные соломинки и другие обычные вещи в качестве своих материалов, 37-летний Фридман стал «звездой», пользующейся популярностью в Соединенных Штатах и за рубежом²⁵⁴.

²⁵⁴ *Хартни Э.* Визуальные формы искусства: стирание границ. [Электронный ресурс] URL //usinfo.state.gov/journals/itsv/0403/ijsr/heartney.htm

В 1995 г. Фридман закончил произведение, которое он назвал «созвездием или снежинкой». «Художник» склеивал в определенном порядке один десяток зубочисток за другим. Целый ряд поставленных друг на друга пенопластовых шариков, утверждает он, вызывает ощущение погружения в новую, чуждую вам форму. А таблетке аспирина можно придать контуры камеи с автопортретом. Его первые персональные выставки были организованы в 1991 г. в Чикаго и Нью-Йорке. Произведения Фридмана выставляются в музеях Женевы, Лондона, Стокгольма, Рима, Токио и Милана, а также в различных городах Соединенных Штатов.

Одним из наиболее оригинальных художников США является Мэттью Ритчи. Применяя своего рода интерактивную игровую технологию Интернета, Ритчи придумал «семерых небожителей с некоторыми повреждениями», которые представляют различные части человеческого мозга. Сброшенные с небес, они падают на Землю и разбиваются на сегменты на территории семи континентов. Эти фрагментарные существа соединяются вместе и постоянно образуют новые сочетания, создавая тем самым почти бесконечную совокупность гипотетических сюжетов, с которыми могут знакомиться пользователи Всемирной компьютерной сети.

А для тех, кто предпочитает, чтобы искусство хотя бы одной ногой стояло в «реальном» мире, Ритчи переводит свои повествования в абстрактные живописные полотна, которые размещаются на стенах, потолках и полах галерей. Одна из таких картин была в качестве постоянной стенной росписи установлена в Массачусетском технологическом институте в Бостоне. Повествования Ритчи абсолютно не поддаются пониманию.

Популярны и работы родившейся в Пакистане и базирующейся в Нью-Йорке художницы Сахазии Сикандер. Она создала цифровую «картину», в которой изображенные на поверхности небольшого проекционного фонаря фрагментарные образы, тексты и символы, почерпнутые из азиатских и западных художественных традиций, медленно исчезают и появляются вновь. Этот процесс позволяет ей «создать наглядный образ постоянно и быстро меняющегося характера личности, образ, который так близок, пережит и понят на собственном опыте художниками-эмигрантами в современном, подверженном процессу глобализации мире искусства»²⁵⁵.

²⁵⁵ *Хартни Э.* Визуальные формы искусства: стирание границ. [Электронный ресурс] URL //usinfo.state.gov/journals/itsv/0403/ijsr/heartney.htm

Уолтон Форд демонстрирует серию картин, выставленных в «Пол Казмин галери» в Нью-Йорке. На одной из них изображена обезьяна, держащая в лапе страницы и одновременно курящая кальян. На другой картине изображен гигантский скворец, готовящийся проглотить более мелкую птицу.

Джон Керрин намеренно допускает искажения тела или черт лица и заставляет своих персонажей смотреть вялым, безразличным взглядом, который напоминает выражение лица современных манекенщиц.

Как полагает исследователь, «многоголосье европейского искусства утрачивается по мере исчезновения многонационального контекста. Ранее состоящая из множества различных политических и культурных реальностей, Европа ныне движется (а скорее практически пришла) к созданию одной политической, идеологической, а соответственно и культурной реальности. Поскольку реальность эта имеет под собой исключительную постмодерную почву – демократию, то есть повод говорить о перевоплощении Европы во вторые Соединенные Штаты. Соответственно, на культурной карте происходят масштабные трансформации. Европа теряет свою альтернативность американской идеологии искусства и становится псевдоальтернативой. Системой, поглощенной другой Системой. Таким образом, Европа как культурная личность прекращает свое существование. Противостояние двух культурных систем становится фиктивным, ибо отныне Европа невольно перенимает у США политическую и экономическую модель развития общества, а соответственно, должна переставить свой культурный поезд на чужие рельсы»²⁵⁶.

Контекст национальных особенностей европейского искусства становится скорее инструментом игры с художественным языком, нежели инструментом создания исторически обоснованной идеологии искусства настоящего.

Если ранее мы имели польского, чешского, венгерского, французского художника, то теперь имеем художника европейского, который в той или иной мере может стилизовать свое искусство под определенный национальный контекст, но все же не являться его частью. Стилизация не равна соответствию. Это скорее имитация. Многоголосье и разность культурных систем и семейств заменяется существованием одной культурной системы, одной семьи, где

²⁵⁶ Ульянов А. Глобализация искусства. [Электронный ресурс] URL //www.proza.com.ua/culture/globalizatsija_iskusstva_postmod.shtml.

каждый член имеет свое имя, но все же принадлежит единой неизменной идеологии.

Это является убедительным свидетельством того, что европейская и американская идеологии уже срослись и отныне движутся по единому «постмодерному» пути. Многоголосья в этих двух системах больше не существует. Ценности европейской культуры – уникальность и индивидуализм – сменяются американской ментальностью: «самоутверждение личности зиждется на экзистенциальном комфорте, рождаемом из самоотождествления и адаптации к стандартизированному укладу жизни». Категория «человек, вовлекающийся в искусство» заменяется категорией «человек, потребляющий искусство».

Наиболее явно это выражено в экспериментальной электронной музыке. Один из маститых теоретиков современной музыки М. Попп предвещал, что самым прогрессивным витком в развитии музыкального искусства станет компьютерная программа. Слушатель вставляет в проигрыватель любой диск, а программа путем постоянных заиканий, скачков, сбивок и зацикливаний на произвольных кусках трека выдает ни на что не похожую мешанину из звуков. Под флагом элитарного и дорогого искусства это будет выброшено на рынок и куплено теми, кто под давлением экономики и моды захочет быть вовлечен в новое непонятное, но очень престижное искусство. Поскольку такое постмодерное искусство существует в постоянной зависимости от рынка, то и надобность преодоления абсурда исчезает, ведь товар продается, а соответственно и оценка присущего этому искусству качества является удовлетворительной для творца, отныне избавленного от поиска кардинально новых подходов.

Понимание искусства как товара, как тиражируемого продукта является трагедией для культуры, ибо творчество растворяется. Вместо этого присутствуют повторяющиеся попытки фиксации материального настоящего с целью его тиражирования. Европа уже участвует в этой игре.

В силу того, что постмодернизм является состоянием современной цивилизованной реальности, то говорить о различии американской и европейской идеологий искусства больше не представляется возможным. Ведь являясь частью «постмодерной» действительности, эти две системы работают по законам единой доктрины. Рыночная, производственная, материальная, внеисторическая сущность этой доктрины носит характер кризиса. Евро-

пейское искусство, утратившее многонациональный контекст, обречено на растворение в американской культурной реальности. Эта модель развития предложена сейчас и российскому искусству.

Космополитизм в искусстве

Среди немалого числа понятий, призванных выразить по существу одно и то же явление, один и тот же императив – стремление преодолеть национальные, государственные рамки или, точнее, раздвинуть их до пределов всего земного шара, термины «космополиты», «космополитизм» обладают своей весьма отчетливой спецификой, связанной с присутствующим в них оттенком «индивидуализма»²⁵⁷. Проще говоря, «космополитами» называют людей, готовых свободно менять места своего проживания и работы, не укорененных «в почве» не имеющих и не знающих того Отечества, которое, по крылатому выражению Жорж-Жака Дантона, нельзя было бы унести на подошвах своих сапог²⁵⁸.

Термин «космополит», как известно, был введен в историю политической мысли стоиками. А сама мысль о том, что человек принадлежит не только своему политическому сообществу – «полису» – но и «космосу», всему миру, законы которого выше условных законов «полиса», восходит еще к прямым предшественникам стоиков киникам.

Много лет назад в одной из советских газет были опубликованы фрагменты статьи «Как сделать мир лучше» сэра Иегуди Менухина (Великобритания). Уроженец Америки (его родители – выходцы из России), европеец по духу, познавший и полюбивший Восток, считал одной из главных угроз человечеству набирающий силу национализм – «это то, что может нас убить». Единственной гарантией подлинного и прочного мира, по его мнению, могло стать «мировое правительство». Кроме того, великий скрипач, музыкальный деятель, мыслитель предлагал объединить лучшие умы планеты в палату культур для решения всех тех проблем, с которыми сталкивается человечество²⁵⁹. Однако при жизни музыканта – «гражданина мира» (как его называли современники) – ни «мировое правительство», ни «палата культур» так и не были созданы,

²⁵⁷ *Межуев Б.* Сотворение космополиса. [Электронный ресурс] URL //www.politstudies.ru/universum/esse/10mej.htm

²⁵⁸ *Фридлянд Г.С.* Дантон. М., 1965.

²⁵⁹ *Иегуди М.* Странствия. М.: Колибри, 2008.

а все те проблемы, решением которых должны были заняться лучшие умы, приобрели глобальный характер.

Вообще среди деятелей культуры довольно много космополитов. Один из них – Мэтью Барли, британский виолончелист, композитор, основатель ансамбля «Between The Notes», получивший образование в Гилхолдской школе музыки и драмы и продолживший учебу в Московской консерватории. На вопрос корреспондента: «А как Вы относитесь к самому процессу глобализации – это новые возможности, плюсы и/или минусы?», композитор ответил так: «Для меня нет никаких негативных аспектов глобализации. Глобализация – это возможность соединения с общечеловеческими ценностями (где бы ты ни находился, в любой точке земного шара) на самом высоком уровне. Когда я вижу элементы национализма, то очень сильно огорчаюсь. Когда слышу: “Ах, эта Великая британская культура или, ах, Великая узбекская культура” и т.д., я все это не приемлю. Потому что воспринимаю мир так: на одном уровне – человеческая индивидуальность, личность, на другом – все человечество в целом... Мне бы очень хотелось увидеть, как человечество дорастет до понимания того, что существует некое общечеловеческое целое и есть индивидуумы, которые являются частью всего этого целого. И поэтому всевозможные разделения, которые происходят на уровне семьи, племени, национальностей, религий, стран, континентов являются искусственными, ведь реально существуют только индивидуальная и планетарная душа»²⁶⁰.

Космополиты есть и среди художников. Так, например, в Москве состоялась выставка «Русская абстракция во Франции середины XX века». Экспозиция знакомит с соотечественниками, которые в России почти не жили, а работали только во Франции. Уже первый день работы вернисажа показал, что Сергея Шаршуна, Андрея Ланского, Сергея Полякова и Николая де Сталя на исторической родине почти не знают. Этих художников объединяет лишь то, что они когда-то были русскими. Но ни у одного из них в живописи нет ровным счетом ничего, что бы указывало на какую-то принадлежность к России. Это абсолютно европейское искусство, оно пропитано духом Парижа середины XX в., и «все четверо – самые что ни на есть космополиты»²⁶¹.

²⁶⁰ Британский виолончелист Мэтью Барли: музыкант эпохи глобализации. Беседовала Нигора Хасанова. [Электронный ресурс] URL /www.ferghana.ru/article.php?id=4325

²⁶¹ *Галашина А.* Возвращение эмигрантов. Из Франции на смотрины привезли русскую абстракцию // Новые известия, 11.04.06.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобализация как экспансия известна с доисторических времен. Примерами западной экспансии, сопровождавшейся насаждением ценностей, уклада жизни и крахом целых цивилизаций наполнена вся история нашей эры: начиная от крестовых походов и далеко не заканчивая опиумными войнами в Китае или английской колонизацией Индии, и т.д. и т.п.

В действительности же результаты глобализации оказались гораздо скромнее, чем этого можно было бы ожидать.

Во-первых, в мире не сложилось единого социально-экономического строя. *Социализм сохранился* в ряде стран – Китае, Вьетнаме, на Кубе и др., причем высокие темпы развития этих стран в последние десятилетия приводят к восстановлению его мощи и влияния.

В развитых странах происходит эволюционная трансформация капитализма в какой-то новый социально-экономический строй, пока не получивший общепринятого названия (посткапиталистическое, постэкономическое, постиндустриальное и пр. общество). По ряду важнейших показателей этот строй уже сегодня существенно отличается от классического капитализма.

В развивающихся странах резко ускорилось развитие капитализма, но при этом капитализм здесь стал приобретать национальную окраску. «Национальность» капитализма проявляется в соотношении и методах взаимодействия социально-экономических укладов, роли государства в управлении экономическими и социальными процессами, степени воплощения религиозно-цивилизационных норм в национальном законодательстве и пр. В обстановке ослабления капиталистических импульсов, поступающих из развитых стран, это явление постепенно упорочивается.

Кроме того, в ряде *наименее развитых стран* капитализм все еще не смог утвердиться. В них господствует комбинация самых различных архаических отношений.

Иными словами, в мире ныне сосуществуют четыре группы стран, различающихся характером социально-экономического строя, что говорит о нарастании многовариантности развития.

Хотя с научно-техническим прогрессом и расширением коммуникаций произошло необычайно широкое распространение европейско-американской культуры по всему миру, однако во второй половине XX в. в развивающемся мире параллельно разворачивался и противоположный процесс – возрождение традиционных религиозно-культурно-цивилизационных ценностей.

С другой стороны, на протяжении второй половины XX в. в мире постепенно складывалась группа стран, которые из-за отсутствия ценных природных ресурсов, малой емкости внутреннего рынка, необычайно низкого уровня грамотности и квалификации рабочей силы оказались в стороне от процесса экономического развития.

Иными словами, ни по социально-экономической, ни по культурно-цивилизационной линии глобализация не смогла принести сближения между отдельными составляющими мировой системы. Поэтому шага вперед к формированию единой «общечеловеческой цивилизации» не получилось.

Поскольку глобализация ухудшила положение довольно значительного числа развивающихся стран, то в конце 1990-х гг., в них возникли антиглобалистские движения. В этом движении объединились самые разнородные группы – предприниматели развитых стран, связанных с внутренним рынком, профсоюзы, социалисты, анархисты, «зеленые», левые социал-демократы и др. Представляется, что добиться прекращения глобализации эти силы не смогут, так как в ее основе лежит международное разделение труда, которое неустранимо¹. Однако ее дальнейшее неконтролируемое развитие чревато серьезными проблемами.

Так, существует предположение, что в ближайшие двадцать лет человечество столкнется с такими потенциальными угрозами:

– Слишком быстрое развитие военных и информационных технологий. Наряду с уже существующей угрозой применения оружия массового поражения (которое сейчас оказывается в рас-

¹ Широков Г. Глобализация, (глобализм). – Энциклопедия «Кругосвет». – [Электронный ресурс] URL //www.krugosvet.ru/

поражении режимов, не контролируемых обществом), возникают совершенно новые опасности. Это так называемая «кибервойна» и возможные диверсии хакеров с непредсказуемыми последствиями. Это агрессия высокоразвитых в военном отношении стран против государств, правительства которых их почему-либо не устраивают, и ответный террор против этих стран (с чем мир уже столкнулся).

– Проблема политической, культурной и религиозной самоидентификации наций. Рост религиозного фундаментализма, этнонационализма, вульгарно понимаемого патриотизма и великодержавия. Все это на фоне отказа от универсальных ценностей прошлого в экономически наиболее развитых странах Европы и США. Об опасностях такого рода писал в книге «Война цивилизаций» Сэмюэль Хантингтон.

– Острая нехватка важнейших ресурсов (пища, вода, нефть, газ) в общемировом масштабе. С голодом удастся справиться лишь частично. Нефть неминуемо резко подорожает – ведь сегодня, как это ни странно, нефть стоит дешевле, чем чистая вода. К этому следует добавить крайне неблагоприятное воздействие экономики на экологию, для преодоления чего нужны колоссальные средства сразу многих государств и наднациональных монополий (а выделять они их будут с большой неохотой).

– Перемещение центров власти и влияния на планете. Здесь мы имеем дело с обостряющейся конкуренцией между США и Евросоюзом, с активизацией таких центров влияния в мусульманском мире, как Саудовская Аравия, Иран и Ирак и, наконец, с выходом на мировую политическую сцену в качестве одного из главных действующих лиц модернизированного Китая. К 2020 г. Китай (по своей экономической мощи) может обойти Японию и занять третье место в мире после США и Евросоюза.

– Все усиливающийся разрыв между богатыми и бедными странами. Финансовая нестабильность. Об этой проблеме здесь уже немало сказано. Хотелось бы отметить, что речь идет не только о возможных политических конфликтах, но и о мировых финансовых кризисах, предупреждать которые, как мы теперь знаем, современные банковские системы еще не научились.

– Демографический кризис. Опасен не только быстрый рост численности населения Земли, но и его неравномерность в разных цивилизациях, его непредсказуемость. Уже сегодня ясно, что и жесткий контроль рождаемости не всегда желателен – он может иметь и негативные последствия. В Китае, например, с 1985 г.

довольно широко используется ультразвук для убийства плода в утробе матери, что, очевидно, шокирует многих верующих и не только верующих людей. Опасно еще и другое: убивают китайцы ультразвуком в утробе преимущественно девочек. По данным социологов Хадсона и Ден Бозра, если эта практика сохранится, в 2020 г. в мире будет значительно больше молодых мужчин, чем молодых женщин. В том году в Китае и Индии 61 млн мужчин в возрасте от 15 до 34 лет останутся холостыми².

Перечисленные выше опасности, грозящие сегодня миру, настолько серьезны, что вполне актуальным оказывается вопрос: «Как же человечеству выжить в этих условиях?» Глобалисты предлагают свой вариант не просто выживания, а, в перспективе, комфортного существования для тех, кто попал в «золотой миллиард», и сносных условий жизни для всех остальных. Но – за счет нивелировки большинства культурных ценностей и традиций, исчезновения национальных государств либо их подчинения одной супердержаве и наднациональным корпорациям. Хозяином в таком мире будет рынок. Рыночные отношения охватят весь «вещный» мир и заявят претензии на мир духовный³.

Безусловно, на планетарные вызовы требуются и соответствующие ответы. Нельзя просто игнорировать процессы глобализации, с ними необходимо считаться. А для этого следует тщательно изучать их и отслеживать их возможные последствия.

² Новые угрозы международной безопасности. «Круглый стол», 27 октября 2002г. [Электронный ресурс] URL //www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-civil/crisis/reth_modernity/vchk-vin-civil-postsept_confer-27_10-1-full.html#axel

³ Малинкович В. Что несет нам глобализация? [Электронный ресурс] URL //www.igpi.ru/info/people/malink/malink-globaliz.html

Научное издание

*Константин Борисович
Соколов*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

История, современность
и искусство

Ответственная за выпуск *Н.М. Мышкова*

Редактор *Е.В. Степанян*

Оформление обложки: *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Н.А. Кондрашова*

Корректор *Г.А. Мецеракова*

Компьютерная верстка *Н.В. Мелковой*

Подписано в печать 20.11.2012

Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Усл.печ.л. 27,75. Уч.-изд.л. 28,0

Тип. зак.

Оригинал-макет подготовлен
в Государственном институте искусствознания
125009, Москва, Козицкий пер., д. 5